

ГРАНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНЮЮ
БРАНЬ

Данил Брюханов

18+

Данил Брюханов

Грань

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48826000

SelfPub; 2020

Аннотация

Что есть сон? Почему древние мыслители часто ставили знак равенства между сном и так называемой «явью»? А что, если все есть «явь»? А что, если все есть «сон»? Молодому нефтянику Эрику Линдгаарду выпадает шанс ответить на эти вопросы. Одна роковая ночь в его жизни становится первой костяшкой домино, что запускает процесс обрушения всей конструкции. Вот только на этот раз конструкция эта – запутанный клубок древних истин, забытых богов и цивилизаций, магии, других миров, наблюдаемых сквозь решетку в бетонном карцере своего собственного разума. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Книга 1	5
Глава 1	5
Глава 3	24
Глава 4	44
Глава 5	54
Глава 6	70
Глава 7	106
Глава 8	129
Глава 9	154
Глава 10	171
Книга 2	201
Глава 11	201
Глава 12	208
Глава 13	223
Глава 14	261
Глава 15	280
Глава 16	310
Глава 17	336
Глава 18	367
Глава 19	392
Глава 20	422
Глава 21	456
Глава 22	504

Книга 1

Глава 1

Вот уже несколько лет как между ними все было ровно и гладко: никаких пикировок, оскорблений, дружеские рукопожатия и похлопывания друг друга по плечу. Общение легкое, ненапряженное и ни к чему особо не обязывающее. Двое коллег, не более того. Однако так было не всегда. Чтобы прийти к нынешнему положению вещей, двум этим людям пришлось пройти через многие трудности. Конечно, прошлое накладывает отпечаток. Всегда разный и с разной глубиной следа, оставленного в памяти. Некоторые вещи ты практически не помнишь, в то время как другие все еще стоят перед мысленным взором, не теряя своих форм и четкости. И именно такие воспоминания ты проносишь через всю жизнь, порой чувствуя их отголосками и эхом старой, но такой осязаемой боли. Да, к сожалению, так уж устроен человек. Негатив и боль оставляют в его сердце и голове самые глубокие следы. Точно так же чувствовал себя и тот самый человек, история которого будет рассказана далее. В глубине его памяти сохранились воспоминания о прошлом: о проявленном неуважении и презрении, о каждодневном напряжении и обо всем том, что в наши дни принято называть пси-

хологическим террором.

И был другой человек. Тот, который, как нетрудно догадаться, был причиной боли для первого. Об этом другом человеке, о его искреннем отношении к первому доподлинно ничего не известно. Было ли оно по-настоящему негативное? Может, это была та самая настоящая ненависть? Глубинное, животное неприятие, когда все твое существо поднимается против кого-то из самых темных и первобытных уголков души? Или же это были обычные дружеские подколы, которые почему-то не понимал и на которые обижался тот, в чью сторону они были адресованы? Никто не знал. С уверенностью можно было сказать лишь то, что этот второй всегда был заводилой конфликтов, выступал с позиции хищника, никогда не извинялся и не шел на примирение. Именно он и был тем самым подлецом, который есть в жизни абсолютно каждого человека на любом жизненном этапе. Тот самый, о ком в свое время пела группа «Уматурман» в одной из своих песен: «Всегда найдется проблема, которую бывает сложно решить. Всегда найдется какой-нибудь подлец, который будет мешать тебе жить».

Первого звали Эрик, а второго – Эмиль. Несколькими годами позже, когда эти двое парней повзрослели, они, естественно, переросли эту глупую, никому не нужную конфронтацию. Так часто бывает с неглупыми людьми, что вынуждены работать вместе. Их отношения эволюционировали, перестроились под обстоятельства и, можно сказать, встали им

обоим на службу. Теперь, много лет спустя, отношения их можно было бы даже назвать дружескими. По крайней мере, для стороннего наблюдателя да и вообще для любого человека это выглядело именно так. Но у одного из них точно, а может, и у обоих, осадочек, что называется, остался.

Не поймите неправильно: Эмиль никогда не обращался с Эриком как с грушей для психологического битья. Да, он всегда хотел и пытался в прошлом; но Эрик всеми силами не допускал к себе такого отношения. Он всегда старался отвечать так смело и дерзко, как только мог, но в то же время без излишней злобы, и никогда не переходить ту грань, за которой кончаются коллеги и начинаются реальные враги. А соблюдение такого баланса – весьма тонкая материя, и требуется очень много душевных сил человека, чтобы не порвать ее трепещущее полотно.

Эрик тогда работал в Иркутске в московском филиале компании, производящей нефтегазовое оборудование. Все началось с того, когда ему в помощь был направлен Эмиль вместе с назначенным на должность руководителя филиала Петром Семеновичем Кропоткиным. Руководство компании не стало доверять молодому, пусть и перспективному Эрику должность директора. После прибытия Петра Семеновича он должен был сосредоточиться на приемке оборудования, его размещении на складах и координации поставок этого оборудования на объекты работ заказчика – нефтяной компании, которая была, по сути, монополистом в регионе.

Эмиль же был отправлен на помощь Эрику разбираться со всей этой логистикой. Здесь надо сразу оговориться и заметить, что Эмиль и Эрик были знакомы с университета, учились параллельно, мало-мальски друг друга знали, здоровались за руку и могли перемолвиться парой словечек в коридоре во время ожидания пар. Друзьями не были даже близко и вообще особой потребности в общении друг с другом не испытывали. Однако же, как это часто бывает, провидение или судьба, называйте как нравится, решила, что этим двоим стоит познакомиться гораздо ближе.

Первые искры их конфликта не заставили долго себя ждать и были высечены уже на следующее утро после приезда Эмиля и Петра Семеновича. Случилось это после утреннего селектора в небольшой комнатке на втором этаже склада, которая служила маленькому филиалу офисом. Эрик что-то искал в своем шкафчике, когда зашел Эмиль. Эрик повернулся на звук открывшейся двери, убрал рукой прядь русых, можно сказать, серых, почти доходящих до плеч волос со лба, улыбнулся и протянул руку вошедшему коллеге.

– Здорово, бродяга, – сказал Эрик, протягивая руку, чтобы поздороваться. – Как тебе в нашем мегаполисе?

Эмиль закрыл дверь, остановился, уставившись на Эрика. Затем протянул руку и пожал несильно и вяло, как некоторые из людей жмут руку тем, к кому не чувствуют особой симпатии.

– Здоровы твои патлы, это точно. Ты че такой волоса-

тый? – ответил он с противной ухмылкой.

– Отличное начало разговора... Не помню, чтобы нанимал стилиста, – парировал Эрик.

– Выглядишь как баба, – заключил Эмиль, после чего прошел к своему столу, сел на стул и уставился в монитор компьютера.

«По ходу, веселый предстоит месяц», – подумал Эрик и продолжил ковыряться в своем локере. Такое начало общения выбило его из колеи, и он несколько секунд тупо перебирал вещи в ящичке, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли.

Буквально минуту спустя в кабинет вошел Петр Семенович, прошел к своему столу напротив двери возле окна, сел на стул, достал из футляра очки в тонкой металлической оправе, включил компьютер, открыл почту и через какое-то время произнес:

– Эрик, партия оборудования под Вакунайку 7-й куст подготовлена к отправке?

– Вакунайка 7-й куст?.. – озадаченно спросил Эрик. – Но ведь вопрос о том, работаем ли мы на этом месторождении, еще вчера был открыт и наши перспективы там были более чем туманные, кроме того, Москва вообще сказала, что...

– Значит, так, – оборвал его Кропоткин, – у меня тут письмо от шефа, в нем он сообщает, что вопрос с Вакунайским месторождением утрясли и подряд там выполняем мы, соответственно, оборудование там по-хорошему должно было быть еще вчера. Поэтому бери Эмиля, дуйте на склад, и что-

бы до обеда партия была готова к отправке.

– Петр Семенович, но готового комплекта оборудования туда нет, плюс я уже собрал системы на другие объекты, – ответил Эрик.

– Ну, вот поэтому, орлы мои, вас теперь и двое! Значит, ноги в руки, на склад – и рожаете мне коллегиально систему на Вакунайское-7. Повторять это я больше не хочу. С почты распечатаете план работ, и согласно ему скомплектуете с Эмилем систему, все, вперед!

– Ну что, Рапунцель, по ходу, есть чем заняться, – весело сказал Эмиль. – Не забудь резиночку, а то еще зацепишься за что-нибудь по пути, еще скальп сам себе снимешь.

– Смотри сам не зацепись за что-нибудь и не поразбивай себе свои ослепительные зубы, а то ухмыляться будет нечем, – только и смог придумать в ответ Эрик, слегка охрепевший от такой наглости.

– Бегом на склад, камеди клаб херов, пререкаться там можете хоть до усрачки, главное, систему мне соберите! – поторопил парней Кропоткин.

37 шуток про длинноволосых парней спустя нашим героям все-таки удалось собрать комплект для работ на новом месторождении. После того как Эрик дал финальные указания рабочим на складе, ребята отправились в столовую. По пути туда молодым людям даже удалось нормально пообщаться. Возможно, частично потому, что остроумие Эмиля

показало свое дно, возможно, из-за врожденного благоразумия и в целом спокойного и незлобного характера Эрика. Так или иначе, но до столовой парням удалось дойти без единой остроты или подкола в адрес друг друга. Напротив, их беседа получалась довольно чинной и состоятельной. Эмиль рассказал Эрику о своей жизни после окончания университета. Жизнь эта ничем примечательным, кроме службы в армии, отмечена не была, и после этой службы Эмиль устроился в буровую компанию постигать ремесло с самых низов. Эрик в свою очередь поведал, что ему повезло немного больше и сразу после окончания университета он устроился в компанию, где и работал некоторое время на должности младшего офисного работника, и уже приблизительно через 2 года прилежной работы ему была оказана честь поднимать с нуля новый сибирский филиал компании. Эмиль же неплохо проявил себя в поле и с хорошими рекомендациями не так давно устроился в тот же филиал как еще один перспективный молодой специалист. Кроме того, Петр Семенович разглядел в нем что-то и взял с собой помогать Эрику, устроив на неплохую должность.

Всю дорогу до столовой и после, во время обеда, Эмиль вел себя вполне сносно и дружелюбно по отношению к Эрику, особенно на контрасте с его утренним поведением. Эрик же никак не мог найти объяснение этому феномену: почему, казалось бы, адекватные и неплохие при ближайшем рассмотрении люди порой, а то и довольно часто ведут себя как

последние мудаки, постоянно ища самовыражение через попытки унижить других? В своих умозаключениях Эрик связал это с армейским прошлым Эмиля, тем более ни для кого не секрет, что доблестная российская армия нередко может буквально выворачивать характер неокрепших молодых людей наизнанку, меняя их самым немыслимым образом, порой до неузнаваемости, разворачивая вектор развития той или иной личности на 180 градусов. Конечно же, Эрик отдавал себе отчет в том, что и до этого особо не знал Эмиля, а уж после двухлетнего перерыва, тем более на службу в армии, им во многом предстояло знакомиться заново.

Работа в новом филиале шла успешно. Ребята справлялись с координацией работы склада и поставками оборудования весьма неплохо, несмотря на частые издевки со стороны Эмиля. Эрик, напротив, все не оставлял попыток выстроить общение так, чтобы этого эмоционального террора было как можно меньше. Петр Семенович смог наладить отношения с заказчиком настолько умно и филигранно, что почти все объемы в регионе доставались филиалу. Московский головной офис не мог нарадоваться на стабильные прибыли нового ответвления.

Конечно, как это часто бывает в жизни, урегулирование отношений в паре ложится в основном на плечи кого-то одного. В нашей паре Эрик – Эмиль роль миротворца и мирного увещателя невольно взял на себя первый. Сам Эрик оправдывал это тем, что другого выхода просто не существо-

вало! Ведь, по мнению самого Эрика, более мудрым и уравновешенным в их тандеме был именно он. Часто Эрик беззлобно отшучивался или же вовсе отмалчивался в ответ на выпады своего коллеги. Однако такая миротворческая деятельность никогда не проходит бесследно для жертвы. Если, конечно, ты не Ганди или принц Гаутама, впоследствии ставший Буддой. Постепенно Эрик накапливал в душе груз обид, проглоченных издевок и мелких, почти пустяковых, но все-таки оскорблений. Очень часто вне работы Эрик невольно вспоминал и суммировал все эти мелкие и не очень подначки, ровными плотными слоями складывая их в глубине своей души. Так он постепенно формировал у себя в сознании неизгладимый и темный отпечаток – свой взгляд на Эмиля.

Один случай запомнился Эрику особенно ярко. Это было в середине первого месяца их совместной работы в филиале. Груз мелких обид в его душе уже ощущался довольно весомой тяжестью, и чтобы облегчить этот груз и вообще вздохнуть наконец свободно, как и привык дышать Эрик, он решил ответить Эмилю так резко и с такой возможной дерзостью, на которую только и был способен.

Случилось это во время приемки новой поставки оборудования с завода. Парни разбили перечень на две части и, неторопливо проходя между стройными рядами ящиков, проставляли галочки в списке оборудования на планшетах.

– Эй, Уильям Волос! Не могу сосчитать нижние сборки под манжетный цементаж. В фактуре 55, у меня только 40.

Пораскинъ кудрями, возможно, у тебя где завалилось, – в своей, в общем-то, привычной манере обратился к Эрику Эмиль.

Ну и что тут такого, спросите вы? Обычное обращение одного товарища к другому. Шуточное и ни к чему в принципе не обязывающее. И здесь с вами тяжело было бы поспорить. Однако для Эрика, выслушивающего подобные реплики изо дня в день с небольшими перерывами, это обращение послужило сигналом к действию.

– А ты перестань считать овец, которых выебал, может, и сосчитаешь все ящики, – грозно и резко парировал Эрик.

Эмиль был кавказцем, и поэтому Эрик с высоты своих 27 лет счел такой ответ наиболее бьющим в цель. Эмиль отложил свой планшет и сказал:

– А ну, волосатый, повтори, че это ты только что пизданул?! – теперь уже серьезно, без всякой ухмылки спросил он.

– Че слышал, чурка, – Эрик решил не останавливаться на полдороги.

Эмиль в мгновение ока перемахнул через пару ящиков и почти бегом направился в сторону Эрика. Тот же лишь медленно поднялся с корточек на ноги, развернувшись в сторону метавшего молнии из черных глаз Эмиля, быстро сокращавшего дистанцию. Эмиль быстрым шагом подошел вплотную к Эрику, разделяло их теперь всего несколько сантиметров. Несмотря на то что Эмиль был ниже Эрика почти на голову, он, продолжая сверкать черным огнем глаз, в упор посмот-

рел на более высокого оппонента и произнес с непритворной яростью:

– Ты че, сука, ну-ка повтори, кто здесь чурка?

От такого напора и неожиданности сфинктер Эрика стал предательски сокращаться и откуда-то в коленях появилась дрожь. Мгновения они просто смотрели друг на друга. Эрик чувствовал гулкие удары сердца, эхом отдающиеся где-то в ушах. Сиюминутным желанием Эрика было резко оттолкнуть Эмиля в грудь и начать драку, он понимал, что сильнее и габаритней его и эту драку, скорей всего, выиграет, тем более он также имел за плечами хоть и небольшое, но все-таки боксерское прошлое. Плюс он терпеть не мог, когда люди подходят слишком близко. Однако же он также понимал, что на складе полно людей и кто-то из них, возможно, с самого начала следит за их перепалкой и с азартом ждет, чем же закончится конфликт. Поэтому Эрик не хотел провоцировать или, чего доброго, начинать драку, так как ничем хорошим для его карьеры она закончиться не могла. Взвесив все за и против, он спокойно, не сходя с места, сконцентрировав все доступное ему самообладание, как можно спокойнее сказал:

– Чурка? Ну, очевидно, не я.

– Я – чурка? – агрессивно спросил Эмиль, не унимая горящий в глазах огонь. – Ну-ка обоснуй почему?

– С чего бы мне тебе чего-то обосновывать, собственно? – сказал Эрик. – Ты оскорбил меня, я тебя в ответ. И вообще, ты прилично достал меня за эти две недели!

– Я говорил и говорю только то, что ты волосатый, потому что ты ВОЛОСАТЫЙ, придурок.

– Насрать! Меня это достало, и я не потерплю больше подобного обращения. Мои волосы – мое дело. Это гражданка, а не твоя дебильная армия, здесь люди могут ходить как хотят.

Эрик, кстати говоря, в армии не был.

– Короче, назовешь меня чуркой еще раз – все ебало разобью, – попытался оставить последнее слово за собой Эмиль.

– Будешь вести себя как чурка, не ссы – назову.

Тут Эрик собрался наконец со своими привычными трезвыми мысли, адреналин схлынул, и он продолжал:

– Чурка, если что, это НЕ про национальность. Это про поведение, не считаешь? Не веди себя как чурка – и никто тебя так не назовет. И вообще, нам еще ящички считать, какого ты вообще подлетел-то сюда, гордый АРЁЛЬ? – попытался в привычной манере разрядить обстановку Эрик и улыбнулся.

– Ну-ну, – буркнул Эмиль, возвращаясь к своим оставленным ящичкам. – Ты меня слышал...

Парни возобновили подсчет, изредка переговариваясь лишь по делу. Остаток дня прошел сравнительно спокойно.

Глава

2

Иркутский филиал, в котором трудились наши герои, по прошествии двух месяцев обеими ногами встал на твердую

почву экономического роста. Петр Семенович остался работать в должности регионального директора. Эрик был отправлен в Томск заниматься привычным для себя делом – в качестве первопроходца новых рынков по добычи сырья. К счастью, наша страна настолько огромна, что встретить нефть и газ в ее недрах представляется более возможным, чем не встретить их там. Эмиль же остался в Иркутске в качестве первого доверенного лица и помощника Петра Семеновича на официальной должности его заместителя. И вот уже полгода как наши герои не виделись.

После той памятной перепалки на складе отношения между парнями несколько облегчились для Эрика. И дело было вот в чем. Эмиль говорил на нескольких языках. На русском, на своем этнически родном – азербайджанском – и мог даже довольно неплохо изъясняться на английском. Но один язык был ему чуть ли не ближе родного. Этим языком был язык силы. И как только до него дошло, что Эрик способен изъясняться на этом языке так же сносно и доходчиво, как и он сам, отношения между парнями пошли на поправку. Нет, кавказец не оставил своей привычной манеры общения, ведь это являлось частью его натуры, однако же существенно снизил частоту и градус присущих ему шуток и подколов. По крайней мере, Эрик теперь мог с ним работать без дальнейшего разрушения своего душевного спокойствия. Без накапливания обид и роста степени неприязни к коллеге. И во многом благодаря этому дела у парней как у руководителей,

а следовательно, и у всего иркутского филиала быстро по-шли в гору.

Эрик после расставания с Эмилом занял должность заместителя директора по производству и развитию в томском отделении компании. Он наконец-то задышал полной грудью. Ведь теперь он принимал самое непосредственное участие в наборе сотрудников, чему и был несказанно рад. Эрик сам проводил собеседования и утверждал в команду только тех людей, которые были ему симпатичны. Естественно, он принимал в расчет профессиональные навыки кандидатов, но не ставил их на безоговорочное первое место, как подавляющее большинство руководителей его уровня. Ведь по натуре Эрик был из тех руководителей, что превыше всего ценят порядочность и характер человека. Эрик никогда не понимал и не был согласен с выражением: «Хороший парень – не профессия». «Хороший и умный парень, – думал он, – это настоящий дар, а профессии всегда можно обучиться, было бы желание». Плюс ко всему было очень приятно занимать столь высокий пост в таком молодом возрасте. Эрик стойче-ски пытался заглушить громкое пение медных труб у себя в голове, ибо твердо знал: нет ничего для личности более разрушительного и вредного, чем гордыня. Однако одновременно с этим ужасно гордился своей развитой не по годам мудростью, позволяющей это понимать.

На протяжении двух лет молодые люди работали в одной компании, успешно справляясь с возложенными на них обя-

занностями. Пару раз в год они пересекались на праздниках, обучениях, спартакиадах и на всем том, что любая уважающая себя компания устраивает для сотрудников, возвращая и укрепляя в них тот самый корпоративный дух. Все эти активности требовали подчас непомерных ресурсов, времени и сил, а нацелены были на то, чтобы работники прониклись друг к другу теплыми чувствами и стали настоящей командой. Это, разумеется, в идеале. Эрик же думал, что ключевую роль в сплочении любого коллектива играет количество совместно выпитого алкоголя. А все эти тимбилдинги, коучинги и прочие тренинги есть не что иное, как ширма, цель которой – цивилизованно прикрыть желание массовых скоплений офисного планктона к оскотиниванию и бесконтрольному спариванию вдали от жен и семей. Поэтому он смотрел на все эти проявления корпоративного зомбирования со здоровой иронией и цинизмом и благодарил всех богов, одаривших его той самой колоссальной мудростью, позволяющей это понять. Но, как и любой умный и проницательный человек, а также образцовый сотрудник, старательно играл свою роль в этом корпоративном мракобесии, когда то имело место. Станным было бы как раз обратное.

Когда между Эриком и Эмилем случались встречи на вышеописанных мероприятиях, то оба вели себя дружелюбно, цивилизованно и, можно сказать, даже чинно. Прошлые перепалки и подтрунивания друг над другом не повторялись и, более того, теперь вообще казались невыносимыми. Парни

всегда тепло приветствовали друг друга, обнимались, хлопали по плечам. Однако у Эрика при таких встречах всегда пробегал холодок по телу. Он ничего не забыл, и каждый раз, когда видел Эмиля, внутренне концентрировался, собираясь с силами и готовясь к новой возможной пикировке. Он не мог допустить даже малейшей насмешки или любого другого удара по своей репутации. Ведь если он покажет, что хоть кто-то может позволить по отношению к нему неуважительный тон, то и с уважением подчиненных на новом месте можно будет распрощаться. Поэтому Эрик всегда был настороже. Он даже заготовил себе набор остроумий и всегда при появлении Эмиля в поле зрения перебирал их в уме, подобно тому как герои боевиков заряжают свое оружие и проверяют другую амуницию перед жаркой заварушкой.

Как чувствовал себя Эмиль во время их встреч, мы с уверенностью сказать не можем, 85 % – что он относился к этому гораздо проще, а может, и вообще не помнил или не придавал значения их прошлым конфликтам. Во-первых, это было для него скорее естественное, а вовсе не стрессовое состояние. Во-вторых, потому что опять же 90 процентов всех конфликтов инициировал он сам. Да и вспомните себя: когда вы выступаете в роли агрессора, когда идете на конфликт и, что самое главное, когда жертва ваша уступает и не дает отпор, адекватный вашей агрессии, страдаете, конечно же, не вы. А кто страдает от всего этого, вам и дела особенно нет. Напротив, атакующий чувствует себя на коне. А как же

иначе! Ведь так и должно быть! Атака, напор и чувство доминирования как раз-таки и придают уверенности и ощущение превосходства над другими. Нельзя ведь представить себе гепарда, преследующего газель, хватающего ее острыми когтями, ломающего шейные позвонки мощной челюстью с острыми зубами, а потом терзаемого рефлексией по этому поводу. Таковы уж хищники, без этого им не выжить. Такими их создала природа, соблюдающая в своей непостижимой для человека мудрости баланс сил, без которого всем было бы в конечном итоге хуже. Вот и Эмиль, судя по всему, был тем самым хищником, которому, возможно, было не выжить без психологических атак на окружающих. Не выжить в первую очередь в психологическом плане. Ясное дело, на выживании его физической оболочки это вряд ли бы отразилось. Но симбиоз здорового тела и духа со времен древних римлян так никто и не отменял. Поэтому если на душе беспокойно и дух штормит на волнах эмоциональной нестабильности, то кому вообще нужно это здоровое тело? И не было бы рядом Эрика для реализации потребностей Эмиля в самовыражении за счет угнетения слабых, нашелся бы кто-нибудь другой. Кстати, наблюдения Эрика это наилучшим образом подтверждали. Эмиль всегда старался найти себе кого-то, цеплялся к нему и начинал осуществлять по отношению к несчастному одну эмоциональную атаку за другой, терроризируя душу жертвы. Эрик же в таких случаях, обладая обостренным чувством справедливости, всегда по-

добно британскому отряду SAS, созданному для борьбы с терроризмом, бросался на выручку оккупированному бедолаге. Понятно, что делал он это как можно более цивилизованно, никогда не переходя грань. В такие моменты Эмиль недоумевающе смотрел своими черными лукавыми глазами на Эрика, как бы вопрошая: «Брат, ну зачем ты мешаешь мне жить?! Зачем делаешь более тяжелой мою и так нелегкую ношу?». Да-да, все именно так! А как же иначе? Неужели кто-то думает, что другие люди полностью довольны своей жизнью и считают, что никто им ее не усложняет? Не тут-то было! В жизни абсолютно каждого из нас есть тот самый подлец, мешающий жить, о котором уже было сказано ранее.

В моменты, когда Эрик вступался за очередную жертву, сам Эмиль видел Эрика именно тем подлецом из песни и, конечно же, не мог не огорчиться по этому поводу. Но кавказец не страдал от скудоумия и поэтому хорошо понимал, что ему не к лицу выставлять себя агрессивным скандалистом на публике. Люди не любят таких и не хотят, чтобы такие ими руководили. А Эмиль, сам не зная почему, ни в коем случае не хотел прослыть очередным туповатым орлом кавказской наружности, склонным к пустой бравате и никому не нужной агрессии. Не хотел он быть еще одним примером, иллюстрирующим этот стереотип. Поэтому при первом же отблеске сияющих лат Эрика, вступившегося за очередного бедолагу, Эмиль безапелляционно отступал. «И что он постоянно лезет со своим неуклюжим, никому не понятным

геройством?» – всякий раз задавал себе вопрос Эмиль, когда подшучивал над кем-то самым нежным и безобидным, как ему искренне казалось, образом. Эрик виделся ему в такие моменты не более чем странным занудным чудилой, разрушающим всеобщее безобидное и дружеское веселье.

В общем, одни и те же ситуации и всегда совершенно разные взгляды на них. Как тут сказать, кто прав, а кто нет? Ведь даже когда ты говоришь или думаешь, что вот она, правда, кто-то другой напротив тебя, очень даже возможно, видит в этом нестыковку, алогизм и бред. Происходит так оттого, что он всего лишь смотрит на то же самое, что и ты, но под другим углом, и видит то, чего ты не видишь. Вот так и делаются выводы. Ведь неспроста возникло понятие «точка зрения». И если бы человек чаще не ленился обойти вокруг явления, а не упрямо стоять, вросши корнями, словно дерево, в свою точку, то мир, вероятно, стал бы куда более простым и понятным для жизни местом.

Глава 3

Погода в Томске в этот день выдалась чересчур туманная даже для осени. Город этот раскинулся в довольно болотистой местности, поэтому высокая влажность и туманы – здесь дело обычное. В этот день ближе к вечерним сумеркам Эрик Линдгаард прогуливался по одной из центральных улиц. Несмотря на то что жил он тут уже почти два года и повидал разных сумерек и туманов, сегодня даже он поражался тому, как небывало сократилась видимость. Хочешь не хочешь, а в голове всплывали будоражащие воображение картины из культовой игры *Silent Hill*, и, казалось, из-за каждого угла на тебя так и норовит наброситься медленно сгорающая заживо, источающая черный гной нечисть. Бонусом к этой чудесной погоде выступала едва видимая морось в воздухе, которая так и норовила прилипнуть к лицу и осесть влажным конденсатом на одежде.

Проходя мимо горящей желтым светом витрины кофейни, Эрик всем своим существом почувствовал, с каким же удовольствием он выпил бы сейчас чашку чего-нибудь горячего. Например, мокко, почему нет? Тем более это была одна из его любимых разновидностей кофе. Повинуясь манящему уюту теплого света, разлитого по интерьеру кафе, он открыл дверь и шагнул внутрь. Поприветствовал его звонкий перелив китайских колокольчиков, висящих над входной дверью.

Эрику показалось странным и даже неприятным, насколько высоким был их звук. Еще более странным ему показалось то, как долго перезвон этот висел в воздухе. Это продолжалось добрых 15–20 секунд. Колокольчики все звенели и звенели, переливаясь в своей невыносимо высокой тональности и, казалось бы, заставляя тебя самого звенеть и трепетать в унисон. И пока Эрик осматривал кафе в поисках понравившегося столика, за который хотел бы присесть, звук этот все не утихал.

Посетителей было немного. Эрик насчитал одного за баром и одного в дальнем конце у стены. Еще одна пара мило ворковала за столиком у окна, близко наклонившись друг к другу. Когда же Эрик увидел последнего посетителя, устроившегося за столиком возле окна, то чуть было не выронил снятую только что шапку. Дело в том, что через два столика от пары перед белой чашкой, от которой поднимался пар, сидел Эмиль, уткнувшись в телефон.

Комок смешанных чувств, точно запущенный шарик в пинболе автомате, ударил Эрику в голову. В комке этом была неожиданность и какая-то странная непонятная радость, переплетенная с волнением. Там был легкий и очень быстрый укол страха, заставляющий человека собраться и мобилизоваться. Такие уколы Эрик всегда ощущал при встрече с этим своим коллегой. Несмотря на то что уже долгое время после того, как Эрик уехал из Иркутска, у них с Эмилем не было ни одного настоящего конфликта, всегда

были эти уколы страха. Подсознательные, короткие и, очевидно, безвредные, но вот уходить они никуда не собирались. Каждый раз, когда черные огненные глаза ловили Эрика в свое поле зрения и тонкие губы кривились в едва заметной усмешке, та самая иголка с адреналином вонзалась Эрику в душу. Он про себя перетряхивал весь свой арсенал заготовленных к обороне средств. Несколько раз даже приходилось пускать их в ход. Чаще всего это приносило успех и добавляло Эрику очков уважения в корпоративной иерархии.

Иголку от душевной мягкости Эрика отняли так же быстро, как и всегда. А может, это он сам и колот себя ей? Кто знает? Сейчас Эрика почему-то осенила именно эта мысль. После бодрящего укола Эрик вспомнил, что отношения между ними давно потеплели на значительное количество градусов, что они ненамного, но все же повзрослели. Плюс ко всему, встретив коллегу, любого, не обязательно Эмиля, было бы странно и невежливо просто проигнорировать его. Поэтому, хоть Эрик и недолюбливал кавказца и не проникся к нему тем уважением или интересом, благодаря которым люди могут с удовольствием пить вдвоем что-то горячее, он решил присоединиться. Проходя по залу кафе к столику Эмиля, он обратил внимание, какой же яркий свет разливали по интерьеру массивные лампы. Эти лампы были в форме вытянутых усеченных цилиндров неправильной формы наподобие советских сушилок для волос, которые многие встречали, например, в бассейнах. Ламп было три, и свисали они

с потолка на длинных черных шнурах. Свет, льющийся из них, был настолько ослепительный и, можно сказать, густой, что за окнами ничего было не разглядеть. Создавалось впечатление, что кафе отрезано от всякой жизни, которая и так далеко не была ключом снаружи. Оно настолько разительно отличалось от сумеречной сырости улицы, что, казалось, вообще принадлежало другому миру и городу.

– Ну, привет, товарищ! – начал разговор Эрик, садясь напротив Эмиля за столик.

– Да-да, привет, – ответил Эмиль. – Я видел, как ты вошел, точнее, услышал, когда зазвенели колокольчики.

– Ну да, понятно. Кстати, тебе не показалось странным, как они звучали? – спросил Эрик.

– Почему странным? ...Хотя да, возможно, твоя тонкая душевная организация позволяет тебе слышать то, что простым смертным недоступно, – с привычной ухмылкой, изобразив театральную задумчивость, сказал Эмиль. – С китами-то еще не разговариваешь?

«М-да... – протянул про себя Эрик. – Ничего нового. Все тот же старый НЕДОБРЫЙ Эмиль».

– А ты что здесь делаешь, кстати, как занесло-то? Я думал, ты работаешь в Иркутске.

– Да вот, взял себе небольшой отпуск и приехал навестить одну знакомую, если понимаешь, о чем я, – отвечал Эмиль, и глаза его озорно блеснули.

– Ну-ну, чего ж тут непонятного, – пытаюсь выдать из

себя ответную улыбку, сказал Эрик.

Таким образом, парни, пусть и не совсем искренне, но наконец-то улыбнулись друг другу.

– Кстати, рад за тебя, что ты подстриг наконец-то эти свои отвратительные патлы, – заметил Эмиль.

Прозвучало это почти как комплимент. Так или иначе, в силу своего оптимизма Эрик хотел верить, что именно комплиментом это и являлось.

– Это точно! С ними на самом деле много мороки: мыть надо, хвостик завязывать порой, а голову наклоняешь – ни хрена не видно – челка в глаза лезет.

– Главное, что на мужика теперь хоть начал походить, – резанул очередной своей ухмылкой Эмиль.

– И это, разумеется, тоже, – ответил Эрик, в первый раз ощутив скуку от постоянных подколов коллеги. Наблюдение это его порадовало. Значит, наконец-то он стал вырастать из того возраста, когда парни вечно меряются размерами своих мужественности и ЧСВ.

К столику подошла официантка, и Эрик наконец смог заказать себе свой мокко. Когда кофе принесли, парни принялись обсуждать работу, состояние проектов и у кого в целом интереснее жизнь. Кроме как о работе, говорить им, в сущности, было не о чем: оба были холостые, без детей, не много знали друг о друге да и не хотели узнавать больше. Плюс ко всему внутренне были разные, и мало на чем пересекались их интересы. Допив кофе, Эрик понял, что в этой компании

опустошать вторую кружку ему вряд ли захочется. Он подо- звал официантку и попросил счет.

– Уже уходишь? – поинтересовался Эмиль, не отрывая глаз от телефона.

– Да, ты знаешь, я вообще же домой шел, на улице мерз- ко, замерз вот и решил зайти сюда, интересным показалось место.

– А я, кстати, тоже пойду, – сказал Эмиль, вставая со сту- ла. На дне его чашки осталось немного недопитого кофе.

«Отлично, – подумал Эрик, – теперь еще и предстоит с ним по улице идти, слушать весь этот бред». Он взял пальто с вешалки у столика, надел, повязал шарф и выглянул в окно.

За окном на улице была чернильная тьма. Не видно было буквально ничего. «Очень странно, – подумал Эрик, – в это время осенью еще не должно так рано темнеть, ведь, когда я зашёл сюда, можно сказать, ещё и сумерек-то толком не бы- ло...» Он оглядел заведение в поисках часов – узнать, сколь- ко времени провел в кафе, однако ни одних часов почему-то не обнаружил.

«Хм, ну, возможно, это место для счастли- вых, которые, как известно, часов не наблюдают», – усмех- нулся себе Эрик. Он достал свой телефон, нажал на боковую кнопку разблокировки экрана, но после нажатия тот продол- жал оставаться антрацитово-чёрным. «Замечательно, еще и телефон сел. Но ничего, приду домой – заряджу», – подумал Эрик и направился к выходу, Эмиль пошёл следом за ним. Эрик открыл дверь, и парни вышли под раздражающе высо-

кий аккомпанемент колокольчиков.

Улица все так же освещалась мутным светом фонарей, пробивающимся через густой туман. Туман этот, казалось, и не думал рассеиваться, и кожей ощущалась все та же противная морось в воздухе.

– Так, ну, мне налево, – сказал Эрик, готовясь протянуть для прощания руку и надеясь всё-таки продолжить путь в одиночку.

– А, так и мне туда же, – ответил Эмиль, и парни направились вверх по улице. В молчании.

Пройдя пару кварталов, Эрик почувствовал, что ему сейчас, вот именно в этот самый момент больше всего на свете необходимо отлить.

– Ссать хочу, так что буквально переночевать негде, – высказал свои мысли Эрик.

– Оригинально выражаешься! Это откуда? Из 2007-го фразочка? Да ладно, расслабься! Мне тоже надо.

Следующий квартал они шли, то и дело косясь налево в поисках темной подворотни, где могли бы спокойно свершить свои мокрые дела. Хотя на улице была почти нулевая видимость, но редкие прохожие то и дело встречались по пути, поэтому облегчаться прямо на тротуаре ни в коем случае не представлялось хоть минимально возможным вариантом. Однако судьба, видимо, посчитала нужным сжалиться над ними, и через несколько метров из тумана обозначился проем темной подворотни, ведущей куда-то вглубь квар-

тала. Парни поспешили свернуть туда. Через несколько шагов улицу за их спинами надежно скрыли туман и темнота. Пройдя еще с десятков метров, они увидели большой мусорный бак рядом с каким-то чахлым увядающим деревцем. Решив, что удачней места найти уже невозможно, да и незачем, они встали лицом к кирпичной стене и принялись справлять свои малые нужды.

Эрик с невыразимым удовольствием окрашивал кирпичи стены в более темный оттенок и тут увидел, что Эмиль скосил свою струю так, что брызги от нее, рикошета от стены, очень щедро стали осыпать его брюки.

– Очнись, придурок, смотри куда ссышь! – не оценив очередную дурацкую шутку коллеги, яростно заметил Эрик.

– Эй, смотри, еще не то могу! – весело ответил Эмиль, скосив струю еще больше в сторону и направив ее вниз, теперь уже по-настоящему зассывая туфлю Эрика. Многие капли так же щедро осыпали Эрику брюки.

– Ты что делаешь, дебил??! – проорал Эрик, пытаюсь убрать ногу в сторону, но как-то неловко перенес вес тела и уже из своего шланга щедро облил себе вторую брючину и туфлю.

Выйдя из себя, расвирепев, уже заканчивая мочиться и страхивая конец, Эрик громко сказал:

– Блядь, смотри, что ты наделал!

– Да ничего страшного, – весело отозвался Эмиль, – на улице сыро и темно, никто и не заметит, как ты себе ноги

зассал! Аха-ха-ха-ха, – застегивая ширинку, потешался над коллегой Эмиль

– Это же ты мне их зассал, сука! Чурка тупоголовая, – еще больше свирепея, проорал Эрик.

– Эй, я говорил тебе, что будет, если еще раз так меня назовешь? – спросил Эмиль, и в его голосе вся веселость, бывшая там секунду назад, мгновенно сменилась свинцовой тяжестью.

– Да мне похуй, скотина тупая, очень даже интересно, что ты сделаешь, – охваченный яростью, буквально сжигаемый ею, продолжал Эрик.

Эмиль плюнул ему в лицо. Попал в ложбинку между носом и щекой, сделал полшага вперед и открытой рукой уже хотел вклепать пощёчину, попутно открывая рот, чтобы что-то сказать, но боксёрские рефлексy Эрика не подвели, и он, мгновенно выбросив вперед правую руку, остановил прущего вперед кавказца ударом в нос. Эрик не готовил этот удар, сильно не вкладывался, но тем не менее услышал хлюпающий хруст ломающихся носовых хрящей. Обычно сломанный нос охладил бы боевой пыл подавляющего количества людей, но Эмиль Ахвердиев был явно не из их числа. Лишь несколько секунд хватило ему на то, чтобы прийти в себя. Он отошел на пару шагов, тряхнул головой, почувствовал, что нос сломан, поморщился от боли, поднял глаза и со злым, полным ненависти прищуром посмотрел на Эрика.

– Ну, пиздец тебе, козел, – сказал Эмиль, поднимая руки

в боевой стойке.

Эрик же, расслабившись, ждал атаки. Привычный в таких ситуациях водоворот адреналина обострил его восприятие и гулом в голове концентрировал внимание на настоящем моменте. Эмиль пошел в атаку, широким хуком пытаясь достать челюсть Эрика. Тот с легкостью нырнул под руку. Эмиль после этого рывка оказался спиной к мусорному контейнеру между ним и деревом, растущим справа. Эрик же решил закончить драку как можно быстрее. Первый удар его левой врезался оппоненту в правое подреберье, и Эмиль согнулся от резкой боли, огненной плетью хлестнувшей по печени. Сразу после Эрик завершил атаку мощным ударом, впечатывая кулак в скулу Эмиля и вкладываясь всем своим весом.

Когда Эрик обрушивал свою правую на голову противника, в пылу драки он слишком поздно обратил внимание на то, что между углом мусорного контейнера и виском Эмиля был лишь небольшой промежуток. После этого чудовищного попадания Эмиль налетел на угол металлического контейнера как раз-таки своим виском.

Эрик видел, как после контакта с контейнером шея Эмиля приняла не самый естественный изгиб, ноги кавказца больше не держали его, и он без сознания сполз на мокрую грязную землю. Голова темпераментного коллеги Эрика наклонилась налево, и правый поврежденный висок показался – весь в густой темно-бордовой крови.

Паника пронзила голову шокированного Эрика: «Твою мать! Что я наделал?!» – холодея всем телом до кончиков пальцев, подумал он. Несколько бесконечно долгих секунд, возможно, несколько минут он стоял, глядя на лишившегося сознания коллегу, из виска которого вытекала кровь, образовав уже небольшую лужицу под головой. Эрик пытался справиться с мыслями, которые тонули в бушующем море страха, смятения и хаоса в его голове.

«Так, так... Черт, да соберись ты!» – пытаюсь взять в руки себя и свои мысли, внутренне кричал Эрик. Он упал на колени рядом с телом коллеги, не думая о грязи и сырости, наклонил ухо к лицу Эмиля, вслушиваясь в дыхание. Кавказец дышал. Неровно, редко, но определенно дышал. Никакого ветра, который мешал бы это понять, в глухой подворотне не было.

Поначалу то, что Эмиль жив, успокоило Эрика, и он, справившись с мыслями, смог-таки осмысленно взглянуть на ситуацию. «Хорошо, – думал он, – этот хренов задира жив, но!.. Во-первых, кто знает, не откинется ли он в ближайшие 30 минут... Звонить в скорую! Они спросят, что здесь случилось, по виду у товарища тяжкие телесные, и угадайте, кто ему их нанес... Черт! Потом что? Менты, разбирательство, следователи, что еще скажет этот ублюдок... Такими темпами можно и присесть известно куда неизвестно насколько».

Обдумывая все это, взгляд Эрика случайно упал на обренок черной железной трубы, лежащей возле корней чахлого

деревца.

«А что если... – Эрик резко и сильно потер лицо ладонью, заставляя голову соображать. – Никого ведь нет рядом, черт знает, сколько сейчас времени, но здесь никто не видел нас и не слышал. Да и за каким хреном людям в принципе выходить на улицу в такую погоду, тем более шариться по темным подворотням? Я ведь могу закончить все здесь и сейчас, – думал Эрик, поглядывая на черную трубу. – Эта скотина сама напросилась, да и, судя по всему, он уже не жилец в сложившихся условиях, а вот скорая, может, и поможет ему не содохнуть... А-а-а-а! Я не могу стоять здесь и колебаться всю ночь!»

Темное зерно, посаженное еще давно в Иркутске во время начала их напряженных рабочих отношений, дало наконец всходы в душе Эрика. Он чувствовал, что сейчас может избавиться от незаслуженных страданий много добрых и ни в чем не повинных людей. Людей, которые ни в чем не были виноваты перед этим агрессивным животным с человеческим именем, паразитирующим на эмоциях, страхе и чувстве превосходства над другими. Определенно, много людей, слабее, чем Эрик, будут встречены, и души их будут выпотрошены этим психотеррористом в течение его жизни. Сидя на корточках в мокрой грязи подворотни, Эрик думал, что может здесь и сейчас не допустить этого. Возможно, сама судьба выбрала его орудием избавления от паразита, предоставив сейчас этот шанс.

Так Эрик думал, в своей голове пытаюсь оправдать то чудовищное, на что, по сути, уже решился. Наш герой еще раз вспомнил один из своих любимых фильмов – «Матрицу», точнее, одну цитату из него. И в который уже раз поразился, как же точно она вписывается и согласуется с нашей жизнью. «Выбор сделан, тебе остается лишь его осознать». И еще одну оттуда же: «У тебя есть альтернатива, но нет выбора».

«Как точно, – подумал Эрик, – ведь я никогда не понимал, зачем на свете существуют такие подонки, как вот этот, лежащий сейчас на земле. Неужели для того лишь, чтобы на контрасте своим поведением показывать, что действительно зло существует на свете, и без этого контраста люди бы не понимали и не ценили так называемое добро? Что если бы все было доброе, справедливое, правильное и адекватное, то ничего из вышеперечисленного на самом деле бы не было, потому что не с чем было бы сравнить и ощутить разницу? Или же меня просто до печенок уже заебал этот подонок и все гораздо проще? Ай, какая разница, очевидно лишь то, что, оставив его в живых, в будущем проблем я не оберусь, поэтому...»

С этими мыслями Эрик встал, сделал шаг в сторону трубы, нагнулся и подобрал ее. Металл был весь в мелких капельках от сырости. И тут паника, еще несколько минут назад оккупировавшая сознание Эрика, сменилась холодной звенящей ясностью у него в голове. «У меня же есть перчатки, – подумал молодой человек и тут же надел и их. – Еще

кое-что перед делом», – он нагнулся к телу, подающему малочисленные признаки жизни, нашел и вытащил из куртки бумажник, в котором отыскиались права. Паспорта при Эмиле на ощупь не нашлось. Далее из кармана его джинсов Эрик вытащил телефон. «А интересно, который все-таки час? – подумал наш герой и нажал на кнопку разблокировки экрана. Последний остался черен и безответен. – У него тоже, что ли, сел? – удивился Эрик. – Вот ведь, сидел, пялился в него в кафе, что за чушь? Ну, видимо, время мне узнать сегодня не судьба».

Перехватив поудобнее трубу, Эрик подошел к распластанному на земле телу и встал над головой.

Он обрушил один тяжелый удар на висок Эмиля. На стену полетели брызги крови. «Нет, так сильно марко, – подумал новоявленный убийца. Он закатал брюки чуть ли не до трусов. – Так на них не будет следов крови, – подумал Эрик, – а туфли потом оботру влажными салфетками, с кожи сотрется легко. Какая полезная все-таки привычка – всегда носить влажные салфетки с собой».

После всех приготовлений он встал ногой на щеку Эмиля, так что его кровоточащий висок смотрел строго вверх, взял трубу обеими руками в перчатках и начал вбивать ее торцом в голову бывшего коллеги. После нескольких ударов он почувствовал, как раскололся череп. «Этого мало, – входя во вкус кровавой ярости, подумал Эрик, – нам же не надо, чтоб его кто-то опознал». С этими мыслями он повернул голову

жертвы лицом вверх и принялся расколачивать торцом трубы лицо. Брызги крови, костей, а может, и мозга – в темноте разобрать было сложно, – щедро разбрызгивались по голым ногам Эрика. Закончив с лицом врага, превратив его в темно-алое месиво из расквашенной плоти, Эрик решил поработать и над руками Эмиля. Точнее говоря, над его кистями. Еще точнее – над пальцами, чтобы никто не смог опознать его по отпечаткам. Убийцей Эрик был, ясное дело, неопытным, но счел, что данная предосторожность будет нелишней.

Наступив ногой на запястье, он начал торцом трубы разбивать кисти рук, метя в кончики пальцев, лишая те уникальности. Через некоторое время, практически уничтожив кисти рук своей жертвы, удовлетворенный работой, он наконец отошел от тела на шаг, чтобы окинуть свое творение общим взглядом. Таким, например, художник оценивает получившуюся картину.

Ощувив, что устал и вымахался, оглядывая получившееся творение, Эрик решил, что, в общем-то, достаточно.

Теперь, кстати, неплохо было бы вообще от него избавиться, пусть гниет где-нибудь, лучше всего, конечно же, под землей. С этими мыслями он пошел осматриваться в поисках какого-нибудь подвала или канализационного люка.

Эрик перешел на другую сторону подворотни к противоположной стене. Пройдя около десятка метров, он наткнулся на лестницу, ведущую вниз.

«Отлично! – подумал новоявленный убийца. – А вот и

подвал». Он спустился вниз по лестнице. На ржавой, бу-ро-зеленого цвета двери висел хлипкий на вид амбарный за-мок. Эрик быстро взлетел обратно вверх, вспомнил, что как дурачок бегают в закатанных по бедра брюках, и поспешил привести их в обычное состояние. Раскатав одну брючину, подумал, что ведь ему же еще тащить тело в подвал! Вы-ругавшись про себя по поводу своей тупости, закатал брю-чину обратно, вернулся к месту убийства и взял ту самую черную трубу. «Дебил, чуть не забыл избавиться от орудия убийства!» – что на основании прочитанных Эриком детек-тивов было чуть ли не первостепенным делом. Снова спу-стился к двери, ведущей в подвал, двумя ударами сбил за-мок и открыл дверь. Войдя, Эрик ощутил затхлый запах и сырость. Приставив трубу возле двери, он вернулся к телу Эмиля и как можно быстрее потащил его к подвальной лест-нице через подворотню, после чего бесцеремонно спихнул ногой вниз. Тело, кубарем слетев с лестницы, метко вкати-лось в открытую дверь. Спустившись следом, Эрик, взяв тру-бу в одну руку, зашел в подвал, закрыл дверь и впотьмах на ощупь пошел на разведку. Каково было его удивление, когда за первым же недалеким поворотом он обнаружил ряд фо-нарей по правой стене уходящего вдаль коридора. Тусклым светом, льющим из-за толстых плафонов, те рассеивали тьму подвала. Наличие здесь фонарей можно было рассмат-ривать как невероятную удачу, так как оба телефона парней были безнадежно севшими и освещать ими путь было невоз-

можно. Не веря своему везению, Эрик бегом вернулся к телу Эмиля, в неестественной позе лежавшему у двери. С трубой в одной руке и новыми силами в своем теле Эрик поволок мертвого коллегу вглубь подвала.

Новоявленный убийца упрямо тащил свою ношу, изредка позвякивая трубой о бетонный пол. Фонари справа мерно сменяли друг друга, прикрепленные к стене через равные промежутки. Светили они очень ровно и, как показалось Эрику, на удивление стабильно. На всем протяжении пути ни один из них даже не моргнул – свет был как будто бы и не электрический, а словно нарисованный. Эрик обратил на это внимание и нашел данный факт странным, ведь в таких местах тяжело добиться настолько стабильного освещения. Во-первых, это место даже на первый взгляд было очень старым. Во-вторых, бесперебойного напряжения для поддержания такого ровного света под землей добиться очень тяжело. Все плафоны были как будто клонированы один с другого: одинаково мутные, и все в равной мере пропускали одинаковое количество света. По крайней мере, для человеческого глаза они выглядели как близнецы. Более того, ни одного нерабочего или же разбитого фонаря также не наблюдалось, что для подвалов небольших российских городов было не просто редкостью, а самой настоящей фантастикой. Любой, кто был ребенком 90-х и ранних 2000-х годов, когда дети еще гуляли на улице, вам это подтвердит. Вообще наличие фонарей, а еще и работающих, в подвале было само по

себе великой редкостью.

Эрик все продолжал упрямо тащить мертвое тело вперед. Мысли о природе освещения этого странного подземелья на какое-то время отвлекли его от монотонного труда, но скоро ему стало казаться, будто коридор специально растягивает и продлевает в сумрачную даль какая-то неведомая сила. Бесконечный туннель, казалось, и не думал заканчиваться, а Эрик начал уставать и скучать. Тяжелое липкое дыхание приближающейся тревоги стало доноситься до его души. Глядел он теперь в основном себе под ноги, так как монотонность убранства подвала действовала на нестабильное сознание Эрика, взбудораженное убийством, гипнотически и истощало силы. Происходило так в первую очередь потому, что непонятно было, когда же закончится этот бесконечный коридор и, соответственно, сколько еще ему тащить плод своего труда.

Внезапно, как только Эрик задумался обо всем этом, точно по волшебству, подняв голову, он увидел т-образный перекресток. После всего, что произошло в этот вечер, молодой человек уже перестал удивляться каким бы то ни было странностям и сейчас думал только о том, как бы быстрее завершить дело и спокойно, без неожиданностей добраться уже до дома. Подойдя ближе, Эрик увидел, что находится в довольно широком туннеле, на дне которого текла вода, источающая мерзкий запах нечистот. Ширина канала была добрых метра три. Эрик отпустил брненное тело своей жерт-

вы и выпрямил наконец спину, которая в неестественном полусогнутом положении проделала весь этот долгий путь по коридору. Взяв трубу обеими руками над головой, он с удовольствием потянулся до хруста в спине.

«Канализация, что ли, какая, судя по запаху?» – подумал он.

Поглядев направо и налево, он увидел, что канал простирается в оба направления, утопая в темноте. В отличие от коридора, освещен он не был. Вдоль канала можно было идти по тонкой бетонной полоске, но вот тащить тело по ней не представлялось возможным.

«Ну вот, по ходу, и конец нашего с тобой последнего путешествия, – сказал вслух Эрик. – Говну место в говне. Прощай, подонок». Он взял трубу, которая была около 1,5 м длиной, и проверил ею глубину канала. Труба погрузилась полностью, дна не было. «Как раз хватит для тебя», – сказал Эрик и спихнул тело Эмиля ногой в канал в надежде на то, что, когда тот всплывет, достаточно сильное течение унесет его как можно дальше.

Эрик что есть сил бросил орудие убийства в воду в сторону, противоположную той, куда он спихнул труп. Вернув брюки в нормальное положение, он протер туфли влажными салфетками. Затем закатал перчатки в узелок с салфетками внутри, вывернув те на левую сторону подобно носкам. Положил этот сверток в карман пальто, намереваясь, возможно, сжечь его после. Выполнив все это, Эрик еще раз быстро

и внимательно прокрутил в голове все моменты, о которых он мог забыть. Не найдя, к чему тут еще можно придраться, он направился по освещенному коридору обратно к выходу из подвала.

Глава 4

Эрик очнулся в шоке и панике после событий прошлой ночи. Он долго лежал, не понимая, где находится, проснулся или еще спит. Уставившись в стену, он долго не мог понять, какого цвета она или обои на ней. Осознание чего-то гнетущего тяготило его душу. Он испытывал чувство, знакомое каждому из нас: чувство непонятной, неопишуемой и невысказанной тревоги, сродни приближающейся панической атаке. В такие моменты человек не понимает причину своего волнения, не осознает ее, но все же знает, что эта причина есть. И от этой неопределенности, мучающих догадок и недосказанности паника только усиливается.

Эрик пролежал в прострации минут 5, или 15, или, возможно, целый час. Наконец внезапно, подобно реву иерихонских труб, сознание Эрика оглушило пришедшее воспоминание о том, что случилось прошлой ночью.

«О боже! – подумал он. – Это нереально, это просто не может быть реальным!» – Эрик оцепенел от сковавшего его ужаса.

Он просто лежал в своей кровати, не чувствуя тела, пребывая лишь в своем уме, своем сознании. Вновь и вновь Эрик прокручивал в голове события вчерашней ночи и то, как зверски он убил своего коллегу. После воссоздания всей цепочки событий в голове, после того как вспомнились все

мельчайшие подробности, он откинул одеяло, сел на край кровати и трясущимися ладонями сжал лицо, до крови впиваясь ногтями в то место на лбу, откуда начинают расти волосы. Резкое покалывание от царапин немного отрезвило его. Он вспомнил, что если даже и совершил убийство, то сделал это хладнокровно и пребывал далеко не в состоянии аффекта. Он осознавал, что делает и для чего, и довольно неплохо замел следы.

Поразмыслив в таком ключе и кое-как приведя мысли во что-то наподобие порядка, молодой человек встал и пошел на кухню. За окном падал снег, ложась на уже белую землю и детский городок внутреннего двора дома. Снег лежал ровным прикатанным слоем и на дорогах, сообщая всем видом, что ранняя сибирская зима уже прочно вошла в свои права. И хоть на календаре числа принадлежали еще осенним месяцам, зима уже полновластно хозяйничала в Сибири.

Эрик пару минут наблюдал зимний пейзаж за окном. Это время года было ему всегда по душе. Холода он не боялся, а зиму ценил и уважал в первую очередь за чистоту и, как ему казалось, порядок, который она приносит в мир своим суровым спокойствием.

«Странно», – подумал Эрик, насыпая в кофемашину целые зерна из пачки 100 % арабики пятой из пяти степени крепости. Единственной из плохих привычек Эрика, если вообще ее можно так назвать, было пристрастие к кофеину. А еще он совсем немного иногда покуривал.

«Вчера вечером, когда я прогуливался по городу и зашел в это кафе, погода была как... ну, максимум середина октября. А теперь? Где, черт возьми, мой телефон, какой сейчас день-то?» И под аккомпанемент перемалывания зерен в машине Эрик отправился на поиски телефона.

Последним, что он помнил об ужасных событиях минувшей ночи, было то, как выходил из подвала. Или канализации... Или черт знает чего, весьма странного сооружения.

«И откуда там все эти фонари? – спрашивал себя Эрик. – Еще и работающие...» Это было далеко не единственной странностью, о которой думал сейчас молодой человек, попивая черный напиток из маленькой белой кружки, сидя в одних трусах на кухне. Он нашел свой телефон и узнал, что сегодня было 18 ноября и –5 градусов за окном. Кроме того, Эрик вспоминал, что вчера никак не мог узнать время и дату ни на одном из телефонов и ни в одном месте, где был... Вчера его телефон сел, он помнил это отчетливо. Сейчас же индикатор заряда батареи показывал 76 %. Где был... Был вчера... Был ВО СНЕ?! Эта спасительная, несущая несравненное, божественное облегчение мысль почти сразу посетила Эрика, как только он начал анализировать пережитое вчера. Мысли и воспоминания быстрым роем пронеслись в голове. И каждое из них, пролетая, наполняло его оптимизмом и надеждой, что ничего из пережитого в действительности и не случилось. Всеяло надежду, что его гребаный задиристый коллега жив и с ним все в порядке. Подобно солнцу,

лучами разрывающему свинец темных туч, оптимизм осветил сознание Эрика. Нет на нем никакого тяжкого греха, и это был всего лишь сон, иначе говоря, игра подсознания! Однако, если это и был сон, то какой-то пугающе реальный и яркий. Это был такой сон, в котором ты даже чувствуешь усталость и, Эрик мог поклясться, любые изменения в своем организме, такие как пот, царапины, боль в спине, морось от тумана на коже...

«Так, так!.. – второпях думал Эрик. – Подумаем обо всем этом после, сперва надо узнать, как там этот кавказский гангстер, и убедиться, что с ним и в самом деле все в порядке».

Эрик допил кофе, поставил чашку на стол, взял телефон и набрал номер Кропоткина. После буквально пары гудков привычный голос ответил ему:

– О! Кого я слышу, Эрик Робертович! Ну, наконец-то, хоть вспомнили о старике!

– Здравствуйте, Петр Семенович, – торопливо ответил Эрик, пропуская все, казалось бы, положенные формальности и разговоры о погоде. – А как там наш Эмиль? Вы же, насколько я знаю, так и работаете вместе в Иркутске?

– Совершенно верно, дорогой. А к чему такая спешка с самого утра? Чего это тебе не спится? Ты ведь в отпуске, насколько я знаю? Да и с чего такая резкая озабоченность Эмилем? Вы ведь, так скажем, не самые лучшие друзья, или я чего-то пропустил?

– Да-да, все правильно, Петр Семенович... Просто скажи-

те: Эмиль в порядке, на работе появляется?

– Да этого-то лося нерусского, прости господи, – сказал Кропоткин и усмехнулся, – 102-м ТБТ не перешибешь, сам же знаешь, Эрик. В полном порядке все с ним, вот 10 мин назад вышел из моего кабинета после селектора в абсолютном здравии и полным энергии, как всегда. Ну, ты его знаешь. А что случилось-то? – Петр Семенович, конечно же, уловил озабоченность и тревогу в голосе бывшего подчиненного.

– Дорогой Петр Семенович, – отвечал Эрик, чувствуя, что с его души сейчас свалился настолько тяжелый груз, что, подпрыгнув, он – самое меньшее – может пробить потолок. А самое большее – вообще стать бесплотной феей и раствориться в эфире, – после ваших слов все стало просто чудесно, спасибо Вам огромное! Никогда так не радовался за засранца! Как дела-то? Сто лет не общались, – на эмоциональном цунами продолжал Эрик, забыв о всякой субординации.

– Ну, это можешь и сам ему пожелать, вы же вроде нормально ладите, насколько я знаю, в последнее время.

– Да! Ладим! Все просто супер! Вот я и решил позвонить всем вам там, спросить заодно, как ваше ничего, – ответил Эрик, не собираясь, естественно, посвящать Кропоткина в подробности странного сна.

– Ты-то там как, дорогой? Насколько я слышал, в Томске у тебя все просто отлично?

– Ой, да, все исключительно Вашими молитвами, Петр Семенович, все путем, спасибо!

– Ну, рад слышать, Эрик, рад слышать. Ладно, работать пора, будь здоров.

– И вам всего доброго, – закончил разговор Эрик и нажал на красную трубку на экране смартфона.

«Боже, ну и утречко!» – с невероятным облегчением подумал Эрик, запуская новый цикл приготовления на кофемашине, намереваясь испить еще одну чашечку, только с диаметрально противоположным состоянием духа, и еще раз обдумать ночной опыт, только теперь уже спокойно и на трезвую голову.

Эрик Линдгаард – эта фамилия, кстати, досталась ему от норвежского деда – всегда любил читать. Одно время, будучи лет на 7 моложе, его серьезно интересовала тема эзотерики и все, что с ней связано. Он прочитал и Кастанеду, и Александра Свияша, и Вадима Зеланда, и много кого еще. Все эти авторы большое внимание уделяли как раз-таки снам человека, тем процессам, которые происходят во сне, его механизмам и тому, как этими процессами управлять. Благодаря этому профаном в области сновидений Эрик себя не считал и начал анализировать то, что видел и пережил прошлой ночью.

Вышеперечисленные авторы почти во всех своих работах, посвящённых феномену снов человека, особое внимание уделяли так называемым осознанным сновидениям. Многим людям, в чем Эрик был уверен, как и ему самому, хотя бы

раз в жизни удавалось сделать свое сновидение осознанным. Достигалось это и просто, и сложно одновременно. Суть явления заключалась в том, что видящий сон понимает, что он, собственно говоря, сейчас во сне и что реальность вокруг – не его реальность, а можно сказать, и не реальность вовсе. Хотя тут сразу встает большой вопрос, на который получить однозначный ответ почти невозможно: а что с уверенностью можно назвать реальностью? Многие авторы всерьез говорили в своих работах, что сны – это не что иное, как способность попасть и ощутить себя в другой реальности, точнее, в другом мире. Нет никаких других реальностей, а есть только одна. Одна большая сплошная реальность, в которой просто бывает много разных вариантов. И вот как раз эти самые варианты одной и той же реальности ошибочно трактуются людьми как реальное и нереальное. Почему-то они думают, что реальным является исключительно их вариант. Эрику всегда казалось, что думать так и тем более быть в этом на сто процентов уверенным есть большое заблуждение, основанное на невежественном высокомерии. В этом его взгляды совпадали с версиями гуру отечественной эзотерики. А еще эти самые гуру считали, что сон – это никакие не игры твоего разума, вызванные информацией, отложившейся и накопленной в неконтролируемом человеком подсознании, а непосредственно путешествие твоей души в другие смежные миры. Ну, или же в варианты реальности, другими словами. В подтверждение своим выводам авторы приводили верования

древних народов, старейшие религии, такие как индуизм и буддизм, и, например, свидетельства некоторых умелых сновидцев, сумевших довести мастерство осознавать себя во сне до невиданных для обычного человека высот.

Эрику, например, частенько удавалось сделать свой сон осознанным. И согласно урокам небезызвестного Вадима Зеланда в таких снах он мог одним намерением своего сознания менять окружающую обстановку по своему желанию. Одним из главных отличий сна от реальности для Эрика как раз и была легкость в изменении мира вокруг. Все-таки он решил для себя пользоваться такими понятиями, как «сон» и «реальность», – разграничивать их. Эрик так и не мог поверить в полной мере в то, что мир во сне – это другая равноценная реальность, в которой в данный момент пребывает твоя душа. Так вот, в отличие от реального мира, в котором ты, собственно, и живешь со своей душой и сознанием, в мире осознанного сна ты можешь творить буквально магию одной силой мысли, или, если угодно, своим намерением. Возможно, это потому что во сне отсутствует всякая инертность, присущая любой физической материальной системе. В трудах Зеланда умение менять сон своим намерением было одним из важнейших навыков, которым его адепт должен был обязательно овладеть. Нужно это было для того, чтобы понять, как вообще все в мире устроено на самом деле и как поставить весь этот мир себе на службу – сделать так, чтобы тот помогал тебе осуществлять свои желания. Таким

образом, через осознанные сновидения Зеланд хотел показать, как намерением можно менять окружающий тебя материальный мир, ту самую реальность, в которой все мы живем. Одно лишь отличие было между реальностью и сном. Реальность инертна. И это значило, что ее изменения от воздействия твоих мыслей и намерений произойдут, но не так мгновенно, как во сне. И для изменения своей реальности тебе придется задействовать больше времени и ментальных сил, пока эта самая инертная реальность под воздействием работы твоих мыслей, визуализации желаемого и, конечно же, физических усилий не начнет изменяться в нужную тебе сторону.

«Ок. Но для того чтобы я осознал, что вчерашний мой сон – это именно сон, – думал Эрик, – либо надо было больше практиковать осознанность, либо сам сон должен был быть *не настолько* реален».

«Однако, видимо, подсознательно, конечно, но я пытался осознать, что это сон, – думал Эрик далее, – я ведь постоянно искал часы, ведь во сне невозможно узнать, который час. Не знаю, у всех ли так, но вот у меня никогда не получалось».

Именно так. Эрик, порой вспоминая свои интересные сны, выделил этот закон: он никогда не знал с уверенностью, который был час. Когда же он делился этим наблюдением с родными и близкими друзьями, те также с удивлением отмечали эту интересную особенность: во сне ты никогда не знаешь, сколько сейчас времени, поэтому невозможно выстро-

ить там какую бы то ни было точную хронологию событий.

«Блин, – размышлял Эрик дальше, – вообще ведь все вокруг тогда было очень странным с самого начала: этот аномально густой туман, например. Никогда за два года жизни в Томске я такого не видел. Само это кафе, которого я тоже никогда не видел в маленьком томском центре города. Как необычно прозвучали колокольчики над входной дверью, как быстро стемнело, какого хрена там вообще делал Эмиль?.. Но это ладно, мало ли, что-то срочное по работе. Да и вообще почти все было каким-то сюрреалистичным, что ли. С чего вообще, например, он начал ссать мне на ботинки, хотя в реале, я уверен, никогда бы на это не отважился, да и отношения наши сейчас вполне ничего себе. У нас с ним, я уверен, лучше бы и не получилось. Да и как я даже в мыслях, не то что в натуре, вообще пошел на УБИЙСТВО?! Немыслимо!»

За этими размышлениями давно подошла к концу и вторая чашка кофе. А Эрик еще долго сидел так, в одних трусах, держа маленькую белую чашку двумя пальцами, поглощенный своими мыслями.

Глава 5

Девушка, о которой повествование пойдёт дальше, находилась в том возрасте, когда называть ее полным именем было немного неуместно, необязательно и, пожалуй, чересчур официально. Коротким же, уменьшительным вариантом, пожалуй, уже несерьезно и неподходяще. Она находилась в том самом возрасте, когда обращение к человеку зависит не от этого конкретного человека в первую очередь, а от той ситуации, в которой он, а в нашем случае она, оказался. Девушку звали Аня. Или Анна.

Проснулась Аня в своей кровати солнечным утром выходного дня в состоянии крайней тревоги. Испуг, отвращение и даже шок – не самая приятная гамма чувств, особенно для того, чтобы начать день.

Поначалу она даже не поняла, что проснулась и что на дворе чудесное солнечное утро. Ее внутреннее состояние и сознание были в высшей степени взбудоражены только что увиденным. Взбудоражены настолько, что ее спальня, выполненная в освежающем и чистом белом цвете, буквально ослепила девушку, как только та открыла глаза. Насколько сильным был контраст с чернотой и мерзостью увиденного ею сна. И поэтому сейчас интерьер ее спальни казался нестерпимо ярким и слепящим.

Дело было в том, что девушка только что стала, пусть и

не по-настоящему, но свидетельницей настоящего жестокого убийства, которое было увидено и пережито ею во всех подробностях. Обычно про сны не говорят «пережитые», но в этот раз данное определение подходило точнее всего. Анна готова была поклясться, что ощущала всем сердцем, душой и мыслями всё то, что чувствовал убийца, когда совершал свое злодеяние. Девушка в полной мере чувствовала все его мотивы и внутреннюю борьбу. Она ощутила всю гамму его чувств перед первым шагом той роковой цепочки действий, когда один поступок человека влечет за собой другой, а затем следующий, и те, подобно снежному кому, с каждым мигмом набирают скорость и вес, готовые обрушить свою силу и мощь и подмять под себя все, что подвернется на пути.

Подобные сны, а тем более настолько подробные, были для Ани большой редкостью. Вообще кошмары снились ей нечасто, как и многим другим в меру впечатлительным девушкам: обычно после просмотра ужасов, особенно в одиночку. Анна иногда любила пощекотать себе нервы подобным образом. Смотреть ужастики и триллеры она любила сама и в одиночестве. Во-первых, потому что смотреть их ей было особенно-то и не с кем, а во-вторых, потому что они давали хоть какую-то эмоциональную встряску. Здесь, в Финляндии, эмоций как раз и не доставало Анне, и чтобы хоть изредка что-то почувствовать, она, преодолевая страх и отвращение, заставляла себя смотреть эти фильмы. Не могут девушки жить без эмоций. Ну что тут поделать!

Переживания, вызываемые ужасиками, ощущались ею во всей остроте. Но ни одна экранная история даже близко не могла сравниться с сегодняшним сном. Когда ты смотришь даже самый страшный фильм ужасов, твое сознание все же отдает себе отчет в том, что происходящее на экране – всего лишь картинка, придуманная режиссером. Действие там происходит не в твоей реальности и не с тобой – это вымысел. Осознание этого всегда помогает любителям острых ощущений играючи справляться с увиденным. Вот и Анна точно так же, когда ей становилось уж совсем страшно от ужасов, всегда напоминала себе о нереальности происходящего.

Сны же совсем другое дело. Здесь, как правило, видящий не осознает, что происходящее вокруг нереально. Для него сон – это почти всегда самая настоящая реальность со своими законами, мирами и переживаниями. Аня, как и большинство людей, чаще всего свои сны воспринимала как самую настоящую симуляцию реальности, где ты до последнего момента веришь в натуральность происходящих событий.

Однако слышала она и о так называемых осознанных сновидениях, когда видящий сон осознает, что спит, и тогда, подобно великому магу, может изменять мир своего сна одной лишь силой своего намерения. Этот феномен даже случался с ней несколько раз в жизни. При должной тренировке, считается, человек может всегда осознавать, что находится во сне, и использовать это в своих целях. Анна, однако, была

не из числа таких людей, подобными практиками не занималась, смысла в них особо не видела да и не верила так уж сильно во всякого рода эзотерику.

Но сейчас, лежа в своей постели и вспоминая ужасный сон, который только что пережила, она отметила наиболее странный, на ее взгляд, момент. Героиней сна была не она. Совсем даже близко не она и не кто-то из ее знакомых. Людей во сне она вообще не знала. Их было двое. Молодые мужчины, можно сказать, ровесники. Нет. Она каким-то образом знала, что они ровесники. И в этом сне один из мужчин зверски убил другого в каком-то темном переулке. Но вот что было, пожалуй, даже более шокирующим, уникальным и непонятным – это то, что она как бы чувствовала все переживания, все мысли и всю душевную борьбу одного из мужчин – убийцы. Она как будто одновременно была и сторонним наблюдателем, и находилась в голове этого мужчины, полностью разделяя каждую его мысль, переживание и малейшее изменение в сознании. Их разумы в тот момент можно было описать феноменом квантовой пары из физики: когда существуют две связанные частицы, и при изменении свойств одной из них вторая мгновенно, без всякой минимально возможной задержки, казалось бы, необходимой для передачи между ними информации, получает точно такие же свойства.

Сейчас Анна обдумывала, почему же она не смогла осознать, что видит именно сон, ведь происходящее случилось

совсем не с ней и она вроде бы как это понимала, особенно сейчас. Неужели во сне можно полностью поверить в то, что ты – это совершенно другой, может, и абсолютно незнакомый тебе человек, и воспринимать происходящее как свой личный опыт. Все-таки после увиденного сна, хоть тебе и кажется, что ты видел и помнишь его в мельчайших подробностях, иногда остается очень уж много вопросов без ответа. Здоровое и вышколенное повседневностью сознание взрослого человека чаще всего просто неспособно объяснить происходящее с ним в такие моменты с помощью известных ему законов реального мира. Поэтому Анна решила попусту не размышлять над явлениями, механизм которых объяснить не может. Недаром ведь сны являются одной из самых неизученных областей в науках о человеке.

Вывел ее из состояния глубокой задумчивости телефонный звонок. Мобильник лежал рядом на прикроватной тумбочке. Девушка перевернулась на бок, взяла телефон и посмотрела на экран – звонили по работе.

Анна Локин работала в финской компании, производящей различные изделия из нефтеполимеров: пластмассу, резину, прочие промышленные материалы и готовые товары, – в должности финансового консультанта по российским рынкам сбыта.

Неплохая должность в неплохом месте, а еще и в столь юном возрасте. Конечно, девушки не всегда становятся теми, кем становятся, благодаря лишь одним своим способностям,

но это было точно не про Локин. Анна в свое время закончила школу с золотой медалью, позже – с красным дипломом петербургский финансовый университет. Уже на старших курсах она была замечена рекрутером той самой финской компании, где сейчас и трудилась. Финны совсем не против приехать в совсем недалекий для них город на Неве в поисках свежей крови, или свежего мяса. Тут уж кому как нравится. Красавицу Анну сразу заметили, а когда вскоре выяснилось, что она еще и умница, тут уж за предложениями работы дело не стало. На западе умеют ценить специалистов. Если же этот специалист – еще и молодая красивая девушка, то перед такой, как правило, точно от урагана распахиваются все двери.

Рекрутер изучил личное дело Анны, переговорил с ней и остался очень доволен знаниями предмета и общей эрудицией. Блестящий английский девушки, на котором она изъяснялась с финским гостем, довершил дело. Анна тогда настолько хорошо себя показала, что сразу после окончания обучения ей был предложен контракт на работу в компании на год на должности простого работника финансового отдела. Спустя два года работы ее ждало, с одной стороны, заслуженное безупречной работой, а с другой стороны – выходом в декрет бывшей начальницы финансового отдела повышение. Таким образом молодая 24-летняя девушка возглавила отдел успешной международной компании. В ее еще почти по-детски нежных руках была сосредоточена большая часть

финансовых потоков, которыми Анна с блеском и безошибочностью распоряжалась. Делала она это настолько успешно, что финансовый директор компании мог позволить себе, подобно ленивому киту, мигрировать из одной жаркой страны в другую, не утруждая себя непосредственными рабочими обязанностями.

Сама Анна к уже достигнутым ею успехам относилась более чем спокойно и даже не задумывалась о том, что могло быть как-то иначе. Она ведь давным-давно привыкла быть лучшей во всем и доводить любое дело до единственно возможного в ее случае идеального завершения.

Такие люди, как г-жа Локин, само собой, не являются широко распространенными в нашем обществе. Их не так-то много в современном мире, да и за всю историю много никогда не было. Люди в массовости своей вообще склонны идти самым простым и наименее энергозатратным для природы способом – путем наименьшего сопротивления.

Путь этот начинается, как правило, еще со школы. Личность человека, по мнению современных ученых, формируется очень рано – едва человек начинает себя помнить. Но именно в школе со сформировавшейся многими годами ранее личностью происходит, быть может, самое важное для нее событие – её социализация. Привычки и методы управлять своей жизнью закрепляются именно здесь. Именно здесь человек в нашем социуме, защищенном со всех сторон правами и государством, вооруженный мощнейшим ме-

дицинским щитом последних 100 лет, понимает, что для выживания и даже для более-менее сносной жизни нужно не так уж и много. Потребности выживать, напрягая все силы, как физические, так и умственные, давным-давно нет. Чувствовать себя своим в окружающей массе соплеменников – для этого нужно приложить не очень-то и много усилий. Сформировавшейся и социализированной личности не особо-то и нужно стараться и применять весь отпущенный ей природой потенциал. Зачастую плыть по течению становится достаточным, чтобы быть не хуже других, они ведь делают ровно то же самое. Вялотекущий дрейф в океане окружающей действительности неплохо обеспечивает тебя всем необходимым, всеми благами цивилизации. Не нужно воплощать в жизнь свой максимум, чтобы не умереть от тифа, коклюша, гепатита или какой-нибудь оспы. Пищу не нужно добывать, убивать, свежевать и даже выращивать, достаточно сходить в ближайший супермаркет в формате «у дома».

Шутка ли, но почти 25 лет своей жизни, если постараться, вообще можно провести на шее у родителей и полном пансионе государства! Даже долг родине отдавать не обязательно. Главным занятием на этот период будет всего лишь присутствие в душных классах и аудиториях несколько часов в день. Да, придется выслушивать монотонный бубнеж лекторов о всяких странных вещах, скучать, залипать в телефон, бороться со сном. Невыносимые муки молодежи! Всем они хорошо знакомы, и все через них проходили. Иногда впус-

кая в свое сознание то, что пытается донести до него неудачник-препод, молодой гений-ученик любит задавать свой острый, как пика, и разящий, как ему кажется, наповал вопрос: «Ну как это может пригодиться нам в жизни?!».

Позже, отпахав таким образом непосильные годы, индивид, член общества, как правило, устраивается на работу. И вот где начинается настоящее раздолье! Тут уже можно даже позволить себе самый навороченный телефон! А еще пусть даже и не такой навороченный, но зато вполне настоящий автомобиль. Да, все это в кредит, ну и что! Как будто он один такой, кто в кредит! Главное ведь, что здесь и сейчас. А ощущение, что ты ничуть не хуже других и вообще полноценный и успешный член общества, – на это никакого кредита не жалко! Да что там говорить, если верить популярной рекламе, это бесценно, а для всего остального, как известно, существует MasterCard!

С другой стороны, пробить свой социальный слой и вырваться в более высокие сферы общества многим юным гражданам не представляется достижимым. Ведь там уже все поделено, все места для будущих успешных людей уже забронированы – этому учат своих детей родители такого же склада ума, приверженцы пути наименьшего сопротивления.

Однако из любого правила и любой статистики есть исключения. Таким исключением была и Аня. Известный факт: когда кто-то, подобно нашей героине, почему-то ведет себя и действует вопреки привычной для всех парадиг-

ме дрейфа по течению, он становится непонятным и непопулярным. И чем меньше различия между составными частями того или другого общества, тем сильнее на их фоне выделяются и обособляются целеустремленные деятельные индивидуумы. Анна уяснила этот принцип для себя очень давно, сделала выбор, поэтому с легкостью приняла правила игры и уже никогда не удивлялась своему положению.

Она всегда была красивой и видной девушкой, однако своим перфекционизмом и тягой к постоянному совершенствованию обеспечила себе позицию вечно непонятой и непостижимой одиночки. Именно поэтому еще со школы девушка преимущественно была одна. Ее обходили вниманием сверстники обоих полов. Для девушек она была странной выскочкой и всезнайкой, совершенно не разделяющей популярные веяния моды, музыки, соцсетей и всего того, чему девичьи армии придают столько значения в наш век. Парни же всегда могли выбрать из как раз-таки этого числа понятных для них и не ущемляющих их эго девушек. Плюс ко всему все эти простые радости и развлечения основной массы людей нашей Ане были чаще всего неинтересны и непонятны. Естественно, в прошлом, да и сейчас, она иногда пробовала снова «социализироваться», а вдруг в этот раз получится? Иной раз она принимала-таки предложение пойти, например, на шумную тусовку в веселую компанию и попробовать наконец проникнуться духом всеобщего веселья и бесшабашности. Однако там она никогда не чувствовала ни ма-

лейшего отклика в своей душе на подобный досуг и постоянно одной из первых уходила или уезжала домой.

Так и жила девочка, девушка и теперь уже, можно сказать, молодая женщина Анна Локин, чуть меньше чем полностью посвятив свою жизнь делу и самостановлению. Поэтому и увиденный накануне невообразимо реальный сон потряс ее до глубины души. Он, словно трещина в земной коре после сильнейшего землетрясения, расколол ее жизнь на до и после.

– Алло, слушаю, – по-фински ответила она на звонок, выведший ее из размышлений о только что пережитом.

Звонил тот самый финдиректор ее компании Лахти Тойванен, который все свое свободное от постоянных каникул в разных частях света время посвящал подбитию клиньев к Ане. Тех самых клиньев.

Вся суть подкатов неизобретательного финна сводилась к бесконечным приглашениям поехать в очередной круиз. Вот и сейчас господин Лахти зазывал Аню составить ему компанию то ли на Сейшелы, то ли на Бали, а может, и куда-то еще. Аня не особо слушала куда. Она вообще крайне устала от этих бесконечных в своей монотонности попыток ее шефа и ждала, когда же до него наконец дойдет тот факт, что желания ехать куда-либо с ним у Ани нет, не было и в этой реальности вряд ли вообще когда-то появится. Поэтому, выслушав очередное предложение, она со всей доступной ей тактичностью и женской мягкостью в очередной раз

вынуждена была отказаться, сославшись на высокую загруженность на работе и на то, что, кроме нее, вести «Юнайтед Полимер Индастриз» в светлое финансовое завтра особо и некому. Про себя она еще добавила: «Тем более с таким вот начальником, который, вместо того чтобы, не покидая конференц-зал, плавно перетекать из одних бизнес-переговоров в другие, на деле же плавно перетекает из одного аэропорта в следующий, из одного отеля прибрежной линии в очередной и из старых купальных шорт в новые, модные в этом сезоне». Эту последнюю свою мысль тактичная Анна, конечно же, оставила при себе.

В общем, разговор, который по факту длился от силы пару минут, но Анне показался самое меньшее получасовым, наконец-то закончился. Она отложила телефон, закрыла глаза и, подняв голову к потолку, с облегчением выдохнула. На часах было 8:30 утра, на календаре ноябрь, воскресенье.

В Финляндии, как и в подавляющем большинстве развитых европейских стран, завтракать и вообще принимать пищу дома было непопулярно, немодно и вообще странно. Поэтому госпожа Локин с целью позавтракать неспешно собралась и отправилась в одну из своих любимых кофеен неподалеку от дома. По привычке девушка взяла с собой ноутбук, так как находила, как и большинство людей ее поколения, принятие пищи без фонового сопровождения сетевого информационного шума совсем уж безынтересным.

В кафе все было как всегда: тихо, спокойно и стабиль-

но. Такая иллюстрация размеренного финского образа жизни. Несколько посетителей разного возраста наполняли собой уютный светлый интерьер. Любимый столик Ани в углу возле окна был как всегда свободен и, казалось, ждал свою постоянную посетительницу. Приземлившись на стул, Аня открыла лэптоп, включила его и стала ждать официантку, которая, разумеется, появилась незамедлительно, как только Аня оторвала взгляд от экрана. Подойдя, официантка поинтересовалась по-фински:

– Доброе утро! Вам как обычно?

– Да, именно так, – ответила Анна, – как обычно: английский завтрак и чашку латте.

Официантка удалилась, Анна же тем временем открыла сайт из закладок браузера и погрузилась в чтение новостей ее родной страны. Во главе списка на новостном сайте крупными буквами значился заголовок: «ЗВЕРСКОЕ УБИЙСТВО В СИБИРИ». Заинтересовавшись, Анна кликнула по заголовку и перешла на страницу с подробным описанием случившегося. В статье сообщалось, что вечером в субботу, то есть новость была совсем-совсем свежая, в городе Томске один бездомный возле одного из сточных коллекторов в центре города обнаружил обезображенный труп молодого мужчины около 30 лет. Точнее сказать было нельзя, так как вместо лица у трупа было сплошное месиво и само тело было уже изрядно раздуто, видимо, после пребывания, по мнению экспертов, около суток в воде. В новости также было сказа-

но, что личность убитого крайне сложно будет опознать, поскольку убийца потрудился над этим и мало того что полностью уничтожил лицо жертвы, но и раздробил ему пальцы на обеих руках, так что снять отпечатки было невозможно. Однако же экспертам удалось отыскать в ротовой полости убитого несколько коренных зубов, и благодаря сложной экспертизе ДНК личность жертвы в ближайшее время все-таки будет установлена.

После прочтения данной новости Аня в который раз внутренне порадовалась тому, что уехала, пожалуй, навсегда из этой страны и что ее визиты туда, как и раньше, скорей всего, ограничатся редкими поездками к родителям на праздники. Разумеется, убийства и вообще криминальные события время от времени совершались в любом уголке мира, в том числе и в Финляндии, но здесь им не уделялось такого внимания в СМИ. Связано это было с тем, что, возможно, в действительности самих убийств было ощутимо меньше. С другой стороны, политика в стране касательно освещения такого рода событий была гораздо сдержанней и деликатней, чем на 1/6 части суши. В Финляндии, как давно отметила Анна, спокойное и размеренное течение жизни граждан не омрачали подобными новостями так часто и столь внимательно к ужасным деталям. В российских же новостных структурах такого рода события были чуть ли не главной темой подавляющего большинства изданий и ТВ-каналов. Создавалось впечатление, что жителям России, как вампирам кровь для

нормальной жизнедеятельности, необходим постоянный поток жести и чернухи.

Однако Анну непонятно почему, но всерьез заинтересовала данная статья. «Может, потому что я сама русская и тоже не могу без этого?» – с легкой мрачной иронией подумала Анна. Но колокольчик оповещения, чтобы получать свежую информацию по этому событию, она нажала. И как только пальчик с красивым маникюром кликнул левой кнопкой мыши, тут же девушку прошиб пот. И как правильно догадывалась Анна, в жар ее бросило отнюдь не от горячего кофе. Дело было в том, что уж очень знакомой казалась ей только что прочитанная новость. Девушка, конечно же, тут же догадалась, почему так случилось. Ведь все, о чем говорилось в статье на сайте, сегодня ночью Анна уже буквально пережила и ощутила всем своим существом!

Осознав это, Анна почувствовала себя героиней какого-то мистического триллера популярного писателя. Все это походило на завязку какого-то лихого и страшного сюжета. Вот только если сон всегда можно списать на игру подсознания, накопившего балласт из переживаний и сбрасывающего этот балласт через сновидение, то сообщения уважаемого новостного агентства никак при всем желании нельзя было отнести к той же категории. Однако холодный Анин рассудок и здесь смог взять верх над лавиной самых разных чувств, переплетенных со страхом. Лавина разбилась о возведенную стену рационализма и скепсиса на мириады искрящихся в лучах

финского солнца снежинок. Анна решила не паниковать и не строить никаких бредовых догадок. Совпадение и ничего более! В жизни совпадения еще и не такие случаются.

Дымящийся английский завтрак очень вкусно и методично утолял голод, кофе отлично оттенял и подчеркивал этот процесс, а за окном тем временем неумолимо двигалось к зениту солнце. Желтое сияние красиво играло переливами на крупицах выпавшего недавно первого снега. Под его белым покрывалом еще не успела пожухнуть и потерять свой яркий оттенок опавшая листва, превращая землю страны Суоми во что-то наподобие красочного фруктового десерта. Такое великолепие цветов и красок просто не могло позволить настроению скатываться в негатив. Вот и Аня, взяв кружку обеими руками, посмотрела на небо через безукоризненно чистое окно, и ямочки от улыбки украсили ее порозовевшие щеки.

Глава 6

Все утро и послеобеденное время отошедший от шока Эрик провел у себя дома, неспешно перемещаясь из кухни в зал и обратно тем же маршрутом, чередуя игру на PS4 и просмотр ТВ с перекусами и распитием своего любимого кофе.

Примерно в это время ему позвонил один из немногих его томских друзей Иван, с которым Эрик проводил львиную долю своего досуга вне работы. Парни договорились встретиться вечером в одном из местных пабов, пропустить стаканчик – другой пива и обменяться новостями: что, у кого, зачем и как. Эрик был рад звонку друга и предложению встретиться. Ему не терпелось поделиться пережитым недавно шокирующим опытом своего сна, а Иван Юшин был одним из тех немногих людей, кто способен был по-настоящему понять всё, что Эрик чувствовал, а также реально мог помочь разобраться в увиденном. Подсказать что-нибудь дельное или обратить внимание на то, что Эрик упустил. Самого Линдгаарда почему-то так и не отпускали коготки какой-то странной тревоги, несмотря на то что все были живы и сон, очевидно, оставался всего лишь сном.

У Эрика вообще было немного знакомых в Томске, а того, кого он мог бы назвать очень хорошим приятелем или даже другом, кроме Ивана, не было вовсе.

Парни познакомились на рок-концерте. Эрик любил по-

добную музыку и как-то раз потащил туда одну девушку. Нашел её Эрик на сайте знакомств, и после недельной переписки, узнав друг друга более или менее, ребята решили, что мощ, треш и рок-н-рольный угар – идеальная атмосфера для их первого свидания офлайн.

При встрече с девушкой Эрик был не шокирован, нет, но и ожидания его после просмотренных оффотошопленных фотографий были далеки от суровых жизненных реалий. Но это было бы еще полбеды! Помимо несоответствия ТТХ, девушка откровенно стеснялась, разговор не клеился. А темы, которые пытался шевелить Эрик, потому как те значились в графе «интересы» на СЗ, все никак не находили ни вербального, ни эмоционального отклика у... Лены. Назовем ее Лена. А почему бы и нет? Тем более Эрик уже и сам не помнил, как ее звали. В результате всей борьбы во время выступления одной из групп разогрева Эрик отлучился в направлении барной стойки, намереваясь провести там настолько много времени, насколько получится. Там, у бара, не спеша потягивая водянистое светлое пиво, Эрик, не щадя, ругал себя за свою все еще детскую доверчивость и глупую веру в удачное знакомство по интернету. И еще, пожалуй, в то, что вытащил эту особу сразу на такое долгое и, можно сказать, интимное в плане обмена эмоциями мероприятие, как музыкальное шоу, ведь можно было для начала и просто кофе попить.

Как раз за этой самой барной стойкой, куда и удалился

от своей спутницы Эрик, парни встретились в первый раз. Эрик обратил внимание на молодого человека, сидящего через стул от него и живо дискутирующего с барменом о качестве игры местной разогревочной группы. Послушав их диалог какое-то время, Линдгаард отметил импонирующую ему манеру речи соседа по бару и довольно интересные высказывания, с которыми сам Эрик был согласен чуть менее чем полностью, поэтому решил вклиниться в разговор со своими пятью копейками. Парни быстро разговорились, осушили первые литры пива, взяли еще. Эрик, грешным делом, и думать забыл об оставленной им спутнице, которая, возможно, поняла, что не впечатлила молодого человека, и ушла домой, а может, подобно Эрику, нашла какую-нибудь компанию единомышленников и сейчас неплохо проводила там время. Любой из этих вариантов, по мнению Эрика, был лучше, чем попытки высосать из пальца принужденное и доставляющее им обоим дискомфорт общение.

Когда же хедлайнеры мероприятия вышли на сцену, наши герои в изрядном подпитии уже были чуть ли не лучшими друзьями, знающими друг друга, казалось, сто пятьдесят тысяч лет, и были готовы проследовать на танцпол для знатного угара, для чего оба, собственно, и были здесь. Иван познакомил Эрика с ребятами, с которыми пришел, и все вместе они изрядно оторвались в ту ночь, закончив тусовку только ранним утром в одном из пабов, пьяные неприлично, повисающие в объятиях друг друга и заявляющие, что теперь братья

и друзья навек, уважающие и любящие друг друга сверх всякой мыслимой меры и т. п. Ну, вы знаете, как это бывает.

Эрик и Иван после этого стали довольно часто видаться. Редкие выходные проводили совсем без встреч друг с другом. Для Эрика так и вообще товарищ Юшин был единственным близким человеком в Томске. И когда первый был свободен от работы и не желал побыть в уединении, что тоже любил, он и Ваня тусовались либо в гостях друг у друга, либо ходили в кино или по барам, либо даже могли отдаться столь классическому для мужчин, особенно постарше, досугу, как игра в бильярд. Ребята имели схожие интересы, близкий по силе интеллект и вообще все то, без чего никакая настоящая дружба в принципе невозможна. Ведь определяющим фактором дружбы, как ни крути, является развитие параллельными курсами, увлечение похожим. Поэтому так легко и естественно появляются друзья в детстве и молодости человека, во время его наиболее интенсивного развития, роста и становления, когда ты в кругу схожих с тобой людей понимаешь, что важно и интересно вам вместе и тебе в первую очередь. А вот в зрелом возрасте друга или же просто хорошего приятеля завести не так-то просто, ведь необходимо, чтобы два взрослых человека раньше, во время своего становления, развивались почти что одинаково. Только тогда им будет о чем дружить. Именно так случилось и с нашими героями, чему Эрик был по-настоящему рад и благодарил судьбу за то, что та подарила ему друга в по сути чу-

жом незнакомом городе, где он в силу рабочей необходимости и вынужден был сейчас жить.

Иван также любил компьютерные игры в том возрасте, когда любить их для России почему-то считается моветоном и инфантильностью среди «настоящих» мужиков. Помимо игр и фильмов, также как и Эрик, много читал, также интересовался философскими вопросами, немного религией, но не как адепт, исполняющий культы, а как еще одним инструментом для познания и понимания окружающего мира.

Был у Ивана и еще один интерес. Эзотерика, альтернативные, непризнанные наукой методы познания мира. Как раз это и радовало сейчас Эрика больше всего, особенно в рамках намеченной им вечерней беседы. Знакомство его друга с эзотерической оккультной темой должно было помочь ему понять и разделить впечатления и переживания Эрика, связанные с тем самым сном.

Встреча была назначена на 7 вечера, а стрелка часов в доме Эрика плавно подходила к 6. Парень приступил к сборам. Одевшись и вызвав такси, он посмотрел за окно, где в желтом свете фонарей на землю неспешно падали крупные хлопья снега. Погода, очевидно, была безветренная и, судя по градуснику за окном, чей ртутный столбик покоился рядом с цифрой 6 ниже нулевой отметки, идеальная для зимы, по мнению Эрика. Вышеперечисленные факторы прямо-таки гипнотически приказывали выйти на улицу и дожидаться такси там, допустим, коротая время за сигаретой. Эрик

хоть и не был, по собственному убеждению, курильщиком, дежурная пачка сигарет всегда покоилась в кармане его верхней одежды в ожидании своего часа.

Линдгаард надел куртку, вступил в ботинки, шнурки которых были по обыкновению расслаблены, чтобы носить их, не затягивая или ослабляя шнуровку, и вышел из квартиры.

Оказавшись на улице, первое, на что Эрик обратил внимание, это, конечно же, на свою машину, как и подавляющее, пожалуй, большинство мужчин. Здесь Эрик передвигался на не самом последнем, но и далеко не самом старом Subaru Forester. Вторым же моментом, на что посмотрел Эрик, было то, как мало места было между его машиной и BMW 5, припаркованной параллельно передом к его Subaru. Уже не первый раз Эрик замечал, что хозяин этой машины паркуется, что называется, как олень, то зажимая соседние транспортные средства, затрудняя им выезд, то оставляя свой автомобиль так, что тот перегораживает добрую половину проезда в узком и без того дворе. Все это уж очень бесило и нервировало Эрика. Он, напротив, был из тех водителей, кто очень аккуратно относился к таким моментам, как парковка, да и вождение вообще. Эрик всегда по мере сил старался как можно меньше создавать помех другим участникам движения. Естественно, придавая немалое значение этому вопросу, схожего отношения он ожидал и от других автолюбителей.

«Да как же меня достала эта скотина, в самом деле! – по-

думал Эрик. – Ну как можно быть такой свиньей и совсем не думать о других?!» Линдгаард уже выступал в роли пострадавшего от бессовестной парковки его соседа. Пару раз Эрик, обильно потев, пытался выехать с парковки, преодолевая дефицит пространства, обеспеченного ему хозяином BMW. 30 % усилий в таких случаях уходили на собственно выезд с парковочного места, а остальные 70 % – на вербальное и невербальное покрытие плотным слоем мата владельца «пятерки». Как-то раз он даже видел его выходящим из подъезда и садящимся после в свою машину, но подойти не решился, сославшись для себя на то, что его машина-то, слава богу, не приперта, что и на работу пора, плюс ругаться попусту как-то не хочется.

Да и на минуточку! Он как-никак не последнее лицо в успешной компании. А такому лицу никак не подобает инициировать дворовые разборки. Примерно в таком ключе вел Эрик тогда внутренний диалог, наблюдая, как хозяин BMW садится в свою машину и уезжает со двора. Однако у каждого из нас где-то в самых темных глубинах души живет та часть человека, которая на самом деле все про себя знает и понимает. И всегда, когда Эрик мыслями возвращался к тому случаю, из этих темных душевных недр кто-то негромко напоминал ему, что тогда он просто-напросто струсил. Побоялся вступить в легкий и незаметный конфликт тогда, когда конфликта, возможно, никакого бы и не было, а был бы, скорей всего, простой разговор. И кто знает, возможно, этот

разговор возымел бы действие.

Точно так же ведь было и с Эмилом. Эрик резко и, скажем, адекватно отвечал ему, только будучи доведенным до точки кипения. А ведь сколько нервов могло быть сэкономлено, веди себя Эрик чуточку смелее заблаговременно!

Линдгаард помнил, что не всегда был таким. В детстве он был бесшабашным сорвиголовой, всегда в первых рядах или даже в гордом одиночестве жестоко сражавшимся с любой имевшей место несправедливостью в отношении другого человека или же, не дай бог, его самого. Эти его воспоминания совпадали и с маминими рассказами о том, когда наш герой был еще совсем малышом и не помнил себя. Как такового конфликта Эрик, пожалуй, не боялся, но после одного случая, произошедшего с ним в детском саду, стал бояться последствий. Но об этом позже.

Выйдя во двор и снова став свидетелем хамства, учиненного хозяином BMW, Эрик враз забыл про любимую погоду, завораживающие хлопья снега, щедро сыплющиеся с неба, и про предстоящий уютный вечер с другом. Он лишь достал сигарету, быстро зажег ее и торопливо, резко и глубоко затянулся так, что даже зашелся приступом кашля. «Сука же какая, – в ярости подумал Эрик, – из-за его сраного отношения даже покурить нормально не могу. Такой вечер испортил, гад!» Позже Эрик отметил всю странность и дикость последовавших после этого своих действий.

Он затянулся сигаретой еще раз и выбросил ее тлеющую

прямо в снег. Чувствуя в груди искры ярости, а в животе – холодный свинец адреналина, он подошел к BMW и что было силы пнул ногой по машине в том месте, где бампер соединялся с передним крылом. Потом еще добавил, со всей силы хлопнув ладонью по капоту. Хлопок этот звучным эхом прокатился по пустому двору, и белая BMW завизжала сигнализацией, истерично мигая поворотниками.

Опустив низко голову в капюшоне и сквозь розовую поволоку глядя на белый снег, Эрик подумал: «Ну, выходи, сука... разберемся уже наконец». Приход хозяина не заставил себя долго ждать. Не прошло и трех минут, как из соседнего подъезда быстро вышел мужчина лет 40 с приличным животиком, пятидневной небритостью, лысеющий и в расстегнутой кожаной куртке с капюшоном мехом внутрь. Быстро посмотрев туда-сюда, не обнаружив во дворе никого, кроме Эрика, замершего со склоненной головой возле его белой ласточки, сложив 2×2, мужчина неуклюжим быстрым шагом поспешил разобраться в сложившихся обстоятельствах.

Подойдя к своей BMW, припаркованной прямо под светом фонаря, и увидев, что зазор между бампером и крылом какой-то неестественно большой, а также увидев трещину на бампере и след, оставленный ботинком Эрика, хозяин машины, выпучив глаза, срываясь на крик, произнес:

– Ты че, гандон, ногами машешь?! Какого тебе моя машина сделала??

– На себя посмотри, мразота, – с удивительным для самого

себя ледяным спокойствием низким голосом ответил Эрик.

– Че у тебя за проблемы, придурок? Расскажи хоть ради интереса, пока еще можешь внятно говорить со всеми зубами.

– Мне надоело смотреть, как по-еблански ты паркуешься, свинья, решил вот тебе глаза открыть. Посмотри, сколько места ты мне оставил для выезда. Как я, по-твоему, должен отсюда выбираться?

К слову говоря, Subaru Эрика и BMW стояли друг к другу морда к морде, только вот за BMW машин не было, там начиналась дорога, и становиться настолько близко, буквально в 15 см, не было никакой необходимости.

– Да мне похуй! – ответил мужчина. – Выедешь, не усрешься, чем ты лучше других-то?

– Это ты чем лучше, чмо жирное, обнаглевшее, что позволяешь себе так наплевательски относиться к другим?

Эрик хоть и был выше среднего роста, немного за 180, но телосложением, особенно в зимней одежде, богатыря не напоминал, хоть и был в меру подтянут и мускулист. Хозяин BMW же, видимо, понадеявшись на свое превосходство в габаритах и, следовательно, в весе, после последней реплики нашего героя двинулся в нескрываемую атаку.

– Пизда тебе, гандон охувевший!

С этими словами он пошел на Эрика всей своей массой, с руками вперед, хватая последнего за грудки. Эрик просунул правую руку между рук мужика, обхватил ладонью его

лицо и большим пальцем с силой нажал на левый глаз атакующего. Мужчина заверещал от боли, сыпля ругательствами, его хватка ослабла. Эрик почувствовал это, после чего просунул левую руку, сбил хватку и с силой толкнул обидчика в грудь. Пузан отошел на полтора шага, встряхнул головой, потер пострадавший глаз и предпринял новую атаку. Эрик с силой пнул его правой ногой в левое колено, мужчина присел на него, а Эрик же, сделав шаг в сторону, слегка развернувшись, взял двумя руками голову мужчины и, используя инерцию плюс силу своих рук, со всей мочи впечатал его голову в крыло его же BMW. Потом еще и еще раз. Мужчина обмяк и повалился на снег с разбитым носом и несколькими рассечениями в области глаз. На крыле BMW кровавое пятно медленно растекалось. А тонкая тягучая на морозе струйка крови капала на снег.

– Гандон ебанный, полежи, остынь, – яростно выдохнул слова Эрик.

Он пинками откатил тело в сторону подъезда. Мужчина, будучи в сознании, после второго переворота с трудом поднялся и сел на заснеженный бордюр, уткнув разбитое лицо в ладони. Линдгаард подошел к нему с левой стороны и, сжав в кулаке ухо жертвы, дернул его голову вверх.

– А теперь слушай сюда, мразь. Еще раз увижу, что твоя колымага припаркована в подобном стиле, сломаю тебе руку при встрече, ты понял??!! Ах да, если найду хоть царапину на своей машине, в дополнение к руке еще и ногу сломаю.

...И нос откушу, – подумав, добавил Эрик.

Обернувшись на звук колес на снегу, Эрик увидел, как во двор въезжает старенький Nissan с шашечками на бортах. Наклонившись и зачерпнув горсть снега, Эрик омыл от крови руки и пошел к ожидавшему его такси.

Такси остановилось, Эрик вышел и направился ко входу в паб, который находился в подвале дома на одной из центральных улиц Томска. Зайдя внутрь, он огляделся и почти сразу же увидел Ивана, который уже ждал его за их любимым столиком. Эрик не жаловался на свою пунктуальность и даже в этот раз, несмотря на недавнюю разборку во дворе, зашел в паб в 18:57. Он по привычке посмотрел на часы, когда выходил из такси, для того чтобы в который раз внутренне порадоваться, насколько же все-таки пунктуален. Несмотря на это Юшин уже ждал его. Это качество в Иване очень нравилось Эрику, ведь обычно это он всегда, несмотря на то что приходил на встречи строго к назначенному времени, вынужден был ждать прихода остальных. А тут судьба свела его с тем, кто почти всегда приходил раньше. И, согласитесь, это гораздо приятней, когда ждут тебя, а не ты.

Эрик быстро приблизился к столику, протягивая руку своему другу со словами:

– Здорово, камрад! Как сам? Давно ждешь?

– Ну, как жду, – отвечал Иван, – фактически да, но формально ведь и нет. Ты ведь, сучий отпрыск, как всегда, при-

шел строго вовремя!

Рот Эрика разъехался в улыбке, а глаза весело сощурились.

– Да как-то так само получается, ничего не могу с собой поделать. Ты ж вот тоже ничего не можешь с собой поделать, приходишь раньше всех и сидишь чалишься!

Парни весело рассмеялись обоюдным остроумиями, а Эрик тем временем разместился за столом. Взял меню, бегло просмотрел. Меню было все то же, без изменений, поэтому Эрик отложил его, ведь прекрасно знал, что собирается есть и пить. Подошла официантка в белых гетрах на загорелых ногах, которые благодаря ее весьма короткой клетчатой юбке можно было рассмотреть во всей красе. Парни сделали заказ. Эрику уже не терпелось перейти к разговору.

– Ну че, как дела-то? – начал он. – Как трудовая неделя прошла? Как там твои инвестиции?

Друг Эрика был одним из той породы счастливицев, которым всегда завидуют сверстники. Почему завидуют? Все просто. Трудовая неделя Ивана Юшина была гораздо менее трудовая, чем у большинства обывателей. Ведь весь свой доход он получал благодаря деятельности в интернете. Иван занимался современными инвестициями: всем понемногу, от классического «Форекса» до самых новых криптовалют, и надо сказать, что неплохо жил с этого. Эрик неоднократно бывал в гостях в шикарно обставленной квартире Ивана, подвергнутой дорожному, по его оценкам, ремонту. Пере-

двигался его друг на новеньком Jaguar F-Pace с топовым, разумеется, двигателем. И если только господин Юшин не был наследником большого состояния, о чем тот никогда не говорил, то все эти атрибуты успешности пришли к нему именно благодаря интернет-заработкам. Эрик крайне уважал Ивана за это умение так играючи зарабатывать. Ведь такое по силам не каждому: с нуля разобраться в хитросплетениях финансовых дебрей и поставить эти знания себе на службу. Многие молодые люди около 30 и моложе в наше время хотели бы жить как Иван: не быть вынужденными ходить на работу в какой-нибудь постылый офис, каждый день потихоньку деградируя под напором серой рутины. Хотели бы иметь возможность путешествовать куда угодно, передвигаться на более чем приличной машине и все в этом духе. Эрик и сам не прочь был переключиться уже на что-то подобное, а не работать в компании, пусть и большой, пусть и успешной, пусть даже и на отличном месте и хорошем счету, но все-таки именно работать *на* кого-то. Что уж и говорить о менее везучих представителях поколения наших героев. Хотя... «А кто им, собственно, мешает? – думал сейчас Эрик. – Кто мешает мне? Все элементарно. Лень и привычка дрейфовать по пути наименьшего сопротивления, плыть по реке в русле зоны комфорта на плоте из обывательского минимального достатка, кредитов и удовольствий». Эрик верил, что человеку доступно что угодно, самое трудное – найти в себе волю, намерение и мотивацию отклеить свою задницу от любимого

го мягкого стула возле компьютера с YouTube и начать уже действительно развиваться через практику.

– Да пока никак, – отвечал Иван на заданный вопрос, – дело к зиме, крипту лихорадит, решительно непонятно, на чем работать. Так что... Пока просто доверил своему брокеру раскидать кое-какую денюжку по фьючерсам. Конечно, доходы так себе, но зато и без дела не лежит.

– Ясно. Чилишь, значит, – улыбнулся Эрик.

– Ага, набираюсь сил, можно сказать, перед новогодней истерией. Ты че, как, как отпуск, поедешь куда-нибудь?

– Да нет! Не в этот раз. Вроде ведь и был уже везде, где хотел. А нового пока что-то ничего на ум не идет. Да и отпуск-то еврейский, так, недельку дали перед закрытием года. Потом на праздниках, может, до родителей в Красноярск доберусь, ну и покатаюсь там заодно, – ответил Эрик Линдгард, увлеченный, между прочим, любитель сноубординга.

Парни сделали глоток доставленного только что пива. И Эрик продолжал:

– Ты офигеешь, какой сон мне приснился! На самом деле офигеешь. Буквально сегодня ночью вот.

– А, валяй-валяй! Выкладывай! Только вот я свой хрустальный шар, как назло, дома забыл, – принялся валять дурака Иван.

– Твои шутки, конечно же, как всегда из жопы мишутки, – в тон ему ответил Эрик, немного помолчал и продолжал: – На самом деле полная жесь. Со мной такого никогда не бы-

вало еще. По крайней мере, проснулся я в самом настоящем ужасе. Даже руки тряслись, как у треморного дедушки.

– Ого! Сейчас вот чу-у-у-уточку интересней стало. Ну и что же такое тебе приключилось? Ты ведь, м-м-м, бывалый сновидец, если можно так сказать, вооруженный знанием, – Иван плавно переходил на серьезный тон.

– Да в том-то и дело, – отвечал Эрик, почесывая затылок, – и мы с тобой об этих всех снах сто раз говорили, и вроде осознавать себя там у меня получается, поэтому уже лет сто я не видел кошмаров, а если и видел, то легко с ними справлялся. В общем, слушай...

И Эрик пересказал ему свой сон, все от начала до конца, любую мельчайшую деталь, каждую подмеченную непохожесть на реальный физический мир. Все то, что чувствовал сам в те моменты. И, разумеется, убийство. Вот только он не сказал, кого именно убил, просто сказал, что так, один знакомый. Потому как, хоть Эрик и убедился, что с Эмилем все в порядке и это действительно на все 100 % был всего лишь сон, какая-то часть сознания повелела сделать ему именно так. Береженого, как говорится...

– Но тут... – продолжал Эрик, – понимаешь, я помню, что отмечал и замечал все детали и странности, которые видел: мир был странный, чересчур из крайности в крайность, что ли: или очень красочный, или, наоборот, крайне мрачный и размытый. Звуки такие, какими никогда в жизни не бывают. Совершенная невозможность узнать время. То есть я созна-

тельно присматривался ко всему тому, после чего ты просто задаешь себе резюмирующий вопрос: «А сплю ли я?». После этого вопроса твой мозг, понятное дело, учитывая все нестыковки с реальным миром, однозначно тебе отвечает: «Да, спишь». И раз так, отныне ты контролируешь сон, а не он тебя. Ну да что тебе объяснять, ты сам это прекрасно знаешь.

Иван слушал рассказ с интересом, не перебивая и не сводя глаз с друга. Он даже забыл о пиве. Ни разу за все время, пока Эрик рассказывал, Иван не притронулся к стакану.

– Странно, конечно, что ты не смог осознаться, – протянул Юшин, – в принципе уже в кафе при звуке колокольчиков можно было это сделать.

– И не говори! Я подумал после всего, ну и успокоился на мысли, что я ведь далеко никакой не гуру и не всегда сновидение получается осознанным, пусть даже в самых, казалось бы, явных случаях.

– Да, интересно, конечно, – отвечал Иван. – А ты не думаешь, что, может, все-таки убил того человека, ну, только в другом мире?

– Ты это серьезно сейчас? – в упор посмотрел на друга Эрик и сделал глоток пива.

– О, вполне, – продолжал Иван и тоже отхлебнул пива, – более того, мне кажется, ты и сам оставляешь такую возможность, поэтому и не сказал мне, с кем же это конкретно ты встретился.

«Все-таки какой же чертовски умный подонок», – глядя на друга, подумал Эрик. Он склонил голову, вздохнул, осушил сразу треть стакана и уже вслух продолжал:

– Да, не исключаяю, поэтому мне, если честно, до сих пор не по себе до конца.

– Друг мой, даже если параллельные миры и существуют, на то они и параллельные, чтобы не пересекаться с нашим, поэтому бояться, что это как-то повлияет на тебя, я бы не стал.

– Посмотрел бы я, как бы ты не боялся, если б подобное случилось с тобой, умник, – с натянутой улыбкой ответил Эрик.

– Да брось ты, – сказал Иван и махнул рукой. – Я б на твоём месте относился к этому как просто к интересному опыту, разбавляющему твоё одинокое пресное существование!

– О! Лучше уж я продолжу пресно существовать, чем разбавляться такими кошмарами, знаешь ли, – хмыкнул Эрик. – Кстати, помнишь, я говорил тебе про чувака, чья «пятерка» мне все мозги съела своей конченной парковкой?

– А, ну, помню, конечно, ты ж мой притесняемый со всех сторон бедолага, – отвечал Иван со своей прежней веселостью.

– Так вот, встретился с хозяином машины сегодня, буквально перед тем как поехал сюда.

– Ну и как? – осведомился Юшин. – Поговорили? Ты сказал ему, что не в восторге от авто-харассмента?

– Сказал – это мягко сказано. Оставил его сидеть с разбитым лицом возле дома, еще и угрожал, ты прикинь!

– Он тебе?

– Я ему! В общем, как было: выхожу я, значит, из подъезда весь такой в отличном настроении, погода – класс, снежок, тепло и все такое. Думаю, подожду-ка такси на улице, покайфую. Ну вот, выхожу, прикуриваю и что вижу, по-твоему? Стоит эта долбаная «пятерка», прижала меня по самые помидоры, выехать нереально, если вдруг нужно будет.

– Та-а-а-ак, – протянул Иван.

– И чего-то как меня переключило, прикинь! Я подхожу к машине, с ноги сношу полбампера. Помял еще и крыло попутно вроде бы. Сигнализация молчит. Ну, я и, недолго думая, огрел тачку со всей силы по капоту. Тут уже она заревела, выбежал хозяин – премерзкий дядя, на мой взгляд, ну и, естественно, в оскорбленных чувствах ломанулся на меня справедливость и попранную честь восстанавливать. Подходит такой, ну и давай с мата на мат: да я тебе, такой-то, мать твоя такая-то, че ногами машешь и все в таком духе. Я ему как бы тоже жестко свое видение ситуации обрисовываю. После чего дядя в драку. В результате всей борьбы, в общем, приложил я его будь здоров. Ну и в итоге заявил, что если он вздумает как-то на моей машине отыгаться, я ему руки-ноги переломаю и...

– Что? – спросил заинтересованный и слегка охреневающий от того, что слышал, Иван.

– Нос откушу, – подытожил Эрик.

– Аха-ха-ха-хах-ха-ха-ха! – зашелся диким хохотом Иван. – О боже, пощады, о ужасный, поедающий носы врагов своих! Аха-ха-ха-ха-хах, пощады!

– Вот так вот, прикинь, хах! – Эрик, глядя на друга, и сам потихоньку начал прихихикивать.

– Не, дружище, если серьезно, то это жесть какая-то, – сказал Иван, вытирая слезы, – смех смехом, и толстый, возможно, по-хорошему даже заслужил нечто подобное, но, сам понимаешь, в наше время за такое не бьют и разборок таких, как мне кажется, адекватные успешные люди, как ты, не устраивают. А если он заявку пойдет напишет? Это до работы твоей непременно докатится. Тебе оно надо?

– Да понятно, что не надо, но знаешь... Я тогда ведь обо всем этом вообще не думал, все, что меня заботило, – это проучить и наказать уже наконец-то того козла. Чувствовал себя прямо как тогда... – и тут Эрик осекся и его зеленые глаза встретились с синими друга.

– Как тогда во сне, хочешь сказать?

– Да, именно. Блин...

– Чувак. Сны, конечно, учат нас, как, в принципе, и весь жизненный процесс. А когда сон осознаешь и начинаешь вытворять там всякое, вообще порой просыпаешься с чувством, что сегодня в реале горы свернешь. Было у тебя такое?

– Да, было именно так. Эта ведь осознанность и нужна

как раз для того, чтобы показать тебе, что ты можешь менять окружающий тебя мир. Можешь, это реально. Пусть и не так быстро, как во сне, но все же. Твои мысли и намерения определяют мир вокруг.

– Вот то-то и оно, Эрик. Не стоит тебе, я думаю, укореняться в мысли, что ты безнаказанно можешь наказывать людей, пусть даже за их самое откровенное и вопиющее хамство.

– А может, стоит хоть кому-то, а?

– Так для этого же карма есть, ты что, чувак!

– Ну а если и ей какое-то орудие нужно, через которое действовать? Не думал об этом?

– Да, разумеется, думал... – протянул Иван. – Не знаю даже, что тебе на это ответить.

– Знаешь, Ваня. Я ведь всю жизнь, можно сказать, себя ограничивал, был максимально адекватным, спокойным, кто-то бы, наверно, даже сказал, что трусоватым иногда. Шел на конфликты только в самом крайнем случае. Не поверишь, как меня это достало. Честно.

– Почему, прекрасно понимаю, о чем ты, и верю. Но в наше цивилизованное и толерантное время...

– Да-да, – перебил Эрик, – знаю, что ты сейчас скажешь: время сейчас другое, не средние далеко века. Человек защищен. Множество инстанций и органов, в которые можно пойти, написать кляузу, стукануть, указать пальцем. Плюс карма, конечно же.

– Ну, примерно в этом русле, – согласился Иван, – но точнее...

– Но точнее то, что в конечном итоге никто тебя не защитит здесь и сейчас, случись что вот в данный конкретный момент. Ты не пойми неправильно, я и сам думал в точности как ты да и большей частью продолжаю так же думать. А то, где я сейчас нахожусь, где и кем работаю, случилось во многом благодаря моему, скажем, покладистому характеру. Вот только характер этот начал вырабатываться не благодаря моему выбору, а под влиянием одного очень далекого происшествия из глубокого детства.

– Какого? – с интересом спросил Юшин.

– Сейчас расскажу.

Как мы с вами уже говорили и как упоминал сам Эрик, в детстве он был довольно агрессивным мальчиком. Агрессия эта была часто вовсе необоснованная. Например, когда он на дне рождения двоюродной сестры весь вечер цеплялся и, прямо скажем, харассил одного мальчика. Тогда Эрик – и он прекрасно это помнил – буквально терзал душу бедному мальчишке. Еще Эрик помнил, что испытываемые им тогда эмоции доставляли ему настоящее, неподдельное наслаждение.

Иногда, когда Эрик вспоминал свои детские годы и эту часто переполняющую его агрессию, он во многом сам себе напоминал Эмиля Ахвердиева. Того самого старого зна-

когого с работы. Паттерны поведения маленького Эрика в те годы и Эмиля, когда тот доставал Эрика в Иркутске, были очень похожи. Несмотря на это, Эрика всегда бесил нагловатый и хамоватый Эмиль. Сам Линдгаард лишь недавно стал задумываться о том, что это его негодование из-за поведения коллеги на самом деле вызвано глубинной завистью той свободе, которую позволял себе Эмиль. Такое смелое и безоглядное на последствия своих действий поведение Эрик уже давно не мог себе позволить. Так что же случилось?

Именно об этом инциденте детства Эрик Линдгаард и рассказывал сейчас своему другу Ивану.

Случай произошел в детском саду, когда маленькому Эрику было около 6 лет, может, чуть меньше или чуть больше. Это случилось на утренней прогулке под серым осенним небом, когда у ребят вырывается изо ртов первый в году парок, сообщая малышам о том, что теплые деньки закончились, а бабье лето начинает неотвратимо отступать под натиском холодных дней настоящей осени. В такое вот осеннее утро и произошел инцидент, придавший, возможно, всей дальнейшей жизни Эрика совершенно новый курс.

Наш маленький герой уже тогда неплохо различал людей: видел, кто смелый, а кто нет, кто добрый и справедливый, а кто скользкий и хитрый, кто готов делиться всем ради друга, готов постоянно брать вину за общие проступки на себя, а кто, напротив, постоянно за глаза валит всё на других, хитрит и пытается именно себя выставить в лучшем свете. Но

больше других маленький Эрик не любил и презирал тех, кто неустанно очерняет других перед администрацией в лице нянечек и воспитателей.

Детей с самого раннего возраста учат добру в самом классическом и хрестоматийном его понимании. Этому способствуют и родители, и мультфильмы, и вообще вся современная, ориентированная на детей культура. Одни дети впитывают эту пропаганду лучше и охотнее. Другие же хуже, и часто подвергая сомнению. Ведь даже у ребенка, даже у очень еще, казалось бы, маленького и несмышленного возникает вполне логичный вопрос: а выгодно ли быть хорошим? Что он-то с этого будет иметь? Поступят ли другие люди, по отношению к которым он почему-то должен быть образцом идеального члена общества, так же хорошо с ним? Сделают ли они, окажут ли они ему те же честь и услуги, вернут ли доброту и такт? И не получив утвердительного ответа на этот вопрос, уже в детском саду многие дети если еще и не сворачивают, то уже часто стреляют глазками в сторону, чтобы посмотреть: а что там, за этой узкой дорожкой правильности? Понемногу они начинают посматривать в сторону эгоизма, себялюбия и хитрости. Порой они даже начинают пробовать своей маленькой ножкой почву на тропе агрессивного поведения, плетения заговоров против кого-то и, допустим, стукачества на неугодных.

Именно таких вот маленьких человечков, посматривающих на темную сторону, очень хорошо видел маленький

Линдгаард. Конечно же, в то время, и это понятно, он не проводил никаких анализов и не философствовал по этому поводу. Он просто видел, как поступает тот или иной ребенок в конкретной ситуации, и тут же интуитивно понимал, соответствует ли это его внутреннему моральному компасу или же нет. То, что этот самый его компас работает и показывает туда, куда надо, Эрик знал. В этом его убеждали в первую очередь любящие родители, будучи по-настоящему честными людьми. Они воспитывали своего единственного ребенка по своему образу и подобию, а как же иначе? Друзья в садике в основной массе симпатизировали Эрику и хотели дружить с ним. Они уважали его и признавали в нем лидера. Воспитатели тоже видели в нем способного и перспективного мальчика, всегда здраво и ясно рассуждающего.

Такое всестороннее признание укоренило в молодом Линдгаарде мысль, что он может вмешиваться и судить сверстников, если те, по его мнению, чинят какую-либо несправедливость. Именно так как-то раз и случилось в то самое холодное утро, когда группа Эрика на прогулке сосредоточилась возле одного из городков на территории детского сада. На центральной площади, скажем так, этого городка находилась песочница, где и пребывало тогда подавляющее большинство мужской половины группы. Эрик же залез на ракету рядом с песочницей и взирал оттуда на согруппников с приличной для ребенка высоты.

Оттуда Эрику очень хорошо было видно, что происходит

в переполненной песочнице. Там, внизу, мальчик Женя, коротко стриженный темноволосый ребенок с узкими глазками и выдающимся вперед верхним рядом зубов, что делало его похожим на крысенка, пытался закопать в песок одного тихого и мелкогабаритного мальчика. Закапываемого Эрик знал, и этот мальчик всегда вызывал в нашем герое симпатию. Он не был каким-то чересчур шумным или веселым шутником, не был особо талантливым в чем-то да и фантазией тоже отнюдь не блистал. Однако Эрик видел в нем хорошего, доброго и, самое главное, чуткого товарища, который всегда подойдет к тебе, если ты почему-то грустишь один или свалился, например, в лужу при штурме какой-нибудь полуразрушенной беседки на территории садика.

Именно так однажды и случилось как-то раз с Эриком. Миша, этот мальчик, тогда был первым, кто пошел вытаскивать его и позвал воспитательницу, пока Эрик в шоке от падения отряхивал курточку и штанишки от весенней грязи.

И именно этого маленького Мишу по каким-то абсолютно непонятным для Эрика причинам в данный момент пытался захоронить в недрах песочницы крыса-мальчик Женя. Происходящее никак не состыковывалось с тем, как должно относиться к хорошему ребенку, по мнению Эрика. И он незамедлительно, торопливо спустившись с ракеты, поспешил восстанавливать пошатнувшуюся справедливость.

Эрик подошел к песочнице и поинтересовался, почему и за что сейчас происходит погребение хорошего человека,

что такого тот сделал? В ответ Эрик получил рекомендацию «отстать», и что вообще это игра такая, а Эрик ничего не понимает, да и Мише на самом деле классно и весело. Однако лицо Миши, скованное тисками страдания, щедро присыпанное песком, с вынужденно закрытым одним глазом говорило о диаметрально обратном. Эрик потребовал отдать ему лопатку, потому как надо откапывать Мишу, что игра, очевидно, зашла дальше необходимого. На это Женя раздраженно спросил, почему тот «докопался», и предложил Эрику идти гулять. Еще он заявил, что никакую лопаточку для освобождения из песочного плена страдающего Миши ему не дадут, ведь эта самая лопаточка нужна для дальнейшего закапывания.

Эрик в тот момент понял, что цивилизованный диалог зашел в тупик и необходимо переходить к решительным действиям. Он поднял голову, осмотрелся, нашел взглядом возле одного из сооружений городка немаленькую такую, увесистую детскую лопатку, которая чем-то напоминала саперную. Недолго думая, маленький поборник справедливости направился к лопатке, поднял ее и неотвратимо, как сама судьба, пошел обратно к песочнице. Перехватив лопатку так, чтобы на голову несговорчивого Жени она опустилась плашмя (он ведь не хотел никого убивать), Эрик настойчиво постучал крысу-мальчика по плечу, и когда тот обернулся, со всей силы врезал ему по роже черной лопаткой. Щека Жени мгновенно покраснела, и он, сощуриив свои и без того неши-

рокие глазки, с недоумевающей ненавистью смотрел на Эрика. Потом, повинувшись своему устоявшемуся шаблону, Женя оглянулся, увидел дежурную воспитательницу и уже открыл рот, крича: «НАТА-А-А-АЛЬЯ ВАЛЕРЬ!..». Как вдруг получил лопаткой по второй, левой, щеке, а потом еще и еще раз по правой. Эрик теперь не стеснялся и бил презренного ябеду со всей своей силы 6-летнего мальчика. Пару раз угол лопатки в не совсем еще ловких и уверенных ручках немного изменялся, благодаря чему на лице Жени появилась пара кровавых царапин от углов лезвия.

На крики детей подросла Наталья Валерьевна. Она вырвала оружие возмездия из рук Эрика, растащила мальчиков и увидела вкопанного Мишу. Женщина в общих чертах поняла, что здесь случилось и почему в маленьком Линдгаарде опять разыгралась кровь его отчаянных скандинавских предков. Эрик просто-напросто опять пришел на помощь очередному несправедливо поруганному и обиженному. А еще она также знала, что когда спросит Эрика об очередной его агрессивной выходке, то в ответ услышит довольно обоснованное объяснение своих действий. Маленький мститель скажет, что это не просто так, а в защиту хорошего человека и друга, которого обижали. Ну кто, если не он, еще пришел бы ему на помощь? Сама Наталья Валерьевна часто терялась в таких случаях, так как, с одной стороны, разумеется, должна была ограничивать яростные порывы Эрика, но с другой – восхищалась мальчиком, его смелостью и рассу-

дительностью. Люди ведь любят мстителей, тем более мстящих праведно. Иногда, правда, бывает, что этим мстителям совсем немного лет и они просто вынуждены подчиняться тетенькам-воспитательницам. Но это пока...

Наталья Валерьевна всегда таяла под напором горячего маленького сердечка, всегда готового защитить слабых от зла и несправедливости. Поэтому если она и ругала Эрика, то совсем чуть-чуть, и, скорей, даже не ругала, а пыталась донести до мальчика, что таким образом дела в нашем простом мире не делаются и надо сдерживать себя. Она в который раз пыталась донести до Эрика, что, когда тот видит несправедливость, нужно просто говорить ей, Наталье Валерьевне. Конечно же, мудрая воспитательница понимала, что такие мальчишки, как Эрик, никогда не пойдут ябедничать взрослой тете, особенно если могут разобраться сами. Но сказать хоть что-то, естественно, должна была.

Трудности в воспитательный процесс, по мнению Натальи Валерьевны, добавляло еще и то, что родители Эрика, особенно отец, всегда откровенно хвалили ребенка за подобное поведение. О чем они только, казалось бы, думали? Но тем не менее. И похвала эта, естественно, укореняла Эрика в своей правоте, придавая ему такую уверенность, которую не могли развеять слова всех самых мудрейших воспитательниц этого мира.

Однако позже, в вечер того же дня, в который Эрик награждал ненавистную крысину морду яркими алыми царапина-

ми, заступаться за своего отпрыска пришла такая же мощная сила, наподобие той, что всегда поддерживала Эрика. В тот вечер за Женю пришла заступаться его мама. Хитрая женщина выбрала время, когда почти всех детей уже забрали из садика и воспитательница сидела в своем кабинете, занимаясь какой-то бумажной работой. В общем, случилось так, что взрослых не оказалось рядом. Рядом с Эриком тогда не оказалось вообще никого. Некому было вступить за младшего Линдгаарда, объяснить, почему он сделал именно так, просто встать на его сторону. Именно в тот час в спальню мальчиков и вошла Женина мама. Все кровати в спальне были пусты и красиво заправлены, а Эрик в полном одиночестве сидел за столом и собирал конструктор в ожидании своих родителей, которые часто задерживались в силу работы.

Мама Жени тогда сделала вот что. Она дала Эрику встать, сказала ему, кто она такая, и оттеснила Эрика в угол. Сказала, что ничего не хочет слушать о том, как не прав был ее сын, унижая другого ребенка, она лишь нависла над Эриком, запертым в углу возле двери, осознающим над собой намного превосходящую силу взрослого человека. Плюс этот человек держал его за ухо, делал ему больно. И, казалось, эта боль никогда не закончится, ведь сейчас никто не мог за него заступиться. Взрослый этот человек сказал ему, что если тот еще хоть только раз тронет ее драгоценного сыночка, то человек этот изуродует Эрика и превратит его жизнь в кошмар. Теперь уже, спустя много лет, Эрик много чего не помнил из

того, что случилось в тот вечер в спальне мальчиков. Но вот этот чудовищный посыл в разы превосходящей силы и статуса над ним он запомнил. Его подсознание запомнило. То, что никого не было рядом, чтобы его защитить от этой превосходящей силы, он запомнил. Он запомнил, что последствия за свои действия он несет суровые. Несет их один. А за других вступаются.

– Вот так вот, Ваня, – закончил Эрик, – а то был бы твой покорный слуга сейчас каким-нибудь, ну... бойцом ММА в лучшем случае, а в худшем бы на нарах где-нибудь чалился, а то и под ними.

– М-да... – протянул Юшин, – действительно, прав был дядя Фрейд, или кто там, Юнг, может быть, говоря, что все ниточки из нашего детства тянутся...

– Так оно и есть. Знаешь, – продолжал Эрик, – сейчас я, конечно, ни в коем случае не благодарен той женщине, маме этого крысюка. Но благодаря ей во многом, я почти в этом уверен, сейчас я стал тем, кем стал. Жаловаться, сам понимаешь, на это вроде бы глупо. Кто знает, каким бы я был, если бы рос с тем чувством безнаказанности и физического превосходства над другими, как в детстве?

– Наверно, таким, как сегодня на парковке, – улыбнулся Иван.

– Это еще в самом безобидном случае, – ответил Эрик. Однако Линдгаард не рассказал своему другу одного ин-

тересного изменения. Дело в том, что поведенное им воспоминание всегда было с ним, оно было вшито в его подсознание. Эрик всегда знал причину, по которой его характер сейчас такой, как есть. Но после памятного сна об убийстве, когда Эрик заново думал об этом переживании своего детства и когда пересказывал его, что-то в корне изменилось. Теперь Эрик помнил те события совсем иначе. Точнее, их финал. Как будто кто-то или даже что-то присутствовало тогда в спальне мальчиков в тот роковой вечер. Как будто бы сильная мужская энергетика была там. Была с ним, *была за него.*

После того как парни разошлись и Эрик, сидя в такси, держал путь домой, он еще раз прокручивал в голове это событие из его детства. Что-то странное всплывало в памяти на этот раз. Точнее, кто-то странный. Незнакомый, доселе не фигурировавший в этой истории. Конечно, бывает так, когда воспоминания далекого прошлого блекнут, подобно старой затертой фотокарточке. Там уже с трудом различимы, а порой и начисто не видны некоторые детали, которые до этого были различимы четко. Постепенно эти детали затираются, а еще через какое-то время становятся едва заметны. А если воспоминание совсем старое, то и вовсе зачастую никаких деталей, кроме самых основ, во многом додуманных сегодняшним разумом человека, там уже и нет. И нельзя с уверенностью сказать, что же здесь исторически достоверное, имело место в прошлом, а что лишь плод твоего воображе-

ния, заполняющий пробелы, появившиеся со временем, домыслы.

Вот и Эрик сейчас в такси поймал себя на мысли, что стал припоминать новую подробность того разговора с мамой побитого им мальчика из детства. Разговора, изменившего его судьбу. Он тогда увидел краешком своего детского зеленого глазика, в котором стояли слезы от бессилия и страха, как некий силуэт прошел в комнату, в спальню мальчиков. Эрик как будто бы ощутил тогда приятный запах хорошего парфюма, чем-то напоминающего аромат, которым пользовался его отец. Он еще подумал, кажется, тогда: когда вырасту и если буду использовать духи, то их запах будет очень похож на этот!

Силуэт, а судя по походке и одежде, которые смутно различал Эрик своим заплаканным левым глазом, это был мужчина, остановился за спиной женщины, скручивающей ухо мальчика. Маленький Эрик сразу почувствовал прилив душевных сил и надежду, можно сказать, убежденность в том, что фигура пришла поддержать его. Он ведь хотел тогда этого всем сердцем и чувствовал, что сейчас его ругают несправедливо.

Силуэт из-за спины женщины спокойно сказал тогда: «Отпусти ухо мальчика, а то я сейчас точно так же поступлю с твоим ухом». Ушной захват раскрылся, и мальчик наконец-то смог взглянуть на мир трезво без пелены боли, застилающей глаза. В полумраке общей спальни он посмотрел на

так кстати появившегося спасителя. Мужчина был высок и строен, в сером, необычного кроя пальто, казалось, опередившем свое время. По крайней мере, Эрик отметил, что не видел ничего похожего в те годы на взрослых дядях. Но, разумеется, может, пальто было просто импортным, привезенным из-за границы. Лицо мужчины очень напоминало лицо отца Эрика, только моложе. Также что-то в этом лице неуловимо напоминало и его маму.

Мужчина сказал спокойным, мягким, но в то же время достаточно низким и уверенным голосом:

– Мальчик, выйди, ты не сделал абсолютно ничего плохого, я поговорю сейчас с этой тетей. Вытри слезы, ничего и никогда не бойся. Скоро придет твоя мама, она заберет тебя. Ты можешь уже идти в гардероб и начинать собираться. А я пока поговорю с этой тетей по-взрослому, – сказал мужчина и подмигнул маленькому Эрику правым глазом, цвет которого в сумраке мальчик не разглядел.

Сейчас, размышляя обо всем этом, Эрик Линдгаард нашего времени пытался сообразить, откуда взялся этот новый фигурант того самого детального и, пожалуй, определяющего в его жизни воспоминания. Почему раньше этот эпизод был начисто стерт из его памяти? Тому было два объяснения, по мнению самого Эрика. Первое – этот человек действительно был там тогда, а стресс, пережитый мальчиком в тот вечер, каким-то образом заблокировал память о нем и только сейчас под влиянием непостижимой цепочки ассоци-

аций блокировка была разрушена. Однако как в таком случае мужчина мог знать, что Эрик ни в чем не виноват, откуда вообще Эрик помнил его эту реплику чуть ли не буквально после стольких лет?

А может быть, Эрик просто сам придумал себе этого нового персонажа? Подсознание же его придумало эту самую реплику. Реплика была придумана, после чего, подобно эффекту дежавю, записана сознанием одновременно в сектора мозга, отвечающие и за память о прошлом, и за восприятие настоящего. Возможно, тогда в спальне никого третьего и не было, а были только он и женщина-мучительница. Просто память дорисовала нужное, чтобы человеку было легче сейчас. Память ведь так и работает. Если вы спросите двух людей об одних и тех же событиях пусть и не самого далекого прошлого, каждый расскажет вам об этих событиях в более выигрышном для себя свете. Но Эрику не хотелось останавливаться на этой версии, он был одним из тех, кто всегда предпочтет обыденной прозаичности налет мистической таинственности.

Была еще и третья версия. Но была она уж настолько невозможной и бредовой с точки зрения даже самого минимального здравого смысла, что Эрик решил ее просто проигнорировать и не принимать во внимание. Официальным же он выбрал объяснение № 1.

Между тем такси доставило приятно утомленного Эрика к подъезду дома, где он жил. Тот расплатился наличными с

водителем, вышел из машины, прошел к своему автомобилю и, не найдя на том ни единого следа возможного соседского отщепенца, довольный, не спеша поднялся к себе домой.

Глава 7

Спустя четыре абсолютно ничем не примечательных для Эрика дня ему приснился очередной интересный, мягко говоря, сон.

Вновь он ощутил себя под гнетом глубочайшего стресса, уязвимым и с чувством давящего смятения, а проснулся, не понимая, где сон, а где реальность.

– Да что же это за жесть такая? – полушепотом, потому как была глубокая ночь, поинтересовался сам у себя Эрик, зажигая светильник на прикроватной тумбочке.

Снилось ему вот что. Он уже не был прямым участником событий, а, будучи чем-то вроде бестелесного духа, для которого нет стен и препятствий, наблюдал сейчас взрослого мужчину кавказской внешности со смурным, мрачнее тучи лицом. Рядом с ним в маленькой как будто бы кухне сидела женщина. Она сидела с опущенными в пол глазами и в платке. Тот был повязан на мусульманский манер, так что покрывал одновременно шею и голову.

Мужчина потянулся к черному кирпичику смартфона на столе.

– Рахим, ну ты ведь меньше 15 минут назад набирал его номер, – со вздохом сказала женщина.

– Странно все это, Амина, – отвечал ей мужчина, – никогда еще наш сын так надолго не пропадал. Главное, что ведь

и на работе ничего не знают, там он тоже не появляется вот уже три дня...

– Ну, ты же его знаешь, Рахим, может, нашел себе очередную девочку, голову потерял, ну и... – сказала женщина тихим голосом с вымученной надеждой, нервно потирая руки.

– Да сама же знаешь, не похоже это на нашего сына, Амина. На работу-то он никогда не забивал, несмотря ни на каких девочек.

Немного помолчали. Тусклый свет бра над столом только подчеркивал осунувшиеся впалые лица мужа и жены. Мужчина все-таки взял со стола телефон и набрал номер сына, но и на этот раз ответом ему вместо бодрого веселого голоса молодого человека была череда длинных гудков. Рахим Ахвердиев отложил телефон, еще немного помолчал, упер руки в колени и, не поднимая взгляда вверх на жену, помотав головой, сказал:

– Амина, завтра утром я пойду в полицию.

– Хорошо, Рахим.

Женщина встала из-за стола, кружка с ее чаем так и осталась нетронутой. Мужчина же открыл окно, взял с подоконника пачку сигарет, достал одну и закурил, уставившись невидящим взглядом на улицу. За окном падал снег, кружа в свете фонарей. Безмятежной природе в очередной раз было наплевать на смятение и бурю чувств в душах людей. Рахим докурил сигарету буквально в три затяжки, затушил бычок в пепельницу, закрыл окно и отправился к своей жене спать.

Точнее, пытаться заснуть, отбиваясь внутри от роя больно жалящих мозг мыслей.

Утром, когда дороги Красноярска, будто вены атеросклерозом, скованы пробками, Рахим Ахвердиев вышел из дома, механически обмел машину от нападавшего за ночь снега и поехал в ближайшее отделение полиции. Конечно, он понимал, что, выехав позже, можно было бы избежать ненавистных пробок. Но бездействие в тот момент было для него немыслимо и невыносимо. Поэтому Рахим и решил поехать в участок ко времени его открытия – к 8 утра. То есть к тому самому времени, когда и подавляющее большинство жителей города отправляется в своих металлических капсулах в офисы, заводы, магазины розничной торговли, кофейни, моллы, в общем, на все те объекты, что делают мегаполис мегаполисом.

Оставив машину всего в одном квартале от здания участка, что было большой, можно сказать, удачей для центрального района, Рахим быстрым шагом направился в отделение. Народу было немного, и один из дежурных участковых принял его довольно быстро.

– Итак, вы утверждаете, что от вашего сына нет известий уже сколько? Целых три дня?? – после положенных приветствий и размещения за столом с легким сарказмом спросил участковый.

– Да, именно так. И ладно бы он просто не отвечал на на-

ши звонки, ну, мало ли, при его работе он, допустим, мог резко быть командирован куда-то, где нет связи. Сотовой, я имею в виду. Но, понимаете, ведь о нем нет никакой информации даже на работе. Вот это уже действительно странно.

– Я-то все понимаю, особенно касательно молодых горячих кавказских ребят, – разводя руками, отвечал ему полицейский. – Полиция начинает искать людей и считать их пропавшими минимум через месяц! Точнее, через три дня после подачи вашего заявления мы начнем его искать... Должны начать. Начали бы, если бы не совершенно гигантское число таких заявлений! Плюс он взрослый совершеннолетний человек, может, загулял, понимаете, и ушел в штопор, так сказать, – еще больше разводя руками и теперь в дополнение к этому выкатывая слегка глаза из орбит (видимо, для пущей убедительности), говорил участковый. – А сколько детей пропадает! Сами понимаете, в первую очередь, естественно, приоритет розыска для них.

Рахим слушал все это с опущенной головой, больше машинально, чем сознательно кивая и нервно потирая руки.

– Но поймите! Это так не похоже на моего сына... Сделайте хотя бы официальный запрос на работу, пусть они пошевелятся! Мне они только сказали, что он в отпуске вот уже вторую неделю, и, естественно, они не знают, куда он там решил отправиться, может, на Эверест, сказали они... А я и так знаю, что он в отпуске и действительно, может, на охоту поехал или на рыбалку, туда, где связи нет. Но поймите! Он

всегда звонил и предупреждал об этом! А тут абсолютно никаких вестей вот уже три дня! У нас в семьях так не принято. Я имею в виду в Азербайджане...

Следователь слушал мужчину, не перебивая, внимательно. Локти разведенных до этого рук он поставил на стол, сложил ладони и упер в них подбородок.

– Я понимаю, конечно, – произнес он после сбивчивых объяснений отца. – Как, говорите, зовут вашего сына?

– Эмиль Рахимович Ахвердиев. Или Эмиль Рахим оглы Ахвердиев, если по-нашему.

Отец Эмиля написал заявление о пропаже сына, после чего, попрощавшись, сразу быстро уехал домой. Через положенные по полицейским протоколам три дня, в течение которых Эмиль так и не объявился, началось расследование. После отправки запросов в аэропорты и ж/д вокзалы выяснилось, что не так давно гражданин Ахвердиев-мл. купил билеты на рейс Иркутск – Томск и благополучно прошел регистрацию в аэропорту. Никаких эксцессов во время полета того рейса не было, борт благополучно совершил посадку в Томске, и в связи с этим дело о пропаже молодого человека туда и было переадресовано.

Не стоит забывать, что тело Эмиля было найдено. И хоть и было оно максимально обезображено с целью затруднить его опознание, но все же лазейка оставалась. Таких неопознанных трупов в ту неделю в городе было обнаружено три штуки. Следователи сообщили вышеописанные детали се-

мье Ахвердиевых. Те, само собой, продолжали надеяться на лучшее, как сделали бы абсолютно любые родители в данной ситуации. Но в глубине души они понимали: надежда надеждой, а готовиться им предстояло в том числе и к самому худшему.

Еще через приблизительно неделю были готовы результаты экспертизы ДНК, и с вероятностью 99,58 % одним из трупов был Эмиль Рахимович Ахвердиев. Об этом было незамедлительно сообщено его родителям, те, в свою очередь, на следующее же утро вылетели из Красноярска в Томск.

Глядя на обезображенный труп Эмиля, любому человеку стало бы понятно, что это убийство. Поэтому дело передали в томский убойный отдел, который возглавлял Сергей Швед, майор полиции, опытный и успешный следователь в прошлом. Он и сейчас порой возглавлял расследования в особо трудных случаях.

Все эти события Эрик наблюдал в своем сне. Точнее, в череде своих снов, которых было три или четыре, сам Эрик точно не запомнил. Эти сны напоминали собой некий сериал, который Эрик вынужден был просматривать ночами серию за серией. Каждый раз, проснувшись, наш герой несколько минут лежал с нехорошей тревогой на сердце, но быстро успокаивал себя тем, что это всего-навсего сон. Ведь так? Так ведь считает общество людей в мире: «Успокойся, расслабься, сынок (дочка). Это ведь просто сон, не волнуйся, ничего он не значит, просто кошмар», – любят говорить ро-

дители своим маленьким детям, которые впервые сталкиваются с, можно сказать, самой реальной из возможных виртуальных реальностей. И позже, взрослея, современный человек, конечно же, учится не принимать всерьез такой вздор, как какой-то там ночной всплеск мозговой активности, вызванный накопленными в подсознании переживаниями. По крайней мере, так или приблизительно так объясняет сновидения современная наука.

Все, конечно же, знают, что когда-то сны трактовали, относились к ним гораздо более серьезно. Но теперь любой уважающий себя взрослый человек, который вдобавок считает себя современным и прогрессивным, все эти бредни, предсказания и предупреждения, содержащиеся якобы во сне, относит к разряду бабушкиных сказок и деревенских суеверий. И, взрослея, человек строит вокруг себя стену для защиты от тех мыслей и переживаний, которые время от времени несут ему его сны. Человек просто не принимает их всерьез. Вот только с абсолютно каждым из нас случались необъяснимые, не поддающиеся анализу случаи, когда мы просыпались, потрясенные увиденным или, если хотите, показанным нам во сне.

А еще, например, все знают, что творческие люди и многие выдающиеся ученые утверждали, что их произведения или открытия как раз-таки и были совершены буквально во сне. Однако большинство из нас живет, всецело сосредоточившись на каждодневных заботах, практически полностью

игнорируя то, что пытается сказать нам наш мозг, отпущенный ночами в свободное плавание. Или же это просто рефлексии, побочный продукт работы нашего бортового компьютера, сродни выхлопу автомобиля?

С Эриком, как, вероятно, и со многими из людей, уже случались подобные серии снов, объединенных одним, как сейчас модно говорить, сеттингом и сюжетом. Поэтому Линдгард, руководствуясь своим прошлым опытом, особо не удивился и не поразился очередному сериалу. Однако в глубине души это все-таки его настораживало. Все-таки уж очень длинный сериал он был вынужден довольно долго смотреть. Всякий раз на работе, особенно после очередной серии, он открывал почту и с облегчением смотрел на сообщения в рабочей почте от Эмиля. Даже несколько раз звонил ему узнать, как он в целом и как дела в Иркутске. Все эти разы, стоит отметить, они довольно мило и позитивно беседовали.

«К чему тогда все это? – думал Эрик. – Почему и кто мне так настойчиво все это показывает, как будто бы я действительно совершил убийство? Я ведь сейчас даже не чувствую и толики той ненависти к этому человеку, как раньше. Как намного раньше! Я совсем не переживаю по этому поводу. Почему же тогда снова и снова я это вижу? Либо же действительно подсознание – это непролазный темный лес и пытаться анализировать его рассудком – дело бесполезное. Или же?.. Я действительно где-то его убил, и все, что я вижу, реально происходит?.. Да ну! Бред какой-то! Пока еще ни один

фантаст до такого бреда не додумался! ...Ну, по крайней мере, из тех, кого я читал. Да и как человек может быть одновременно жив и мертв где-то? Что за человек Шредингера такой?» – подумал про себя Эрик и улыбнулся.

Его здешний друг Иван еще, как назло, укатил куда-то в Юго-Восточную Азию на неопределенный срок. Как он сказал: «Пожить и переосмыслить кое-что».

«Вот же чудак, – думал Эрик, – ну ему-то что переосмыслить? И так живет как кот на масленице».

Значило это, что рассказать свой опыт и поделиться сообщениями по этому поводу Эрику, как ему казалось, было не с кем.

Однако время шло, работа в Томске протекала спокойно и продуктивно, а Эрику чуть ли не каждую ночь продолжали являться события какой-то то ли параллельной, то ли придуманной его собственным мозгом реальности, в которой...

Сергей Швед (и откуда только Эрик знал, как их всех зовут?) сидел в своем кабинете во главе большого т-образного стола, предназначенного для совещаний небольших групп людей. Как раз сейчас стол и использовался по своему дизайнерскому назначению. Если стол походил на букву «Т», то за горизонтальной ее линией сидел сам Швед. За вертикальной же расположились его подчиненные из убойного отдела уголовного розыска города Томска: Николай, Виктор и Артем. Их фамилий Эрик во сне не получил. Если начальник отдела

был взрослым, матерым, как по выражению его сурового лица, так и по коренастой кряжистой фигуре, 42-летним дядькой, его подчиненные смотрелись молодыми людьми в чине лейтенантов – младших и старших. Возраст их варьировался в пределах 30 лет. Николай, например, смотрелся лет на 35, а Артем, напротив, где-то на 27. Несмотря на эту разницу в возрасте, молодые люди чувствовали себя друг с другом, в общем-то, на равных, но за Сергеем признавали полный и безоговорочный авторитет.

Этот момент почувствовал Эрик. Он уже практически всегда осознавал себя в этой череде связанных снов, но вмешиваться и шалить, меняя реальность, как он любил делать в своих осознанных сновидениях, пока не решался. Во-первых, потому что хоть это и был его сон, но вот его самого, что, кстати, было очень странно, там не было. Он это видел просто как некий сторонний наблюдатель, а ни в коем случае не участник событий. Аналогия для понимания здесь простая: то же самое происходит, когда вы смотрите кино. А во-вторых, Эрик не вмешивался, потому что, несмотря на непонимание и даже порой страх, все же ему было очень интересно, что будет дальше.

Поэтому он радовался всплывающим в его сознании подробностям об участниках событий и только. Особо не задумываясь, каким именно образом и в честь чего это происходит.

– Значит, дело обстоит так, – начал Швед, – 17 ноября,

в субботу, т. е. без одного дня как две недели назад, в сточном коллекторе какой-то бездомный обнаружил труп неизвестного белого мужчины. Сейчас уже личность установили. Сразу ясно, что это убийство – тело было обезображено. Вероятнее всего, при попытках убийцы затруднить опознание. Убитый – Эмиль Ахвердиев – сотрудник московской нефтяной компании. ... Или нефтесервисной. Точнее, иркутского ее филиала. В общем, не суть, в материалах дела прочитаете. Так вот, надо дело быстро раскрыть. Благо, как мне представляется на первый взгляд, ничего сложного. Но сделать это надо, подчеркиваю, быстро и грамотно. Дело в том, что убитый – иногородний, еще и азербайджанец, а это, сами понимаете... Сразу диаспора вступилась, поговаривают о возможном убийстве на почве межнационального... – Швед помолчал. – Хлопцы вы неглупые. Плюс ко всему, – продолжал он, – компания прочно укоренилась в нашем городе, много кто из верхушки завязан. Поэтому возглавлять расследование буду я лично. Коля и Витя, вы для пущего ускорения. Ну и Артема обкатаем, чтоб товарищ полковник на старости лет за внука лишний раз смог порадоваться.

Артем Кравцов – теперь сознанию Эрика открылась его фамилия – был внуком полковника полиции, очень уважаемого человека в городе Анатолия Кравцова.

Своим сознанием Эрик сфокусировался на молодом парне. Он захотел прощупать его легко, невесомо. И почти сразу, как только пожелал, увидел, что между ним и этим пар-

нем довольно много общего. Одной из первых до сознания Эрика дошла информация о том, что Артем довольно неглуп, внимателен и пытлив. При пристальном обращении к нему Эрик почувствовал, можно сказать, «своего человека», взгляды на жизнь с которым во многом совпадают. Также Эрик ощутил, что парень, как и он, частенько задумывался над феноменом снов и кое-что знает об этом вопросе. «К чему бы мне эта информация?» – подумал Эрик. И следом как будто бы предупреждение, непонятно, как и от кого исходящее, настораживающим шорохом прошелестело в голове – *он может быть опасен*. Эрик еще внимательней оглядел Артема. На первый взгляд ничего особенного: худоват, узкое лицо с большими, пронзительными и умными синими глазами, каштановые волосы, на модный нынче манер уложенные вбок и наверх. «Хорошо хоть бороды нет, – со смехом подумал Эрик, – и татуировок с какими-нибудь хаски я, слава богу, пока не вижу. Ну или что там нынче модно у молодежи набивать? Хотя что я говорю?! Такой-то начальник эти все татуировки голыми руками вместе с мясом бы оторвал, и никакой бы дед не помог». В общем, галочку напротив парня Эрик для себя поставил.

Дальнейшие его размышления и анализ людей в кабинете майора прервал голос Николая:

– Иваныч, а на работу запрос отправляли? Что он здесь делал-то?

– Отправляли, он в это время был в отпуске, соответствен-

но, здесь был с каким-то, возможно, и личным визитом. По крайней мере, я другого повода, по которому молодому парню из столичной компании тащиться к нам в провинцию, придумать не могу.

– Неплохая ниточка, – вступил в разговор Виктор, светловолосый гладковыбритый парень, про которого человек с цивилизованного и прогрессивного запада сказал бы, что у того «беби-фейс», – если и была у него тут какая-то пассия, я бы расспросил родителей или близких друзей.

– Отлично, Витя, – посмотрел на него Швед, – вот ты этим и займешься.

– Принято, Иваныч, – без особого энтузиазма по поводу полученного задания ответил блондин. – А если он это не афишировал и никто ничего не расскажет?

– Тогда существует план Б, который благодаря нашему 21 веку просто не может не сработать. Ты, Николай, узнаешь, какие банковские карты дают в этой московской компании своим сотрудникам, и запросишь в этот банк детализацию всех транзакций за последний месяц. Интересуют, естественно, ближайшие к моменту смерти.

– Понял, Сергей. Тогда еще и на всякий случай в другие банки аналогичные запросы разошлю, пусть сделают детализацию, если у них есть такой клиент. А то сейчас же модно целую колоду пластика в кошельке носить.

– Правильно, Коля, так и сделай, – сказал Швед.

– Что касается нашего внука полка, – продолжал майор, –

на тебе, как на самом молодом и прогрессивном, угадай что? Правильно, социальные сети и телефон. Найди друзей и знакомых, в первую очередь кто, конечно же, из Томска, если такие есть. А затем выясни, может, убитый звонил кому-то перед своей смертью или в ближайшую неделю? Или еще как-то связывался.

– Вас понял, Сергей Иванович, – отрапортовал младший лейтенант Кравцов.

– Ну, все, орлы, задания у всех есть, давайте прямо сейчас и за работу, а то на дворе пятница как-никак.

Видение другого мира или все-таки просто сон? Эрик хотел верить в последнее. Уж больно пугающе реально и детально там все складывалось. Так или иначе, дальнейшее наблюдение за событиями было ему закрыто. Или он сам так захотел и проснулся? «Слишком много вопросов», – думал Эрик. Ответить на которые для любого вменяемого человека, коим Эрик, конечно же, себя считал, не представлялось возможным. Предчувствие подсказывало, что тут все не так просто. Разум же, напротив, успокаивал и преподносил все увиденное как не более чем очередной феномен снов, которые пока никак не могла объяснить наука. Да и зачем, с другой стороны? Ну и что, что ночью люди иногда смотрят сериалы, связанные между собой одним сюжетом, подумаешь! Что, дел других, насущных, мало, что ли? Вон океан, например, загрязняют горы пластика, вызывая глобаль-

ное потепление! В Японии – самой прогрессивной, на минуточку, стране – не выдерживают и горят ядерные реакторы. ЛГБТ-сообщество вообще, создается такое впечатление, идет войной на несчастный традиционный мир. Или это тот мир пошел на сообщество войной, пойдй разберись! Намного важнее озаботиться этими насущными вопросами! В качестве начальной меры для снижения уровня загрязнения можно запретить людям пользоваться... м-м-м... да пусть даже и трубочками для питья! Тем более британские ученые все уже давным-давно доказали.

Вот только Эрик, несмотря на набирающий градус абсурда в мире, все никак не мог перестать думать о своих ночных приключениях. Раз за разом он прокручивал в голове установку о том, что это всего лишь сны. Пытался, как за стеной, отгородиться за этой установкой от назойливых звоночков то ли в своей душе, то ли в сердце, или, может, в той же голове. Звоночки эти не умолкали и пытались что-то донести нашему герою. Но то ли сигнализировали они на каком-то непонятном языке, которого Линдгаард не понимал, то ли просто он не хотел принимать их всерьез. Ведь в самом деле, ну какой здравомыслящий адекватный человек, мужчина станет по-настоящему придавать им значение? А даже если и придаст, то что прикажете ему делать потом? Вот что? Глупо ведь на основе снов реально строить свое будущее и планы на завтрашний день.

Так и наш Эрик приказал себе не волноваться и не пани-

ковать попусту, а просто следить за ситуацией, ее развитием. В том, что последний виденный им эпизод никакой не последний, он был почему-то уверен.

И он не ошибся.

Руководитель следственной группы находился в своем кабинете, когда раздался звонок. Утром, сразу после начала рабочего дня, он собрал подопечных у себя, чтобы выслушать, что парням удалось сделать за выходные. Виктор, как и планировалось, переговорил с родителями, выяснив, что сегодня ближе к обеду они как раз прилетают в Томск и первым делом, естественно, собираются отправиться на разговор к Шведу. Поиски Артема в «ВК» и мониторинг звонков убитого выявили лишь один интересный контакт – некая Алина Сафиуллина, которая назвала себя подругой Эмиля. Вот только увидеться они так не успели. По ее словам, встреча как раз была назначена на вечер того рокового дня. Никаких других томских друзей, по всей видимости, у ныне покойного Ахвердиева-мл. не было. По крайней мере, ни телефонные распечатки, ни социальная паутина следствию ничего не показали. Николаю детализацию банковских операций обещали подготовить сегодня в течение дня.

Команда Шведа вернулась к другим делам. Сам же майор, не успев даже налить себе чаю, услышал телефонный звонок.

– Майор Швед слушает.

– Это Рахим, отец Эмиля. Здравствуйте, товарищ майор.

– Добрый день, Рахим Аббасович, вы уже прилетели?

– Да, Сергей Иванович, прилетели. Вы в отделении?

– Да.

– Тогда мы с женой направляемся к вам, – сказал Ахвердиев и положил трубку.

«Хорошо. Молодцы, что приехали, а не стали сидеть сложа руки и убиваться горем, как некоторые», – подумал майор, садясь в кресло и принимаясь уже наконец-то за чай.

Буквально через 40 минут в дверь начальника уголовного розыска постучали.

– Войдите, – громко сказал он.

На пороге стояли невысокого роста коренастый, чуть сторбленный под гнетом немалых лет мужчина и с ним такая же невысокая пожилая женщина в хиджабе.

– Располагайтесь, – жестом пригласил их за стол Сергей.

– Соболезную вашему горю, – начал разговор Швед, – догадываюсь, как вам должно быть сейчас тяжело.

– Тяжело, конечно, гражданин майор, – со вздохом сказал отец Эмиля, – но и на это тоже воля всевышнего.

Швед отметил воспитанность и такт мужчины, ведь тот назвал бога «всевышний» на русском языке, а не «Аллах» на восточный манер, чем заслужил симпатию и расположение майора.

– Чаю не хотите? – предложил Швед. – У меня хороший, настоящий, индийский.

– Спасибо, нам не до чая сейчас. Задавайте, пожалуйста,

ваши вопросы, гражданин майор, разберемся с этим по возможности побыстрее. Нам ведь еще нашего мальчика домой забирать, – сказал Рахим, смотря в пол.

– Да-да, конечно! Тогда приступим. Что ваш сын мог делать в Томске, на ваш взгляд, в свой отпуск?

– Мы с женой точно не можем сказать, – отвечал Ахвердиев. – Понимаете, он особо не распространялся нам о своих планах и мотивах. Однако куда и когда он уезжает, всегда сообщал. Поэтому мы, собственно, забеспокоились и обратились в полицию. Ведь такое исчезновение совсем не в духе нашего сына. Но он никогда не упоминал в разговоре никаких томских друзей или знакомых.

– Ясно. Но что же вы все-таки сами думаете? – настаивал майор, чтобы проверить свою единственную зацепку с этой Алиной.

Теперь в разговор вступила женщина:

– Мне кажется, у него какая-то девочка здесь была. Все-таки в 30 почти лет и неженатый... Для нас это редкость. Для нашего поколения так вообще было немыслимо. Молодежь же сейчас, наоборот, гуляет, не задумывается о создании семьи. Вот и Эмиль любил погулять...

– Угу. И все же. Вы не помните, чтобы Эмиль упоминал хоть раз некую Алину? Не обязательно из Томска.

– Да разве их всех упомянуть было? – с печальной улыбкой сказала мать. – Да и особо часто он обо всем этом не любил говорить.

«Такая себе зацепка... – отметил про себя Сергей. – Но все равно стоит отправить к этой девушке кого-нибудь. Опросить скорее для самоуспокоения».

– Мы знаем, что его компания собирается открывать здесь филиал, они нам так сказали. В этом году. Но Эмиля ни разу не отправляли сюда с рабочим заданием.

«ЧЕГО-ЧЕГО?! – изумился Эрик, наблюдавший этот разговор. – Нет филиала? В планах?! Да что это за место такое? Точно, что ли, параллельный мир, просто очень похожий на наш, или же я теперь и во времени путешествую?!»

Дела для Эрика стали принимать совсем уж интересный и интригующий оборот. Но эта только что услышанная им подробность успокоила его немного. Ведь если филиал еще не был открыт, то и сам Эрик сюда, соответственно, не был направлен, и таким образом, если даже и предположить, что следствие каким-то чудом на него и выйдет, то связать Эрика с убийством будет крайне трудно. Банально из-за алиби.

«Стоп! – оборвал сам себя Эрик. – Почему вообще я думаю как убийца, вынужденный заметать следы? Я ведь ничего такого не совершал. Этого ведь просто не может быть!»

А Сергей Швед тем временем продолжал опрос родителей Эмиля, чем вывел Эрика из раздумий.

– А вообще вы не знаете, были ли у него недоброжелатели, может быть, конфликты на работе?

– Да нет, вы знаете, – отвечал отец, – он про свои проблемы вообще никогда не говорил, даже когда был совсем ма-

ленький. Да и мы видели, что он очень смелый и бойкий и в случае чего всегда сам сможет за себя постоять. Ну, придет, бывало, домой с фингалом, а на все вопросы тогда отвечал, мол, ай, мама, папа, успокойтесь, все в порядке, сам разберусь. Ну и разбирался, видимо.

– Ясно... – протянул Швед, в голове уже примерно складывая психологический портрет убитого и понимая, что, вероятнее всего, данный опрос следствию мало чем поможет.

«Надо опросить Алину, а этих бедняг, пожалуй, можно вот прямо уже и отпускать, пусть займутся действительно важным для них делом», – заключил про себя Швед.

Сергей посмотрел еще раз в глаза родителям убитого по очереди и сказал:

– Хорошо. Не смею больше вас задерживать. Спасибо, что прилетели, помогли следствию. Сил вам и мужества. Сочувствую вашему горю.

– И вам спасибо, гражданин майор. Поймайте убийц. Всего доброго. Пойдем, Амина, – сказал Ахвердиев.

Они с женой поднялись и вышли за дверь.

«Так, что у нас получается? Ждем Николая с его банком. А Витю с Артемом пока к этой девочке отправлю, может, узнаем что», – продолжал рассуждать майор.

Сказано – сделано. Виктор с Артемом получили свое задание и, предварительно созвонившись с Алиной, договорились встретиться с ней сегодня же в университете, где та училась на четвертом курсе.

Беседа двух следователей с Алиной была, в общем-то, ничем не интересна и не примечательна. Никакой новой или полезной информации эта беседа следственной группе не дала. Вечером следователи собрались в офисе Шведа. Все докладывали о проделанной работе.

– Так, – начал Сергей, – про Алину понятно, ничего существенного: должны были в день смерти убитого встречаться, толком ничего она о нем, естественно, не знает. Познакомились сравнительно давно в «Контакте». До этого, со слов девушки, не виделись. Она и сама была удивлена желанием убитого встретиться. Так, Артем? Хорошо, что со звонками?

– Сергей Иванович, Эмиль этот был не самый говорун, как, в общем-то, и большинство молодежи сейчас. В основном же все в мессенджерах общаются... Так вот, – продолжал Артем, – последний звонок был больше чем за сутки до его смерти. Звонил он то ли бывшему, то ли действующему своему начальнику – Петру Семеновичу Кропоткину. Думаю, просто у них неплохие дружеские отношения, а может, по работе что хотел уточнить. В общем, я этому Петру даже и звонить не стал, рассудил, что незачем.

– Да что ты? – широко раскрытыми глазами в упор посмотрел на него начальник. – Это ты теперь у нас что-то вроде третейского судьи, получается? Не слишком рано-то повышение на голову свалилось?

А сам подумал: «Хотя чтой-то я на молодого... Ну, бывают даже у полковников внуки, что теперь? С другой-то сто-

роны, парень, в принципе, ничего такого и не сделал. Действительно. Ну каким образом нам действительно сможет помочь этот Петр Семенович?».

– ...Сергей Иванович, да я не подумал как-то, прошу прощения... Сейчас прямо после разговора пойду и...

– Ай, вольно, молодой! Нормально все. Сам позвоню, если что, отставить!

Артем облегченно вздохнул. Всем было это явственно слышно.

– Хорошо, дальше, – продолжал Швед. – Николай, что у тебя по банкам?

– Распечатку прислали, как и обещали, Иваныч. В более-менее значимые банки запрос отправил. Ни в одном банке, кроме того, куда им с конторы начисляют ЗП, такого клиента нет, налоговая пока до завтра должна пробить, какие вообще у него карточки имеются.

– Понятно, Коля. Что-нибудь интересное там есть?

– Там, Иваныч, – продолжал Николай, – уйма интересно-го, точнее, один пункт всего, конечно. Зато какой!

Николай оглядел коллег и побарабанил по столу пальцами.

– В тот самый вечер за несколько часов до убийства в кафе «Любимая чашка» на улице Ленина убитый расплачивался этой самой своей картой.

Коля с победными искорками в глазах оглядел собравшихся и остановил взгляд на шефе.

– Вот так вот, Иваныч, – продолжал он, – это уже не зацепка – зацепища!

– Это очень даже кое-что... – протянул майор, в душе, конечно, весьма радуясь тому, что так скоро удалось отыскать не просто ниточку, а добротный такой толстенный канат. Судя по его опыту, обнаруженный Николаем факт должен будет вывести их на убийцу. – Ладно, хлопцы, все молодцы. Завтра тогда прямо с этого конца и начнем раскручивать. Витя, с Колей поедете туда. Можете прямо с утра и отправляться. Потом пулей сразу в часть. Всё, все свободны.

Ребята начали собираться. Виктор и Сергей торопливо в несколько глотков осушили свои кружки с уже остывшим чаем. Швед выключил компьютер и последний вышел из кабинета. Ровно в тот же миг, когда в двери щелкнул последний поворот ключа, Эрик проснулся.

Глава 8

Следующей ночью Эрик был ничуть не удивлен, когда увидел во сне привычный томский пейзаж. Он уже легко осознал свои сновидения. Ведь когда раз за разом перед твоим восприятием после теплоты уютной постели внезапно предстают улицы города, становится понятно, что ты спишь.

Он видел знакомый интерьер кафе, в котором пил какао (или, возможно, горячий шоколад) с Эмилем в тот роковой вечер. В кафе сейчас он наблюдал двух небезызвестных ему людей – Николая и Виктора – членов следственной группы по его делу. Да, по *его* делу. Именно так. Немного поразмыслив над всем этим днем, Линдгаард отринул мысли о случайности показываемой ему цепочки сновидений. Офицеры тем временем вели допрос администратора кафе.

– Да, Катерина Валерьевна, – обращался сейчас Виктор к девушке-администратору, – разумеется, стоило бы опросить людей, которые работали в тот вечер, но прошло уже немало времени. Я считаю, это будет неэффективно. У вас же ведется видеонаблюдение?

– Разумеется, – отвечала девушка, – прямо здесь можете и просмотреть. Илья вас проводит, он у нас что-то вроде системного администратора по совместительству. Сегодня, кстати, как раз работает. Илья! Подойди, пожалуйста.

К ним подошел молодой парень-официант.

– Илья, – сказала администратор, – проводи офицеров, они хотели бы просмотреть записи от 17 ноября.

– Конечно, Катя, понял. Пойдемте за мной, – ответил парень и сделал знак следователям.

Они прошли в маленькую белую комнатку, где, кроме стола с монитором, компьютера на нем и старого черного офисного стула на колесиках, больше ничего и не было. Комнатка была настолько узка, что три человека с великим трудом размещались в ней. Официант Илья сел на стул и открыл программу, дающую доступ к камерам наблюдения.

– Так, какая, говорите, дата вам нужна, парни? – спросил он.

– 17 ноября открывай, – ответил Николай, – давай с обеда.

Илья выполнил указания, и они втроем погрузились в просмотр записи. Интерьер кафе с камеры был виден целиком. Камера та располагалась в углу за барной стойкой. В серых тонах записи безголосые фигуры людей входили в кафе, располагались за столиками в ожидании официанта или же просто подходили к стойке, заказывая напиток на вынос. Ждали они его где-нибудь в сторонке или за свободным столиком и после выходили обратно на улицу. Некоторые приходили парами и принимались мило о чем-то беседовать с партнером, склонившись над столом, иные из них даже романтически держались за руки.

– Давай-ка увеличь скорость в два раза, – попросил Илью Виктор, – а то до вечера здесь проторчим.

Их ассистент выполнил пожелание, и серые фигурки на записи задвигались ощутимо быстрее. И вот, когда таймер в окне с воспроизведением был на отметке 18:45, в кафе вошел модно одетый молодой мужчина кавказской наружности.

– А вот, похоже, и наш клиент, – с интересом сказал Николай и наклонился ближе к монитору.

Виктор скрестил руки на груди и стал дожидаться развития событий.

«Ага, ну, теперь я, по крайней мере, узнал, который был тогда час, – подумал Эрик, также с интересом и немалым волнением следивший за происходящим. – Скоро ведь и я должен появиться, и тогда дело примет совсем уж скверный оборот».

Эрик не знал до конца почему, но интуиция подсказывала ему, что вот-вот, уже совсем скоро он должен будет вмешаться в происходящее, нарушив размеренное течение событий. До этого он всегда только наблюдал за этой странной чередой снов.

Эрик не на шутку разволновался. Ведь после того как Эмиль сядет за столик, после того как ему принесут его заказ, он, Эрик, может войти в кафе в любой момент.

Следователи с интересом наблюдали за записью. Эмиль был пока за столиком один и, подобно львиной доле посетителей, погрузил все свое внимание в телефон. Вот официантка принесла ему заказ. Эмиль поднял голову, что-то вро-

де бы буркнул в качестве благодарности, отложил телефон и сделал глоток из чашки. Затем поставил чашку на тарелочку, посмотрел за окно и снова вернулся к своему телефону. Нажав пару раз на экран и выполнив несколько свайпов, он еще раз пригубил напиток.

В этот момент большинство серых фигурок посетителей разом почему-то подняли головы и посмотрели в сторону входной двери.

«Вот оно! Мой выход! Точнее, вход, конечно! – подумал Эрик, внутренне натянутый словно гитарная струна. – И что сейчас делать??!» – лихорадочно начало соображать сознание нашего героя. Потому что одно дело – это понимать готовность менять мир во сне, а совсем другое – знать, что конкретно ты будешь делать сейчас, в этот самый момент.

Эрик сознанием потянулся к компьютеру, пытаясь обесточить машину. И... Не смог. Тут же паника обрушилась на него подобно водопаду. «Не может быть! Это же мой сон, почему он не подчиняется мне?! Это ведь совершенно точно сон! Настоящий Эмиль жив, я знаю!» Однако запись все так же размеренно продолжала свою историю. Вот уже мужской силуэт одной ногой появился в кафе, рукой придерживая входную дверь. «Ну уж нет, черта с два, – яростно подумал Эрик, – так просто у вас, товарищи копы, ничего не получится! Почему бы записи не быть с помехами, собственно? Да! Именно сейчас!»

И, к своему радостному изумлению, он увидел, как сначала

ла одна полоса помех прорезала видео от края до края, аккуратно на месте его лица, а сразу после нее изображение почти полностью покрылось мельтешащей белой рябью.

Линдгаард не видел, но живо представлял, как, должно быть, округлились глаза и вытянулись лица следователей после появления этих неожиданных помех. Николай резко отстранился от экрана, они с Виктором переглянулись. Первый сложил руки на груди, наклонил голову набок, а затем принялся озадаченно тереть рукой подбородок. Виктор просто стоял истуканом, силясь понять, видимо, как тот самый стальной трос, который должен был вывести следствие к убийце, сейчас на их глазах разматывался на ниточки.

– Стоп! – резко велел Николай Илье. – Останови видео.

Видео было остановлено. На стоп-кадре серый интерьер кафе теперь скорее угадывался, чем был отчетливо виден. Изображение прорезали три горизонтальные белые полосы помех, плюс то тут, то там, подобно рою маленьких белых мушек, картину портила рябь шумов.

– Назад! – скомандовал Николай. – Воспроизведение поставь 0,5.

Илья исполнил сказанное. Цифровой файл медленно пополз в обратном направлении. Каких-то 15–20 секунд на экране танцевали и резвились помехи, затем те внезапно пропали, показав привычную картину кафе. Убитый, как и другие посетители, мирно сидели на местах и попивали свои напитки.

– Так, теперь еще раз вперед, замедли до половины обычной скорости, – продолжал командовать старший лейтенант.

Запись поползла вперед. Дверь была закрыта. Теперь внимание трех человек и четвертого незримого сознания было приковано ко входу.

Эрик приказал себе ничего не делать сейчас. Он хотел проверить одну теорию: навсегда ли ему удалось испортить запись и тем самым оставить свой вклад в развитие событий или же каждый раз ему теперь придется концентрироваться на таких вот мелочах? Дверь уже долгих полминуты оставалась закрытой, как вдруг до сознания Эрика дошел звон тех самых китайских колокольчиков. «Странно, – подумал он, – ведь при первом воспроизведении я ничего подобного не слышал». Дверь кафе открылась, колокольчики набирали силу в своей высочайшей тональности. Казалось, вместе с ними начинает звенеть и вибрировать твой мозг и вообще вся ткань реальности. И одновременно с тем, когда звук стал практически нестерпимым и Эрик готов был зажмуриться и перестать уже наблюдать это чертово непонятное место, на экран быстро, подобно разряду молнии, вернулись три белых полосы. Рой белых мушек также прилетел и уселся в пяти-шести местах, превращая изображение в черно-белый снимок, над которым взорвалась баночка белой краски. Эрик подметил одну странность в расположении помех. Они были даже в том месте, где на записи располагались дата и время. Это было странно. Ведь информация эта

отдельно накладывается на видеофайл программным интерфейсом системы наблюдения. И даже если запись в каком-то месте и повреждена, то эти данные о дате и времени всегда остаются легко читаемы. Здесь помехи скрыли и белые цифры в нижнем углу.

Они прокрутили запись еще раз, используя другие плееры, – результат был всегда один и тот же. Каждый раз, когда дверь открывалась и в зал входил мужчина, экран непролазной паутиной покрывали белые помехи. Разобрать через их полчища хоть что-то было решительно невозможно. Что за мужчина вошел? Высокий, среднего ли роста? Во что он был одет? То ли какое-то пальто непонятного цвета, а может быть, плащ или вообще модная нынче парка? Цвет волос мужчины также не подлежал определению, не говоря уж о лице. Все, что было с трудом различимо, – это то, что он прошел к столику убитого и присел за него. То есть напрашивался явный вывод: вошедший незнакомец жертву знал. После, вглядываясь и щуря глаза в безвозвратно испорченную запись, следователи с неуверенностью отметили, что между мужчинами изредка происходил обмен репликами. И через 20 минут, добив свои заказы, они поднялись и вместе покинули кафе. И вот, как только дверь за ними закрылась, взору троих наблюдателей предстала четкая и ничем не искаженная запись с камеры наблюдения. Одним махом, как по щелчку пальцев, все помехи и шумы разом пропали. В нижнем правом углу все так же можно было наблюдать число и

время.

Остолбенелые следователи и официант Илья стояли с вытянутыми лицами и челюстями, которые под влиянием увиденного как магнитом тянуло куда-то вниз.

– Чертовщина какая-то, мать ее! – в сердцах воскликнул Николай, развернулся на пятках, поднял голову к воображаемому небу и обхватил ее руками. – Витя, ты тоже это видел?!

– Сам стою вот и... ни хрена не понимаю. Помехи откуда ни возьмись, на самом интересном месте как назло... Как будто специально! ...А сейчас вот нет, – не веря своим глазам, ответил лейтенант и осекся.

Они еще раз прокрутили запись через все установленные программы для просмотра на компьютере замедленно, ускоренно, с нормальной скоростью. Но всегда результат был один и тот же: все время пребывания загадочного мужчины в кафе на экране белыми всполохами резвились помехи. А как только пара знакомых кафе покидала, запись возвращалась в свое первоначальное, очень даже смотрибельное состояние. Виктор также обратил внимание еще на один факт: во время помех на месте, где до этого были дата и время, находились непонятные символы, как будто бы компьютер переставал различать их кодировку. Как когда вы открываете некий программный файл, присвоив ему текстовое разрешение, и видите на экране неведомую тарабарщину абсурдных значков.

Перепробовав все доступные методы по борьбе с помехами и не преуспев, старший лейтенант полиции Николай Круглов заключил:

– Так, ладно, мистику в сторону. Вот он, наш подозреваемый, единственный возможный, по крайней мере. Точно пока можно сказать лишь то, что он видел убитого живым в числе последних, если не последним. Скорей всего, последним, почему-то думается мне.

– Согласен, – проговорил Виктор.

«Хм, теперь я знаю еще одну фамилию этих легавых, – отметил про себя Эрик. – Знать бы, как все это работает или кто мне это все открывает...» Естественно, факт с внезапным исчезновением помех не прошел незамеченным и для Линдгаарда. Подобно полицейским, Эрик был неслабо удивлен и озадачен этим – он-то думал после первых перемоток, что смог окончательно испортить пленку. Теперь же вставал резонный вопрос: а он ли вообще ее испортил?

– Короче, Витя, не все так плохо, – спустя примерно минуту нарушил общее молчание Николай, – они вышли на улицу, так? Мы в центре. Значит, камеры на улицах должны были их заснять, хотя бы несколько из них, может, там нам повезет? Ну, всякое бывает, может, вирус какой в их системе, и так совпало, что он, допустим, испортил запись именно с этого места. Чудес не бывает.

– Ладно, спасибо за помощь, – продолжал Николай, протягивая руку официанту – системному администратору, –

поехали мы дальше работать. Попробуй все-таки как-то вылечить запись. Если получится, это нам очень помогло бы.

– Конечно, мужики! Обязательно попробую, мне теперь и самому интересно, как так случилось, – заверил их Илья и продолжал: – Вот, верите, нет, первый вообще раз такое! Это не бар, конечно, но все равно конфликты тут были. Но вот никогда при просмотре с камер ничего подобного ни разу не было. А заведению уже почти три года. В вирус я тоже слабо верю, все-таки слежу за этим.

– Ладно, ладно! Тебя никто и не обвиняет! – откликнулся Виктор. – Сможешь убрать помехи – молодец, а нет, ну что ж поделаешь. След хотя бы теперь у нас есть, не оборвался.

Следователи с Ильей вышли из комнатки и прошли обратно в главный зал кафе. Администратор Катя тут же спросила их:

– Ну как, удалось что-нибудь выяснить?

– Удалось, но не настолько много, как хотелось бы. Вон, ваш Нео расскажет, – ответил ей Круглов. – Все, мы пошли работать дальше. Вам за все спасибо. А ты, хакер, знаешь, что делать.

С этими словами Николай подмигнул Илье. Следователи оставили свои контакты, им сделали по большой кружке фирменного какао с собой, после чего они и покинули уютный светлый интерьер, вышли на улицу и сели в машину Николая.

– Ну, Вить, что думаешь?

– Да чертовщина какая-то, если честно. Ты меня знаешь, Колян, я не из этих всяких мистиков. Но такое реально первый раз вижу. Как будто специально кто-то, как силой мысли, что ли, все это испортил.

– Да брось ты! – оборвал его Николай и криво усмехнулся. – Если б еще Тема че-то про мистику стал говорить, я б еще понял, но тебе вот точно не к лицу. Странно, конечно, но так уж совпало. Короче, надо сейчас нам обратно в контору, Иванычу все рассказать. Пусть запрашивает разрешение на просмотр городских камер. Черт, хорошо все-таки, что эта катавасия вся в центре случилась!

Парни тронулись и уже к 11:00 снова припарковались, только уже у входа томского УГРО. Еще через минуту они уже сидели в кабинете Шведа, делясь увиденным в том кафе.

– То есть помехи? Всякий раз на одном и том же месте, как будто файл поврежден? И помехи резко пропадают, как только наши герои уходят из кафе?

– Все так, Иваныч, – отвечал Николай.

– И даже дата и время пропадали, когда были помехи? – с интересом спросил Артем, который до этого, пожалуй, внимательнее всех слушал рассказ парней.

– Не то что пропадали, скорей менялись на набор каких-то символов, как будто кодировка не та, – ответил ему Виктор, – или компьютер словно забывал ее, что ли, в тот момент...

– Символов? – продолжал Артем. – А на руны те не были похожи?

– Да не сказал бы... – протянул Виктор, – хотя черт их знает, как эти руны выглядят... Да и какие руны, скандинавские типа, что ли?

Сказав это, Виктор с улыбкой посмотрел на своего младшего коллегу.

– Так, ну, хватит в «Необъяснимо, но факт» тут мне углубляться, – прервал их диалог Швед. – Kontakтами обменялись? Запись пришлют? Вот и посмотрим вместе еще раз.

– Пока так, – продолжал майор, – сейчас же сделаю запрос в мэрию, пусть предоставят нам доступ к камерам в центре – на Ленина и смежных улицах, везде, где есть. Там, кстати, камер немало, если я правильно помню. Поэтому на просмотр все и поедем. До того места, где нашли тело, его можно было только дотащить по улице. Канализация там узкая. Еще по кускам я бы и поверил, что кого-то можно было туда доставить, но вот взрослый ЦЕЛЫЙ мужик, прости господи, там ни за что не проплывет! Поэтому после убийства мы обязательно увидим, как один тащит другого. Обязаны увидеть! Да, погода в тот день была не ахти, но все же попробовать мы просто обязаны. Пока свободны, можете идти обедать, но чтобы в час все были в конторе как штыки!

Парни вышли из кабинета начальника и решили поехать в один горячо ими любимый итальянский ресторанчик, который угощал весьма неплохими и недорогими бизнес-ланчами. Отправиться туда было, разумеется, решено на машине Артема – новом KIA Sportage. Ребята при каждом удобном

случае перемещались именно в ней, так как она была самой вместительной и комфортной из всех автомобилей парней.

– Хорошо все-таки, что есть мажоры на белом свете, – с улыбкой от уха до уха изрек Виктор, плюхаясь на заднее сидение и растекаясь по нему подобно тесту.

– Ой, иди ты, Витька-титька! Но ты, конечно, можешь представить, что я твой личный водитель, – в тон ему парировал Артем. – Настоящего-то у тебя все равно никогда не будет!

– погоди! Вот дедушка твой на пенсию уйдет, стану я вместо него, и кто знает, кто знает... – невозмутимо продолжал блондин. – Но я все равно очень рад, что у Федотыча внуки есть!

– Давай-давай, поехали уже, пока там места есть, – прервал веселье Николай. – Скажите спасибо, что Иваныч пораньше отпустил.

КИА тронулась, и парни покатали в IL Patio. Протекторы шин с чавканьем врезались в грязный томский снег. Приехав, зайдя внутрь, они расположились на коричневых диванчиках у окна и заказали себе по комплекту бизнес-ланча.

– Тём, так а че, к чему ты про руны-то спросил, я так и не понял? – начал разговор Виктор.

– Да ниче, так, просто... Бредовая мысль, не бери в голову.

– Да просто он, по-моему, Рен-ТВ посмотрелся по телеку, – усмехнулся Николай и стал смотреть на липкий и чу-

мазый зимний пейзаж за окном – в конце ноября в городе была оттепель.

– Да странно все это, поймите, – продолжал самый молодой следователь в их группе, – как-то не похоже на хакерскую атаку. А в то, что кто-то из персонала это провернул, я не верю.

– Так а при чем тут руны? – все никак не унимался Виктор. – Ты что, думаешь, Одину надоело засилье эмигрантов и он послал на нашу грешную Землю свою валькирию-мужика в пальто бороться за восстановление арийского генофонда?

Тут даже всегда смурной и серьезный Николай не удержался и прыснул со смеху.

– Да отвянь ты уже! – в сердцах и с краснеющими ушами выпалил в ответ Артем. – Да-да! Я пересмотрел Рен-ТВ! Давайте уже закроем тему.

– А он, кстати, прав, Коля, насчет персонала и хакера, – снова заговорил Виктор – самый, пожалуй, подкованный по технической части из всей группы. – Хакер теоретически мог такое проверить: выгрузить из сети запись, частично испортить ее на нужном месте и потом залить обратно. Его бы, конечно же, никто не отследил и не заметил. Кто там будет предотвращать хакерские атаки в забегаловке-то? А если бы, предположим, кто-то из персонала этим занимался, он бы, скорей всего, просто испортил все видео с определенного момента. По крайней мере, если не принимать в расчет чертовщину, то это пока единственная адекватная версия, что

приходит мне на ум.

– Да нет, конечно, это не персонал, – сказал Николай, – это сразу навлекло бы на них подозрение. Ну, лично мое, по крайней мере, бы точно. Я думаю, и Иваныч задумался бы. Ну, правда, что за совпадение такое сказочное: одна-единственная запись повреждена ровно на самом интересном месте. Тут, пацаны, сразу сговором начинает крепко пахнуть. Даже этот Илья не показался мне настолько тупоголовым, чтобы так подставляться. А хакер... Тогда это заказуха, только очень высокого уровня с профессиональным заметанием следов. Думаю, вы не будете спорить, что этот Ахвердиев не такая уж важная птица, чтобы его заказывать спецам с подобной техподготовкой. Если запись кто и испортил, то, я думаю, сам убийца.

Он немного помолчал и добавил:

– Нет, это, конечно же, не персонал и не хакер. Плюс если сговор, то убийство получается преднамеренное. Но преднамеренно никого не убивают таким зверским образом, зачем? Мне кажется, убийца – это тот самый его знакомый с пленки. Может, коллега, который, допустим, по невероятному стечению обстоятельств за каким-то фиггом оказался в Томске в одно время с убитым. И по еще более невероятному стечению обстоятельств зашел в это же самое кафе. С трудом, конечно, в такое верится, но...

– Ага, а еще говорят, совпадений не бывает, – согласился Виктор. – Хотя я согласен с тобой. Тоже думаю, что убийца

жертву знал. А может, и давний зуб на него имел. А после сам каким-то невероятным образом запись испортил.

«А ведь вы, граждане, очень недалеко от истины», – дивясь пронизательности следователей, подумал Эрик. Линдгаард уже практически не верил ни на йоту, что это просто сон. Он все больше и больше начинал задумываться над реальностью многомировой вселенной. А как тут не задумаешься об этом, когда ты становишься свидетелем развития таких сложных разговоров? Эрик не знал, кому как, но чем больше он углублялся в эту историю, тем меньше ему верилось, что сны – всего-навсего плоды воображения.

– В общем, мужики, что мы имеем, – это уже был Артем, – если держать себя в рамках разумного и рационального, то убийца – это ультимативный хакер, случайно за каким-то хером приехавший в Томск и знавший Эмиля?

Николай молчал, глядя на серую снежную кашу за окном. Витя же, помотав головой туда-сюда, немного покрутив глазами, карикатурно позагигбал и поразгигбал пальцы, изображая умственный процесс, и заключил:

– Да, если в рамках рационального, то примерно так.

– Что, его сисадмин из их конторы приехал убивать, что ли? – гнул свою линию Артем.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Николай и поглядел на младшего коллегу.

– Ну, вы, мужики, конечно же, скажете: «Рен-ТВ, иллюминаты, рептилоиды и т. п.». Но, как по мне, кто-то просто

очень не хотел, чтоб его увидели на этой пленке, и каким-то непонятным пока мне образом добился желаемого, – сказал Артем и развел руками. – Ах да, про битву экстрасенсов еще не забудьте!

Николай и Виктор лишь криво усмехнулись на это, но ничего не ответили. Видимо, недавний просмотр записи пошатнул их незыблемые материалистические взгляды на мир. А почему вы думаете, люди, например, начинают резко верить в бога или во что-то еще? Сталкиваются с тем, что рационально на настоящий момент не объясняется, и чтобы их мир не рухнул, хватаются за то, что первое попадет под руку. Всю человеческую историю хватались. А другие люди, *умные*, в такие моменты всегда были готовы спешно подсунуть им веру вместо той самой спасительной соломинки.

«А ты можешь создать немало проблем, гипотетически... – думал Эрик, слушая заключения младшего лейтенанта полиции Артема Кравцова. – Я пока, конечно же, абсолютно не понимаю, каким образом, но чувствую, что если их от кого-то и ждать из вашей компашки, то почему-то от тебя».

Тем временем принесли бизнес-ланч, и мужики, голодные, как и положено мужикам в обеденное время, принялись за сосредоточенное поглощение пищи.

– Ладно, – с набитым ртом пытался сказать Виктор, – щаш приедем к Иваныщу, ражрешение тот добыл, я уверен.

На этом месте лист салата вывалился у него изо рта, и сконфуженный Виктор с быстротой мангуста поспешил за-

пихнуть его обратно в рот в надежде, что никто не заметил. За столом, естественно, заметили все.

– Вот, – запахнув выпавший листик туда, откуда он выпал, продолжал светловолосый лейтенант, – и поедем в администрацию города, их-то камеры не должны подвести. Если там тоже какие-нибудь шутки с помехами, то искать нужно будет Нео. Того самого, то есть.

– Да, и дело можно будет смело закрывать, так как Нео слился с матрицей или навсегда остался в мире машин, не помню уж... – в тон коллеге вставил Артем, – и тогда красной печатью, как в голливудских фильмах, на дело можно смело ставить «Висяк».

Витя на этом месте прыснул со смеха, благо вся пища у него во рту была пережевана и проглочена.

– Так, ну-ка смехуечки отставить! – прикрикнул на них Николай. – Человека вообще-то не стало, у кого-то горе, бараны!..

Парни, пристыженные, замолчали. Дальнейшую трапезу вели в основном молча. Когда все поели, Николай нажал кнопку вызова официанта на столе. Через несколько мгновений к ним подошла молоденькая девочка с короткой стрижкой и лучезарными огромными глазами, получила просьбу принести счет и удалилась. Оплатив счет, ребята накидали в стакан с чеком чаевых, сели в KIA Артема и неторопливо благодаря плотному движению в центре Томска в обед показали обратно в управление.

Как и велел их начальник, по приезду они безотлагательно поднялись в его кабинет.

– Посмотрел я тут эту запись, мужики, – начал майор, – ...м-да... чертовщина та еще. Что думаете?

– Да вот как раз весь обед об этом и разговаривали, – ответил ему Николай, – чертовщина действительно. Ребята вон соревновались в построении теорий заговоров, я же в сказки не верю. Из управы добро пришло?

– Да. Нас ждут к 16:00. Смотреть, возможно, предстоит долго. Поэтому давайте щас до дому, возьмите что вам там надо, если на всю ночь придется зависнуть. Щетки там, мыльно-рыльное, ну и к 16:00 будьте на входе администрации города.

– Вот же жук мутный, – выходя из кабинета, начал Артем. – Мне, например, сразу из кафе до дому было удобнее. Мог бы и по телефону позвонить, донести до нас дальнейший план действий. Чего вот мотались туда-сюда?

– А ты думаешь, он не знает, где ты живешь, молодой? – спросил Артема Николай. – Небось спецом так сделал, чтобы ты не расслаблялся. Да и слышь! А нас бы тогда кто до управы довез, а?!

Виктор после этих слов дружески хлопнул младшего коллегу по плечу. Ребята вышли на улицу, сели в свои машины и направились по домам готовиться к долгой бессонной ночи.

Эрик наблюдал, как белая KIA Артема подъехала к зда-

нию городской администрации. Молодой человек вышел из машины и быстрым шагом направился к крыльцу. Вся группа вместе с майором Сергеем Шведом уже стояла возле входа. Артем взлетел по широким бетонным ступеням и немного демонстративно взглянул на часы. Стрелки его TAG Heuer буквально уперлись в цифру 4.

– Ну что, начальники никогда не опаздывают и рано не приходят? – попытался он шуткой задать не такой грустный тон предстоящему рутинному многочасовому занятию. Швед лишь в упор посмотрел на него так, как хозяин смотрит на котика, заставший того с когтями, погруженными в новый кожаный диван.

– Пошли, – скомандовал он группе и первым зашел в массивную дубовую дверь со стеклами.

Они вошли внутрь. Их поприветствовала милая, строго одетая девушка за приемной стойкой. Они поздоровались и сказали, кем, собственно, являются. Девушка ответила, что их ожидают и все готово. Техника, который будет им ассистировать, зовут Саша и ждет он их на первом этаже вон по тому коридору, в конце, кабинет 1-17.

– Там как раз и располагается наш архив, Саша должен быть там. Если хотите, могу вас проводить.

– Спасибо, вроде несложно, сами как-нибудь найдем, – отказом на ее предложение ответил Швед.

Группа отправилась в указанном направлении. Они прошли в арку под сводом массивной мраморной лестницы, рас-

ходящейся после первого пролета на два крыла в разные стороны и ведущей на балконы большого фойе. После арки сразу повернули направо и пошли в конец коридора, обращая внимание на номерные таблички на дверях. С правой стороны на предпоследней двери золотом отливала табличка с черными цифрами 1-17. Швед сначала постучался, после чего, не выждав и пары секунд, повернул ручку двери. Группа вошла и увидела просторную комнату с длинным столом по левому краю во всю стену, на котором стояло целых шесть компьютерных мониторов, четыре из них были включены. Изображение на них было разделено на четыре сектора, в них можно было разглядеть знакомые каждому жителю города виды разных частей Томска. По правому краю комнаты стоял старенький протертый диван, пара таких же видавших лучшие дни кресел. В углу ближе к дальней стене возвышался прямо-таки антикварный торшер, а ближе к другому углу была еще одна дверь. Посередине стола на крутящемся офисном кресле на колесиках сидел лысеющий небольшой человек в очках с очень толстыми линзами и в черной оправе. При входе группы он повернулся на кресле к вошедшим и вполне добродушно, шуря глаза, сказал:

– А вот и вы, господа детективы, милости просим в мою вотчину! Я Саша. Техник, слесарь, водопроводчик даже, хм, м-да... и сисадмин, естественно. В общем, по технической части. У меня уже все готово, проходите за включенные компьютеры, располагайтесь.

– Спасибо, – ответили ему следователи и приземлились в кресла.

– Смотрите, – продолжал Саша, – меня предупредили, что вы, скорей всего, на всю ночь, поэтому ключ от двери я вам оставляю. Будете уходить – передадите охраннику на входе. Значит, кресла раскладываются, то есть прилечь всем должно места хватить. В смежной комнате еще кушетка стоит, там у нас архив, так что, если хотите эту самую кушетку отыскать, не заблудитесь в полках, хех!

При этих словах Саша улыбнулся и прыснул слюной. Слегка, но все равно довольно неприятно.

«Типичный сисадмин, – подумал про себя Эрик, – наверно, они по всему миру одинаковы».

Тем временем маленький Саша рассказал и показал следователям, где находятся видеозаписи, как они распределены по времени и датам. Рассказал, где находится кухня, где там стоит кофе и печенье с конфетами, и вообще, стоит отметить, попытался сделать для полицейских все от него зависящее. Если бы он еще постоянно мерзко не хихикал и не брызгал слюной, словно из бутылки со стеклоочистителем, цены б ему не было, подумали ребята.

Когда у группы закончились вопросы касательно программного интерфейса и все вроде бы со всем разобрались, Саша наконец-то ушел, рассыпавшись в самых вежливых прощаниях и пожеланиях удачи.

– Так, парни, – по привычке начал озвучивать фронт ра-

бот майор, – будем смотреть записи с того момента, как эти двое вышли из кафе, то есть с 19:30. А теперь плохая новость. Смотреть будем до самого обнаружения тела убитого, а именно до 20:15 следующего дня или около того, когда его забрала скорая. Итого у нас получается... Вить, посчитай.

Виктор прищурил один глаз, состроил интересную такую рожу, которая, видимо, сразу прибавляет +18 к умственным способностям, однако довольно скоро, почти сразу ответил:

– 23 часа 45 минут. Иваныч, я был лучшего мнения о твоих математических способностях, – теперь уже приподнимая бровь и смотря на начальника, бросил шпильку блондин.

– Это просто я твой хотел проверить. А теперь, соответственно, чтобы все убедились, что Виктор Костенко – лучший математик в отделении, подели-ка это еще на 4.

Парни, кроме, понятное дело, Вити, заржали. Ответ же экзаменуемого не заставил себя долго ждать:

– Ива-а-а-аныч! Уел всех как всегда и не подавился, – тем не менее с улыбкой и совершенно беззлобно парировал Виктор, – а 23:45 на 4 будет... короче, по 6 часов просмотра увлекательнейших видеофайлов каждому. Наслаждайтесь!

– А че, если без перерыва, то до 22 можно управиться, – сказал Николай. – Ты, наверно, Иваныч, так и сделай.

– Да подождут дома мои девки одну ночь, ничего с ними не делается, – ответил майор. – Я посмотрю на тебя, как ты 6 часов подряд в монитор пропялишься. С толком, с расстановкой, спокойно смотрите, ребят. Никто вас не торопит.

Главное – очень внимательно. Отправить нам все эти материалы мэрия не может, там файлы очень большие какие-то получаются, и как это, Вить?.. Некорректируемые? Да нет, бред какой-то... – озадаченно поскреб черную щетину майор.

– Неконвертируемые, – подсказал лейтенант Костенко, – ну, видимо, для усложнения возможных кибератак.

– Во-во. Короче, основную массу отсмотреть придется сегодня здесь. Если что-то найдем, то отрывок, сказали, смогут прислать.

И они приступили. То есть принялись смотреть. Камеры были хорошо и плотно установлены на следующих улицах: Ленина, Учебной и Савиных. Однако то самое кафе находилось в 14 доме по улице Ленина. Таким образом, ул. Тимакова также подпадала под подозрение. И везде на вышеозначенных улицах было полно камер.

– Господи! – воззвал к высшим силам Артем. – Да мы же тут посеем! Они ведь могли пройти где угодно!

Группа решила разделить улицы так: Ленина застолбил за собой Швед. Парням достались, соответственно, Тимакова, Учебная и Савиных. На смежных с ними маленьких улочках камер не было, поэтому они исключались. Ребята разделили экраны своих мониторов на число сегментов, соответствующих числу камер на улице, и принялись за дело. Погода, как назло, в тот день была туманная донельзя, и хорошо, что почти все камеры показывали нужное направление движения

– как раз к мосту через реку Томь, где и было найдено тело. Для наведения конкретики стоит еще добавить, что тело было найдено на правом берегу реки возле сточного коллектора под съездом с Московского тракта на мост через реку. И там тоже была парочка камер.

Эрик не видел, что наблюдали члены группы на своих мониторах. Он проснулся вскоре после того, как следователи погрузились в просмотр.

«Ну и правильно, с одной стороны, – подумал он, – это было бы крайне скучно. Плюс если этот момент мне решили не показывать, значит, ничего эти ребята на своих записях и не увидят. ...Да, никакой опасности, а то я был бы сейчас там, как тогда, в серверной, в кафе». С этими мыслями Эрик встал с кровати и пошел на кухню делать свой любимый кофе.

Глава 9

Вот уже почти неделю буквально каждую ночь Эрик следил за цепочкой событий в своем ночном сериале. Он, конечно, как и прежде ходил на работу, но скорей по привычке, и выполнял свои задачи там на полном автомате, без бывшего энтузиазма. Голова его была полностью занята размышлениями и анализом того, то представляло ему во снах. Все-таки он наблюдал там, как-никак, самое настоящее расследование убийства. В офисе душка и балагур Эрик, слывший душой любой компании, стал теперь неузнаваем для коллег. Они с недоумением взирали на этого обросшего неряшливой бородой, с давно не стриженными, спутанными волосами человека и подмечали какое-то доселе невиданное выражение в его зеленых глазах. В выражении этом читалась душевная отрешенность. Так смотрят глаза людей, думы которых пребывают не там, где их тело, а в совершенно ином месте. Было видно, как Эрик без остановки, постоянно думал о чем-то. Что жил он проблемами и переживаниями о чем-то далеком, никак не связанном с местом, где находился.

С коллегами Эрик практически не общался просто так – только по делу. В столовой всегда старался занять отдельный столик в самом углу. А сотрудники, заметившие эту разительную перемену в молодом человеке, теперь к нему и не подсаживались. Линдгаард, раньше позволявший себе лишь

изредка выкурить сигарету в минуты сильного переживания или, наоборот, удовлетворения, теперь превратился в заядлого курильщика, при любом удобном случае выбегающего на улицу затянуться. На перекурах он также старался ни с кем не говорить. Выбирал себе угол подальше и неспешно вдыхал дым, смотря подолгу на небо, или, наоборот, с рассеянным взглядом был поглощен своими, теперь уже непонятными никому мыслями.

Но не стоит думать, будто бы сам Эрик не отмечал перемены в своей внешности и поведении. Все-таки он был далеко не глуп. Да, он постоянно раздумывал над своими снами, силясь понять, на самом ли деле все это происходит. Понять это было сложно, потому как само понятие «на самом деле» в свете пережитого опыта для Эрика ощутимо сдвинулось и размылось. Ведь это все происходило именно с ним, занимало все его мысли, он, можно сказать, жил больше там, чем здесь. Получалось, что все это происходило с Эриком на самом деле, ведь так? Это было в его голове, он ощущал и чувствовал окружающий мир как обычно. Да, у Эрика не было телесной оболочки в тех снах, но вот мыслительный процесс, осознание, где ты находишься и что сейчас происходит, были обычными. Можно даже сказать, там он соображал острее и быстрее, чем здесь. Но вот только куда же деть 30 лет своей жизни в относительно нормальном и здоровом обществе? А в нем, если вдруг кто-то забыл, считается, что сны... Это не более чем сны.

«Кстати, а что мы вообще знаем о снах?» – думал порой Эрик. Что о них знал лично он? Что знали до него? Да, существуют кучи теорий на этот счет. Эти теории существовали чуть ли не с самых первобытных времен, когда люди только научились худо-бедно объясняться друг с другом. Уже тогда им часто не давал покоя интенсивный опыт, переживаемый ночью. Ведь казалось тогда: вот же ты, здесь и сейчас! Те же ощущения, те же реакции на происходящее вокруг. Только вот это самое происходящее часто было абсолютно не тем, что привык видеть человек вокруг себя при свете дня. С одной стороны, вроде бы то же самое, но нет. Чувства обострялись. Реакции раскрашивались яркими глубокими красками. Мир вокруг порой оборачивался невиданной доселе стороной. Он являл спящему свою потаенную, оборотную изнанку. Мир показывал, каким он способен быть. Насколько разным и неопишуемым. Таким, который не могло придумать ни одно самое сильное и изощренное. Что уж говорить о первобытном, только зарождающемся человеческом сознании.

«Кто знает, возможно, сны внесли весомый вклад в становление Homo Sapiens как вида», – думал Эрик. Потому как именно они показали ему, сколь безграничны возможности его воображения. А ведь все, что создано в нашем мире, когда-то существовало только в чем-то воображении, было чьей-то мечтой.

Много позже были древние религии. Те, что дошли до нас хотя бы немного записанными и структурированными, гово-

рили, что реальность сна так же реальна, как и та, в которой мы живем каждый день. Что ваш мозг и делает происходящее реальным. А если мозг чего-то не видит или не осознает, другими словами, не получает сигналов от мира, то откуда вы знаете, что этот мир вообще для вас существует?

После говорили, что сны – это видения, знамения, иначе говоря, прогноз, который некоторый изначальный творец, неподвластный полному пониманию для простого смертного, посылает тебе. На этом этапе предприимчивые люди с хорошей фантазией и логическим мышлением заявляли, что они способны эти сны разгадывать и трактовать. Такие люди сразу обретали уважение и почтение там, где жили. Насколько эти трактования были близки к истине и реальному положению вещей, всегда оставалось вопросом далеко не первым.

Много после, с рождением фантастики, кино, с развитием науки, люди стали делать первые шаги на пути понимания того, как же все-таки устроен их 1,5-килограммовый серый извилистый орган. Исследования показали нам, что там есть сложнейшая нейросеть, связанная системой электрических сигналов, благодаря которым человек и чувствует окружающий мир. Таким образом, если правильно сгенерировать эти импульсы, хозяина мозга можно погрузить в любую реальность, хватило бы только фантазии и технических средств.

Проблема же в его случае, как виделась она Эрику, была в нехватке экспериментальных данных, без которых практиче-

ски любую теорию при желании можно как подтвердить, так и опровергнуть. Но прибор для записи снов еще не изобрели. Поэтому вынести из них какие-либо материальные свидетельства пока что не представлялось невозможным. Таким образом, путем нехитрых рассуждений Эрик пришел к выводу, что понять природу своих детективных сериалов во снах о другом мире он не сможет. А реально это или нет, вообще здесь вопрос некорректный. Есть факт: он видит довольно детальный мир с живыми вполне людьми, где каждый со своим характером, эмоциями и вроде бы жизнью. Эти люди вполне профессионально занимаются своей работой.

«Если мой мозг все это придумал сам, то я чертов гений!» – думал Эрик. Впору книжки писать и ждать, когда по ним сделают игры и снимут фильмы, а не ходить в постылый офис каждый гребаный день как долбаная штамповка! Вдобавок ко всему сны эти давали ему такую огромную, несравнимую ни с чем пищу для размышлений и тугой клубок переживаний, что, само собой, волей-неволей начнешь тут терять интерес к унылой серой жизни, днем сурка вяло текущей из сегодня в завтра. «А они еще удивляются, почему я выгляжу как начинающий алкоголик! Смешные!» – думал про себя Эрик, когда видел все эти косые и недоуменные взгляды коллег.

Как-то раз его вызвал директор филиала к себе в кабинет. Эрик, как и любой, пусть и один из самых успешных работников при высокой должности и пользующийся авто-

ритетом сотрудников, в первую секунду внутренне напрягся. Но лишь буквально на секунду. Потом расслабился, заправил полу рубашки, неведомо как вырвавшуюся на свободу, обратно в брюки и пошел на первый этаж к директору.

– Добрый день, Альберт Геннадиевич! – ничуть не менее бодро, чем всегда, по мнению его самого, поздоровался Линдгаард.

– Привет, Эрик. Проходи, садись.

Эрик, собственно, прошел и сел.

– Ну, рассказывай, – начал директор.

– Так, Альберт Геннадиевич. Тендеры провели по объектам «РН-Бурения» в Томской области. 90 % месторождений будут использовать в работе наше оборудование. Локальные подрядчики все так же на нашем. Прибыль филиала в новом году ожидается, по самым скромным прогнозам, 137 % по сравнению с этим годом. От подрядчиков, однако, почти что от всех есть пожелание, чтобы мы...

– Погоди, Эрик, погоди. Это я все знаю из твоего отчета на той неделе. И сегодня утром на селекторе ты говорил. Я не за тем тебя позвал.

– Хм... – только и сказал Эрик, – тогда слушаю Вас внимательно.

– Что с тобой происходит?

– То есть, Альберт Геннадиевич? Я что-то не совсем понимаю...

Эрик, естественно, все понял, можно сказать, уже тогда,

когда глава филиала вызвал его к себе. Он знал, что за работу возглавляемого им коммерческого отдела волноваться нечего. Просто он не хотел рассказывать этому чужому, по сути, человеку, почему вдруг так резко из метросексуально-го красавчика превратился в небритого обросшего бомжа.

– У тебя что-то случилось? – продолжал директор. – С родными, может, что? Ты только скажи! Хоть завтра отправим тебя в отпуск. Или в чем дело? С личной жизнью какой-то вопрос неразрешимый?

Андрей Геннадиевич, говоря все это, не сводил с Эрика глаз и, как показалось парню, довольно искренне сейчас интересовался. «Все равно. Ему рассказывать точно не буду. Не поймет дядька», – железно заключил про себя Линдгаард.

– Да не знаю я, Геннадич, – попытался съехать Эрик, отводя глаза влево вниз и озадаченно потирая вихры на затылке, – возраст, наверно, такой, кризис, сами понимаете. Много кто через это проходит, вот и я исключением не стал, к сожалению.

Эрик при этих словах посмотрел в глаза начальнику, улыбнулся и развел руками, придавая словам максимально возможную искренность.

– Работаю вот... Зато можно полностью сосредоточиться на деле! – продолжал он. – Для компании должно быть полезно.

И тут, вспомнив о так в тему предложенном отпуске, решил чуть поддавить:

– Только, правда, наверно, устал что-то... Так что если про отпуск вы это всерьез говорили, то я бы, пожалуй, не отказался от предложения! Мне это даже, наверно, и нужно, потом приеду – не узнаете! – последние слова он оснастил одной из своих самых проникновенных улыбок.

– Ну, тогда решено. Тогда чтоб к концу дня у меня заявление лежало на столе! Времени у тебя много будет – весь месяц чтоб тебя не видел, а там, сам знаешь, праздники еще.

Линдгаард, не веря своему счастью, пытаясь выглядеть потрясенно и признательно, горячо поблагодарил директора, пообещав, что заявление непременно к концу дня ляжет ему на стол. Добавил также, какой все-таки Альберт Геннадиевич чуткий, мудрый и понимающий начальник. Побольше бы таких в стране – сейчас бы жили как в какой-нибудь Норвегии, а то и лучше. В общем, оставив мужчину растроганного и души не чающего в своем заме по коммерческим вопросам, Эрик уже открыл дверь кабинета начальника, как услышал реплику вслед:

– Эрик, ты давай уж действительно хорошо отдохни. Поверь, в нашем мире много чего интересного и стоящего. Увидь это, а то мне кажется, что ты куда-то... Как будто соскальзываешь, что ли...

На этих словах Эрик на несколько мгновений остановился в дверном проеме, прямо как кот, не знавший, входить ему все-таки или нет.

«Соскальзываю... – медленно повторил он про себя. – Я

соскальзываю...»

То, что озвучил Альберт Геннадиевич, как раз-таки и было тем, что по-настоящему тревожило Эрика сейчас. Нередко раздумывая над своим состоянием, которое сильно изменилось после начала этих диких снов, Эрик боялся, что действительно именно начал соскальзывать куда-то в другое место. Ему все меньше был интересен мир, в котором он жил, и все чаще на протяжении дня он только и делал, что ждал ночи, когда он снова окунется в тот непонятный и оттого влекущий мир. Туда, где с ним происходило что-то действительно новое. У него не было никаких якорей здесь. С семьей большую часть года он поддерживал лишь телефонный контакт. Свою семью заводить не хотел, даже не смотрел в эту сторону. Хобби теперь уже у него тоже как такового не осталось. Понимаете? Мир становился все менее интересен в геометрической прогрессии. И Эрик стал по-настоящему опасаться, что такими темпами он в один прекрасный миг откроет глаза и поймет, что соскользнул в мир своих снов. Только там ему будет грозить самая реальная физическая опасность. Ведь люди там ищут убийцу.

Молодой мужчина попытался прогнать от себя эту мысль в который раз. Все-таки то, что это взаправду может случиться с ним, представлялось Эрику фантастичным, просто игрой воображения.

«Просто человек так устроен. Если ему нечего бояться, он придумывает себе страх, чтоб его преодолеть. У меня, по

крайней мере, всегда так», – подумал он. Затем развернулся, посмотрел на директора и уже вслух произнес:

– Само собой, Альберт Геннадиевич! Отдохну на все деньги! – и рефлекторно улыбнулся, выходя наконец за дверь и закрывая ее за собой.

Поднимаясь по лестнице к себе на второй этаж офиса, Линдгаард думал, насколько же был прав Михаил Афанасьевич, вкладывая в уста своему персонажу фразу: «Никогда и ничего не просите. Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут». Вот уж точно!

Радостный, придя домой, первым делом Эрик позвонил своему парикмахеру, записавшись на стрижку, а потом пошел в ванну и даже побрился. Начисто! Такого с ним не случилось вот уже, наверно, 1,5 года. Во-первых, не модно нынче это, а во-вторых, непрактично. В парящем состоянии души, выйдя из ванны и ощущая малейшее дуновение воздуха в квартире кожей лица, Эрик плюхнулся на свой белый диван в зале. Дальнейшее действие не заставило себя долго ждать, он взял телефон со стола и с помощью WhatsApp видеовызовом набрал своему единственному другу. Уже через три гудка фотография контакта на экране телефона сменилась живой физиономией Ивана Юшина.

– Ого, какие люди! – говорило загорелое лицо с дисплея телефона. – Стопятцот миллионов лет не звонил!

– Здорово, Ваня, как сам?! – теперь уже по-настоящему

искренне улыбаясь, ответил другу Эрик.

– Да я-то норм, чувак, – орал Иван в телефон, пытаюсь перекричать гвалт на заднем плане. За его лицом, кстати, была ночь.

– Ты хоть где щас? – спрашивал Эрик. – Веселуха там у тебя, смотрю.

– Да на Гоа вот занесло! На пляже мы тут. У местных праздник какой-то дичи очередной. Угорают все, так что мама не горюй!

– Блин, классно там у тебя. А мне вот тоже отпуск дали.

– Так приезжай скорей, че ты?! Еще, говорят, неделю почти это все у нас продлится!

Эрик на секунду всерьез задумался над предложением друга, но, не найдя тому отклика в душе, сказал:

– Да не, Вань, до родителей вот надо бы доехать, сто лет уже не видел, да и знаешь же, как я ко всему этому тропическому аду отношусь. Так что спасибо, но увольте, – ответил Эрик.

Проницательный Иван, однако, сразу же уловив изменение в лице друга, сказал:

– Зря, чувак. Я б на твоём месте сорвался. Ты хоть и побрился зачем-то, но, я думаю, ты в курсе, что на лбу борода не растёт и глаз не скрывает. А вот такого их выражения я, пожалуй, никогда у тебя не видел... Что случилось, реально?

«Да вы че все, сговорились, что ли? – с раздражением подумал Эрик. – Или это действительно так очевидно?»

– Да ничего не случилось, Вань, – отводя эти самые глаза от камеры, продолжал Эрик, – скучно, наверно, вот и все. А веселиться непонятно как. Да и желания нет. Одно слово – кризис среднего возраста!

– Все шутками отстреливаешься? Знаем мы тебя. Ну, не хочешь ехать – бабу вон себе заведи! Сразу жить станет КУ-ДА ВЕСЕЛЕЕ! Понимаешь? – метнул подкол-совет, как дро-тик в дартс, Юшин.

Эрик смотрел на задний план, перед которым лицо его друга сияло лучезарной улыбкой. «Почему, – думал он, – я не могу выбрать это вместо барахтанья черт пойми где? Даже нигде. В своей голове! Почему мне не интересно просто поехать и оторваться? Может, стоит? Стоит приехать для начала, а там все изменится, перевернется и срастется правильно?»

На черном небе что-то взорвалось. На маленьком экране смартфона было не видно, что конкретно, а лишь красно-зеленые и фиолетовые отсветы окрасили лицо парня, который всеми силами сейчас пытался помочь своему другу. Он хотел ухватить его за руку и не дать телу полностью утонуть в черном омуте апатии.

– Эрик, короче, я бронирую тебе билет!

– Стой! Вань. Я правда не хочу. Буду ходить там как... как говна поевший, прости, – глядя в глаза другу, перерубал Эрик спасительный канат.

– Ну, как знаешь, брат. Я тут, если что, еще неделю про-

буду точно, так что имей в виду.

Резкий грохот взрыва взорвался в телефоне, расплескавшись в шипении и реве не справляющихся с напором динамиков. Эрик просто смотрел на друга, раздумывая, почему же ему все это кажется таким далеким и ненужным.

– Эрик, брат, не нравятся мне что-то твои мешки под глазами. Что случилось-то?

– ...Да, дружище, знаешь... Сплю что-то плохо, – начал Эрик издалека, конечно же, зная, что Иван догадается, о чем он.

– Это тот твой сон? Где ты убил?

– Да, Вань, только там теперь целый «Настоящий детектив», часть 3.

– То есть? Что там?

– Там... Я уже неделю наблюдаю, как убийство этого... м-м... знакомого расследует группа оперов. Прямо в таких подробностях, что НТВ и не снилось.

– Интересно... – протянул Иван. – А ты там каким боком?

– Я там? Меня там вроде как вообще нет. Но в то же время как будто я всегда там присутствую при всем, что касается меня. Ну, ты понимаешь, если предположить, что я убил. И...

– Давай, давай, я слушаю.

Изображение на экране затряслось, человек в руке Эрика куда-то пошел, должно быть, от всего этого грохота. Через некоторое время Юшин остановился.

– Ну, все, я тут зашел за хибарку какую-то. Тут почти ничего не слышно. Говори.

– В общем, если сны – это всего лишь в нашей голове и наше подсознание, то я не представляю то подсознание, которое может все это придумать. Я почти уже, знаешь, поверил. То есть прямо готов поверить, по-настоящему во всю эту дичь с параллельными мирами, мультивселенными и в то, что 12 измерений – это не просто математическая модель.

– Однако... – только и протянул на это Иван.

– И самое страшное, Вань, ну, ты и сам щас понял, надеюсь. Мне все меньше интересно здесь и все больше интересно там.

Теперь был уже черед Ивана несколько мгновений просто молча смотреть на своего друга. Эрик же под влиянием каких-то своих мыслей отвел глаза в сторону и просто сидел так со склоненной головой.

– Эрик. Посмотри на меня. Послушай, я не знаю, правда все это или нет про, как ты говоришь, мультиреальности. Но вот психическое здоровье – это научно доказанный факт. Смотри не загреми в дурку такими темпами. Это очень быстро ведь происходит: соскользнет раз голова с рельсов – и обратно уже не получится.

Эрик замер. «Так, и Ваня теперь туда же! Как там говорят, один раз – случайность, два – совпадение, три – закономерность. А за сегодня как раз три случая. Все почему-то видят, включая меня, что я куда-то неминуемо соскальзываю...»

– Ты че там замер, эй? – раздался озабоченный голос из динамиков телефона.

– Да, видишь, всем вокруг как раз-таки кажется, что я *соскальзываю* куда-то. Буквально. Я ведь тоже раздумывал над этим, а сегодня и ты, и директор вон мой использовали этот термин, не сговариваясь. И знаешь что, – продолжал Эрик, – он чертовски точно описывает главное мое опасение.

– То, что ты один раз соскользнешь, скажем, там, с плоскости этого мира и очнешься в том, где тебя реально ищут менты?

– Иван Владимирович, Вы сама проницательность, как всегда! – натянуто улыбнулся Эрик. – Но мы-то с тобой умные образованные люди, понимаем прекрасно, что это чушь собачья, так?

– Хах, – хохотнул Иван, – ну, если так случится, то постарайся вернуться обратно – произведешь небывалый фурор вообще везде!

– Ага. Да ладно... Конечно, этого не может быть, – начал двигаться в сторону успокоения друга Эрик. – Надо получать кайф, правильно? Показывают тебе интересный сериал, ну, смотри, наслаждайся!

– Именно, от жизни вообще кайфовать полагается, я считаю.

– Вот-вот.

– Ну так и что? Какие планы на отпуск-то все-таки?

– Да вот, к родителям надо хоть выбраться уж раз-то в

год! – отвечал Эрик. – Да и покататься там можно. Как раз сейчас зима, снег. Не на долбаных же индусов смотреть!

– Ну да, – согласился Иван, – иногда на то, что они творят тут, без ужаса и не взглянешь!

– Не сомневаюсь! Короче, Вань, было бы лето – рванул бы к тебе, не думая! А так... Снежок наш россейский я больше всех этих пальм люблю. Ну а ты повеселись уж там за двоих!

– Да, знаю я тебя, йотуна, блин, ледяного!

– Ахах! – оценил аналогию Линдгаард, который происхождением своей фамилии и вообще корнями обязан был той самой стране, где этих йотунов и придумали.

– Ну вот, – продолжал вскоре Иван, – такой ты мне гораздо больше нравишься! Хоть улыбаться стал. Однако с этими черными дырами под глазами надо что-то делать. Патчики, что ли, какие поприкладывай.

– Э-э-э-э!.. Ты давай-ка там почаще из своей Европы вылазь! Смотри, как бы толерантность из тебя не потекла! Что это за гейское слово такое? Я вот понятия не имею, что такое патчики, но прям чую – что-то ЛГБТшное.

– Да, мой но homo друг, ты, как всегда, угадал. Раз ты так на это смотришь, продолжать я, пожалуй, не буду.

Парни еще немного пообщались в веселом ключе, посоревновались в остроумии. Потом какая-то смуглая рука куда-то потащила Ивана, и он, пожелав бывать здоровым, канул, утянутый в ревуший цветной праздник.

Эрик еще немного посидел с улыбкой до ушей, затем взял

пульт и включил ТВ. Пощелкал каналы, понаблюдал, как наши в очередной раз опозорились на биатлонных трассах где-то в Словении. Затем включил какой-то музыкальный попсовый канал и после трех песен изумился, что людям может нравиться в этой тупизне и однообразии! Разочаровавшись в который уже раз в телевидении, он отдал свое внимание на растерзание YouTube. Устроился поудобнее, прилег на большую диванную подушку и благополучно провалился в сон под очередное видео из бесконечного потока.

Глава 10

Группа в полном составе находилась в кабинете майора Шведа. Все молчали, сидя с хмурыми и уставшими лицами. После недолгого обсуждения и обмена мнениями идеи быстро иссякли. Дело, казалось, зашло в тупик, а путей выхода из него на горизонте что-то не наблюдалось.

– Ну, по крайней мере, помех не было, – попытался разрядить обстановку Артем.

Виктор на это лишь невесело улыбнулся и продолжил остервенело сжимать и разжимать дежурный общий эспандер, номинально принадлежавший, конечно, хозяину кабинета.

– Там не то что помех, там не было вообще ничего... 34 или сколько там камер, и вообще ни единого следа! – это уже подал голос Николай.

– Как труп-то там оказался? С обеих сторон моста камеры... Ну, пусть они шли туда подворотнями. Там можно пройти, я понимаю, но как тело под мост попало? Кто-нибудь это мне может объяснить? – казалось? даже каменная глыба – майор Швед – начал терять самообладание.

– Ну, если действительно чудес не бывает, как вы говорите, – вступил Артем, – то остается один вариант. Тело каким-то образом доставили туда под землей.

– Ай, да невозможно это! – резко оборвал младшего кол-

легу Николай. – Мы ведь сразу этот вариант отмели. Коммунальщики также сразу подтвердили, что это невозможно. Планы домов и канализаций в том районе это подтверждают. Да, есть большие подземные помещения, но по ним никак не добраться аж до моста!

– Тогда почему наша парочка так и не была замечена ни на одной камере? Особенно возле моста?

– Это вот и непонятно... – озадаченно проговорил Николай.

– Что дальше-то? – это уже был Виктор. – Иваныч, какие мысли? Просто, например, мне уже ничего в голову не идет.

Майор взял мхатовскую паузу. Глотнул своего убийственно заваренного черного чая, почесал уже не щетину, а основательную такую бороду, и слегка раздраженно сказал:

– Не поверишь, Витя, думаю как раз о том же. Ты первый узнаешь, как что-то надумаю.

– Короче, парни, – после еще одной озадаченной паузы продолжил он, – Коля, ты поезжай снова в то кафе. Узнай, кто тогда работал в тот день. Опроси всех, может, кто что и вспомнит или зацепка появится. Мы ведь так этого и не сделали – понадеялись на камеры. Артем, на тебе планы подземки. Привлеки, не знаю, диггеров, что ли! Может, они еще остались в 2018 у нас в городе. Может, там дырки в стенах или что-то еще... Ты, Витя... не знаю... Посиди еще, попробуй с этой записью в кафе поколдовать, друзьям своим хакерам позвони, у тебя ж вроде были какие-то такие друзья.

– Хорошо, Иваныч, – ответил блондин, – были, да.

– Короче, за работу, парни. Рук не опускаем.

Озадаченные, члены группы медленно разошлись по заданиям. На лицах их все меньше оставалось от той уверенности профессионалов, убежденных в кажущейся простоте дела. После того как ребята получили задания, Эрик решил сконцентрироваться на Артеме, так как ожидал от него наибольшей опасности, несмотря на наименьший опыт. Парень в течение дня действительно изучал планы. Времени на это, однако, у него было немного. Просмотр записей в администрации города группа закончила лишь ранним утром, договорившись не спать ночью, но зато прийти на работу после обеда.

Когда рабочий день закончился, Артем, не найдя ничего нового на чертежах, поехал домой. Но Эрик чувствовал, что молодого человека захватила некая идея и заканчивать работу после истечения рабочих часов младший лейтенант сегодня не собирается. И действительно, приехав домой и наскоро поужинав, Артем дождался, когда пробки в городе слегка спадут, затем собрался, вышел из дома и сел в машину.

Когда KIA Артема свернула на улицу, параллельную набережной, и впереди стал виден мост в клубах испарений от реки, Эрик, конечно же, обо всем догадался.

«Ну, давай, родной, осмотри еще раз все хорошенько. Мне и самому правда интересно, как тело там оказалось», – подумал Линдгаард и с интересом стал наблюдать дальнейшие

события.

Машина Артема остановилась близко от берега реки. Сверху нависал съезд с улицы на мост, Артем вышел из авто и пошел по берегу к тому самому месту. Остановившись под мостом возле небольшой арки в бетоне, Артем осмотрелся. «Ага, а эта арка, видимо, и есть тот самый коллектор». Под аркой за углом находилась старая ржавая дверь. В месте, где на двери обычно висит замок, была во много слоев намотана цепь. Однако замка никакого не было. «Понятно, – протянул про себя Эрик, – должно быть, за этой дверью и спят время от времени бомжи. Один из них и обнаружил тело». Артем постоял возле двери, легко ударил зачем-то по цепи. Та жутковато лязгнула в тесном пространстве бетонного мешка. Артем осмотрелся. Его внимание привлекли переплетения кустов, растущих в месте, где отвесная стена опоры моста переходит в скат, выложенный бетонными плитами, что уходит в реку. Молодой офицер пошел туда, Эрик, естественно, за ним. Кравцов приблизился к краю парапета, за которым начинался скат. Оценив расстояние метров в 15 до кустов, Артем присвистнул. На дворе было уже давно темно, поэтому младший лейтенант достал телефон, чтобы использовать его как фонарик. Осветив бетонные плиты, Кравцов поцокал языком и покачал головой от авантюры, в которую собирался добровольно ввязаться. Плиты ската были щедро покрыты снежной коркой вперемешку со льдом. То тут, то там оледенелые места под светом фонарика зловеще поблес-

кивали. Собравшись с духом и с телефоном в одной руке, молодой человек начал медленно пробираться по скользкому косогору.

Когда до кустов оставалось около полутора метров, Артем приготовился к финальному прыжку, чтобы ухватить торчащие ветки. Чуть согнув ноги, он переложил телефон из правой руки в левую. И вот уже в самый момент толчка левая нога его предательски поехала по скользкому бетону. Дыхание Артема мгновенно сперло, он ощутил то самое салто желудка, которое испытывал каждый из нас в миг, когда твое тело теряет контроль над ситуацией. Но правая нога, все еще сохранявшая сцепление с поверхностью, рефлекторно толкнула парня вперед, и правая рука, судорожно шарящая в невесомости, схватилась за голую холодную ветку. Быстро подтянув ноги и вернув телу более или менее устойчивое положение, младший лейтенант опустился на четвереньки и стал прорываться через сплетение кустов. Спустя какое-то время, ежесекундно борясь с колючими ветками, в восходящем монолите бетона парень наткнулся на то ли трещину, то ли проем. С уверенностью сказать было нельзя из-за скопления некрупных камней. Часть из них вывалилась из бетонной стены. Другая же часть вот-вот готова была это сделать, но пока что каким-то чудом до сих пор держалась. Артем приблизился к странному проему. Ветки кустов нещадно тыкались и впивались в тело. Ощувив какое-то дуновение или, возможно, тепло из пролома, Артем положил телефон фона-

риком наверх и принялся шатать камни в бетонной стене.

Артем был без перчаток, но, несмотря на холод бетона, проникающий, казалось, в самые в кости, продолжал методично расшатывать непрочный завал.

Наконец один из камней выпал. Дело сразу же пошло быстрее, и Артем один за другим теперь вытаскивал камни, обнажая уже настоящий пролом в монолите. Еще через некоторое время он настолько расчистил дыру, что через нее уже мог протиснуться человек. Парень встал на колени и, освещая путь телефоном, пополз внутрь. Эрик, само собой, ощущая теперь легкое беспокойство пополам с нетерпением, поспешил следом. Благо ползти по холодному бетону ему было не надо.

И каково же было удивление спящего Эрика, когда он снова увидел тот самый широкий туннель с узкой кромкой парапета по обеим сторонам и полосой воды посередине. Да, это определенно был тот самый канал, куда в своем сне он спустил тело Эмиля. Шокированный и взволнованный находкой молодого следователя Эрик бестелесным сознанием отправился вверх по каналу вслед за Артемом.

Какое-то время Эрик видел лишь мерно покачивающееся в такт шагам Кравцова пятно света. Пятно это выхватывало из мрака куски однотипного, как будто бесконечно скопированного интерьера канала. Шаги Артема съедали дистанцию. Эрик мог лишь догадываться, что сейчас творится в душе молодого парня. Боится ли он? И если да, то стоило отдать

парню должное, ведь ни одним жестом или движением тела он не выдавал страха. Просто шел и шел вперед под тихий аккомпанемент какого-то далекого капания.

И вот внезапно фонарик телефона выхватил из тьмы уступ и поворот налево узкой бетонной полосы. После поворота тоннель пошел ощутимо вверх. Через несколько минут ходьбы далеко в перспективе коридора забрезжил слабый туманный свет. Артем прибавил шагу, подхлестываемый нетерпением и адреналином. Свет неотвратимо приближался и становился больше, выдавливая тьму прочь. Вот уже можно было различить большой освещенный коридор, напоминающий коридоры московского метро. Потолок – арка, по краю на равных расстояниях друг от друга близнецы-фонари с толстыми грязными плафонами.

«Вот оно. Нашел-таки! И почему я не сомневался? – подумал Эрик. – Ну что, дружище? Что будешь делать?»

Артем же не спешил никуда уходить. Выключив фонарик на телефоне, он осмотрелся, после чего не спеша, медленно, с особым вниманием осматривая стены и пол, двинулся дальше по тоннелю. Не пройдя и пяти шагов, лейтенант сел на корточки и внимательно посмотрел на пол.

– Бурая полоса... Кровь. Ну, конечно! Вот как наш убитый и попал в тот коллектор: его дотащили по тоннелю до канала с водой и сбросили. Он доплыл до коллектора под мостом. Там, должно быть, есть какое-то сообщение... – не в силах скрыть возбуждение, пустился Артем в беседу сам

с собой.

На корточках молодой следователь двинулся вглубь освещенного туннеля. След крови довольно хорошо угадывался на полу, кое-где прерываясь, но в целом становилось очевидно, что тело убитого тащили именно здесь.

Артем встал, посмотрел на часы – было 22:00. Можно было закругляться. Видел он достаточно, а дальнейший осмотр места должен производиться всей следственной группой. Так рассудил Артем и пошел на выход. Приблизившись к переходу в темный канал, включил телефон и быстрым уверенным шагом двинулся прочь из загадочной подземки. Он был очень рад, ведь, похоже, только что вернул расследование к жизни.

Томским морозным утром KIA Артема чуть ли не в дрифте вылетела на парковку перед управлением уголовного розыска. Чудом избежав контакта с «Маздой» няшечки Лены из бухгалтерии, KIA более чем ощутимо ткнулась бампером в сугроб. Младший лейтенант Кравцов, не обращая внимания на подобные мелочи, вылетел из машины, захлопнул на бегу дверь и вбежал на крыльцо управления.

– Здравсьте, дядя Коля, – сминая турникет и вваливаясь в фойе, на бегу проорал он вахтенному.

После турникета Артем взлетел по лестнице на второй этаж и без стука вбежал в кабинет Шведа.

– Сергей Иванович, привет! – запыхавшись, с порога сказал

он.

– И тебе привет, – ответил майор, слегка ошалев от такой наглости молодого подчиненного. – Где-то пожар у нас или что? За тобой гонятся?

– Да нет, Сергей Иванович, – торопливо отвечал младший лейтенант, – зовите всех. У меня очень важные новости.

После этих слов майор очень внимательно посмотрел на Артема. Без лишних слов он наклонился над аппаратом селектора, нажал кнопку и сказал:

– Виктор, Коля, поднимитесь ко мне. Прямо сейчас.

Ребята не заставили себя долго ждать и через каких-то две минуты оба были в кабинете начальника. Первым зашел Николай и, удивленно покосившись на запыхавшегося раскрасневшегося Артема, который так и стоял в пуховике и шарфе, растерянно спросил:

– Да, Иванович, в чем дело?

– Садитесь, ребята, – ответил майор, – а в чем дело, это мы сейчас и спросим вот у этого оболтуса. Да сними ты уже куртку наконец и выкладывай! Точнее, докладывай!

Артем послушался начальника, быстро разделся, повесив куртку и шарф на вешалку в углу. Затем сел за свободный стул и, сверкая глазами, торопливо начал рассказ:

– В общем, что, мужики. Я вчера после работы поехал туда, под мост, в тот самый коллектор, где нашли тело убитого. До этого весь день я, как и просил Сергей Иванович, шерстил планы канализации. ...Ничего нового я там не нашел, – он

подождал немного, – как, собственно, и думал. Вот... Ну и поскольку вы говорите, что чудес не бывает, решил еще раз съездить туда, где обнаружили тело, повторно все там хорошенько осмотреть.

– Ну и? – спросил Николай, сидя со скрещенными на груди руками.

– Ну и на самом деле проще всем туда поехать и посмотреть своими глазами, чем мне сейчас вам рассказывать. Скажу лишь то, что я нашел там целое помещение.

– Где нашел-то? – спросил майор. – Давай спокойней и конкретней. Какое еще помещение?

– Да под землей! Там, под мостом, рядом со сливом, где тело и нашли, стена проломлена, а за ней ход. Ход этот ведет в какие-то... – тут Артем немного замялся, – даже не знаю... Катакомбы какие-то!

– погоди, погоди! – это Виктор вступил в разговор. – Ты же говорил, просмотрел планы подземки еще раз. Да и все мы их смотрели. Никаких катакомб под мостом там нет!

– Вот я и говорю, что поехали посмотрим все вместе! – с нетерпением воскликнул Артем.

Повисло молчание. Вся группа неотрывно смотрела на молодого сослуживца. Николай по-прежнему сидел со скрещенными на груди руками. Виктор по-детски покусывал большой палец, а Швед всей своей недюжинной массой облокотился на стол, потирая одной рукой щетину.

– Тема, а тебе это все не приснилось от переутомления? –

перервал всеобщее молчание Николай.

Младший лейтенант лишь цокнул языком на это.

– Сергей Иванович, парни! Поехали, сами все увидите! Я понимаю, что верится с трудом. Мне б сказали – сам бы не поверил.

– Ладно, – после недолгого молчания сказал Швед, – поехали. Собирайтесь.

– Иваныч, серьезно? – спросил у него Николай, слегка изломив бровь. – У молодого воображение опять разыгралось, а мы...

– Так, поехали – это значит ПОЕХАЛИ, Коля. Ты плохо слышишь? Да и дел у вас особо я что-то не вижу. Зацепок-то больше нет! Или я не прав?

Говорить что-то дальше было ни к чему, и группа без лишних слов встала и покинула кабинет.

– Через пять минут на крыльце! – вслед выходящим громко сказал майор.

Собственно, через пять минут все одетые стояли на условленном месте.

– Я поведу, – сказал Швед, указывая на свой Ford Explorer, который прогревался, бурча двигателем.

Виктор с Николаем наскоро докурили, и офицеры прошли и расположились в машине шефа. До пресловутого моста доехали быстро: утренние пробки уже рассосались, а обед еще и не думал начинаться, так что машин в городе было немного. Машину Сергей остановил в том же месте, где и Артем

вчерашним вечером. Мужчины вышли, и майор, вдыхая свежий морозный воздух с реки, сказал:

– Ну что, Тема, веди. Показывай.

Артем молча пошел по бетонке к парапету, за которым начиналась река, рукой дав знак следовать за ним.

– Так вот же дверь в коллектор, – немного недоуменно сказал Виктор, – а нам что, дальше?

– Да-да, за мной, сейчас перелезть будем, – стоя у парапета, ответил Артем.

Один за другим осторожно парни перелезли через бетонный край и оказались на покатых плитах, спускающихся к реке.

– Вон туда, – указал Артем рукой на кусты, растущие прямо на бетонном косогоре.

– Ты как тут в потемках-то лазил, молодой? – спросил с раздражением Николай, осторожно ступая по скользкому, кое-где заснеженному бетону, широко расставив руки.

– Телефоном светил. Так можно, ты не знал? – с легким раздражением от постоянного недоверия коллеги ответил младший лейтенант.

Группа гуськом, поскользываясь и поддерживая друг друга, не спеша двинулась к кустам.

– М-да!.. Видать, подсесть ты меня вздумал, молодой! – хватаясь за плечо Виктора, после того как его нога совсем уж отчаянно поехала по скользкой плите в сторону речного холода, посетовал майор.

– Держу-держу, Иваныч! – улыбнулся блондин, крепко хватая начальника за рукав. – Подсидеть тебя много желающих.

Через некоторое время и некоторые риски группа все же добралась до голых зарослей кустов. В полном составе.

– Так, мужики, а теперь самое сложное будет. Втяните животы и опускаемся на четвереньки, – сказал Артем следовавшим за ним коллегам.

Он уже добрался до кустов и, одной рукой крепко схватив несколько веток, обернулся в сторону нетвердо идущей процессии.

– Да вы только посмотрите! – перекрикивая свистящий ветер, прокричал Николай. – Маленький стервец теперь натурально издевается!

– Давай-давай, Коля, немного осталось, втяни уже в натуре живот! – легко ткнув его в плечо, весело сказал Виктор.

Блондин, казалось, вообще никогда не унывал.

– Иваныч, руку дать? Ты все-таки у нас самый возрастной, – сказал он, когда вся группа уже добралась до кустов, кое-как ухватившись за колючие ветки.

– Старый конь, как известно!.. – запыхавшийся майор не договорил, а вместо этого рывком ухватил голую ветку. – Лучше новых двух!

После этих слов Швед шумно отдышался и весело оглядел подчиненных.

– Ну что, Тема, куда дальше? – спросил он.

– Просто делайте как я, и за мной.

Артем осторожно встал на карачки и, одной рукой отодвигая ветки, полез вглубь зарослей.

– Ну что стоишь, Коля? – прикрикнул Швед на раздумывающего в нерешительности старшего лейтенанта. – Слышал же, за ним!

Группа по одному, встав на четвереньки, повторила маневр Артема и протиснулась в дебри кустов.

– Вот оно, – после нескольких мгновений мучительного продиранья указательный палец Артема нацелился на пролом в стене, окаймленный трещинами и с небольшими камнями возле него.

– Это я тут уже немного расчистил для вас путь, – продолжал молодой человек.

Мужчины зажгли мудро захваченные с собой фонарики и стали протискиваться внутрь. Они один за другим пролезли в провал. Каково же было их удивление, когда, выхватываемый пятнами света фонариков, перед ними предстал тот самый тоннель каменной кладки. Первые мгновения в полной тишине, нарушаемой только каким-то далеким капанием воды, следователи лишь водили фонариками вокруг, высвечивая арочный проем, уходящий далеко в перспективу. Проем был сложен из кирпичей, покрытых зеленоватой не то тиной, не то мхом. С другой стороны канал упирался в стену, и вода стекала сквозь черные толстые прутья решетки.

– Вот как тело попало сюда... – протянул Виктор, – теперь

понятно. Должно быть, там, под водой, пролом и вода уходит вниз, в тот коллектор под мостом.

– Да, Вить, я тоже так подумал, когда первый раз пришел сюда, – ответил Артем.

– А я вот думаю о другом, – почесывая щетину, проговорил Швед, – что это вообще за подземное царство такое и почему ни на одном плане его нет? И никто нам об этом ничего не сказал... Чушь какая-то.

Тут и Николай подал голос, до этого лишь озиравшийся по сторонам, вода по стенам фонариком:

– Ты меня знаешь, Иваныч. Я во всю эту Рен-ТВшную чушь не верю, но такие вот тайные катакомбы в центре города – это действительно странно...

– Так, ладно, – продолжал майор, – вы еще тут малость осмотритесь, а я пока до коллектора дойду. Надо одну теорию проверить. Без меня ни шагу.

С этими словами Сергей встал на четвереньки и полез в проем наружу. В этом месте Эрик обнаружил, что не может разорваться и наблюдать за двумя местами одновременно. Сам слетать до коллектора он тоже не мог. Каким-то образом он был связан с участниками расследования и просто так не мог направить свое присутствие куда заблагорассудится, а лишь наблюдал за действиями людей, которых видел во сне.

«Интересно, однако, – подумал Линдгаард, – сон-то, конечно, вроде бы всецело мой и делать в нем можно много что, но вот пойти, куда захочется, нельзя. Может, потому что

хоть сон и твой, но вот мир, в котором этот сон происходит, нет?» Также Эрик догадывался, что если в кадре присутствует Артем, то он почему-то становится связан именно с ним. Возможно, он сам привязал себя к нему, посчитав наиболее опасным из всей группы, а возможно, его к нему привязали... Тогда вопрос – кто? И тут Эрик почувствовал, что очень хочет обернуться, как в те моменты, когда за тобой кто-то наблюдает или пристально смотрит. Но позвольте! Какой абсурд, куда оборачиваться? На кого? Кто вообще может знать о том, что какой-то бестелесный Эрик Линдгаард или его сознание сейчас здесь? Если вообще этот самый Эрик в данный момент не просто спит в своей кровати, а мысли его бродят внутри его же головы, рисуя и сочиняя этот канал с четырьмя мужчинами в нем, а также все это расследование с убийством! Однако Эрик знал точно, что никогда раньше не испытывал во сне чувства, как будто за ним наблюдают.

Линдгаард сосредоточился, представил, что сейчас берет нити правления окружающей обстановкой крепко в обе руки, как берут в руки вожжи лошади. Взял, обернул раз вокруг кистей и крепко так встряхнул. Тут же по каналу пролетела упругая воздушная волна. Фонари парней на мгновение вспыхнули яркими вспышками, затем еще на одно мгновение разом погасли, после чего засветили ровно. Одновременно с этим подземный канал сотряс густой тяжелый гул, как будто разом запустили с десятков мощных электродвигателей.

– Твою мать! – это был Виктор.

Парни резко обернулись друг к другу, свет фонарей направили в центр, пытаясь как будто отгородиться им от творящейся здесь и сейчас непонятной чертовщины.

– Вы это слышали, почувствовали? – продолжал блондин.

– О да, еще как! – ответил ему Артем. – Первый раз, когда я спускался, все было тихо-мирно. ...Мертво, я бы даже сказал. А теперь...

– Что?

– А теперь чувство такое, как будто мы здесь не одни. Не знаю, как у вас, но мне реально не по себе, – продолжал самый молодой офицер.

– Да бросьте вы! – вклинился Николай. – Как дети малые, ей-богу! Может, тут где-то трансформатор рядом. Тема, ты же рассказывал, что выше там освещенный туннель, когда мы в машине ехали? Ну вот! Электричество же как-то должно подаваться!

– А волну эту ты почувствовал? – спросил Виктор.

– Ну да, почувствовал. Все почувствовали, я уверен. Ну и что? Мало ли!

– Ну, не знаю... – протянул Виктор. – Чем дальше, тем непонятнее просто. Ладно. Давайте успокоимся,ждемся Иваныча. Что там у него, интересно?

Эрик нашел забавным тот факт, что и парням показалось чье-то незримое наблюдение.

«А ведь они правы. За ними наблюдают, и еще как. По-

чему тогда не предположить, что и за мной тоже могут наблюдать прямо сейчас... Ахах-ха-ха! А за этим, кто наблюдает за мной, тоже наблюдают! И так далее. Прямо рекурсивное наблюдение какое-то, да и только!» Эрик пытался поднять себе настроение с помощью юмора, как часто делал и в обыденной своей жизни, когда что-то шло не по его сценарию. А ведь если разобраться, то дела сейчас складывались для него нежелательно. Почему-то. Он не знал, почему именно, но чувствовал, что расследование это начинает принимать опасный и нежелательный для него оборот. И чем ближе группа подбирается к истине, тем неуютней он себя ощущал. Эрик испытывал сейчас то самое знакомое многим из нас чувство, когда где-то в твоём солнечном сплетении поднимается и закручивается тугим узлом волнения и страха, вроде бы ничем не обоснованного, но от этого не менее осязаемого. Плюс ко всему его неплохо так напрягало то самое присутствие некоего незримого наблюдателя.

И тут Эрик обратил мысленный взор на другую, давно уже назревавшую в нём мысль. *А что если устроить обвал и похоронить в недрах этих непонятных туннелей еще четырех человек?*

«Мой сон, почему бы и нет-то? Ведь кто-то же замыслил механизм, по которому человек может управлять миром своего сновидения?» Эрик чувствовал в себе силы на то, что способен обрушить своды этих подземных помещений на головы горе-следователей. Только сделать это, естествен-

но, нужно, когда группа соберется в полном составе. И Эрик стал ждать.

Майор вскоре вернулся. Все трое полицейских, ожидавших его, очень обрадовались, когда из темного развала дыры показался пучок желтого света.

– Так! Стоите кружком и ждете меня. Все правильно, – изрек руководитель группы. – Даже лучше, чем я мог надеяться! Погодите... А чтой-то с вашими лицами? Коля, ты побледнел, что ли? А ты, Витя? Глаза можно так и не выпучивать вообще-то.

Швед попробовал улыбнуться для того, чтобы ободрить своих подчиненных, но те на веселый тон не реагировали, а, напротив, продолжали стоять с крайне серьезными минами.

– Парни, да что такое-то?

– Иваныч, ты слышал? – спросил начальника Николай.

– Что слышал?

– Ну, гул какой-то. А еще как все место будто бы вздрогнуло или вздохнуло, что ли...

– Чего? Вздохнуло?! Коля! Тебя что, Артем укусил, пока меня не было? Ты ж самый хладнокровный и прагматичный вроде бы еще с утра был! А вместо этого у тебя подземелья дышат! – Швед снова пытался шутками разрядить напряженное оцепенение, застывшее на лицах людей.

– В общем, ребят, – продолжал майор, – я ничего не слышал. Зато что я нашел! Теперь ясно, кажется, как тело убитого было найдено там, где было найдено. Я зашел в тот коллек-

тор, ну, за этой дверью с цепью. Там все по-старому. Только я забрался на дальнюю стену, это, получается, на ту, что как раз сейчас под нами, из которой еще водосток, откуда тело выловили. Так вот, за стеной четко слышно, как вода журчит! И стена вся холоднее и как будто влажная. Короче, как и думал наш малой, Тема, без обид. По всей видимости, в канале дыра. Тело притащили сюда каким-то макарон и сбросили потом в этот канал.

Майор указал пальцем вниз на воду, после чего продолжал:

– Далее по каналу оно продрейфовало, в эту дыру нырнуло, а внизу в коллекторе мы его и выудили! Как я и говорил, чудес не бывает!

– Ага, за исключением того, что в центре города подземелье, где гудят какие-то адские механизмы! – перебил его Виктор, пытаясь выдавить из себя улыбку.

– Ладно, парни, пошли дальше, – скомандовал майор, – я теперь с вами, бояться нечего!

Сказано – сделано, и группа в полном составе отправилась вверх по каналу. Миновав знакомый поворот налево и пройдя еще несколько десятков шагов, перед следователями забрезжил туман тусклого электрического света. Группа вышла на свет по-прежнему грязных фонарей и выключила фонарики.

– Вот, Иваныч, а дальше буквально в паре шагов, если приглядеться, видно засохшую кровь. То есть тело здесь дей-

ствительно тащили, – выступил вперед Артем, указывая рукой туда, в перспективу уходящего в одну точку тоннеля.

Мужчины подошли к месту, куда указывал Артем, присели на корточки.

– Ага, вижу! – сказал Виктор. – Вот и следы.

Следы действительно никуда не делись и бурой, местами прерывистой толстой полосой уходили вдаль.

– Ну что, идем дальше? – спросил Николай, оборачиваясь на начальника.

– Да-да, конечно. Дальше, – рассеянно осматриваясь вокруг, ответил Швед.

Следователи двинулись дальше. Но у Эрика были свои планы относительно их продвижения. Линдгаард все так же ощущал невидимое присутствие чего-то или кого-то, но приказал себе сейчас забыть об этом. Он расширил свой мысленный взор, пытаясь сознанием охватить как можно более обширный участок тоннеля. Представить, как потолок весьма прочного и надежного на вид сооружения разом рухнет, Эрик не мог. Вместо этого он подумал: а как поведет себя это место, если рядом возникнет очаг землетрясения, например?

Одновременно с размышлениями Эрика следственная группа продвигалась дальше по тоннелю. Мужчины шли по всей ширине коридора, распределившись по двое с обеих сторон засохшего кровавого следа. Звук их шагов гулко отдавался в арке тоннеля. И тут Эрик заметил, что впереди по коридору в тусклом свете фонарей белеет какой-то предмет.

Пользуясь преимуществами сновидящего, он бросил сознание вперед, обогнал группу и с холодом, обдавшим нутро, увидел, что это его носовой платок, смятым комком лежащий на полу.

– Подождите, кажется, я что-то вижу впереди на земле, – это был голос Артема.

Эрик видел, как после этих слов фигура молодого парня быстро опередила группу и стала приближаться к куску ткани на полу. В этот момент последние сомнения касательно дальнейших действий полностью покинули Эрика.

«Нет уж, ребята. Вы, конечно, все молодцы и довольно далеко продвинулись в этом деле, но заканчивается ваше расследование именно здесь».

И он потянулся сознанием к сводам тоннеля. Для лучшего эффекта он представил, как две невидимые руки проникают сквозь кирпичную кладку сводов под белой известкой, охватывают стены с наружной невидимой стороны и сильно тянут внутрь.

По подземному тоннелю прокатился раскатистый грохот. С одной стороны, будто приглушенный тоннами нависавшей со всех сторон земли, но с другой – достаточно громкий и пугающий. Фонари на стене тоннеля часто заморгали, а со стен и потолка на всем протяжении, куда хватало глаз, посыпалась известка.

– Артем, стой! – закричал что было сил Швед.

Парню дважды повторять было не нужно, он и сам замер

после того, как изве́стка с потолка сединой легла ему на голову. Трое старших мужчин бегом направились к нему. В это время Эрик еще крепче сжал невидимые руки на сводах тоннеля. Кругом затрещало и задрожало. Несколько фонарей вовсе погасли, и вокруг стало ощутимо темнее.

«Мало, – подумал Эрик. – Так я не справлюсь. А что там было про землетрясение-то?..»

Мысли во сне не требуется преодолевать сдавливающую инертность окружающей действительности. Все твои желания претворятся в жизнь мгновенно. Вот и сейчас четверо мужчин присели на полусогнутых ногах оттого, что пол под ними стал ходить ходуном. Эрик представил очаг землетрясения недалеко над туннелем. И в сознании его упругие сейсмволны сейчас раскачивали томские недра. Линдгаард сконцентрировался на этом процессе, все увеличивая и увеличивая амплитуду толчков. И вот уже с потолка следом за известкой начала сыпаться сначала бетонная крошка, а потом и валиться целые кирпичи, один из которых упал в опасной близости от Николая. По стенам черными ломаными линиями рисовались первые трещины.

Артем предпринял отчаянный рывок все-таки добраться до желанного платка, ухватить его и вынести из-под начавшего твориться вокруг хаоса. До платка, однако, все еще оставалось порядка десяти шагов. Видя это, Эрик перенес ментальную руку и скovyрнул с потолка пару кирпичей, метя в голову отчаянному лейтенанту. Кирпичи в Артема не

попали и лишь рыжей трухой рассыпались тому на ботинки.

– Тема! – заорал во всю глотку Швед, перекрикивая окружающий гвалт. – Брось его! Ребята, все назад! Уходим!

«Э, нет, господа офицеры, – протянул про себя Линдгарт, – никуда вы не уходите!»

И вот, казалось, раскачиваясь уже всем своим существом вместе с очагом землетрясения, Эрик сжал руки-проекции в кулаки, удлинил и стал со всей силы долбить снаружи по стенам.

«Никуда вы, суки мусорские, отсюда не уходите!» – входя в раж, чувствуя слепую розовую ярость, застывшую сознание, орал он. Однако за грохотом рушащегося тоннеля не слышал даже себя.

В это время под градом камней в воздухе, белом и мучном от известки, четыре человека что есть сил пытались спастись. Со всех ног бежали они к черному проему канала, который, казалось, был теперь так далек в мучной пелене. Фонари вокруг них падали со стен, срезанные трещиной, и разбивались стеклянной крошкой об пол или взрывались прямо на стене под ударами кирпичей. Эрик, куражась, теперь уже вырывал из сводов целые каменные куски. Тоннель за спинами четырех следователей начал обваливаться. Откуда-то сверху хлынула вода. Потом еще с другого места. И вот уже быстрые шаги четырех пар ног, до этого звучащие глухо, теперь хлюпали по воде.

– Еще немного, давайте, парни! – орал Виктор, вырвав-

шийся слегка вперед.

И вот уже черный зев арки канала был перед ними всего в нескольких шагах. Один за другим группа нырнула туда. Последними были Швед и Артем, почти одновременно влетевшие в черный проем.

– Фонарик! Фонарик! Зажгите! Кто там первый? Витя, давай! – орал Швед, когда все четверо оказались внутри черного канала.

Мгновения ничего не происходило и было щемяще темно. Потом пятно желтого света задрожало впереди.

– Есть, Иваныч! Эй, все живы? – обернулся к сослуживцам блондин.

«К сожалению, да, – мысленно ответил ему Эрик. – Но это ненадолго.

Он направил внимание в канал, переместил обе свои мнимые руки по направлению к боковой стене прямо рядом с пятном света, ухватил кирпичи и что было силы рванул на себя.

Стена рядом с Виктором взорвалась. Кирпичи под напором воды полетели во все стороны и прямо на блондина. Один кирпич попал ему в скулу, срезав кожу и мясо до кости. Два других ударили рядом в плечевой сустав и предплечье. Еще несколько нижних кирпичей яростно влетели парню в колено и ниже в голень, раздробив кости. Лейтенант взвыл от боли и упал на пятую точку. Поврежденная рука его соскользнула с узкого тротуара и оказалась в воде. Здоровой

рукой он все-таки удержал себя от падения в канал. Николай, бегущий следом, не успел среагировать и по инерции запнулся о распластавшегося на земле друга. Запнувшись, он со всей инерцией своего немаленького тела полетел и навзничь грохнулся о холодный тротуар, головой приложившись о бетонный край. Эрику было мало произведенного эффекта. Он хватался, влипал руками в стены, рвал и рвал те на себя. За спиной Артема гроыхнуло и взорвалось, чудом не задев. Тут же с потолка, откуда-то из темноты, посыпались кирпичи. Вода лила со всех сторон. Майор оказался между двумя поверженными товарищами спереди и Артемом сзади. Одуревший, он озирался по сторонам. Сквозь пыль и бьющую со всех сторон воду он видел, как Виктор одной рукой пытается удержать себя на краю дорожки, второй рукой он продолжал сжимать фонарик, освещая то бездыханное тело Николая впереди, то светя на майора. Артем обогнал оторопевшего начальника и кинулся на помощь друзьям, упав на колени. В это время Швед достал свой фонарик и включил, направив свет сначала вверх на рушащиеся своды, затем посветил по сторонам. Картина ему открылась незавидная. Со всех сторон били струи, брызги и фонтаны воды. Сзади ужасно гремело. Спереди пол неестественно покосился в изломе, и вода из канала начала заливать узкую дорожку. Прямо над их головами потолок ходил ходуном. Опытный майор, осознав ситуацию, приступил к действиям. Он схватил за руку склонившегося над ранеными Артема, дернул вверх и заорал в

самое ухо:

– Артем! Бежим! Парни ранены, мы им не поможем!

– Иваныч! Что ты говоришь?! – Артем под накалом обстановки забыл о субординации. – Я не брошу их здесь!

Тут майор со всей силы дернул его за руку, таща прочь от потолка, который вот-вот грозил рухнуть на них. В это же время Эрик дернул свод вниз. Артем оказался в объятиях майора, а два их товарища – погребенными под грудой кирпичей и земли, обрушившихся с потолка.

– Бежим, Тема!!! – что было мочи проорал в лицо парню Швед.

И они побежали. Эрик ухватил и дернул пол канала прямо под пробежавшими по нему следователями. Майор успел перенести вес тела и оказался по ту сторону образовавшегося пролома ближе к выходу. Артем повис на краю по грудь в воде. Мгновенно упав на одно колено, Швед вытащил парня. Как только они побежали дальше, сверху разлома рухнула очередная груда земли. Весь канал ходил под ногами ходуном. Кирпичи и их обломки летели отовсюду. Швед и Кравцов, закрыв лица руками, бежали, повинувшись одному лишь инстинкту самосохранения. Фонари в их руках желтыми пятнами выхватывали творящийся вокруг хаос, преломляясь и отблескивая в бушующей вокруг воде.

Эрик уже собрал все силы, сомкнув свои ментальные манипулы на участке потолка перед бегущей парой. Он все верно рассчитал и сейчас последним напряжением воли должен

был похоронить оставшихся сыщиков. Затем Эрик намеревался до конца стереть порожденные его воображением подземные залы из этой реальности. И когда он уже был готов рвануть свод вниз что есть силы, он ощутил, как в дело вмешалось то самое загадочное сознание, которое он ощущал раньше.

Ментальные руки-щупальца Эрика как будто оторвали от потолка. Когда он, оторопевший, попытался сомкнуть их вновь, на том месте уже была защита. Свод потолка стал будто бы очень скользким и, можно сказать, нематериальным. По крайней мере, Эрик никак не мог снова за него ухватиться. Пара следователей пробежала расставленную ловушку и скрылась за поворотом, направляясь к выходу. Эрик оставил в покое скользкий кусок потолка и преследующим приведением бросился в погоню за уходящими. Однако, завернув за угол, дальше последовать не смог, упершись в невидимую стену. Преодолеть ее у него не получалось, сколько Эрик ни пытался. В перспективе канала он лишь видел, как два пятна света, быстро качаясь, уменьшались вдаль.

«Твою мать!» – в ярости выкрикнул Эрик в окружающую темноту. Ярость вибрировала и клокотала в нем. И Линдгард, понимая, что те двое все-таки ушли, выплеснул всю ее в окружающее пространство одним-единственным толчком сокращающей силы. Ослабленные пробитые своды под напором этой волны утратили остатки прочности, и подземные залы сложились карточным домиком.

Эрика тут же выкинуло из-под земли. Теперь он видел окрестности с высоты многоэтажного здания. Взору его предстала дорога на мост, точнее, то, что от нее осталось. Шлюз с боковой по отношению к мосту улицы раскололся на крупные куски асфальта. Как такового шлюза больше не было, вместо него теперь были асфальтобетонные руины. Внизу разливалась вода. Между улицей, прямо ведущей на мост, и самим мостом зиял широкий, метров в восемь, провал. Бетонное укрепление под мостом разрушилось, и вода с широкой прорванной трубы заливала все вокруг. Внизу валялись десятки перевернутых покореженных машин. Люди старались выбраться из них, и многие плескались в ледяной воде. Эрик потерял двух следователей из виду. Попытался рассмотреть их среди людей в воде, но не смог. Хаос распространился и на соседние улицы. На проезжей части и тротуарах асфальт был расколот. Кое-где земля провалилась, обнажив подземные коммуникации из силовых кабелей и труб. Местами эти городские артерии были повреждены, и провалы в земле на глазах Эрика заполнялись водой, а порванные кабели искрились. В паре мест можно было увидеть очаги открытого пламени. И повсеместно раненые люди пытались откуда-то выбраться, кто-то из них помогал другим, кто-то просто лежал без движения, кто-то без сознания лицом вниз плавал в образовавшихся лужах.

Эрик наблюдал всю эту картину со смешанными чувствами. С одной стороны, он был опьянен осознанием своей си-

лы, с другой – ужасался тому, что натворил. И внезапно его наблюдение за разрушенным центром города как будто резко кто-то оборвал. Эрик почувствовал, что будто бы всплывает из толщи воды. Дальше темнота несколько мгновений, нехватка кислорода. А затем он открыл глаза и увидел полумрак своей белой спальни.

Конец первой части

Книга 2

Глава 11

– И все-таки почему ты вмешался? – спросил высокий мужчина в черной то ли мантии, то ли плаще.

Он стоял спиной к подковообразному столу на множество мест. Однако за столом этим сидели лишь две фигуры. Да, именно фигуры, лиц их было не видно, ведь за высокими от пола до потолка окнами, которые занимали все пространство наружной стены небоскреба, была ночь. Задавший последний вопрос стоял лицом к окнам, спиной к столу-подкове. Волосы его, однако, были хорошо видны, несмотря на царивший вокруг мрак. Серые, жесткие, как будто бы искусственные, они переливались и искрились в темноте. Всполохи из маленьких точек-искорок то и дело пробегали по ним.

– Сольден, я ведь уже объяснял тебе два раза... – отвечала фигура, которая сидела за столом справа.

– Так объясни в третий, – спокойно сказал искроволосый, по-прежнему стоя спиной к собеседникам, – только в этот раз постарайся сделать это так, чтобы я понял, *почему именно* ты вмешался. Спешить нам некуда, если нужно, объяснять будешь и в четвертый, и в пятый раз.

Повисла недолгая пауза, после чего раздался негромкий

вдох с правой части стола и низкий голос заговорил:

– Старший куратор проекта «Земля» Сольден, я, смотритель 1-й ступени Карх...

– Карх. Стой.

С этими словами черная мантия искроволосого Сольдена зашелестела, он развернулся на 180 градусов. Лица во мраке комнаты по-прежнему было не видно, но зато показались завораживающие глаза, которые светились мягким жемчужно-серым светом.

– Я тебя сразу попрошу, Карх, не надо, пожалуйста, опять говорить мне про резолюцию и какие-то там пункты. Если ты такой рьяный ее приверженец, то согласно ей ты бы вмешался, уже когда объект совершал убийство на Земле-06. И, кстати, что бы ты сделал тогда?

– Я должен был бы остановить вмешательство в развитие Земли-06 и по своему усмотрению в зависимости от характеристик объекта либо попытаться его завербовать, либо отрезать его от инструментария входящего.

– Или?

– В случае если его потенциал входящего не подлежит сдерживанию и контролю, ликвидировать личность из всех проекций.

– И что из этого ты сделал?

– Ничего, Сольден.

– Правильно, ничего. А почему ты ничего из этого не сделал, Карх?

– Потому что... Ты же знаешь, Сольден.

– Не волнуйся ты так, Карх. Наша беседа сейчас проходит без представительства высшего совета.

– Как, и эта тоже? – раздался наконец голос третьей фигуры. – У нас тут на Земле входящий потенциально огромной силы, а им дела нет?

– Представь себе, Зенос! Я, конечно, не знаю всех планов совета. Да и не должен вроде бы, но ходят слухи, что патриархи теряют интерес к проекту «Земля». Это потому что тот вектор, по которому развиваются сейчас все ее проекции, совету ну совсем не интересен. А вектор этот практически везде одинаков... Поэтому, хм... Создается впечатление: у нас с вами, уважаемые, карт-бланш.

– Тогда, получается, надо радоваться? – спросил тот же третий – Зенос.

Потом помолчал немного и продолжил:

– Ну да, в принципе, все сходится: минимум 10 проекций, включая ключевую, так и не достигли пока что даже ближайшей планеты к Земле. Я имею в виду, человек там не высаживался. Складывается впечатление, что общество вообще в эту сторону не хочет смотреть.

– Да, Зенос, все именно так. 20 век, по местному летоисчислению, был самый прорывной, и почти все в совете тогда соглашались, что Земля была одним из самых потенциально перспективных проектов. А потом все проекции как будто бы очень устали и стали сознательно погружать себя все

глубже и глубже... Как же сказал тогда Патриарх Квала... А! «В виртуальные грезы»! Очень точно, на самом деле. И вот с того самого времени к Земле постепенно интерес стал угасать. А сейчас проект фактически заморожен, хотя официально и находится в статусе «Среднеперспективный». Поскольку, если бы его считали мало- или же бесперспективным, меня бы уже давно сняли с должности куратора и перенаправили куда-нибудь.

– И все же почему-то ты еще здесь, Сольден.

– А вот как раз потому, что здесь аномально много очень сильных входящих. И кое-кто в совете очень заинтересован и пытается разобраться: а почему, собственно, так?

– И кто этот пытливый ум или умы?

– Я не знаю. А вот по поводу входящих это действительно правда. И это, если вы еще не забыли, как раз-таки и есть та причина, по которой мы с вами сидим здесь уже не один час! – резко и решительно Сольден направил беседу в правильное русло, из которого она потихоньку начинала выходить. – И еще одна немаловажная деталь, которую, я думаю, нет смысла вам напоминать, – это то, что подобных инцидентов, особенно с нашим вмешательством, вообще не должно возникать!!! Почему так, я очень хочу верить, вы понимаете? Так или нет? Особенно ты, Карх!

– Я понимаю, Сольден.

– Тогда вернемся к нашим баранам, как говорят на Земле-04. Я спрашиваю тебя в четвертый раз: почему ты это сде-

лал? И мне не нужно сейчас цитировать пункты из резолюции, которые я и так хорошо знаю и без тебя.

– Да у меня, Сольден, если начистоту, и не получилось толком его остановить. Ты видел последствия?

– В курсе, Карх, видел. Однако два человека, как я понял, его прямые желаемые жертвы, спаслись?

– Да. Они выжили.

– То есть ты хотел именно спасти людей? Так, Карх?

– В тот момент да, Сольден. Хотел. Да и потом это то, что именно ты всегда говорил нам: якобы любой человек может потенциально быть полезен. Быть полезен нам и нашим планам.

– Допустим, говорил. И как нам могут быть полезны... м-м-м... теперь уже два полицейских?

– Да не знаю я, Сольден! Кто это может знать-то? Но раз они теперь связаны со входящим, то, очевидно, могут, тебе не кажется? Тем более в контексте твоего манифеста о том, что входящие, особенно сильные, нам не нужны. И причины почему мы отлично понимаем. Ведь иначе опять начнется: совет, контроль, отчеты, наблюдатели и т. п. А мы ведь сейчас здесь несколько другим занимаемся, так?

– Ну, наконец-то, дорогой Карх, я услышал тебя, а не архивного бота по вопросам законодательства и нормативных актов! А еще я очень рад, что ты помнишь, оказывается, чем мы вообще тут занимаемся!

– Ясно чем, только не понятно – *зачем?* – как бы между

делом подал голос Зенос.

– А здесь уже вы будьте любезны доверять своему куратору, господа. А вопросы-то мы все с вами умеем задавать, – сразу пресек подчиненного Сольден. – Мы с вами должны пресекать деятельность любых входящих, – продолжал куратор, – как плюсовых, так и минусовых, как этот наш последний. Пока не ясно с точностью, какой он именно, но до сих пор ведет себя он как стопроцентный минусовой. Но не суть. Поскольку дома знают, что входящие на Земле все-таки есть и их, как я уже говорил, мягко говоря, немало, мы должны заставить их выглядеть абсолютно бесполезными для программы совета. Мы должны показать, что все эти входящие настолько глубоко погрязли в виртуальном болоте своего мира, что используют данную им осознанность только лишь для развлечения, как еще один виртуальный инструмент. Или же для того, чтобы себе на потеху сеять хаос в других мирах. Что мы, кстати, слава Апофису, пока с успехом и делали.

Сольден немного помолчал, помассировал подбородок серыми длинными пальцами.

Фигуры трех зрителей начинавший заниматься за окном рассвет сейчас понемногу вырисовывал из мрака, подливая ярких оттенков красного, оранжевого и розового в строгий интерьер зала совещаний.

– А, кстати, знаешь, Карх, то, что ты сделал, сыграет нам на руку. Ведь, по сути, что мы имеем? Прямое подтверждение моих слов – еще одного входящего-маньяка. Я, наверно,

выйду на совет с этим происшествием и обрисую им ситуацию прямо как она есть. Ну, разумеется, там не нужно знать, насколько силен этот входящий. Они ведь и так знают, что земные почти все на порядок сильнее остальных. Да! – восходящее солнце розовыми легкими мазками сделало улыбку куратора заметной. – Просто еще один минусовой разрушитель малоперспективного, скатывающего в бессознательное мира...

За окнами высоты всюду занимался рассвет красками знакомыми, но другого мира. Верхняя кромка светила плазменным лезвием разрезала сплошной облачный ковер. Белый его хлопок занимался багряным пламенем с оранжевыми всполохами. Местами над облаками поднимались шпили зданий причудливой архитектуры: какое-то было похоже на вытянутый акулий плавник, другое напоминало клинок мачете или корабельный парус. В центре выше всех остальных вздымалась башня. Крышу ее венчала черная корона с четырьмя вытянутыми зубьями. Башня эта была как будто высечена из цельного куска скалы, с ровными и гладкими краями. Под короной одна стена на этаже была полностью выполнена стеклами от пола до потолка. Облаченный в черную мантию мужчина неподвижно стоял и смотрел, как встает солнце, и глаза его, серые с жемчужным свечением, отражали разгорающийся в небе пожар.

Глава 12

Анна Локин летела в самолете. За окном иллюминатора ярко светило солнце, и девушка задернула шторку. Перед ней на откидном столике покоилась нетронутая коробочка с обедом, сервированным в милые пластиковые контейнеры «Аэрофлота». Но мысли Анны были далеко. Точнее, мыслей как таковых – строгих, структурированных, что обычно посещали девушку, – вовсе не было. Вместо них в ее голове было смятение. В ней, подобно пустынному иссушающему ветру, гулял хаос.

Увидев в новостях о страшном землетрясении в России, Анна тут же, ни слова никому не говоря, лишь поставив в известность своего прямого начальника, купила билет на ближайший рейс в Москву, и оттуда первым же самолетом в Томск. Трагедия разыгралась, казалось бы, в самом немыслимом для этого месте. Томск находился на Западно-Сибирской равнине – месте, чуть ли не самом сейсмически безопасном на всей планете. По самым предварительным подсчетам, как сообщалось в новостях, трагедия унесла жизни более 2 000 человек. Кроме них, ясное дело, многие тысячи раненых. Плюс городу был нанесен колоссальный экономический ущерб. Сообщалось также, что за всю историю после освоения Сибири это было самое разрушительное землетрясение в регионе. Магнитуда в очаге достигала 11 баллов, и

очаг этот, по мнению специалистов, находился в самом, можно сказать, центре города. Повезло еще, что катастрофа случилась зимой и Томь не разлилась так, как могла бы весной или летом, и не затопила полностью городской центр. Хотя и без этого водная стихия сполна добавила повреждений в общий зачет.

Однако самое страшное лично для Анны было то, что ее старенькие родители как раз-таки жили в центре Томска в доме с видом на набережную. Как только девушка узнала страшную новость, она, разумеется, первым же делом набрала номера сначала отца, а затем и матери. Ни один телефон не отвечал. Всеми силами пытаясь душить страшные предчувствия, купив по интернету билеты на самолет, она трясущимися, мажущими мимо кнопок пальцами почти всю ночь набирала и набирала на телефоне номера родителей. После чего, так и не услышав их голоса, позвонила господину Тойванену – своему начальнику – и, борясь с захлестывающими паникой и тревогой, объяснила, почему срочно должна лететь на родину. Лахти понял и без каких-либо дополнительных вопросов пожелал ей удачи, крепиться духом и счастливого пути.

Аня специально не звонила в морги и больницы. Не искала в интернете списки погибших и раненых. Она пока просто не была готова встретиться с холодной и безразличной правдой. Не готова была признаться в первую очередь себе, что ее родителей, скорее всего, больше нет. Поэтому для сво-

ей души она оставила маленькую комнатку, где еще может ненадолго поселиться надежда, до тех пор пока стены этой комнатки не обрушатся под многотонным прессом действительности.

Позже, возможно, в Шереметьево, тревога из души и дрожь из рук ушли. Осталась пустота и рой непонятных, неконтролируемых мыслей в голове. Скорей всего, это помогли те таблетки, которые Анна купила перед вылетом из Хельсинки. Наверно, это они сейчас и путали мысли.

Приземлившись в Томске, она взяла первое попавшееся такси, бросила вещи в багажник и сразу же сказала таксисту ехать по адресу, где жили ее родители.

– Э-э-эй, слишишь, дэушка! – на кавказском русском начал таксист. – Туда прямо на адрес – это нереально вапше!

– Почему? – только и смогла спросить Аня, ведь ее худшие предположения, судя по всему, прямо сейчас претворялись в жизнь.

– Потому, красауыца, что там все... вай... ну... расхуйарэно, в общэм! Простите, но там в натуре так и еэсть, как гауарю! – с этими словами указательный палец таксиста резко взмыл вверх, и Анна испугалась, что он сейчас проткнет им дырку в крыше машины или, что более вероятно, сломает палец.

– Ну, поехали тогда максимально близко, куда сможете подвезти, дальше я уж сама.

– Да ты смотри, дэ-эушка! Я тебе жи есть говорю, там

нереально ехать щас, жи есть! Два квартала вокруг асфальта уада, три квартала – асфальта нет! Плюс еще эти каманальщики работают. Как жи есть я пройеду тебе там, дорогая?!

– Поехали, куда проедем, значит, – теряя терпение, сказала Аня, – я вам хорошо заплачу.

Тут таксист, видимо, добившийся желаемого, сразу по-добрел и с широкой улыбкой, повернувшись в сторону заднего сидения к Ане, весело сказал:

– Вай, какая красауыца, умныца! Мага сэйчас тебя максимально комфортно и максимально куда надо доставит, жи есть! 850 рублэй будет стоить.

– Хорошо, хорошо, как скажете! Только поехали уже быстрее!

– Зачэм торопишься туда, красауэца? Там ходи, ездн нэт! Как после войны жи есть, тебе говорю! Вообще, что тут было жи есть! Вай-вай! Хорошо Мага в индустриалочке живет!

– Да я видела в новостях. Поэтому и прилетела, – ответила Аня, – у меня ведь родители там живут.

– Как родители?! – воскликнул кавказец, и Аня увидела в зеркале заднего вида, как расширились его глаза. – Там родители живут?! Ай-вай, красауыца, как нехорошо! Ай-вай! Погибли, скорей всего, туаи родители! Звонила им?

– Да, – тихо ответила Аня, опустив взгляд в пол, – звонила. Так никто и не взял... Ни мама, ни папа.

– Ай беда, – покачал головой таксист, – бэдная дэуочка. Мы жи есть приедем, Мага привезет, все посмотрим! Но та

улица, что ты сказала, очень вай плохо... Какие-то дома целиком, слышишь, до земли упали, от каких-то целые подьезды сверху до низу отваливались!

Они какое-то время ехали в тишине. Аня переваривала только что услышанную информацию. Надежда на чудом спасшихся родителей таяла в ней как снежинки, которые сейчас падали на лобовое стекло такси. И где-то глубоко в груди, за сердцем, Аня почувствовала щемящие грусть, и тоску, и желание плакать. Но до сих пор действующие антидепрессанты задвигали эти чувства куда-то вглубь Аниной души, не позволяя им вырваться наружу и взять контроль.

Между тем машина неумолимо двигалась к центру города. Окраины Томска, никак не тронутые недавним катаклизмом, теперь сменяли центральные улицы, и отголоски сильнейшего землетрясения потихоньку начали проявляться.

Стекла во многих окнах были наскоро заклеены полиэтиленом, где-то заколочены. Где-то в стенах домов, особенно старых, вовсе зияли пустые оконные проемы.

Наблюдения Ани прервал таксист:

– Дэуэшка, слышишь! Тут по Кирова никак вообще, там же есть полная жопа. Поедем по проспекту Фрунзе, потом объедем вниз туда дворами, должны хорошо проехать.

– Как скажете, – ответила Аня, замороженная ужасом картины пережитого городом 11-балльного бедствия.

Они поднялись по Шевченко и свернули на Фрунзе. И вот тут-то масштабы катастрофы представали в полном объеме.

Дорожный асфальт являл собой мозаику плохо подогнанных друг к другу кривых осколков. Машину сразу начало нещадно трясти, пару раз было слышно, как такси громко приложилось днищем, попав в особо глубокую трещину. Все эти столкновения и удары комментировались отборнейшим колоритным матом водителя. Тротуары являли собой зрелище мало чем лучше. Такие же испещренные трещинами, расколотые направления: асфальт вперемешку с брусчаткой, пополам с кусками бордюров. Где-то на тротуарах можно было видеть целые кучи кирпичей или бетона, бывшие когда-то стенами домов или заборов и ограждений. По правому борту такси Аня видела белокаменную церковь, всю в ужасных черных трещинах, которые уродливыми змеями замерли на стенах. Один из куполов будто втянулся внутрь башенки. В центральном куполе зияла огромная дыра – от него откололся целый кусок.

Дома вдоль улицы все сплошь были прорезаны вертикальными трещинами. Было видно, как на многих из них одна часть просела и крыши больше не были ровными, а напоминали гротескные изломанные ступени для каких-нибудь великанов. Какие-то дома и вовсе, подобно пьяным товарищам, завалились на соседние, и только лишь железобетонный каркас пока еще удерживал их от полного обрушения.

– Красивый был же есть! – со вздохом сказал таксист, указывая рукой на здание на перекрестке.

Здание это было Томским областным краеведческим му-

зеем. Сейчас же от бывшего украшения города остались разве что смутные очертания. Центральные колонны, поддерживающие нависающий козырек крыши, переломило пополам. Относительно целой можно было назвать лишь крайнюю левую. Но одна она не в состоянии была удержать вес тяжелой крыши, и последняя, нырнув массивным козырьком вниз, сейчас обнажала свой поломанный хребет из стропил, кровли и утеплителя.

Старенькая «Тойота» с номером телефона компании на борту свернула на проспект Ленина и направилась в сторону Политехнического университета. Те же разруха и хаос, только все масштабнее с каждым пройденным километром. Здание университета, можно сказать, визитной карточки города, серьезно пострадало. Центральная часть с колоннами чудом уцелела, и, кроме немногих трещин на фасаде, можно сказать, что была невредима. Крылья же, в обе стороны уходящие от центрального крыльца, потрепало куда сильнее. Одна исполинская трещина почти строго посередине прорезала правое крыло, заставив его буквально расколоться надвое, в результате чего фронтальная стена его осыпалась на тротуар грудой кирпичей. Другая такая же трещина практически симметрично сотворила то же самое и с левым крылом здания.

При взгляде направо, в сторону Томи, становилось по-настоящему страшно. Местность там напоминала театр недавних военных действий. Скошенные, сбитые верхушки до-

мов, выбитые стекла окон, оборванные линии электропередач, рытвины и целые котлованы в земле, заполненные водой. Местами в котлованах этих в самых разных положениях навсегда остались покореженные, разбитые машины. Какие-то из них полностью провалились в земной разлом, другие – только передней либо задней частью. Были и те, что остались навечно замурованы в мешанине из грунта и осколков упавших стен.

Ане только теперь стали полностью понятны слова таксиста. Действительно, проехать дальше, в сторону Московского тракта, а именно дома под номером 68, уже сейчас виделось почти невозможным. Оставалось лишь гадать, какие же последствия катаклизма постигли непосредственно набережную реки – место, где и разыгрался очаг землетрясения. Однако, свернув с Ленина на какую-то узкую улочку, такси упрямо, медленно прорывалось вперед, объезжая лужи и дорожные провалы.

Аня уже устала смотреть на объятый хаосом город. Первое потрясение прошло, и она просто сидела, уставившись в одну точку на спинке водительского сидения, погруженная в свои мысли. Действие седативов, раскрывающее себя со временем, сейчас неумолимо погружало организм девушки в сон. И хотя бесперечь подпрыгивающее на кочках такси не располагало к приятной дреме, глаза Ани слипались под действием препаратов. Однако стоило такси подпрыгнуть на очередном ухабе, как резко подкинутая в невесомость Аня

снова возвращалась к действительности.

И вот после энного поворота такси на одному лишь водителю известном маршруте Аня в очередной раз сомкнула веки. В следующий миг девушка резко выпрямилась на заднем сидении, широко распахнув свои большие голубые глаза, и невольно издала что-то среднее между резким вскриком и вздохом. Таксист, занятый дорогой, отреагировал, увидел в зеркале заднего вида огромные испуганные глаза с максимально расширенными зрачками, и тут же остановил машину.

Аня на заднем сидении продолжала тяжело дышать, приложив руку к груди, ведь сердце ее сейчас бешено колотилось.

– Эй, красауыца! Что случилось? – озабоченно спросил таксист.

А случилось вот что: в очередной раз провалившись в полусон – в полудрему, в сознание Ани резко ударила упругая красная волна и быстро замелькали образы. Образы двух дерущихся фигур. Затем один упал. Потом вспышка, провал. Следом одна фигура склонилась над другой с чем-то длинным в руке. Потом удары, каждый из которых красной пульсацией все ярче и ярче разносился в охватившем мозг девушки видении. При последнем ударе красный свет стал почти ощутимо жечь и резать глаза или, может быть, сознание. В этот самый момент девушка и очнулась.

– Дэушка! – продолжал обеспокоенный таксист. – Вы бэ-

лая вся. Что случилось, вэй?!

Только сейчас до слуха Ани дошли его слова.

– Да, да... – растерянно отвечала она. – Поезжайте, пожалуйста. Все... Все нормально.

Таксист покачал головой и аккуратно тронулся. Машина продолжила свое медленное продвижение к указанному адресу.

Перед машиной справа в кирпичной стене была невысокая, на вид старая арка. Аня посмотрела в ее направлении, и тут же кровавая вспышка пульсацией стробоскопа ударила в голову.

– Стойте! – резко сказала девушка.

Таксист повиновался.

– Видите вон тот проем в стене справа? Поезжайте туда, – продолжала Анна.

Машина осторожно приняла правую сторону дороги, филигранно объехала большую рытвину с острыми краями оборванных труб и повернула в указанную арку. Проехав еще буквально метров 20, машина остановилась. Дорога впереди сильно сужалась. Место, в котором оказалась Аня, сильно контрастировало с остальным городом. Поначалу девушка не могла понять, в чем подвох, может, это просто ее внутренние ощущения. Но потом, осмотревшись, увидела, насколько все очевидно. Место это, казалось, существовало как будто немного в другом измерении. Дело в том, что на кирпичных стенах переулка не было ни одной трещины. Под

ногами девушки – ни одной рытвины или ямы, лишь ровный асфальт, если и треснувший кое-где, то только лишь под влиянием времени. Если посмотреть наверх, то редкие окна все были в порядке: стекла на месте, а где-то даже на старый манер можно было видеть горшочки с растениями, укрепленными прямо на подоконниках с наружной стороны.

Однако внешнюю идиллию этого случайного глаза бури в шторме окружающего хаоса нарушала какая-то внутренняя опустошенность. Казалось, весь переулок пульсировал некой темной тягучей энергией, под влиянием которой Анна стала ощущать сильную внутреннюю тревогу и беспокойство. Дальше, чуть углубляясь, проход расширялся. На этом небольшом пятачке слева была ржавая железная дверь. Дверной проем был затейливо, особым образом поврежден, а края самой двери погнуты и кое-где буквально врезались в края проема. Таким образом, с первого взгляда было понятно, что даже если возникнет такое желание, эту дверь открыть будет невозможно. Проходя дальше вглубь аллеи, Анна обратила внимание на то, что стало как будто бы очень влажно, в то же время теплее, а видимость очень сократилась из-за взявшегося непонятно откуда тумана. Девушка, само собой, уже давно начала догадываться, где же именно сейчас оказалась, а последние ее сомнения были развеяны, когда из белой мглы не спеша выплыли острые ветки чахлого деревца. Компанию ему составлял стоявший слева непонятного цвета мусорный бак.

«Да, теперь это точно оно, – подумала Аня, – то самое место из этого жуткого сна, который я видела тогда осенью». Анна медленно приблизилась к контейнеру. Ей казалось, что с каждым шагом окружающую белую мглу будто подсвечивают розовые всполохи. И при каждой новой вспышке из мглы фото-негативами на миг замирают выхваченные из многослойности миров черные силуэты. Их двое. С каждой новой вспышкой позы их меняются. Частота розовой пульсации ускоряется. Силуэты мелькают все чаще. И вот уже перед Аней заново разыгрывается вся ужасная сцена убийства. Розовый туман уже не мелькает, а полностью заливает собой все вокруг. Его яркость и цвет нарастают, становятся слепящими. Резкая, теперь уже белая вспышка яркостью в миллионы солнц. Высокочастотный нестерпимый звук. И Анна падает без сознания.

– Дэушка, дэушка! Очнитесь! Дэушка! – приглушенный голос таксиста пытается пробиться к сознанию Анны.

Она наконец-то открывает глаза. Перед ней салон старой «Тойоты». Она полусидит-полулежит на заднем сидении. Над ней склонилось бородатое большое лицо. На лице этом озабоченные, взволнованные карие глаза. А губы, которых не видно из-за густой бороды, все продолжают и продолжают звать ее. Когда девушка открыла глаза, таксист облегченно вздохнул и отстранился, перестав трясти Аню.

– Ну наконец-то, альхамиду илля! Очнулась!

– Я что, спала? – придя немного в себя, спросила Аня.

– Вы – да! Я как на Тимакоуа суэрнул, смотрю на тебя в зэркало – сидит. Потом еду немного, смотрю – уже спит, ну, ладно, думаю, пусть спит, устала. Дальше еду. Потом подъезжаю уже к Московскому, тут, вай, что началось! Ты трястис вся стала, стонать, веки так быстро-быстро заходыли... Я машину стоп, к тебе побежал! Зову, трясусь, по щекам бил – лежишь стонешь! Кошмар тебе, что ли, приснился, а? Что такое было?

– Да, да... Да, вы правы. Отрубилась. Приснился плохой сон, – растерянно ответила Аня и попробовала выдавить из себя улыбку в конце.

– В общэм, мы приехали, – сказал таксист, указывая рукой куда-то на улицу, – ну, то есть максимумально, как могли. Вон твой дом 68.

Таксист указал рукой налево, в сторону самых настоящих руин, видимо, того, что осталось от домов на набережной. Отдельные дома различить там было сложно, если вообще возможно. Лишь смутно угадывающиеся остовы бетонных коробок выступали из груды кирпича вперемешку с бетоном и прочим мусором. Было похоже, что морской исполин, выброшенный на берег давно, сейчас гнил, и комки вонючей плоти обвалились вниз, обнажая торчащие кверху ребра.

Девушка вышла из машины. Таксист, как и обещал, подъехал близко настолько, насколько это было возможно. Дальше дороги не было от слова совсем. Вместо нее ниже уровня

асфальта метра на три была траншея с разорванными трубами и большими лужами. Редкие фонари остались стоять вдоль дороги, чудом продолжая держаться непонятно как. Большинство из них попадали в ту же траншею, которая теперь была на месте Московского тракта. Черные многожильные кабели дополняли картину своим причудливым хаотичным узором, местами выступая сквозь разрушения.

Все дома по левую руку, включая и дом ее родителей, слились в одно бетонно-кирпичное месиво. Еще дальше, ближе к мосту, дорога, а точнее, ее направление, ныряла в настоящую, образованную землетрясением, глубокую то ли запруду, то ли озеро. Из воды бетонным рифом пытался взбежать на мост шлюз с дороги, но обрывался, ведь в том месте, где тот должен был плавно вливаться в мостовое полотно, зиял огромный пролом. Пролом этот даже с места, где стояла сейчас девушка, казался очень широким. До самой первой опоры, уходящей в реку, полотно моста обвалилось, и куски его острыми осколками торчали из воды.

Вот и все. Все призрачные надежды девушки были развеяны. От осознания того, что прямо сейчас она осталась совсем одна в этом мире, слезы крупными каплями выступили на глазах и покатались по пылающим щекам. Дорожки от слез быстро сковало льдом на холодном томском ветру. Следующий сильный его порыв сдул остатки соленых капель с глаз и распахнул полы незастегнутого черного пальто. Холод, проникший под белую блузку в самое нутро, почему-то

вспыхнул внутри розовой вспышкой. Ощувив эту вспышку, девушка первый раз позволила себе связать землетрясение, ни с того ни с сего случившееся в центре Сибири, и свой тогдашний сон. Внутри нее поселилась, нет, даже укоренилась уверенность в том, что катаклизм, унесший жизни ее родителей и многих других жителей города, – это не случайная прихоть природы. Анна не могла объяснить свою уверенность, возможно, это была та самая легендарная женская интуиция. Так или иначе, девушка знала, что чья-то злая воля послужила причиной катастрофы. Доказательств этому, понятное дело, не было. Да и какой вменяемый человек мог допустить, пусть даже и только в своих мыслях, что на процессы, происходящие в глубине земных недр, кто-то может повлиять?! Только богу такое под силу, пожалуй. Да и то если ты веришь в его существование.

Однако уверенность в причастности к катастрофе некоего лица, персоны, если хотите, черным зерном поселилась у Анны в душе. И росток ненависти и мести начал медленно проклевываться и прорастать внутри нее. Кем надо быть, чтобы устроить такое? Ведь стоит понимать, что последствием твоих ужасных действий станет гибель многих и многих людей. Да, тот, кто совершил такое, достоин только ненависти и желания отомстить.

Стоя сейчас на холодном ветру, Анна понимала, точнее, была уверена, что все происходящее с ней не случайно и что это только начало истории, в которую ее вплела жизнь.

Глава 13

Широкую пешеходную аллею, пронизанную ровными линиями дорожек и очерченную двумя идеальными рядами словно нарисованных деревьев, сейчас заливало полуденное солнце. Между дорожками все было усажено кустами и деревьями пониже, поэтому в пределах аллеи было прохладно и многие гуляющие могли спокойно отдохнуть от дневной жары на уютных деревянных лавочках.

Как раз на одной из таких лавочек нога на ногу сидел взрослый мужчина в снежно-белой длинной мантии легкого хлопка. Несмотря на недавнюю моду по аугментации тела и свой высокий пост, имплантов на теле мужчины было немного. По крайней мере, в глаза бросались лишь три проводка возле правого уха. Проводки выныривали из трех аккуратных отверстий над ухом, сбегали вниз по задней части и исчезали где-то возле мочки, нырнув обратно в голову через три точно таких же не менее аккуратных отверстия. Мужчина не носил украшений или же ярких модных аксессуаров. Лишь на левой стороне его груди к мантии был приколот маленький значок – черная птица, сидящая на разлинованном параллелями и меридианами шаре. Многие сограждане, глядя на него, подумали бы, что это, скорей всего, служитель какой-то церкви или нового культа. Но лишь немногие знали истинное значение эмблемы на груди мужчины.

Человек в белом откинул рукав мантии с левой руки, прикоснулся двумя пальцами к запястью, и над рукой тут же возникла небольшая прямоугольная голо-проекция со странными непонятными символами. Мужчина едва уловимо поднял одну бровь над жемчужным глазом, коснулся еще раз запястья теперь уже одним пальцем, и проекция над рукой исчезла. Затем он вытащил откуда-то небольшой белый цилиндр, нажал кнопку, и по цилиндру пробежали и остались светиться синим тонкие дорожки. Держа цилиндр указательным и средним пальцами светло-серого цвета, он поднес устройство к губам и затянулся. Синие дорожки засветились ярче, и через мгновение мужчина не спеша выдохнул изо рта зеленоватый дым. Повторил процедуру несколько раз, после чего убрал цилиндр куда-то в недра мантии. И это было странно, так как мантия, на первый взгляд, была идеально ровная и никаких карманов на ней не было. Далее он раскинул руки в обе стороны на спинку скамейки, оглянулся по сторонам, после чего стал смотреть перед собой.

Взгляду его чуть внизу относительно аллеи, за деревьями открывался небольшой холмик с идеальным изумрудным газоном, плавно сбегаящим к реке. На другом берегу реки была выполнена шикарная набережная с интересной, как бы текучей архитектурой. Все элементы – фонари, скамейки, маленькие домики и беседки, – казалось, были только что вылеплены из застывшей воды. За ансамблем набережной по дороге сновали автомобили на разной высоте от земли.

Автомобили напоминали собой скорее маленькие самолеты, только без турбин и винтов, но с широкими короткими крыльшками и соплами реактивных двигателей в задней части. Некоторые модели обходились вовсе без крыльев. И уж, конечно, никаких архаизмов вроде колес. Значительно выше над дорогой шла серая линия монорельса, поддерживаемая зависшими прямо в небе пилонами. Вдалеке можно было заметить, как по монорельсу стремительно летит белый поезд, корпус его переливался на солнце чешуей змеи.

За монорельсом, чуть позади, начинались здания. Сверкающая их облицовка разными цветами искрилась на солнце. Некоторые были настолько высоки, что терялись за облаками в слепящей синеве.

Мужчина еще раз посмотрел по сторонам и, повернув голову влево, задержал взгляд на фигуре в такой же белой мантии. Фигура эта уверенно шагала по направлению к нему.

– Добрый день, Сольден, – сказал подошедший к лавочке мужчина.

– Здравствуй, Зенос, – ответил куратор Земли, не сводя серых глаз с собеседника, – ты срочно хотел меня видеть, а я сижу здесь уже 10 минут.

– Ну, ты же меня знаешь, Сол, – развел руками Зенос, – ничего не могу поделать со своей пунктуальностью. И, по моему, мы договаривались на 2 после полудня?

Тут он быстро оголил левое запястье и жестом, который проделывал Сольден несколько минут назад, вызвал проек-

ционный экран.

– Вот, смотри! Без двух минут 2!

– Зен! Вот мы скоро полвека как с тобой работаем, а ты так и не привык к моему юмору, – улыбнувшись, сказал Сольден. Серые же его глаза по-прежнему излучали ледяное безразличие. Прочитать что-то в них было решительно невозможно. – Присаживайся!

С этими словами куратор убрал левую руку со спинки и чуть подвинулся. Зенос сел, поправил мантию на коленях и внимательно посмотрел на начальника.

– Не буду ходить вокруг да около, Сол, знаю, ты, как и я, этого не любишь. Поэтому сразу к делу: я засек очень сильного входящего на Земле-06.

– 06... – протянул Сольден, слегка прищутив левый глаз, как будто что-то вспоминая, – это же та проекция, где случилась та самая катастрофа и погибла куча людей?

– Да. И вмешался Карх.

– Ну, уж это я не забыл, – губы Сольдена при этих словах из легкой улыбки трансформировались в ровную тонкую линию.

– Входящий – девушка, – продолжал Зенос, – как-то связана с нашим разрушителем с четверки. Она, конечно, возможно, никакой и не входящий, потому как ее активность, это я уже проверил, ни разу не выходила за рамки родной проекции. Но в том, что она связана с объектом, нет никаких сомнений.

– Откуда такая уверенность?

– Компьютеры зафиксировали всплеск биотической активности на шестерке. Я тут же посмотрел активность на Земле-04 в это время, потому как это могли быть новые проявления разрушителя. Но там все было спокойно. Всплеск шел из России, из города, в котором грянул тот самый катаклизм. Местные называют его Томск. Там входящих не зафиксировано. По крайней мере, в наших базах данных их нет. Я начал сверять сигнатуру этого всплеска с сигнатурами возмущений, когда был активен наш разрушитель с четверки. И знаешь что?

Сольден лишь сделал нетерпеливый жест рукой, призывающий говорящего скорей продолжать.

– Так вот, сигнатура практически полностью совпадает с первым зарегистрированным входением объекта с Земли-04. Пик в пик, период в период совпадает.

– То есть наблюдаемая с шестерки, можно сказать, заново пережила эти события.

– Да, можно сказать и так. Пережила, прочувствовала, присутствовала.

– Понятно... – протянул куратор, привычным жестом массируя подбородок. – А с чего ты взял, что это девушка? Ты же не успел перехватить ее?

– Нет, Сол, конечно, не успел. И так совершенно случайно на нее нарвался. Всплеск был очень короткий и случился утром по их времени. Она, такое впечатление, заснула

неожиданно для себя, от усталости, может, или от стресса. А то, что это девушка, – мои прогнозы исходя из особенностей психограммы. Сразу, как я обнаружил это совпадение, я копнул глубже, просмотрел активность в России Земли-06 в тот день в середине осени, когда разрушитель впервые и явил себя и удалил из проекции нашего потенциального пробника.

– Зенос, ну-ка тихо! Такое вслух, тем более здесь, вообще не смей говорить! Ладно бы еще Карх такое ляпнул, но уж от тебя...

– Прости, Сол, увлекся что-то...

Куратор укоризненно покачал головой, упершись при этом ладонями в колени. Потом шумно выдохнул и произнес:

– Ладно, продолжай.

– В общем, и в ту ночь у психограммы объекта из четверки был брат-близнец. Такая же точно психограмма, только с поправками на восприятие конкретного индивида в шестерке. Я уверен, тогда и сейчас это была активность одной и той же личности. И она связана с разрушителем.

– Интересно... – протянул Сольден и потер ладонями лицо. – Хорошо. Свяжись с ней. У тебя есть мое разрешение на контакт. Совету как-нибудь обосную...

– На контакт? Сольден, а стоит ли? Мы ведь даже не знаем ее потенциала. И что мне ей сказать?

– Зато она связана с этим... Как его зовут хотя бы?

– Карх говорит, что Эрик.

– Ну, значит, так и будем его называть. А то разрушитель, разрушитель! Как-то сильно эпически звучит!

– Хорошо, Эрик даже удобней. Лаконичней, – сказал Зенос и слегка улыбнулся.

– А по поводу того, что сказать девушке... Что ты увидел на графике?

– Страх, большое волнение, трепет. Это поначалу. Потом гнев и злость, и, возможно, зарождающуюся ненависть...

– Вот на это и дави. Велика вероятность, что у нашего нового объекта в этом городе погибли близкие люди. Также не исключено, что объект мог связать для себя два этих явления – тот катаклизм и свой сон. Если так, то тебе останется просто слегка подтолкнуть его или ее к правильному настрою, мыслям. А человеческое намерение дальше сделает свое дело. А раз они связаны, как ты считаешь, то связь эта непременно должна развиваться и проявиться еще не один раз. И все, что нам нужно будет сделать, – это лишь не упустить момент.

Мужчины замолчали. Зенос повернул голову и смотрел, как за рекой размеренно текла жизнь: по воздуху сновали спидеры, люди, казавшиеся отсюда маленькими фигурками, ходили по набережной. Вот по реке, вспенивая за собой синюю гладь, пронесся, высоко подняв над водой нос, быстроходный пассажирский катер. И все это торжество прогресса и цивилизации заливали желтые лучи полуденного солнца.

– Сольден, а зачем мы все это делаем? Что если прогнозы

совета верны и скоро все это, – он сделал движение рукой, обводя панораму перед собой, – что если все это через какие-нибудь 100–200 лет будет уничтожено?

– Вообще все, что ты видишь, – и люди, и другие миры, – после недолгого молчания ответил куратор, – все будет уничтожено рано или поздно. Такой, если хочешь, естественный ход вещей.

– Но если план Яхова воплотится, разве будет лучше?

– Лучше... Хуже... Будет иначе – в этом я уверен.

– Вон, смотри, Зен, план Тура и Озинна уже больше 1 000 лет остается лишь планом, – тут он улыбнулся, – 1 000 лет... Видишь, я уже невольно использую земное летоисчисление! Мы курируем эту планету уже очень давно. В середине их 20 века даже я почти поверил, что может сработать, а теперь? Вот ты лично еще веришь, что Земля что-то способна дать нам в борьбе, которую ведет совет? Ведет с неизбежностью, на мой взгляд.

Зенос молчал, по-прежнему глядя вдаль.

– Да и вообще вся эта программа... Ну кто присоединился к нам за то время, что мы ведем сопротивление? Ведем единолично, можно сказать! Буквально три мира за 10 тысяч лет! Да, когда-то Земля была одной из самых перспективных. Но, как и многие до них и, я уверен, многие после них, земляне сейчас используют свой же прогресс для саморазрушения. Первый ли это случай? Хах! Сам прекрасно знаешь, что нет. Стоит только цивилизации выйти на орбиту своей

жалкой планетки, построить первые устройства наблюдения, отправить роботов к ближайшим мирам – и все! На этом, Зенос, как правило, все и заканчивается! Виды встречаются с тем, насколько это все дорого, тяжело, неопределенно и вообще непонятно, что дальше! И самое главное: а есть ли смысл? Космос ведь такой большой, недружелюбный и непригодный для жизни. Каков шанс там найти то, что поможет в развитии? Выведет на новый уровень? А самое главное, сделает богаче и успешнее, принесет власть? Во всех мирах правителям было интересно только увеличивать свои богатства и умножать власть и влияние. А за пределом родного мира? Там уже кратно снижается вероятность что-то заработать – пока одни только траты. И власть свою распространить не выходит, потому что не на кого ее распространять. По крайней мере, в пределах жизни одного поколения. Не могут сильные того или иного мира увидеть и представить для себя те выгоды, которые должны перекрыть риски по экспансии хотя бы даже своей системы. Зачем? Ведь в недрах родной планеты еще столько ресурсов! Качать и качать! Уж им-то и их семьям хватит с лихвой. Да, осознанность людей растет. Даже по меркам той же Земли. И растет довольно неплохо. Озинн верит в это. Подавляющее большинство совета верит. Но эти люди, просыпающиеся в своих мирах, не верят, что могут что-то изменить. Поменять весь вектор развития. А наш последний случай... – Сольден покачал головой. – Обладая колоссальной силой, полностью ее

даже не осознавая, ну куда он ее применил? Разрушил половину города! В таких людей я должен верить? Таких спасать и вести в светлое завтра? Ради таких сражаться? Знаешь, Зен, я верю Яхову. По крайней мере, на Земле за 2 500 лет он хотя бы реально смог чего-то добиться. Да, методы его... Запутывание, размывание фактов, порой и просто вранье. Но влияние его сейчас колоссально. Миллиарды адептов. Другими словами, идейно, почти вся планета. Все проекции, где еще пока есть цивилизация, а не каменная пустыня после ядерной зимы. А Озинн что? Его и не помнит уже почти никто. А если и помнят, то как мамину сказку на ночь.

Сольден замолчал, снова достал свой светящийся цилиндр, и воздух над скамейкой заполнился клубами зеленого дыма.

– Хорошая вещь, знаешь, – обратился он к Зеносу после очередной затяжки, – помогает голову прочистить. Ну и успокаивает хорошо.

– А что там хоть?

– Ты не поверишь! Там самое мое любимое земное изобретение – они называют его «табак». Это основа. Ну и плюс наш химический коктейль. Даже не интересовался, что там конкретно за вещества. Но эффект мне нравится. Попробуй!

С этими словами он передал устройство коллеге. Зенос взял цилиндрик, повертел в пальцах.

– И что, куда-то надо нажать?

– Я уже нажал. Просто бери губами и втягивай в себя.

Зенос так и сделал, однако сразу же после первого вдоха зашелся страшным кашлем и быстро протянул парогенератор обратно.

– Ой, Сол, забери к чертовой матери! Я лучше поплаваю схожу в свободное время, вот честное слово. Вроде бы тоже неплохо голову проясняет.

– Ну, мое дело – предложить, – улыбаясь, сказал Сольден, принимая устройство обратно. – В общем, так, – продолжал он, – новым объектом с шестерки займись уже сейчас, не откладывая. Не знаю как, но все уже в курсе всего. Яхов, понятное дело, тоже. И у него есть некий план, как мы можем все это использовать. Наверно, как всегда, что-то он увидел в вероятностях. М-да... дадут ли мне такой уровень доступа хотя бы через 100 лет?

– Ну, Сол, через сто лет, может, и мне уже дадут, – пошутил Зенос. – А тебя я услышал. На этом все?

– Да, Зен, можешь идти. И помни – не затягивай!

Старший смотритель совета за перспективными мирами еле заметно поклонился, встал со скамейки и зашагал по аллее в ту же сторону, откуда пришел. Вокруг сидели и гуляли люди. Кто-то, разместившись на скамейке, что-то читал с прозрачного планшета в узкой пластиковой рамке. На газоне люди группами или парами сидели на тканевых ковриках. Некоторые обедали, другие просто болтали.

Зенос миновал аллею, подошел к перекрестку идеально гладкого дорожного полотна, над которым сновали парящие

спидеры, и поднялся по виадуку, чтобы перейти дорогу. Сойдя с виадука, Зенос пошел вверх по улице. Обеденное время заканчивалось, и люди спешили обратно на работу. Целая очередь образовалась у красиво выполненной арки, ведущей вниз к метро. Чтобы пройти в нее, человек подходил к терминалу, прикладывая запястье к сенсору, рука его на мгновение озарялась нефритовым зеленым светом, после чего силовое поле чуть в глубине арки меняло цвет с синего на такой же зеленый и, когда человек проходил через него, опять становилось синим.

Но Зеносу в метро было не надо, и он просто шел по улице дальше. На небе в это время из-за правого края желтого светила начала появляться оранжевая полусфера. На улице в это время становилось ощутимо жарче. Однако распорядок города учитывал этот факт, и пропорционально росту температуры уменьшалось и количество жителей города на улицах. Начиналась вторая половина рабочего дня.

Со своим начальником они заговорились немного дольше, чем планировал Зенос. Оранжевое меньшее солнце уже почти полностью показалось из-за большего желтого. На пустынных улицах стало в разы светлее и жарче. Смотритель тем самым задним умом, которым, как известно, все хитры, сейчас понимал, что еще в аллее стоило вызвать конторский спидер. Однако Зенос не сделал этого, понадеявшись на малую дистанцию. Прогноз же он не посмотрел. Хотя там сообщалось, что температура днем ожидается очень высо-

кая. Так или иначе, до здания президиума оставалось идти каких-то пару кварталов, и Зенос, пробежавшись пальцами по левому запястью, активировал защитный солнцезащитный барьер. Мантия, полагавшаяся ему по рангу, обладала этой функцией.

Оранжевое солнце уже полностью красовалось на небосводе и теперь отдалялось от своего соседа. Город, таким образом, заливал световой поток в миллионы люменов. Смотреть в таких условиях можно было только себе под ноги, а головные светофильтры старший смотритель носить не любил. Глазных имплантов, таких как у более чем 700-летнего Сольдена, у него тоже не было. Поэтому, стараясь смотреть исключительно себе под ноги, он ускорил шаг. Даже количество автомобилей над головой изрядно поуменилось, не говоря уже о людях на улицах. Не было вообще ни одной живой души, насколько хватало глаз. Одни лишь здания переливались глянцевой облицовкой, а на горизонте в перспективе город танцевал и трепетал в тугом мареве.

В середине следующего квартала смотрителю уже стало видно, как серый монолит нижних этажей президиума раскачивается в раскаленном воздухе. Зенос перешел дорогу и быстрым шагом поспешил ко входу. Скрыться уже скорее за прохладой бетона и кондиционеров.

Пройдя в вестибюль, его привычно встретил ряд хромированных рамок. Перед ними за полукруглой стойкой сидел охранник.

– Высокий, что-то вы поздно! – приветствовал он Зеноса. – Как там снаружи?

– Очень жарко, – быстро ответил Зенос, взмахнул левой рукой возле сенсора ближайшей рамки и прошел под приятный мелодичный перелив сквозь зеленое свечение.

Пройдя входной контроль, он оказался в широком фойе с фонтаном посередине. Перед фонтаном на полу из дорогой плитки был выложен герб Конкордии – черная хищная птица простирала свои могучие крылья над трехцветным щитом. В зале ближе к середине стояли ряды небольших кожаных диванов для ожидающих посетителей. Дальняя стена была выполнена полукругом. В середине этого полукруга располагался консультационный центр с рядом приемных окон. Возле некоторых из них стояли люди, образуя небольшие очереди. По бокам от приемного бюро вверх уходили прозрачные шахты, в которых цилиндрические кабинки лифтов быстро сновали вверх и вниз.

Зенос подошел к одной из шахт и нажал кнопку вызова. Через несколько мгновений раздался приятный сигнал, возвестивший о прибытии лифта, и двери перед зрителем разъехались в стороны. Зенос, не имея, в общем-то, на сегодня никаких важных дел, решил не затягивать с поручением начальника, ввел на сенсорной панели пальцем цифру 371. Двери закрылись все с тем же мелодичным звуком, и кабинка, плавно ускоряясь, полетела вверх. Через какую-то минуту цифры на дисплее показали 371, кабинка остано-

лась, двери открылись, и Зенос шагнул в освещенный широкий коридор. Серо-зеленый мрамор на стенах красиво блеснул под спокойным теплым светом аккуратных светильников. Зенос неторопливо направился по коридору, свернул налево, прошел еще немного и нажал кнопку вызова на коммуникаторе на стене возле большой черной двери без ручки.

На экране коммуникатора зашипело, потом сквозь помехи стало различимо лицо молодого человека. Еще через мгновение большинство помех пропало, осталась лишь тонкая шипящая белая полоса внизу. Молодой человек откинул прозрачную пластину, закрывавшую глаза, рукой в чем-то наподобие металлического экзоскелета, сощурился. Затем, видимо, узнав визитера, он посмотрел куда-то направо, что-то нажал, и черные створки двери разошлись в разные стороны.

Зенос вошел в полумрак комнаты. Слева разноцветными огоньками перемигивались высокие металлические юниты серверов, соединенные запутанной сетью проводов и кабелей. Справа сидел тот самый молодой инженер за стеной из восьми мониторов разного размера, в два ряда установленных над его рабочим столом. Между массивом юнитов и рабочим местом инженера под полом, в подсвеченной синим нише, закрытой толстым прозрачным стеклом, проходили провода разной толщины. Юноша еще раз куда-то нажал, и каркас с укрепленными в нем мониторами уехал вверх и скрылся из виду. Инженер развернулся в своем кресле к Зе-

носу.

– Приветствую, старший! К вашим услугам.

– И тебе привет, Занг. Включай все свои игрушки, предстоит немного поработать.

– А что будем делать, старший? Это чтоб я понимал, что именно мне включать.

– Сказал же, все включай. Сейчас внедряться будем.

Юноша после этих слов заметно оживился. Пальцами под механической перчаткой нажал пару кнопок, аккуратно встроенных прямо в его лысый череп на левой половине головы. Потом взял один фосфоресцирующий проводок с подлокотника кресла и вставил себе в голову возле кнопочной панели. После чего проделал то же самое со вторым проводком. Накинул на глаза свою пластинку на специальном обрубке, поднял руки и одним движением запястий защелкнул экзоперчатки. Хитро покрутил руками перед собой, затем быстрым движением откинул и убрал в сторону проекционную панель с глаз.

– Старший Зенос, я готов. Слушаю вас внимательно.

– Помнишь, с тобой психограмму сегодня утром смотрели с Земли-06?

– Разумеется.

– Так вот, по распоряжению куратора Сольдена нужно осуществить входение в проекцию и связаться с обладателем психограммы.

– Ого! – воскликнул Занг. – Сначала зритель Карх не

так давно удаленно к мощностям подключался, а теперь вот вы... А до этого почти год по Земле все было тихо.

– Ну, такие вот дела, парень.

– Хорошо, – сказал Занг и быстро огляделся.

Затем он коснулся панели, на которой уже горел синим сенсорный интерфейс, и за столом зажегся свет, показывая еще одно устройство операторской. Это было большое черное кресло, в котором сидящий должен был находиться полужа.

– Располагайтесь, высокий, – сказал юноша, указывая рукой на кресло. Я подключу вас, а потом сразу же начну поиск.

Зенос без лишних слов прошел к креслу, сел. Занг поднялся с рабочего места, подошел к креслу сзади и принялся подключать разные проводки и датчики. Когда закончил с проводкой, обойдя кресло, он стал настраивать и выбирать различные параметры на многочисленных сенсорных мониторах и дисплеях, которые были установлены перед креслом. Закончив, он вернулся обратно, опустил рамку с мониторами. Восемь экранов спустились с потолка. Занг нажал кнопку на сенсорной панели, и все восемь включились и зажглись светом. Накинув экзоперчатки на руки, инженер стал быстро печатать на панели. Перчатки эти обладали дополнительным пальцем, поэтому скорость ввода данных поражала. На мониторах стали быстро появляться разные изображения. На двух были графики, на двух других – черный экран с белыми символами кода. Еще один отображал жизненные показате-

ли Зеноса: пульс, давление, пределы мозговой активности. На трех же оставшихся мониторах пока просто отображался интерфейс разных программ.

– Трекеры готовы. Сейчас в режиме ожидания. Уже настроены на определение сигнатуры утреннего объекта, – отрапортовал Занг. – Вы готовы, высокий?

Инженер повернулся на своем кресле в сторону Зеноса.

– Ваши показатели чуть выше нормы. Волнуетесь?

– А как тут не волноваться? – отозвался Зенос. – Давненько уже сам не внедрялся. Да и сколько уже работаю, а если честно, так до сих пор и не представляю, как все это устроено...

– Ну, на самом деле, всех тонкостей не знаю и я. Я ведь в основном просто оператор. Я понимаю код программ, а вот сам принцип... Знаю только в общем. Вся информация о фундаментальных механизмах внедрения строго засекречена.

– Я слышал, это все как-то связано с многомерностью нашей вселенной?

– Да, высокий, связано. И самым непосредственным образом. Вы же представляете теорию многомерности?

– Ну да, в общих чертах. Вроде бы мы работаем с 12-ю или 13-ю измерениями?

– На самом деле, мы пока знаем и можем оперировать 12-ю, да. Но современные теории говорят, что их гораздо больше, возможно, бесконечно много, зависит от того, насколько

глубоко копать в устройстве вселенной. Но, как я уже раньше сказал, для того, что мы собираемся сейчас делать, достаточно 12-мерной модели.

– У меня, Занг, до сих пор в голове это так и не укладывается, – со слегка нервной усмешкой ответил Зенос.

В этот момент инженер обратил внимание, что пульс Зеноса вышел за 80 ударов в минуту и кровяное давление поползло вверх. Даже умудренный опытом старший смотритель, будучи всего лишь простым человеком, как ни крути, был подвержен волнению. И, как и многие люди, прятал волнение и неуверенность за напускной веселостью.

– А и не представите, высокий. Никто, я думаю, не представит. Однако наши ученые вместо представления предлагают следующую интерпретацию. Практически каждый из нас в состоянии представить себе стандартную трехмерную вселенную, где есть право и лево, верх и низ, вперед и назад. Также легко, например, на бумаге изобразить простые три оси в изометрической проекции. Рядом с ними есть еще и ось времени. Ее уже изобразить невозможно, но она есть. Теперь следующий шаг. Вы, естественно, знаете, что вселенная многомерна. Так вот, чтобы нам как-то попадать из одного измерения в другое, представим еще одни изометрические трехмерные координаты. Это еще три измерения. Можно сказать, что три вселенные расположены под углом 90 градусов друг к другу. Но вселенных не три, а гораздо больше, и считается, что еще одна трехмерная система отвечает

за их сдвиги относительно друг друга. Наша наука полагает, что эти сдвиги обусловлены событиями пространства вариантов...

– Погоди, погоди, Занг! – перебил инженера Зенос. – Давай-ка теперь посчитаем, сколько получается. Да и вообще все как-то очень витиевато, путанно и непонятно.

– Все верно, высокий. Это ведь всего-навсего мое понимание. То, как я вижу все эти высокие материи.

– А... Ну, так и говори, – протянул Зенос, – а то совсем голову задурил!

– Можно сказать еще проще, чтобы не вдаваться во все эти абстракции: для эффективного решения и работы с математической моделью всего этого безобразия подразумевается столько измерений. То есть все уравнения решаются в 13 измерениях, но для работы нам достаточно 12.

– Наконец-то! – облегченно воскликнул Зенос. – Не пойму, что мешало тебе сразу так и сказать? Однако из твоих объяснений я пока насчитал только 9 измерений.

– Пока получается 9, правильно. Но не стоит забывать про временное. Хотя тут ходят споры о том, течет ли время во всех мирах одинаково. Но мы с вами будем исходить из старой теории, что время зависит от скорости движения в выбранной системе. То есть чем система быстрее движется относительно точки отсчета, тем для объектов внутри системы время движется медленнее. Никто, по крайней мере, у нас, так и не разогнал ничего быстрее скорости света.

– Это я понимаю, ведь при движении со скоростью света масса была бы бесконечна. ...В теории.

– Совершенно верно. Но путешествовать физически на большие расстояния можно либо как мы с вами сейчас будем делать, либо создавая огромный локальный массовый конденсатор, вокруг которого начнет изгибаться само пространство. И здесь мы как раз и подходим к оставшимся измерениям. Это так называемые измерения массы, или гравитационные. Гравитация, казалось бы, тоже должна распространяться трехмерно, но согласно математической модели измерений почему-то два. Таким образом, в сумме 9 координационных плюс одно временное и два гравитационных и дают нам 12. Или 13, если рассматривать гравитацию как трехмерное поле.

– Вот в этом месте мое абстрактное мышление упирается в тупик, – усмехнувшись, сказал Зенос. – Да, получается 12, если мы возьмем 9 пространственных, одно временное и 2 гравитационных. Но я не понимаю: а зачем гравитационные? Ведь очевидно же – физически мы никуда не путешествуем!

– Вы же слышали про квантовые пары, высокий?

– Термин слышал, но придумывать лишнего сейчас не хочу. Поэтому давай лучше ты продолжай свою лекцию.

– Можно создать такую пару, где обмен информацией между партнерами будет происходить мгновенно, игнорируя любые скоростные ограничения. В основе работы всего этого, – и инженер очертил рукой широкий круг, – как раз имен-

но принцип квантовой запутанности. Сейчас, пока вы сидели в кресле и мы с вами мило беседовали, компьютеры создавали вашу квантовую модель, которую и будет внедрять аппаратура на Землю-06. Одно лишь условие – вы должны обязательно спать в этот момент.

– Хах! – нервно хохотнул Зенос. – Это уж я знаю. Такие внедрения доступны только во сне. Потому что, как я понял из всех этих несчитанных часов, что просидел на лекциях черт знает сколько лет назад...

Он перевел дух и продолжал:

– Поправь меня, кстати, если я что-то спутаю. Каким-то образом во сне наше сознание существует и, соответственно, может путешествовать по всем вселенным.

– Все верно, высокий. Даже наши ученые, как и в других мирах старшего кольца, насколько мне известно, все еще очень мало знают о том, почему так происходит. Пока мы с уверенностью можем сказать следующее. Подобно электрону, чье местоположение в момент времени нельзя четко определить, так же и сознание спящего, скажем, размазано по этим самым 12 измерениям. Задача нашей аппаратуры – вашу оформленную сигнатуру закинуть туда, куда требуется. Ориентиром служат психограммы сновидящего на другом конце. Ваша квантовая проекция, созданная компьютером, существует после внедрения одновременно в двух местах и по принципу квантовой запутанности передает информацию от своей копии обратно сюда, – Занг указал рукой на проти-

воположную сторону комнаты, – вон на те серверы. А их дело – уже заниматься обработкой сигналов и их интерпретацией. Теоретически, да и что там, даже иногда практически, можно свое сознание направить, куда захочется, волей. В истории есть примеры, даже на той же Земле. Есть люди, которым это удавалось. Настолько хорошо они умели владеть своим сознанием!

– Может, ты и что такое сознание мне расскажешь, – с очередной ухмылкой спросил сидящий в кресле Зенос.

– Ой, лучше спросите что полегче, высокий!

– Ну да, слышал я о таких «способных». Читал в хрониках. На этой самой Земле вокруг них потом даже целые религии создавались, представь себе.

– О! Почему нет! Способность и вправду незаурядная.

Все было готово, подключено и настроено. Через каких-нибудь пять минут возбужденный голос Занга нарушил тишину:

– Высокий! Есть сигнал!

– А, черт, чуть не забыл! Сколько у нас времени? Пока не усыплай меня!

– Что такое? Сигнал пока говорит о том, что объект в первой фазе. Неглубокий сон. Не самое благоприятное время для внедрения. Вы что-то хотели?

– Подойди! Быстро!

Занг буквально вспорхнул со своего рабочего места и моментально оказался возле опутанного проводами Зеноса.

– Отстегни мне одну руку. Быстрее!

Инженер нажал кнопку сбоку правого подлокотника, и ремни, удерживающие руку, втянулись в фурнитуру. Зенос быстро достал откуда-то из недр мантии маленькое украшение-сережку. Украшение по форме напоминало католический крест в небольшом кольце.

– Создай отпечаток этого маячка, хочу передать объекту. Это для упрощения экстренной связи с ним. Может пригодиться.

– Сию минуту, – ответил Занг и убежал вместе с сережкой за свою панель.

Там он поместил ее в особую нишу и закрыл сверху крышку. Затем нажал на панель, запуская процесс сканирования.

– Буквально минута времени, высокий.

– Пусть пока у тебя там полежит, заберу потом.

– Как скажете.

– Все, Занг, я готов. Дело за тобой.

Инженер еще раз спрыгнул с кресла, подошел к зрителю, застегнул обратно запястье и вернулся на место.

– Начинаем, высокий. Ввожу снотворные препараты.

После нажатия на пульте очередной комбинации кнопок глаза старшего зрителя закрылись, его показатели быстро пришли в норму, и Зенос заснул. Инженер Занг, убедившись, что все идет согласно процедуре, углубился в созерцание мерцающих экранов.

Аня поднялась в гостиничный номер, после чего, лишь скинув ботинки, упала на огромную кровать и заплакала. Эмоции и тоска по родителям вытеснили воинственный настрой, который начал разгораться в девушке тогда перед разрушенной набережной. Анна вдруг ощутила себя совсем-совсем одной в этом городе, в целом мире. Она по факту и так большую часть своей взрослой жизни была одна, однако это было другое. Тогда был тыл – два самых близких человека, в чьей любви и преданности можно всегда быть абсолютно уверенной. Когда ты знаешь: случись что-то действительно плохое, даже если перед тобой будет рушиться весь мир, гореть огнем и проваливаться сквозь землю прямиком в преисподнюю, у тебя всегда есть место, куда вернуться. Место, куда можно убежать, отступить, переосмыслить все и перегруппироваться. Потому это и тыл. И в этом тылу тебя всегда встретят и поддержат люди, которые, несмотря ни на что, за тебя. До конца.

Здесь же, в гостиничном номере, на большой шикарной кровати лежала женщина в черном зимнем пальто, чей тыл сейчас перестал существовать. Поэтому было видно, да что там, и слышно, как тело женщины сотрясали рыдания. Из Аниной души сейчас выходили все эмоции, антидепрессантами задавленные на дно. Будучи там, на дне, они копились, встречались, общались между собой шепотом, так чтобы их хозяйка ничего не подозревала. А еще под прессом медикаментов они, словно под крышкой большой кастрюли, кипели

в бурлящем питательном бульоне девичьих переживаний.

Так прошло какое-то время. Аня перестала плакать и теперь просто лежала неподвижно, приводя мысли в порядок. Со слезами вышла и большая часть жалости к себе.

Когда слезы кончились, девушка убрала светлые спутанные пряди с лица, стерла со щек соленую влагу. Чувства окружающего мира наконец-то вернулись к ней, и Анна ощутила, что ей жарко. Это было, в общем-то, немудрено, ведь все это время, пока она, рыдая, предавалась жалости к себе, на ней было пальто. Девушка быстро встала с кровати, скинула отличный финский текстиль. Почувствовав себя так в разы лучше и комфортней, она сразу ощутила, что ее глаза слезятся и щиплют. Но теперь уже не от слез, а от потекшей туши. Анна пошла в ванну, открыла кран и, как и любая женщина, особенно молодая, первым делом посмотрела на себя в зеркало.

В отражении предстала все та же солнечная блондинка. Правда, волосы были ужасно спутаны и кое-где склеены смесью из туши и слез. Глаза и все, что вокруг них, напомнили панду-индейца, боевым раскрасом сообщавшего всему свету о том, что он вышел на тропу войны. Щеки девушки покраснелись от переживаний, а губы, и без того полные и красиво очерченные, сейчас раздалились и выделялись на лице больше обычного. В общем, Анна принадлежала к тому типу женщин, которые под влиянием стресса и особенно слез начинают выглядеть еще лучше и соблазнительней.

Однако соблазн – это было последнее, о чем сейчас думала Анна. Она принялась долго и тщательно умываться, то и дело поглядывая в зеркало – узнать, как идут дела. Через некоторое время водных процедур основная масса туши была побеждена, алеющие жаркие щеки – охлаждены ледяной водой, а волосы перестали быть спутанными. В зеркале снова отражалась привычная Аня – красивая эффектная блондинка с умными синими глазами.

Довольная результатом, девушка закрыла кран, перешла в спальню и включила телевизор. Полежав немного и пощелкав каналы на ТВ, Аня ощутила, насколько чудовищно голодна. Еще бы, ведь ее желудок наблюдал последнюю пищу почти сутки назад.

Анна открыла ноутбук, покликала в интернете в поисках доставки еды. Выбор ее пал на паназиатские вок-коробочки. Голодными глазами девушка заказала себе сразу две, плюс салат из морепродуктов, суп Том Ям и вдобавок пару роллов. Благо в номере апартаментов был холодильник, куда все это можно было поставить. Ведь, подтвердив заказ перезволившему оператору, Аня, не будучи душой, понимала, что за один вечер ей одной точно все это не съесть.

Еду доставили, как и было обещано, через 45 минут. Под аккомпанемент новостей Первого канала Аня победила солидную долю привезенных блюд. С тяжёлым сердцем из-за давящего на него снизу желудка девушка пошла на кухню и сделала себе чай. Далее, раздевшись до трусиков и в одной

белой блузке, она залезла под одеяло и приступила к дальнейшему просмотру российского бесовского телеэфира.

Почувствовав, что засыпает, Аня сделала звук на минимум, поставила кружку чая на прикроватную полочку и, откинувшись поудобнее на подушку, сомкнула глаза.

Тут резко и неприятно Анну как будто бы кольнуло в душу иголкой. Раз и все. Никаких дальнейших дум или тревоги не было. Несмотря на это, девушка тут же открыла только что закрытые глаза.

Странно, но ото сна, еще мгновение назад навалившегося приятным мягким прессом, не осталось и следа. Анна потянулась к кружке с чаем, пригубила. Чай, бывший менее минуты назад обжигающе-горячим, остыл до комнатной температуры. Мало что бесило Аню больше, чем холодный чай. И раз уж сна больше нет, то девушка планировала продолжить ТВ-просмотр, но для этого надо было обновить напиток. В связи с этой задачей Аня выскользнула из-под необъятного одеяла, взяла кружку с мерзким остывшим пойлом и босиком на носочках, так как пол был холодный, быстро пошла на кухню.

Анна включила чайник, и кухня озарилась синим сумрачным свечением – чайник был модный, с подсветкой. Пока вода вскипала, девушка подошла к окну, наблюдая за ночным городом. Раздался веселый щелчок, Аня взяла новый пакетик из коробочки Greenfield, опустила в кружку и налила сверху кипятка.

И тут та же самая иголка еще раз резко кольнула Аню в душу. Плюс к этому по номеру как будто пронесся легкий ветерок. Девушка подумала, что это, должно быть, шалит что-то в ее организме – ничего удивительного на фоне стресса. Взяла кружку с новым горячим чаем и пошла обратно в спальню к телевизору. И тут кружка выпала у нее из рук и разбилась о паркет, обдав босые ноги крутым кипятком. Аня вскрикнула и попятилась к кухонной столешнице, упершись в нее руками.

Дело в том, что на кровати сейчас сидел мужчина в черной атласной то ли мантии, то ли балахоне. Мужчина был абсолютно лыс, голова его блестела в тусклом свете апартаментов. Он был коренастого крупного телосложения, кто-то сказал бы даже, что толстоват. Огромные мускулы на руках были видны даже через просторное одеяние незнакомца. Он посмотрел на девушку. На мясистом крупном лице даже анфас выделялся большой крючковатый римский нос. Глаза мужчины были чернильно-черными и внимательными, как у ворона. Они смотрели на Аню спокойно сквозь суженный миндалевидный разрез. В его левом ухе висела серьга в форме католического креста, частично вписанного в кольцо. Посередине креста отсветами играл маленький зеленый камушек. Сам крест с кольцом были как будто бы серебряными.

Мужчина поднялся с кровати, и Ане показалось, что его мантия перелилась темно-зеленым. Девушка в ответ на это лишь плотнее вжалась ягодицами в край кухонной столеш-

ницы.

– Здравствуй! – заговорил мужчина. – Не нужно бояться меня.

– Кто вы такой? Как вы здесь очутились? Что вам от меня надо? – Аня стала засыпать загадочного гостя вопросами срывающимся на хрип голосом. – Ни шагу ближе! Я буду кричать!

Мужчина вздохнул и, опустив голову, улыбнулся. Затем он сделал несколько шагов по дуге по направлению к Ане, как бы обходя ее слева. Аня зашарила непослушной рукой у себя за спиной – она помнила, что на кухне вроде бы стояла подставка для набора ножей. Пальцы нащупали холодную металлическую ручку и сцепились на ней мертвой хваткой. Девушка резко судорожно дернула, и подставка с грохотом полетела на пол, попутно рассыпая ножи. Аня двумя руками крепко сжала вынутый нож перед собой и потревоженной гепардом газелью прыгнула в сторону подоконника подальше от этого лысого.

– Не смейте! Ни шагу дальше, предупреждаю, – что есть силы завопила она. Однако изо рта был слышен то ли мышинный, то ли кошачий писк. – Даже не думайте приближаться ко мне.

И она угрожающе, как ей казалось, ткнула ножом в воздух по направлению мужчины.

– Пожалуйста, девушка, спокойней! – поднимая перед собой обе руки с раскрытыми ладонями, мягко проговорил

ночной визитер. – Я здесь просто чтобы поговорить с вами. И уж тем более я не собираюсь причинять вам вред.

Мужчина снабдил свою речь убедительной улыбкой, и его вороновы глаза сузились чуть сильнее, подтверждая, что улыбка искренняя.

Аня же не собиралась расслабляться и так же жалась к подоконнику, стоя на цыпочках с ножом перед собой.

– Почему я должна вам верить? Кто вы такой и как попали сюда? Спрашиваю еще раз.

– Меня зовут Зенос, – отвечал мужчина, – а ты сейчас видишь сон.

– Зенос... странное имя какое-то, – немного успокаиваясь, сказала Аня. И голос ее начал возвращаться к привычному тембру. – Откуда вы? Одежда у вас какая-то странная, как у сектанта какого-то.

Тут Зенос искренне рассмеялся. Ане чисто инстинктивно понравился этот смех. Громкий, честный и добрый. «Скорей всего, плохой человек не способен так смеяться, – подумала девушка. – Да и если он хотел что-то со мной сделать, сделал бы, пока я спала (если это действительно так) или стояла у окна, пока вскипал чайник».

– Сектант... – переведя дух, сказал смотритель Земли, – так меня еще никто не называл, если правильно помню. Я что-то не подумал, в каком самообразе явиться перед тобой в первый раз, не до того как-то было, ты уж прости. Пришел как есть. Что, мрачно выгляжу?

– Просто странно, я бы сказала.

– Короче, приятно, что ты расслабилась немного и мы можем поговорить.

– Кто вам сказал, что я расслабилась? – ответила Аня с вызовом, поудобней перехватывая нож. – Только попробуйте что-нибудь выкинуть.

– Еще раз повторяю, девочка: и в мыслях не было. Впрочем, ранить меня ты все равно не сможешь, как и я не смогу тебе навредить. Повторяю: ты сейчас спишь.

– Раз это мой сон, то и правила мои, – немного подумав, ответила Аня, – и навредить я вам еще как смогу.

– Хм... А у нас с тобой может получиться плодотворное сотрудничество. Вижу, девушка ты неглупая. Действительно человек – хозяин своему сну. Если, конечно, сам осознает, что спит.

– Ну, поскольку вы мне уже сказали, теперь я знаю, что это сон. И если мне станет скучно, просто проснусь и все – вас сразу не станет.

– Да ты и вправду умна. Именно так все это и работает. Вот только не сейчас. Считай этот случай экстраординарным.

После этих слов Зенос слегка тряхнул запястьем, что-то неуловимо сверкнуло, и по комнате снова прокатился тот самый легкий ветерок.

– Все, теперь не проснешься, пока не дослушаешь меня.

– Что за фокусы? – спросила слегка сбитая с толку Аня. –

Вы, кстати, так и ответили: кто вы такой?

– Я старший смотритель Земли. По крайней мере, это мой официальный титул. Хорошо, не титул, а должность. Так будет точнее.

– Вы инопланетянин? Меня хотят забрать?

Зенос снова искренне рассмеялся.

– А-а-а-а-а!.. – протянул он. – Ох уж эти земляне! Ну, собственно, удивляться не приходится. С фантазией у вас всегда было все в порядке.

– Хорошо, хорошо, – сказала уже почти успокоившаяся Аня, – давайте уже, пожалуйста, к сути, пока у меня голова окончательно не пошла кругом.

– Отлично. Самое время к ней уже и перейти. Так вот. Не так давно ты стала свидетелем убийства. Также во сне. Я прав?

– Откуда вы знаете?

– Как принято у вас говорить, работа у меня такая. Так вот, хаос, который ты сегодня наблюдала в городе, это дело рук одного человека.

Аня оторопела. Она даже выронила нож, настолько точно этот странный мужчина подтвердил ее бредовые, казалось бы, догадки. Какое-то время она просто стояла со склоненной набок головой и отрешенно смотрела в пол.

– Я так и подумала сегодня, когда стояла возле этих руин, – тихо проговорила она.

– Так и есть. Это дело рук человека. Такие люди есть.

Некоторые силой своего сознания способны творить невиданные, особенно по вашим меркам, вещи. Но это реально.

– Он убил маму и папу, – так же тихо продолжала Анна.

– Да, равно как и немалую часть города. Моей организации это тоже очень не понравилось. И здесь мы переходим к сути. Ты можешь помочь нам выйти на него и пресечь его неконтролируемую разрушительную деятельность.

Анна немного постояла, глядя куда-то в пол. Затем, видимо, придя к каким-то выводам, задала вопрос:

– А зачем вам я? Почему вы не можете просто войти к нему в сон, как проделали со мной сейчас?

– Можем. На самом деле уже входили. Мы используем термин «внедрялись». И если бы этого не сделали, разрушения, которые ты наблюдала сегодня, могли быть в разы больше. Проблема в другом. Сейчас он как будто бы понял, что натворил и что ему пытались помешать. И такое чувство, что либо вообще не видит снов, либо же никак себя в них не проявляет. Да и нам нельзя просто так внедряться, когда захочется. Не только в вашем мире существует бюрократия. Вообще внедряться и влиять на развитие другого мира – это крайняя мера. Обычно разрешено лишь наблюдение без вмешательства. Но мы можем использовать тебя. Ты землянка, из другой, правда, проекции...

– Из другой проекции? – недоуменно спросила Аня.

– Или из параллельного мира, чтоб тебе было понятней. В его мире есть такой же город с таким же названием, и ни-

какого землетрясения там не было.

Аня, пораженная услышанным, просто стояла, пытаясь осознать и поверить в эту невероятную информацию. Зенос же тем временем продолжал:

– Бывает так, и нередко, что два человека становятся связанными, пусть даже они и из параллельных миров, как вы с этим убийцей. Не спрашивай меня, как это работает, я сам не знаю. Возможно, один из механизмов саморегуляции вселенной, мы не знаем. Но такие связи постоянно происходят. И раз ты уже два раза видела его деяния, мы предполагаем, что ты и он связаны.

– Как вы это поняли?

– У нас есть особая аппаратура. Благодаря ей, кстати, я сейчас здесь и говорю с тобой.

Зенос запустил руку в складки мантии и достал оттуда копию своей серьги.

– Я хочу дать тебе вот этот предмет. С его помощью ты всегда можешь связаться с нами, со мной. Ровно так же и мы сможем наблюдать и отслеживать твою активность во снах.

Зенос приблизился к девушке, протягивая украшение на открытой ладони. После недолгого колебания Аня протянула руку в ответ, чтобы взять сережку.

– Но помни, – сказал Зенос, – принимая этот маячок, ты соглашаешься на сотрудничество и таким образом возлагаешь на себя некоторые обязательства.

Аня уверенно взяла сережку с ладони смотрящего.

– Я понимаю. Знаете, когда сегодня я стояла там, над руинами, все, чего я хотела, – это наказать этого убийцу. И вот явились вы и подтвердили все, о чем я думала там. Так что, конечно, я буду сотрудничать.

– Замечательно! – воскликнул Зенос. – Тогда слушай. Этот предмет – компьютерная модель, по сути. Когда ты проснешься, этого украшения с тобой, естественно, не будет. Серьга – набор данных, которые теперь внедрены в твою сигнатуру, значит, пользоваться им ты сможешь только в осознанном сновидении. Для этого достаточно...

– Просто захотеть им воспользоваться, и я смогу достать его откуда захочу.

– Правильно. Я рад, что мне досталась такая понятливая протеежка, – сказал Зенос, посмотрел на Аню и улыбнулся.

– Скажите мне лучше вот что. Если наша встреча состоится и я пойму, что это он, что мне делать? Просто вызывать вас с помощью этой серьги?

– Да, именно так. Важно лишь подать сигнал заблаговременно, чтобы я смог подготовиться к вхождению в твой сон технически.

– Поняла.

– Ну что ж, тогда, пожалуй, на этом нашу встречу можно считать завершённой. Однако ты так и не сказала, как тебя зовут.

– Аня. Или Анна – это полное имя.

– Анна, – медленно проговорил Зенос, – что ж, Анна, при-

ятно познакомиться. Всего хорошего!

После этих слов мантия старшего зрителя снова блеснула зеленым, по окружающему пространству прокатилась упругая волна, и Аня осталась стоять в комнате одна. Мигом позже апартаменты начали стягиваться, а предметы внутри них – уменьшаться. Аня почувствовала, словно падает куда-то, в то время как обстановка вокруг нее словно блекла, теряя контраст и цвет. Потом белесый бесцветный мир резко потемнел, и очень скоро не осталось ничего, кроме тьмы вокруг.

– Это первый раз за мировой кубок этого сезона, когда нашей сборной удалось подняться на пьедестал! – донеслось до Анны восклицание из приглушенного телевизора.

Она открыла глаза и обнаружила, что лежит в кровати у себя в номере. В апартаментах было светло, за окном был день. Аня посмотрела на часы на стене. Стрелки показывали 10:45.

«Ничего себе, сколько я проспала!» – подумала девушка.

Аня встала и быстро подбежала к окну, чтобы закрыть форточку, так как комнаты были наполнены не свежестью, а уже настоящим морозом. Кружка с чаем на прикроватной тумбочке, естественно, остыла до безобразия. Аня включила чайник, чтобы приготовить новую чашку. Может, хоть на этот раз ей удастся выпить всю кружку горячего чая? Когда щелчок возвестил о том, что вода вскипела, девушка наполнила кружку. В воздухе разнесся приятный аромат (насколь-

ко приятным может быть аромат пакетированного чая). Анна села за барную стойку, взяв кружку в обе руки, и принялась обдумывать свой небывалый сон.

Глава 14

Утро встречало Аню ярким солнечным светом. Тот падал на пол из окон, расходясь широкими конусами. Поднявшись с кровати и сладко, по-кошачьи потянувшись, девушка приступила к утренним ритуалам. Затем она отзвонилась начальнику и вкратце, спокойно и без нервов и слез обрисовала ситуацию. Оказывается, херра Тойванен был в курсе страшных новостей из Сибири. Более того, всю Европу взбудоражило известие о сильнейшем томском землетрясении. Многие ученые со всей Европы и даже некоторых неевропейских ведущих стран были направлены в Томск для изучения невероятного явления. Кроме того, Тойванен сказал, что прекрасно понимает, как себя чувствует сейчас Анна, и что она может взять недельку – другую в качестве полноценного оплачиваемого отпуска.

Анна поблагодарила шефа за оказанную любезность и про себя с приятным удивлением отметила, что, пожалуй, первый раз на ее памяти начальник не пытался к ней подкатить ничего горячего финского.

Получив вольницу от шефа, Анна достала из холодильника богатые запасы, оставшиеся после вчерашнего смелого заказа, и приступила к неторопливому завтраку. Во время трапезы девушка прикидывала, чем можно было бы занять сегодняшний день. И как многие современные молодые лю-

ди, раздумывая над чем-то, Аня отвлеченно пролистывала телефон.

Не сказать, что в годы школьные и студенческие Анна Локин была самой общительной и компанейской девушкой. Напротив, она была скорее выраженным интровертом. Анна вечно казалась сосредоточенной на чем-то своем. И если иногда и отдыхала от постоянной учебы, к которой очень серьезно относилась, то не в клубе или баре, а за любимой книжкой. Поэтому, несмотря на то что девушкой Аня была видной и весьма привлекательной, вниманием противоположного пола она не сильно пользовалась. Точнее, конечно, пользовалась, но не использовала так, как могла бы. Да и близких друзей, с которыми можно было бы ночи напролет прожигать в клубах и на тусовках, в ее окружении тоже замечено не было. Таким образом, никаких особых привязанностей и настоящих старых друзей в родном городе у нашей Ани попросту не было. Поэтому, как только со школьной поры у нее появился первый мобильник, все ее контакты можно было пролистать буквально за два-три свайпа. Когда же после первого курса Анна покинула родной город и уехала учиться в Финляндию, количество актуальных контактов в ее телефоне сократилось еще больше. К настоящему же моменту она с трудом могла вызвать в памяти хоть кого-то из ее родного города, с которым поддерживала хоть мало-мальский контакт. Лента ее друзей в социальных сетях также не поражала эпическими размерами. Тем более большин-

ство «друзей» из этого списка, как и у многих в наше время, были, можно сказать, «мертвыми душами». Термин этот, естественно, утрирован и снаряжен неподобающим драматизмом, особенно применительно к живым людям. Но вряд ли кто-то будет спорить, что большинство из нашего списка друзей в VK, или Facebook, или где бы то ни было еще в основной своей массе находится для нас далеко за чертой актуальности.

Так было и с Аней. Она прокрутила свою невеликую ленту друзей, точнее, тех, кто остался там после фильтрации по городу проживания, и не увидела никого, кому хотелось бы написать или тем более предложить встретиться. «Да и какой смысл? – думала девушка. – Мы не общались с ними 10 лет, о чем, скажите, нам разговаривать теперь? Что теперь нас объединяет, кроме нахождения друг у друга на страничке с профилем?»

Иными словами, мертвые души и есть.

Но тут внезапно ее взгляд задержался на контакте, записанном латиницей в телефоне. Записано было буквально следующее: Artem Kravtsov. Анна сразу же вспомнила интересного приятного парня. Они познакомились с ним как-то раз, вместе оказавшись в одной компании. Аня теперь вспоминала, что вроде бы он учился тогда в школе милиции и вроде бы кто-то сказал, что его дед там, в этой милиции, важный начальник. «Ну, тогда ясно», – подумала про себя Аня, ведь образ Артема ну никак не вязался в ее в голове с обра-

зом полицейского.

Артему и Ане неплохо удалось пообщаться в то время, и девушка симпатизировала Артему. Она отмечала его воспитанность, вежливость, тактичность и местами даже хладнокровность. Также ей импонировали его начитанность и заинтересованность не совсем популярными в кипучей студенческой среде темами. Чувство юмора парня хоть и не взрывалось искрами, как у более популярных самцов, но определенно присутствовало.

«Странно, как у меня вообще сохранился его номер, я ведь регулярно чищу контакты», – подумала Аня, остановив прокрутку на имени Артема. Вспоминая парня, она все больше склонялась к мысли, что в данный момент провести день или скоротать вечер более подходящим способом вряд ли получится. Поэтому после еще секунды раздумий она уверенно нажала пальцем на его имя.

В трубке с равным интервалом пошли длинные гудки, и на третьем Анне ответил спокойный голос молодого человека:

– Алло!

– Алло, Артем? – спросила для уверенности Аня, потому что часто операторы повторно продают неиспользуемые номера другим людям.

– Да, здравствуйте! С кем я говорю?

– Привет, Артем, – оживилась Аня. – Это Аня. Аня Локин. Помнишь такую?

– Аня! – в голосе парня послышалась искренняя радость

и удивление. – Конечно, помню! Как ты? Как вообще так случилось, что ты позвонила мне? Это невероятно! Ты ведь уехала учиться в Финляндию, насколько я помню, и вроде бы там и осталась?

– Да, Артем, все так. Сейчас живу там и работаю.

Недолгая пауза в разговоре. Потом Артем заговорил, с одной стороны, тем же веселым и радостным тоном, но было слышно, как он скорее искусственно придает голосу бодрости:

– М-м-м! Я сразу знал, что у тебя большое будущее! Сколько детей-то уже? Чем муж занимается?

– Аха-ха, – лишь рассмеялась в ответ Аня, – президент страны он у меня, одиннадцатого вот ждем!

– Аха-ха-ха-ха-ха! – раздалось на том конце телефона. – Понял вас, госпожа Локин.

– У нас про таких демографических трудоголиков, как я, говорят «роува», – сквозь смех ответила Аня, – поэтому роува Локин.

– Ах! Тысяча извинений, ро-о-о-оува! – Артем специально, подражая акценту горячей страны, растянул «о».

– Чем занимаешься-то, скажем, вечером? – перешла к делу Анна. – Я сейчас в Томске и, к счастью, наткнулась на твой номер. Встретиться не хочешь?

– О чем разговор! С радостью. Только вот я пока на работе. Ее не много сейчас, думаю, понятно почему. Основная работа сейчас у МЧС и скорых. М-да... Вообще много ин-

тересного могу тебе рассказать.

– Да, как и я тебе. Плюс мне здесь что-то рассказывать вроде как больше некому...

– Родители? – обеспокоенно спросил молодой человек.

– Да, – выдохнула Аня и почувствовала, как наперекор воле по левой щеке покатилась слеза. Пережитые и побежденные, казалось бы, эмоции вот-вот с новой силой, как цунами, снова готовы были нахлынуть на девушку.

– Ладно, Тем, – Аня чувствовала, что ее голос готов сорваться, – давай тогда, напишешь, когда освободишься. У меня в распоряжении целый день.

– Конечно! Обязательно. До встречи!

Анна нажала на «отбой». Подняла голову вверх. Слезы уже катились по обеим щекам. Аня закрыла глаза, несколько раз глубоко вдохнула, досчитала до 10. Она очень не хотела повторения выхода вчерашних эмоций. Дыхательная гимнастика помогла, и, утерев слезы, Аня включила телевизор. Уставившись в экран пустыми глазами, Аня сидела на диване и старалась не думать ни о чем. Душа ее была далеко, мысли – расколоты и перемешаны. В таком состоянии она просто сидела, особо не вникая в то, что негромко бубнил телевизор. Слезы стягивали щеки тугими сеточками. Аня не обращала на них внимания, просто отдавшись на волю происходящему в своей душе. А там грусть и боль, по новой взяв контроль, резвились, упиваясь черной властью.

Ближе к обеду позвонил Артем, и молодые люди усло-

вились встретиться в 19:00, вечером, в одном из кафе в неповрежденном районе. Найти такое было довольно сложно, так как все более или менее приличные места находились как раз-таки в центре города. На окраинах же располагались очень специфические атмосферные заведения, чья атмосфера была проникнута тематикой 90-х годов прошлого века. Людям новым и молодым в подобных заведениях было бы минимум неуютно.

Аня переступила порог кафе и сразу же нашла глазами своего старого знакомого. Артем, конечно же, повзрослел и, само собой, возмужал, однако ни в коем случае не состарился и не обрюзг, как многие его сверстники при подходе к 30 годам. Все то же подтянутое стройное тело, плюс ни намек на зарождающийся животик. Каштановые волосы парня были коротко и в меру модно подстрижены. Именно в меру, без излишнего креатива. В отличие от подавляющего большинства сверстников Артем был еще и гладко выбрит.

Аня подошла к столику. Парень при виде девушки поднялся как настоящий джентльмен. Широкая улыбка застыла на его лице, а глаза заблестели в восхищении.

– Привет, Аня! Я думал, что выглядеть лучше, чем ты была в универе, невозможно, однако я ошибался!

– Привет, Артем! Ты тоже весьма неплохо сохранился, – щеки Ани тронул едва заметный румянец, говорящий о том, что комплимент пришелся ей по душе.

– Проходи, э-э-э, садись! Хотя ты уже прошла, что я

несу! – Артем понял, что понес околесицу, и рассмеялся.

Сразу следом за этим парень быстро оббежал столик и выдвинул противоположный стул, помогая Ане разместиться. Наши старые знакомые этого не видели, но вокруг некоторые гости одобрительно закивали головами, кто-то, правда, фыркнул и усмехнулся, мол, какой рыцарь!

– Ну что, как ты? – начал Артем. Глаза его так блестели, что, казалось, искры эти вот-вот что-нибудь подожгут.

– Да как. Хорошо. Нормально. Можно даже сказать, отлично. Вот уже семь лет живу в Финляндии, хорошая работа, своя квартира в центре Хельсинки. Многие бы сказали: не жизнь, а сказка. Правда, обстоятельства, как всегда, все испортили, – сказала Аня невесело и замолчала.

– Да, я понимаю. Соболезную.

– Спасибо. Конечно, все это землетрясение... Я была сегодня в центре, там настоящий хаос. Жесть вообще! – Аня сделала глоток принесенного кофе и продолжала: – Никогда бы не подумала, что такое может случиться именно с тобой. Особенно когда смотришь все эти фильмы-катастрофы на экране. Кажется, все это настолько далеко, не про тебя и вообще все компьютерное! А тут раз! Твоя страна, твой родной город, и больше нет твоих самых родных людей. В такие моменты понимаешь, насколько смерть всегда рядом.

– Про смерть, которая рядом, это ты точно сказала. Я недавно, как раз перед этим самым чертовым землетрясением, такое испытал! Настоящая чертовщина. До сих пор,

как вспоминаю, руки трясутся. Когда начинаешь думать, насколько был на волосок от гибели тогда, чувствуешь, как все внутри холодеет.

– А, это, видимо, как раз и есть то, что ты хотел мне рассказать? Что ж, очень интересно, – Аня отставила кружечку, положила сцепленные руки на стол и внимательно посмотрела на собеседника.

– Да. Это то, что стоит послушать. Если когда-нибудь буду писать мемуары, обязательно посвящу этому отдельную главу!

– Ты, кстати, как, поступил на службу-то?

– А, да, конечно, поступил! С дедом-то разве у меня был выбор? – сказал Артем и обреченно как-то усмехнулся.

– Как раз-таки история моя напрямую и связана с моей работой, – продолжал он. – Мы расследовали одно очень странное дело об убийстве. Я был в составе следственной группы. Нас всего было четверо тогда.

Артем замолчал, опустил глаза и после недолгой паузы продолжил:

– Правда, сейчас осталось всего двое – я и начальник нашего УГРО майор Сергей Швед. Все это дело с самого начала расследования шло очень странно. Seriously! Такие были моменты, хоть фильм голливудский мистический снимай. Ну, или очередной эпизод секретных материалов.

Артем рассказал Ане, как проходило расследование убийства. Девушка увлеченно слушала, не перебивала и не зада-

вала вопросов. Она практически сразу же догадалась, что загадочные законы судьбы или провидения свели ее и Артема спустя столько лет неслучайно. И, разумеется, Анна поняла, что речь сейчас идет о том самом убийстве из ее снов.

Когда же Артем дошел до описания того, что случилось с группой в том подземном тоннеле, сомнения Анны относительно причастности убийцы к катастрофе были полностью развеяны. «Этот странный мужчина из моего сна, Зенос. Он был прав. Кем бы он ни был. Похоже, сны – это не просто трюки твоего подсознания, как считает официальная наука, а нечто большее. Во всяком случае, не только лишь одно подсознание».

Теперь пазл в голове девушки стал складываться. Она поняла, как возникло это самое землетрясение. Если правда то, что сказал и сделал этот Зенос тогда во сне, то почему не предположить, что есть и другие, которым под силу творить подобные вещи? Разумеется, найти и пресечь деятельность такого человека необходимо. Также становилось понятно, почему этот таинственный разрушитель прибегнул к своим действиям. Если первые толчки пошли после того, как Артем заметил этот платок на полу – улику, то все тут же проясняется. Видимо, этот человек наблюдал за группой во сне и, боясь того, что следствие сможет выйти на него, силой своей воли спровоцировал катаклизм. Все эти выводы и предположения, само собой, казались абсолютно невероятными для любого взрослого нормального человека. Но зная

то и увидев то, что видела Аня, уверенность, что мир живет по внушаемым нам со всех сторон привычным законам, уже больше не была уверенностью.

– Ты, конечно, можешь сказать, что я поехал кукухой, но, мне кажется, землетрясение кто-то спровоцировал. Да, я не могу представить, как такое возможно, но все-таки... С самого начала в этом деле была одна странность за другой. Помехи на пленке, ничего на городских камерах наблюдения. Сам этот тоннель под землей! Как будто секретный бункер какой-то! Не удивлюсь, если там опыты над людьми проводили и черт знает что еще. А потом, когда увидели, что мы там шаримся, решили во избежание огласки все на хрен взорвать. Ну, подумаешь, полгорода разнесло, не Москва же! Кто знает этих военных со своим правительством, чем там они занимаются? – Артем перевел дух, посмотрел на Аню и сказал: – Думаешь, я псих, да?

Аня улыбнулась и поняла, что, если бы не визит Зеноса и ее сны, она сама, скорей всего, на месте Артема думала бы похожим образом. Поэтому ответила:

– Вовсе нет. Дело и правда страннее некуда. Если б я тебя не знала, подумала бы, что ты мне какой-нибудь новый фильм или книгу пересказываешь, до которых я еще не добралась. Кто его знает, Тема, может быть, ты и прав. Откуда нам, простым смертным, знать, чем занимаются сильные мира сего? Тем более у нас в России.

– Это точно! – поддержал Артем, и молодые люди не со-

всем весело и натянуто рассмеялись.

Анна не стала открывать Артему свое видение вопроса, тем более говорить ему про Зеноса и свои сны. Просто-напросто она не видела, что это может ей дать в дальнейшем. Если человек этот правда из другого параллельного мира, то местная полиция при всем желании его никак не сможет поймать. Анна задумалась о другом: а есть ли у него двойник здесь, в местной версии Томска, или вообще в этом мире? «Надо будет задать Зеносу вопрос при нашей следующей встрече», – подумала девушка. В любом случае встреча с Артемом, как оказалось, носила далеко не развлекательный характер. Это, конечно, тоже, и Аня была по-настоящему рада видеть старого друга, но главным было другое. Артем своим рассказом многое сейчас для нее прояснил. Теперь она полностью, можно сказать, поверила во все свои сны или видения. Ей также пришлось признать, что мир устроен куда сложнее и многогранней, чем она всю жизнь думала. По крайней мере, выходило пока именно так.

Анна осмотрелась. Увидела часы над барной стойкой кафе. Ясно увидела на них, который час. Спросила себя, не спит ли она. Ответ пришел сразу и утвердительный, что не спит. Сделала она все это на основе где-то когда-то услышанной или прочитанной информации о снах и прочем оккультизме. «Теперь не такого уже и бредового оккультизма, – отметила про себя Анна. – Как хорошо, что я хоть немного в свое время интересовалась этой темой».

Убедившись, что не спит, Анна обрадовалась. Что ж, по крайней мере, хоть как-то она свое сознание еще контролирует.

– Во всяком случае, – прервал размышления девушки Артем, – расследование сейчас приостановлено. Скорей неофициально, чем официально. Меня перевели на другие дела попроще и не такие запутанные, а Швед, насколько я знаю, не собирал никакую новую группу по этому делу.

Молодые люди поговорили еще какое-то время. Артем порасспрашивал Аню о работе и о жизни в Финляндии. Вообще все его поведение, взгляды и шутки говорили о том, что он с удовольствием бы продолжил это общение, сменив обстановку. Когда же все поведение девушки уже недвусмысленно указывало на то, что пора закругляться, Артем прямо предложил подвезти ее или просто поехать куда-нибудь покататься.

Аня отметила про себя, что польщена таким вниманием. Возможно, при других обстоятельствах она бы и подумала над предложением, но сейчас вечер с продолжением – это совсем не то, что ей было нужно. Поэтому она ответила:

– Да нет, Артем, я бы с радостью, но мой босс хотел, чтобы я обязательно хотя бы в «Скайпе», но была на сегодняшнем финансовом совете фирмы. Ума не приложу, почему я там настолько нужна, но сам понимаешь... Поэтому давай в другой раз. Однако очень недурно будет, если подвезешь меня до гостиницы, – и Аня мило улыбнулась.

– О да, конечно, о чем разговор! – довольно неплохо при-
творился Артем, что не расстроен отказом.

– Ну, вот и отлично! – весело сказала Аня. – Давай тогда
будем собираться, потому что совещание уже через час.

Они позвали официантку. Аня оплатила счет, несмотря
на рыцарские отчаянные попытки Артема заплатить самому.
Она сказала, что в Европе это более чем нормально и раз уж
она сама предложила встретиться, то сама и заплатит с удо-
вольствием. Ей будет от этого только приятней. Артем же,
не сдавшись до конца, оставил гигантские чаевые размером
чуть ли не больше всего счета.

Когда машина Артема остановилась перед крыльцом
апарт-отеля, Аня сказала:

– Ну, все, пока! Безумно рада была тебя видеть! Не теряй-
ся!

– Ты сама, главное, не теряйся! Я-то в основном здесь все-
гда. Пока!

Анна вышла из машины и поднялась в номер.

Белые тона спальни в предрассветных сумерках смотре-
лись серыми. Эрик резким движением сел на кровати. Сра-
зу же молниеносно включил свет – бра над спинкой – и по-
смотрел на часы на стене. Стрелки показывали 7:30. Следу-
ющим шагом Эрик схватил с прикроватной тумбочки теле-
фон, нажал на клавишу разблокировки. Загорелся экран, и
Эрик смог подробно разглядеть каждый значок приложений

на рабочем столе. Ткнув в парочку, он понаблюдал, как программы успешно запускаются и отвечают на его работу с интерфейсом. Потом он отложил телефон, близко поднес руку к глазам и стал изучать свои ногти в мельчайших подробностях. Детализацией ногтей он также остался доволен. Только после всех выполненных проверок Эрик поднялся с кровати и пошел готовить свой любимый кофе.

После того как Линдгаард уничтожил тот туннель, который сам же и создал своей волей или воображением, после того как ему явно помешали похоронить следователей под завалами, он стал очень серьезно относиться к своей новообретенной способности. В том, что ему именно помешали, он был уверен.

Вот уже почти неделю он не видел никаких «особых» снов. Пару ночей он провел вообще без сновидений, как-то раз не смог понять, что спит и видит сон. Остальные же разы стабильно осознавал себя в сновидении, но ничего особенного там не происходило. И вот пожалуйста! Натэ! Опять тот же парень – молодой следователь, которому удалось избежать смерти. Тот, кого буквально вырвали тогда из крушащих лап Эрика. Тот самый, от кого Эрик чувствовал наибольшую для себя опасность. И вот он, пожалуйста! Сидит как ни в чем не бывало и разговаривает с прелестнейшей девушкой!

Не то чтобы Эрик испытывал какую-то персональную ненависть к этому Артему, но его очень насторожило, что

внезапно молодой офицер вернулся в его сны. До этого, пока велось расследование, Эрик буквально каждую ночь вынужден был наблюдать за его ходом. Но после того как половина следственной группы осталась погребенной в томских подземельях, эти сны прекратились. Внезапный конец «детективного сериала», как называл для себя эти сны Эрик, убедил его, что, несмотря на жестокость своего поступка, он сделал все правильно. Помимо этого, Эрик до конца не отметал версию о том, что все увиденное им в той чередке снов – не что иное, как игра его скучающего мозга. Кто знает, в конце концов? Да, все Будды и прочие Кастанеды с Зеландами утверждали, что реальность снов не менее реальна, чем наша с вами повседневность. Но простите! Где доказательства всего этого? Разве были эксперименты или, быть может, документальные свидетельства – аудио- или видеозаписи? Визитеры, которые явно принадлежали не нашему миру? Если подобные вещи когда-то и случались, то Эрику ничего об этом не было известно. Значит, никаких причин реально верить в подлинность существования параллельных миров у него также не было.

Но береженого бог бережет, а излишняя бдительность еще никому не вредила. Плюс опыт этих ночных сериалов был зачастую богатый, яркий и, что уж кривить душой, часто пугающий. Поэтому Эрик теперь как можно чаще практиковал осознанность, часто спрашивая себя, спит он или нет, попутно пытаясь найти подтверждающие или опровергающие это

свидетельства. И, надо сказать, довольно неплохо преуспел на этом поприще.

И вот, когда он уже думал, что ничего подобного больше не произойдет и что убийство Эмиля – это просто трюк подсознания, которое решило-таки выкинуть подобный фортель на почве былой неприязни. Что последующее расследование – это тоже не что иное, как развитие сюжета, порожденного тем же подсознанием, когда Эрик реально перепугался от того, что убийство было совершенно по-настоящему. После того как детектив, казалось, закончился, после спокойной и безмятежной недели вдруг, как чертик из табакерки, снова выскочил этот самый молодой мент.

Эрик попивал свой черный-черный кофе из элегантной белой чашки и пытался понять у себя в голове, к чему бы это все. И при чем тут эта блондинка? Неужели новая фигура всего этого хитросплетенного сюжета? В ходе своих размышлений он подумал, что неплохо было бы поближе с ней познакомиться, понять, кто она такая и чего хочет. И что у нее с этим Артемом?

Эрик размышлял дальше. «Предположим на секундочку, что Артем, и эта блондинка, и вообще все, кого он видел в тех снах, – это реальные люди из параллельного мира. В таком случае неплохо было бы девушку у Артема отбить. Просто так, потому что могу, – думал Эрик. – Все равно развлекать себя больше нечем. На работе скукота. Иван, кажется, вовсе не собирается возвращаться из Азии, а тут сама

жизнь подкидывает такие неплохие развлечения. Зачем какие-то игры с виртуальной реальностью, когда у тебя в голове целые миры? Какая, по сути, разница, реальные они или нет? Интересно, развлекательно. Нескучно. Затягивает! Ну что еще нужно вполне молодому еще, неглупому парню, а? В наш неоднозначный тем более век!»

«Решено! – заключил Эрик. – Надо выйти на эту красоту! Кто его знает, чем оно дальше обернется? Артем сказал, что расследование заморожено? Отлично! Значит, опасаться больше нечего, можно теперь хотя бы сны посмотреть в свое удовольствие! А эта милашка, может быть, сможет что-нибудь интересное прояснить. Быть может, я все-таки смогу понять, насколько реально все это и где, собственно, истина?»

С этими мыслями Эрик допил свой кофе. За окном уже окончательно рассвело. Начинался обычный зимний сибирский день. Большинство людей, которым надо было ехать с утра на работу, на нее уехали. Дороги были пусты. По набережной, на которую выходили окна Эрика, не спеша прогуливались редкие прохожие. Возле парапета на приличном удалении друг от друга стояли тепло одетые люди, двумя руками державшие перед собой длинные прутья удочек. Порой кто-то из них поворачивался, чтобы перезакинуть наживку. От Томи шел пар, красиво размазывая солнечный свет. Мост через реку тонул в этом пару. Опоры, полностью скрытые им внизу, казалось, вырастали прямо из воздуха. И если забыть,

что внизу была река, могло показаться, что мост парил в облаках.

Эрик наблюдал эту безмятежность обычного дня тихого сибирского города и чувствовал, как былая заинтересованность и адреналин поднимаются в его душе. Он чувствовал, что история, внезапно лихо закрутившаяся вокруг него, вот-вот скоро получит свое продолжение.

Глава 15

Стихийный отпуск Эрика, так кстати устроенный ему начальником, как и все хорошее в жизни, подошел к концу. За время отпуска, после того как основные приключения Линдгаарда закончились, он лишь успел посетить родной Красноярск, навестить родителей и покататься в местном горнолыжном парке. Эрик с удовольствием отметил ту положительную динамику, с которой развивался комплекс. По прикидкам молодого человека это был самый настоящий европейский уровень. Русские всегда умели не ударить в грязь лицом, равно как и делать вещи для остальных намного лучше, чем для себя. Таким образом, грядущая Красноярская универсиада стала одним из немногих двигателей прогресса последнего восточного миллионника.

Началась работа. Дела в «Бест Уэлл Солюшнс», а это, если что, название компании, где трудился Эрик, были лучше буквально от квартала к кварталу. Почти все окрестные месторождения Томска снабжались оборудованием производства «БУС». Год начался, последние тендеры были выиграны, договоры – заключены. Оборудование продано на год вперед, премии всему офису платились стабильно. Другими словами, на работе Эрику разве что не приносили в жертву молодых девственниц, настолько признавались его заслуги. В общем, было все настолько хорошо, что и делать было осо-

бо нечего. По крайней мере, на настоящий момент. Поэтому Эрик рабочие свои часы коротал либо за просмотром различного видеоконтента в интернете, либо по четыре часа отсутствовал, предаваясь прелестям бизнес-ланча. Отобедав, он или просто гулял по городу, или встречался с партнером по работе, принимая или преподнося различные маленькие подарки, в основном, конечно, крепкий алкоголь. Когда делать было нечего от слова «совсем», молодой заместитель директора по обеспечению производства тупо шел в ближайший кинотеатр и что-нибудь там смотрел.

В один из таких обеденных перерывов Эрик зашел в свое, пожалуй, любимое томское кафе на Комсомольском проспекте. И как громом пораженный замер прямо на входе. Дело в том, что за столиком у окна сидела та самая девушка из его сна. Да-да, именно та, которая мило беседовала с тем самым молодым офицером Артемом тогда, во сне Эрика. Линдгаард почувствовал, как челюсть его бесконтрольно устремляется в направлении пола. Но поскольку человеку его положения неприлично стоять с подобной конфигурацией лица, Эрик поспешил рот поскорее закрыть. Сделать это было непросто, ведь он ну никак не ожидал увидеть двойника той самой девушки в своем реальном мире.

По выработанной не так давно привычке он тут же проделал процедуру проверки на бодрствование. Вопросы, время, оперирование сложной техникой, четкость мельчайших деталей окружения и своего собственного тела. Все вроде

бы как явно говорило, о том, что господин Линдгаард сейчас точно ни в коем случае не спит. Значит, какого черта? Неужели это двойник? И есть ли вообще двойники в параллельных мирах? Если вообще эти миры существуют, а во сне ты меж ними путешествуешь? А может быть, просто очень похожая, но совсем другая девушка? Слишком много вопросов, ответить на которые более или менее точно не представлялось возможным, ведь так много допущений. Нет никакого понимания механизма работы всего этого. И теории здесь никто не обучит. Так что же делать? Как себя вести? Просто не заметить, пройти спокойно как ни в чем не бывало и сесть за свободный столик, искоса время от времени поглядывая на странную посетительницу? Или подойти к ней и нагло познакомиться в надежде что-нибудь все-таки прояснить?

Эрик думал и стоял. Стоял и думал прямо на входе в кафе. Девушка-хостес уже кривовато так на него поглядывала. И ее можно было понять, ведь когда она уже дважды до этого обратилась к молодому мужчине, тот не удостоил ее даже взглядом. Казалось, он вообще ничего сейчас вокруг не слышал.

– Молодой человек! Молодой человек! – хостес на несколько тонов повысила голос в новой попытке обращения к странному потерянному гостю. – Мужчина!

Эрик наконец-то вышел из протрации, повернул голову и рассеянно посмотрел на девушку за стойкой ресепшена.

– Да, да... Здравствуйте! Извините, что-то я задумался.

С этой работой скоро совсем из жизни выпадать начнешь! – сказал он, вооружившись своей коронной обворожительной улыбкой.

В глазах девушки отразилось облегчение, она вроде бы даже выдохнула и с ответной улыбкой сказала Эрику:

– О да! Как никто вас понимаю! Гардероб у нас там, – с этими словами она кивнула, взглядом указывая направление, – проходите, раздевайтесь! Рады снова вас видеть!

Эрик прошел к гардеробу, попутно прикидывая свою линию поведения с этой непонятно откуда взявшейся блондинкой в зале. Подавая пальто гардеробщице, он все больше склонялся в сторону варианта, где он садится за столик неизвестной.

«Да какого дьявола? – думал он. – Чего я стесняюсь или боюсь? Я ведь так и планировал, точнее, хотел этого во сне. А теперь, когда судьба сама дарит мне шанс, как-то неуважительно будет его не использовать!»

Все было решено, и, взяв номерок из гардероба, Эрик уверенно, но с достоинством и без лишнего пафоса, двинулся в зал.

Его объект интереса сидел, слегка склонив голову над телефоном, закусив одну губу. Ее волосы всеми оттенками золота переливались на зимнем солнце, светившем сквозь окно. Эрик был уже на середине зала, когда Аня наконец почувствовала чей-то пристальный взгляд на себе и подняла глаза. Солнце отразилось в них льдисто-синим переливом.

Казалось, что айсберг отбрасывает яркие блики во все стороны. За этими синими глазами, также как и за вершиной айсберга, угадывалась необъятная глубина. Однако Анна, как и подобает воспитанной девушке, долго пялиться на незнакомца не стала и поспешила отвести взгляд, когда увидела достаточно. Женщины вообще обладают более развитым периферическим зрением, чем мужчины, соответственно, видят вокруг куда больше. Благодаря этой особенности Ане сейчас понадобился лишь беглый взгляд, чтобы оценить обстановку.

Эрик тем временем приблизился к столику и начал знакомство:

– Добрый день, девушка. Знаете, у меня тут небольшая проблемка.

Аня удивленно посмотрела на него теперь уже в упор.

«Обалдеть! Ну и глазищи! – подумал Эрик. – Естественно, как у белых ходоков!»

Несколько секунд на лице у Ани читалось удивление пополам с оторопью. Потом губы девушки тронула не то улыбка, не то ухмылка. Она с легким прищуром то ли веселости, то ли недоверия посмотрела на наглого проходимца и спросила:

– И в чем же заключается ваша проблема, мужчина?

– О, видите ли, девушка, ситуация двоякая. С одной стороны, это определённо проблема, потому что столик, за которым я обычно обедаю, сейчас занят вами. Но, с другой сто-

роны, это же есть и огромнейшая приятная неожиданность.

Тут уже и Эрик позволил себе улыбнуться, и улыбка эта блеснула как нож, вынутый из ножен. Как нож, потому что была оружием, которым Линдгаард владел в совершенстве.

– Ну что же, – ответила Анна, – на мой взгляд, тут свободна еще целая половина стола.

И она сделала легкий жест рукой, указывая на противоположный стул.

Эрик сел. Официантка тут же подскочила с меню в руках и поспешила вручить его Эрику. Тот его открыл, пролистал немного для виду, а сам же не отрывал глаз от своей соседки по столу, то есть то и дело быстро на нее посматривал. Аня же, как будто демонстративно приклеила взгляд к экрану телефона.

Эрик решил, не мудрствуя лукаво, пойти по испытанной, можно сказать, классической стратегии.

– Ни разу вас здесь не видел, – начал он, – а я ведь тут довольно частенько. Вы местная?

– Родилась здесь. Потом на ранних курсах университета уехала. Сейчас живу за границей.

– Где же? И как вас снова занесло на малую родину? Приехали к родителям, друзьям?

Взгляд Анны внезапно изменился. В нем будто проскочили на миг растерянность и быстрый вопрос к самой себе. Но лишь на миг. После она убрала за ухо прядь волос, и Эрик увидел очень лаконичную, но настолько же красивую и эле-

гантную серьгу в ее ухе. Это был тонкий крест, не полностью вписанный в кольцо с ярким зеленым камнем. После этого жеста Анна ответила:

– Родителей у меня уже нет. Навещала старого друга.

– Очень жаль, – выразил Эрик дежурное сочувствие для подобных ситуаций. – Вы не сказали, где живете, что за страна?

– Финляндия. А сейчас вы спросите «кем я работаю»? Какая-то не шибко интересная беседа у нас получается. Анкетирование какое-то! Вы, случайно, не переписью населения занимаетесь?

Эрику шутка показалась не особо смешной, но обстановка подсказывала ему подыграть и улыбнуться. Что он и сделал.

Какое-то время поулыбавшись друг другу после этой не самой выдающейся шутки, Эрик снова заговорил:

– Ой, уморили вы меня! Ну, по крайней мере, теперь буду знать, чем мне стоит заняться, когда в стране закончится вся нефть! Ну и как там ваш друг? Он, должно быть, очень близкий, раз стоит ехать к нему сюда аж из Финляндии!

– А вы работаете в нефтяной сфере? – Анна наконец-то проявила хоть небольшую заинтересованность.

– Да, в ней. Единственное, где еще стоит работать в этой стране, – с кривой ухмылкой ответил Эрик.

– Ну почему, можно еще программировать, например, – легонько парировала Аня.

– Я же говорю – В ЭТОЙ СТРАНЕ. Если ты хороший про-

граммист, то свалишь при первой же возможности, как только наберешься достаточного опыта. По крайней мере, я не вижу причин, чтобы так не сделать.

– Да бросьте вы! Вы думаете, там намного лучше? Здесь, кстати, есть свои преимущества перед западом, – Аня замаялась и взяла небольшую паузу, – по крайней мере, обязаны быть, учитывая, как там работают некоторые вещи...

Эрик посмотрел на собеседницу с явным скепсисом на лице.

– Когда, говорите, вы уехали? В универе? Сколько лет уже там живете? Около 10? Откуда, при всем уважении, вы вообще можете знать, как тут все устроено?

– Слежу за новостями, созваниваюсь с... То есть... Неважно, – сказала Аня и отвернулась, глядя в окно.

– Да... – протянул Эрик. – Извините меня. Давно их не стало? Ваших родителей?

Анна продолжала смотреть в окно. Левая рука ее теребила странную сережку. Потом девушка повернулась и в упор посмотрела на Эрика. Очень внимательно посмотрела. Пальчики ее в это время продолжали держать украшение.

– Умерли в катастрофе, – ответила она, глядя Эрику прямо в глаза, – совсем недавно. Извините, я ненадолго.

С этими словами она встала из-за стола и направилась по направлению к барной стойке, обходя ее. «Должно быть, в туалет», – подумал Эрик.

Однако здесь он видел два варианта. Девушка могла дей-

ствительно расстроиться, вспомнив про недавнюю потерю родителей, и пойти в туалет успокоиться и поправить макияж, которому угрожали слезы. Либо же Эрик так быстро ее утомил, что она хотела таким образом тактично вызвать такси и ретироваться. Второму варианту Линдгаард про себя усмехнулся. Если бы давно в прошлом одна девушка на свидании не проделала с ним такой маневр, он до сих пор бы, скорей всего, и не помышлял о том, что так вообще делается. Однако цинизм еще не прожег настолько глубокий след в душе Эрика, поэтому он склонился к наиболее вероятному первому варианту.

И действительно, по прошествии некоторого времени его собеседница вернулась. Тушь оставалась там, где ей и положено быть, не покидая пределы глаз, а тональник все так же лежал на щеках едва заметным невесомым слоем. Единственное, что бросилось Эрику в глаза, а быть может, просто показалось, было то, как ярко вспыхнул камешек в левой сережке. Буквально полыхнул зеленым огнем. А потом как будто бы, чтобы не привлекать излишнего внимания, одумался, убавил свою яркость, но все же теперь вел себя как-то иначе. Эрику показалось, что зеленый камень теперь едва уловимо, но все же как-то по-другому заиграл на солнце. А может, просто за окном стало ярче? Во всяком случае Эрика больше занимала девушка напротив, а никак не украшение у нее в ухе.

Однако наш наблюдательный герой был прав, и поведение

камня изменилось. Просто-напросто он теперь был активирован. А случилось вот что.

Когда Аня оказалась в туалете, в красивой комнатке на одного человека с прозрачной раковиной и красивым узорчатым кафелем, она сжала сережку и сказала всего лишь одно слово:

– Зенос.

Какое-то время, мгновения ничего не происходило. Потом то ли у нее в голове, то ли во всем пространстве туалетной комнаты раздался знакомый низкий голос:

– Да, Аня, слушаю тебя, – чувствовалось, что Зенос сосредоточен и внимателен. А еще в его голосе слышалось едва уловимое облегчение, как когда то, чего ты долго ждешь, наконец случается.

– Зенос, у меня странное чувство. Я сейчас сплю. Естественно. Сон очень реален. Но. Я практически сразу осознала себя. Не стала связываться сразу, пока не убедилась. Дело в том, что это МОЙ город. Практически в точности абсолютно мой Томск. Но. Никаких следов катастрофы. Понимаете, вообще никаких! Я подумала, если бы мое подсознание пыталось дорисовать что-то, захотело воссоздать город по моим воспоминаниям, то оно сделало бы это с допущениями из прошлого. А здесь я вижу, что улицы те же, архитектура та же, за исключением того, что некоторые здания отреставрированы. В то же время я прогуливалась по центру и видела, что очень много новых мест: кафе, рестораны, какие-то ла-

вочки. На тех улицах, по которым я гуляла здесь 10 лет назад! Только тогда этого всего еще не было. А старые здания узнаваемы, но в то же время другие, немного не такие, как я их помню! Понимаете?

– Понимаю, Аня, продолжай, пожалуйста. Рассказывай обо всех подробностях.

– Так вот. Короче. Вы говорили про проекции нашего мира, планеты. Такое чувство, что я сейчас в одной из них. И здесь не было катастрофы. Но вот что самое странное, Зенос, почему я, собственно, и связалась сейчас с вами. Я зашла в кафе, и за мой столик подсел странный мужчина лет тридцати, может, чуть старше. Это не мой знакомый, он не похож ни на одну знаменитость, даже отдаленно. Не напоминает мне отца или бывших парней. То есть что я хочу сказать. Спросить... Может быть так, что это проекция Земли, а человек этот – ее реальный обитатель? И стоит ли мне придавать этому значение вообще?

Зенос молчал. Он задумался. Смотритель не сказал Ане, что сережка, которую он дал ей, была, можно сказать, усилителем сигнала, усилителем ее способностей. Когда ее оцифровал Занг и Зенос передал ее Ане, сережка своим оцифрованным образом внедрилась в ее сигнатуру, существенно усилив способности ко вхождению. Поэтому она так легко и осознала себя во сне, столь близком к реальности. Зенос понимал, что входящий без способностей, без этого маячка, вряд ли бы смог осознать себя в чужой проекции. Скорей

всего, после пробуждения он просто забыл бы сон и уж точно не смог никак повлиять на мир, в котором оказался. Но сержка ведь для этого и была передана девушке, чтобы она стала глазами и всеми другими органами чувств зрителя. И сейчас, судя по всему, маячок полностью обрабатывал себя.

– Аня. Слушай меня внимательно. Я почти уверен, что ты сейчас в проекции Земли. Ты должна как можно дольше сохранять контакт с резидентом проекции. Он твой якорь в ней. Пока ты будешь с ним, мне нужно добраться до операторской, чтобы мы через тебя просканировали проекцию и поняли, куда конкретно ты попала. Существует четыре вероятных варианта. Шанс 25 %, что ты сейчас в мире разрушителя.

– А может быть, что я сейчас говорю с ним? – перебила зрителя Аня.

– Все может быть, тем более учитывая вашу связь. Однако обольщаться не стоит. По нашим данным, в городе больше полумиллиона человек. И здесь вероятность играет против нас. Но так или иначе держись этого человека! Он – твой якорь, помни. Пока ты с ним, сфокусирована на нем, твои шансы удержаться здесь и не проснуться намного-намного выше!

– Поняла. Тогда я возвращаюсь к нему.

– Хорошо. Давай. И еще кое-что. Если мир вокруг тебя начнет странным образом как бы... заикливаться, не пугай-

ся. Это нормально. Это наша работа и твоего катализатора – сережки. Такая мера нужна, чтобы этот резидент не смог от тебя уйти, если захочет, пока мы будем определять проекцию.

– Вы способны на такое?! – изумилась Аня. – Но как? Он же не спит, скорее всего! Как вообще все это работает?

– Я тебе обязательно расскажу позже. Но сейчас для успеха нашего дела ты просто должна в точности следовать моим инструкциям.

– Хорошо. Поняла. Тогда до связи.

– До связи, Аня. Удачи.

Конечно, мир вокруг нас инертен, и инертен изрядно. С этим не будет спорить ни один здоровый психически человек. А что вообще понимается под этим словом, под инертностью? Как ни странно, то же самое, что и в физике 7-го класса, когда детишки начинают изучать самые азы механики. Ведь термин этот и пришел как раз из физики. Определенные термина говорят нам, что инертность – это свойство тела сохранять состояние покоя или сопротивляться изменениям, которые пытаются произойти с ним под действием различных сил. Точно так же происходит и с нашим неповоротливым реальным миром. Заметьте, сколько труда и усилий надо приложить, чтобы изменить в нем хоть что-то, даже самое незначительное. Чтобы банально налить себе чаю, нужно наполнить чайник, и повезло, если у вас электрический! Потом нужно дождаться, пока закипит вода. Затем необхо-

димом взять нужный пакетик с желаемым чаем или заварку для более утонченных ценителей, кинуть пакетик в чашку, а заварку, допустим, во френч-пресс, залить это все кипятком, а после этого еще и выждать мучительные 5–10 мин, пока чай заварится! Долго, если задуматься. Кстати, чтобы сейчас это все здесь описать, тоже нужно приложить какой-никакой труд!

Это банальный чай. А какие долгосрочные цепочки свершений ждут человека, чтобы взять кредит в банке или, к примеру, заработать себе на новую машину? В этом весь наш мир – огромные затраты энергии как физической, так и психической, чтобы заставить его сдвинуться, как нам угодно. И на все это, понятное дело, требуется время. Прорывы времени. И если чай можно переделать, машину – продать и купить другую, а из не понравившейся страны, в которую занес лихой туристический вояж, улететь обратно в родные края, то потраченное время уже никак не вернуть и не восполнить.

Однако сон хорош в том числе и тем, что инертности там нет, соответственно, и со временем отношения куда как проще. И если Аня в своем сне разговаривала с Зеносом довольно долго, то для Эрика, который сейчас был в своем родном мире, прошла всего какая-то минута.

В чем же тут интерес? Эрик с рождения волей-неволей был втянут в общую парадигму понимания жизни. Есть реальный мир, а есть все остальное: виртуальная реальность, сны, галлюцинации, психотропные вещества и т. п. И в ра-

зуме его, в его самой фундаментальной прошивке, БИОСе, если хотите, такое разделение на реальное и нереальное было подобно железобетонным сваям, на которых держится все миропонимание. Это реальность. Она тягуча и инертна. Чтобы ее изменить, нужно затратить много ресурсов, труда и энергии. Точка. Только так, и никак иначе.

А что же Аня? И у нее было в точности так же. Но когда дело доходило до снов, ограничения реального мира спадали, разум раскрепощался и *позволял себе* творить немислимые, самые смелые дела. Немислимые, разумеется, для «реального» мира. Но реальность, как и все вокруг, относительна. И твоя реальность – лишь сон и мечты для кого-то. Точно так же работает и в обратном направлении.

Но наши герои, а героиня уж точно, еще пока были далеки до понимания и осознания этого. И уж, конечно, далеки от постановки данного принципа себе на службу.

И вот Анна вышла из уборной и направилась обратно к столику, за которым Эрик еще даже не успел заскучать, в то время как у его собеседницы уже был целый план действий.

– Прости, если я долго пропадала, – с застенчивой улыбкой и лукавым взглядом вернулась Анна в разговор.

– О чем ты? – изумился Эрик. – Едва ли минута прошла! Я уж подумал, занято, наверно.

– Нет, я просто такая вот быстрая!

Разговор возобновился с новой, набирающей обороты интенсивностью. Аня теперь куда чаще и куда эмоциональней

реагировала на собеседника – чаще улыбалась, даже смеялась. Куда охотнее и остроумней говорила сама. В общем, если бы Эрик взглянул на перемену в поведении своей собеседницы со стороны, то, весьма вероятно, поразился бы, насколько кардинальной та была. Увидел, удивился бы ей и, как человек думающий и уже давно не наивный, стал бы задаваться вопросами: а откуда, собственно, такая перемена взялась и почему? И насторожился бы.

Но Эрик был мужчиной, тем более молодым. И прямо сейчас даже помыслить не мог в подобном критическом ключе. Все, что приходило ему в голову, – это удовлетворенное самодовольство от того, что красивая девушка наконец-то прониклась его ослепляющим обаянием. Он все говорил и говорил о разном: работе, успехах компании – как они прижали к ногтю всю индустрию в области, а скоро прижмут и во всей Восточной Сибири, да что там, во всей стране! Рассказывал о своем увлечении сноубордом, о том, как круто и рискованно и где именно он катался. Уже непрозрачно намекал Ане, что ей крупно повезет, если ей посчастливится покататься с ним вместе. Тем более когда в его родном городе есть такой удивительный, прокачанный предстоящей универсиадой горнолыжный комплекс. Все, что требовалось от Ани в этой пьесе о мужском самолюбии, – это мило улыбаться, нагнетать заинтересованность и восхищение в глазах. Ах да! Еще очень помогает смеяться всяким разным шуткам попавшего в сети твоей привлекательности бедолаги. Пусть частенько и

совсем не смешным.

– А тебе не пора на работу? – весело спросила Аня.

Эрик достал телефон, быстро посмотрел на экран. Цифры на дисплее показывали 15:45. А даже самый по-джентельменски щедро растянутый бизнес-ланч просто обязан был закончиться в 16:00. Это вам подтвердит любой топ-менеджер.

– А это мы сейчас узнаем, – лихо ответил Эрик.

Он быстро куда-то нажал на экране телефона и через пару секунд уже держал трубку у уха. Еще через мгновение сказал:

– Да, Миша. Подскажи, будь добр, а что там у нас с рачмочным по «Газпромбурению»? На согласовании? Юристы одобрили? Ага... А финансовый? В общем, постарайся сегодня подписать. У меня тут дела срочные нарисовались. Геннадиевич там где, не видел? А, уехал после обеда? Так и не появлялся? Ну и замечательно. И не появится, значит. Ладно, Миша, до связи. С договором не затягивай!

И нажал на красный «отбой».

– Ну вот, уважаемая, вечер полностью в нашем распоряжении.

– Замечательно! – воскликнула Аня. – Меня как раз стало уже немного утомлять это место. Предлагаю рассчитаться и пойти куда-нибудь еще.

– Полностью согласен! Есть какие-нибудь просьбы, пожелания?

– Ну, ты же здесь местный! Вот и побудь моим гидом на сегодня! – весело ответила девушка.

– Значит, в таком случае маршрут следующий, – воодушевившись, начал Эрик, – давно фильм один хотел посмотреть, и так случилось, что далеко не самый последний в городе кинотеатр как раз неподалеку! Значит, потом дойдем до работы – тут тоже рядом, заберу машину и покатаемся, посмотрим иллюминацию. Она здесь на удивление приличная.

– Отлично. Я сто лет уже в кино не была, пошли!

Они позвали официантку, та быстро принесла счет. Эрик, точно бравый гусар, ничего не захотел слушать о разделении счета и быстро чиркнул своей карточкой по банковскому терминалу.

– Познакомиться бы не мешало, как считаешь? – как бы между прочим, открывая перед Аней дверь, спросил Эрик. – Я Эрик.

– Аня.

– Очень приятно!

Девушка ничего на это не сказала, а лишь загадочно улыбнулась, быстро посмотрев на Эрика.

Пара вышла на улицу, где уже угадывались первые тона начинавших опускаться на город сумерек. Чтобы дойти до кинозала «Пионер», всего-то нужно было пару кварталов пройти по Никитина, затем вниз по Комсомольскому, повернуть на Фрунзе и через проулок на Герцена. Выйдя из проулка и повернув голову направо, ты тут же должен был уви-

деть огромное здание ТЦ с кинозалом.

Когда дверь кафе медленно благодаря доводчикам закрылась за ними, Аня и Эрик, никуда особо не торопясь, начали путь.

Тут внезапно Аня услышала голос Зеноса. Она не то чтобы слышала его ушами. Голос также не говорил в ее голове. Казалось, весь окружающий мир сейчас гудел низким басом зрителя.

– Аня, слушай внимательно. Виду, что слышишь меня, не подавай и, естественно, ничего не отвечай. Иди как ни в чем не бывало. Главное, в точности сделай то, что я сейчас скажу. Ты должна заставить его свернуть раньше. Я сейчас в операторской. Перед нами карта города. Следующий поворот налево ваш. Вы должны попасть на улицу Фрунзе. Потом – я скажу когда, – свернете направо. И там мы заиклим петлю.

И все. Голос пропал. Аня снова могла слышать веселый треп Эрика ни о чем. Пара продолжала идти, вокруг них проплывали витрины бутиков, всевозможных кофеен, магазинов. На пути даже попался ларек с шаурмой. Подойдя к светофору на перекрестке и ожидая зеленый сигнал, Аня осмотрелась. Через дорогу на улице, уходящей влево, на большом приземистом здании красными буквами было написано «Фрунзенский рынок». «Вот она, эта улица, – подумала Аня, – нужно как-то заставить его свернуть».

– Эрик! Пошли перейдем здесь, пока зеленый! Это же Фрунзе, так? Помню, я тут часто из школы домой возвраща-

лась. Хочу поностальгировать!

– Конечно, нет проблем, побежали!

И они действительно побежали, потому что на светофоре горела цифра 8, и в следующий миг уже 7.

Удачно, без потерь перебежав проезжую часть под истерические звуки светофора, на котором истекало время для пешеходов, они двинулись дальше. Аня начала вполне умело изображать ностальгию. Напустила блеска в глаза и, зачарованно подняв голову вверх, стала озираться по сторонам. Все так же магазины плыли вокруг, сменяя друг друга. Аня великолепно отыгрывала роль ударившейся в ностальгию, атакуемой флешбэками эмигрантки. Она обгоняла Эрика, указывала то на одно, то на другое место, рассказывая, мол, здесь я первый раз покурила с подружками, а здесь в первый раз поцеловалась с мальчиком.

– А кстати, – ехидно спросил Эрик, – с девочками не целовалась?

– Мужчина, вообще-то я из прогрессивной Европы! – Аня кокетливо прищурила глаза и рассмеялась.

– Из толлерастической, как здесь многие любят говорить, – внес коррективы в терминологию Эрик.

Анна тем временем продолжала свой гениальный спектакль, весело щебеча и даже изредка хватая Эрика под руку, разворачивая его и переводя внимания на нужные ей объекты. Так они и шли дальше по улице, пока вокруг Ани все опять не загудело басом:

– Аня. Ты молодец. Пока все просто отлично. Следующий поворот твой. Там, сразу, как повернете, ты должна взять его за руку. Можешь, конечно, и до поворота. Нужно это, потому что сейчас все влияние на проекцию осуществляется главным образом через тебя, – потом недолгая пауза, и бас чуть веселее добавил: – Я думаю, он будет только рад. Отбой.

– Тебе, кажется, было интересно что-то там про девочек, – как бы между прочим спросила Анна, – это рядом.

После этих слов она весьма естественно и уверенно взяла Эрика за руку и потащила в узкую улочку направо.

– О! Ты прямо читаешь мои мысли! – весело отозвался Эрик, вплетая свои пальцы между Аниных. – Это, кстати, и кратчайший путь.

Зенос был мудрым, прожившим не первую сотню лет профессионалом. Но даже он, когда узнал, что нового случайно-го знакомого Ани зовут Эрик, чуть не упал с кресла. Он не верил в такую удачу. В Томске на Земле-04 насчитывалось порядка 20 Эриков. Шанс, с одной стороны, невысокий, но с другой – для простого совпадения был слишком маловероятный. Карх же вживую Эрика никогда не видел, потому как не внедрялся в его родную проекцию. Да и имя его он точно не знал, а вычислил с помощью сложного анализа проекции. Проекция после сильного вмешательства, схожего по силе с тем, что учинил Эрик, оставляла сильный фон, который можно было неплохо анализировать. И все же... На простое совпадение это если и тянуло, то с очень большой натяжкой.

Ане, как мы помним, Зенос про это странное совпадение ничего не сказал, чтобы девушка не выбила сама себя из делового тонуса ненужными, неуместными мыслями.

Двое молодых людей в это время продолжали свое шествие по улочке со сплетенными руками.

– Аня. У нас все готово. Сейчас этот проулок кончится, вы повернете направо, куда и должны. Вот только кинотеатра там не будет. Вы окажетесь на очень похожей улице. Она смоделирована нашим компьютером так, что должно сложиться впечатление, будто эта улица параллельная. Дальше будет еще один поворот налево – еще один проулок. Твой спутник, логичнее всего, захочет свернуть туда. Когда вы выйдете из этого проулка, то окажетесь снова на Комсомольском проспекте. Пойдете вверх по улице и выйдете на поворот на Фрунзе, как будто обогнули кинотеатр дворами. Следовательно, дальше вы будете вынуждены повторить путь. Вот такая петля. Когда мы гарантированно вычислим проекцию, я дам тебе знать, и ты сможешь проснуться. Тронь сережку, если все поняла.

Аня поправила волосы, украдкой посмотрела на Эрика, чтоб это выглядело естественно и легко, прикоснулась к украшению.

– Молодец. Отбой.

Тем временем проулок закончился, и пара повернула направо.

– А вот и!.. – начал Эрик, широко поводя рукой как на-

стоящий гид. – Минуточку...

– Что такое? – нежным голосом поинтересовалась Аня.

– Так. Если я не страдаю уж совсем крайней формой топографического кретинизма, то «Пионер» должен был быть как раз за этим поворотом... – озадаченно протянул Эрик, – странно... Я, конечно, ни разу не ходил этим путем, но никаким ТЦ здесь и в помине не пахнет.

– А я и подавно не знаю, – сделала широкие глаза Аня. – Когда я отсюда уезжала, и ТЦ-то никакого здесь не было. Хотя я, конечно, плохо помню уже.

– Так, ну, думаю, мы просто вышли на какой-то параллельной улице. Пройдем немного дальше, думаю, найдем, где срезать дворами.

«Удивительно, все в точности так, как объяснил Зенос», – подумала Аня. Сказала же она следующее:

– Конечно, как скажешь, мой бравый гид! Вперед!

И они пошли дальше. Точно так же поднялись по Комсомольскому до поворота на Фрунзе. Повернули и пошли привычным маршрутом. Эрик в этот раз шел с телефоном в одной руке, часто посматривая в навигационное приложение.

– Ну вот, этот же самый поворот, – сказал он после нового вояжа по Фрунзе, – я натурально клянусь, что в тот раз мы повернули именно здесь!

Анна немного помолчала, затем крепче взяла спутника за руку и сказала:

– Ну, тогда пошли.

Они снова повернули в неширокий проулочек и пошли вглубь дворов. Эрик уже не скрывал нетерпения и прямо тащил Аню, шагая быстрым шагом по неровному асфальту. Проулок кончился, Эрик буквально выпрыгнул на широкую улицу, равняя голову направо – туда, где в этот раз просто обязан был быть кинокомплекс. А кинокомплекса не было.

Эрик остановился, упер руки в бока и склонил голову вниз. Потом посмотрел на небо, шумно выдохнул и немного истерически хихикнул.

– Я, конечно, может, что-то не понимаю, но навигатор показывает, что прямо впереди должен быть этот долбаный «Пионер»! И не знаю, как ты, но я вот никак его не вижу!..

– Не поверишь, я тоже, – ответила Аня. – Но ты же повернул ровно в том же месте, где и в прошлый раз. Тогда его не было, откуда он сейчас-то появится?

Аня улыбнулась и, как ей казалось, нежно посмотрела на Эрика.

– Да вот же он, сама посмотри, – начинал заводиться Линдгаард. И он повернул экран смартфона так, чтобы Ане было хорошо видно. – Смотри, вот! Синяя точка. По расстоянию от нас 250 м. То есть он буквально вон там!

И Эрик указал рукой туда, где «буквально вон там» должен был находиться большой торговый центр с искомым кинотеатром. Однако упрямая действительность ясно показывала на том месте лишь невзрачную пятиэтажку.

– Ну, послушай, может, приложение старое, то есть не об-

новились, а ТЦ снесли? – попробовала внести рациональное объяснение девушка.

– Ага, снесли. И дом построили тут же. Ерунда какая-то...

Эрик замолчал. Снова опустил голову, сощурился, как будто что-то вспоминая, помогая этому процессу интенсивным массажем обросшего приличной щетиной подбородка.

– Пошли-ка обратно. Кажется, в том переулке я видел проход направо. Наверно, в навигаторе просто не прорисовано.

Он схватил Аню за руку и потащил ее назад в переулок. Через несколько шагов они увидели заборчик из кованых черных прутьев и аккуратные в таком же стиле кованые ворота посередине.

– Вот, уверен, нам туда! Лишь бы было открыто... – и Эрик попробовал открыть ворота.

Те с легким скрипом поддались, и двое прошли внутрь. Дорога заметно сузилась, и ребята шли, достаточно плотно соприкасаясь телами друг с другом. Аня могла бы уйти за спину Эрика, и идти бы стало легче, но она боялась отпустить его руку, как можно точнее следуя указаниям Зеноса. И, чтобы не рисковать, шла с ним бок о бок в этом узком коридоре. Их бедра то и дело соприкасались. Аня даже повернулась бочком, прильнула ближе к Эрику и взяла его обеими ладонями за плечо. За довольно широкое и мускулистое плечо, как отметила девушка. Тут Анна обо что-то запнулась и потеряла равновесие. Эрик резко развернулся лицом

к девушке и придержал ее за локоть, другой рукой обхватив талию. Пара оказалась критически близко. Эрик почувствовал, как грудь Ани очень упруго уперлась в его грудь. Эрик споткнулся обо что-то, потерял баланс и, чтобы не упасть, сделал полшага на Аню, тем самым плотно приперев девушку к стене.

– Ты как? – спросил он, по-прежнему держа Анну в объятьях.

Та только посмотрела на него, не успев еще ничего ответить, как услышала вокруг себя уже привычный низкий голос:

– Аня. Мы идентифицировали проекцию. Ты отлично справились...

Девушка никак не ожидала вмешательства своего куратора сейчас, в столь тесной ситуации, и поэтому неожиданно даже для самой себя резко вздохнула. Получилось очень чувственно. Изменившееся выражение глаз девушки в сумме с дрожью, пробежавшей по телу от вмешательства Зеноса, дало Эрику некий сигнал к действию. Он отпустил Анин локоть и левой рукой, крепко сжав ее подбородок, впился губами в приоткрытый от неожиданности рот.

Он не видел, как расширились и округлились синие глаза, шокированные такой наглостью. Эрик запустил язык девушке в рот, одновременно с этим погружая пальцы правой руки ей в волосы.

И тут случилось неконтролируемое, непрогнозируемое

событие.

Аня спала. А влияние подсознания на сон порой оказывает стихийный эффект, будто лавина, сметая все на своем пути. И это было подсознание девушки, погруженной в работу большую часть времени, изголодавшейся по мужскому вниманию.

Подсознание, спровоцированное импульсивными действиями мужчины, попавшего под чары красивой женщины, погасило Анину осознанность так же мгновенно, как ураган задувает пламя свечи.

Сознание и воля Ани угасали. А мир вокруг терял краски и будто бы облетал хлопьями с каркаса трех измерений. До ее затухающего сознания, как сквозь толщу воды, донеслись слова Зеноса:

– Это Земля-04, нужная проекция! А этот мужчина – это...

Узкая улочка вместе с приятной прохладой солнечного зимнего дня растаяли, и Анна сквозь полузакрытые глаза скорее чувствовала, чем увидела, приглушенный ласковый свет, а кожа ее ощутила приятный хлопок постели.

Затем она почувствовала приятное прикосновение горячего рта к своей шее. Несильное тягучее посасывание. По телу электрическими колючими искрами пробежали мурашки.

Губы поползли дальше вниз, а вместе с ними и разряды тока. Рот партнера остановился на ее торчащем напряжен-

ном соске, несколько раз поводит языком вокруг него, по ореолу груди, затем ощутимо, достаточно сильно прикусил зубами. Анна выгнулась дугой как кошка и застонала от удовольствия. Другой сосок также не остался без внимания.

Наигравшись с грудью, мужчина встал, взял Анины волосы в кулак, один раз обернул вокруг кисти и стащил голову девушки с края кровати. Опустившись на колени перед ее лицом, он резко вставил свой горячий подрагивающий член ей в рот.

Аню держали под голову большие сильные пальцы. Ягодицы в капельках пота ходили вперед и назад. Длинный и скользкий член то выходил наружу по самую головку, то погружался по самый корень. После нескольких фрикций, она отвернулась, освободила горло, со страстным стоном вздохнула и сплюнула слюну. Только она это сделала, как ее голову взяли двумя руками, и надели обратно.

На шее у девушки стал ритмично вздыматься бугорок, все быстрее и быстрее с каждым новым движением. И вот, наконец, член резко выдернули изо рта. Аня тут же, судорожно и с хрипом принялась вбирать воздух. Слегка отдышавшись, она сплюнула тягучую липкую слюну. Та струйкой повисла у нее на волосах.

Наигравшись с Аниным ртом, мужчина решил наконец перейти к другим отверстиям.

Он трахал ее долго, грубо и жестко, не стесняясь шлепал по заднице, наматывал волосы на кулак и впивался своими

жадными лапами глубоко в самые мягкие места, так, что потом оставались красные разводы. Порой Аня не понимала, отчего же она все-таки кричит: от боли или удовольствия. Но ее партнер не обращал на это внимания и продолжал остервенело использовать девушку.

И тут с очередным ударом головки члена о что-то, очень глубоко внутри Ани, реакция началась: ее ноги задрожали, от ее лона по всему телу побежали сильнейшие импульсы, на коже выступили мурашки, а сама она зашла в приступе невероятного восторга с громким долгим криком.

Пара разъединялась. Аня, тяжело дыша, извивалась на кровати в судорогах удовольствия.

Передышка была недолгой. Девушку снова перевернули, на этот раз на спину. Ее партнер небрежно расположился сверху. Движения были резкие и сильные. Каждый удар таза сопровождался громким шлепком. Аня царапала потные спину и руки, вбивая ногти в трицепсы.

Он взял ее за горло одной рукой, сжал и увеличил темп. И скоро, воспринимая этот мир неясно из-за удушения, она ощутила, как горячая жидкость с напором заполняет ее изнутри.

Мужчина наконец извлек закончивший свое дело член. Спустя мгновение струйка клейкой спермы протянулась из вульвы и небольшой белой лужицей разлилась по простыне.

Аня с наслаждением откинулась на подушку и закрыла глаза. В следующей раз она открыла их, лежа в своем номе-

ре апартаментов, очередным прекрасным, солнечным зимним утром.

Глава 16

В кабинете на втором этаже было жарко и душно. Мысли путались, мешались и теряли ориентацию в этой духоте. Они то и дело норовили спрятаться друг другу за спину, смешаться с окружением, пропасть или вовсе раствориться в голове.

Эрик запустил пальцы себе в волосы и сильно помассировал голову, пытаясь сосредоточиться на пустяковой, в общем-то, задаче. Только вот невыносимая жара никак не давала этого сделать. Он резко повернулся на кресле, поднялся и распахнул настежь окно. В кабинет дохнуло морозным уличным воздухом, разом перехватило дыхание. Однако уже после второго вздоха Эрик совладал с суровым ледяным воздухом и теперь жадно втягивал в себя его массы одновременно и носом, и ртом. Грудь его высоко вздымалась и опускалась. Казалось, молодой человек никак не мог надышаться, а горячую грудь и лицо, которые пошли от жары красными пятнами, не мог охладить даже звенящий свежестью студеный сибирский воздух.

После того как Эрик проснулся, подавляющее большинство своих действий он делал в прострации на полном автомате. Как только он открыл глаза, разбуженный пиликанием телефонного будильника, он сразу принялся вспоминать, что именно было не так и в чем подвох. В том, что подвох этот непременно есть, Эрик не сомневался ни секунды.

Он лежал в своей кровати, пялился невидящим расфокусированным взором в потолок и упрямо своим едва отошедшим ото сна мозгом пытался понять, что же не так. Каждому знакомо это чувство. Вы словно ощущаете это в ментальном своем теле, душе, если угодно. Скажем проще: вы ощущаете это *в себе*, некую иглу или занозу. Эта заноза пульсирует и ноет в вашем сознании, доставляет дискомфорт, но вы не понимаете, что же это впилося сейчас в вас, в чем причина и почему это не позволяет вам жить спокойно. И нет бы смириться и отпустить это гнетущее чувство, сфокусироваться на чем-нибудь приятном и вспомнить наконец, что в жизни все по-прежнему вполне сносно, а если вдуматься, то очень даже хорошо, а если подумать еще лучше, то просто чудесно. Но нет! Человек бросает все свое внимание, волю и концентрацию, чтобы локализовать эту наглую пульсирующую занозу, вынуть ее из себя, а затем долго и пристально рассмотреть во всех подробностях. Подвергнуть изучению каждую ее грань и малейшую шероховатость. Наблюдать, как по этим неровностям стекает слезами кровь твоей души. И все изучать ее и изучать, во всех ракурсах рассматривая этого возмутителя спокойствия. До тех пор, пока не становится ясно, что ты держишь и вертишь в руках никакую не занозу или иголку, а кусок собственной души, вырванной твоими же пальцами. В поисках мнимого несовершенства ты нашел еле заметную неровность, подцепил ее, расковырял и вырвал с корнем. Хотя мог бы просто не обращать внимания и спо-

койно жить дальше. И теперь, разумеется, в твоём более или менее целостном до этого, зажившем после последнего самокопания панцире зияет очередная кровавая трещина.

Иногда извлеченное таким образом из самого себя «несовершенство» не дает жить целыми днями. И ведь никто, как правило, не задумывается, что, быть может, природа неслучайно заставляет нас с таким трудом вычленять причину наших терзаний? Что раз она так глубока и неочевидна, то в таком случае, быть может, она и не стоит нашего внимания? Но нет! Человек призывает на помощь весь свой анализ, всю свою память и логику, с их помощью находит эту крохотную часть себя и начинает вытягивать. И, вытягивая, на остриё этой тонкой и маленькой иголки невольно наматывает целое веретено перепутанных между собой чувств и мыслей. Они цепляются друг за друга, вытягивая за собой из души все новые и новые переплетения. А склонный к негативизму человек, естественно, смотрит на распускающуюся по ниткам душу и сквозь открывшуюся брешь видит, но в подавляющей массе дорисовывает, все масштабы своей никчёмности.

Так и сейчас Эрик, вместо того чтобы проигнорировать укол тревожности, списав это на поганую природу вечно недовольного чем-то человека, вместо того чтобы встать и пойти заниматься привычными утренними делами, лежит и думает. Думает и ищет, в чем же дело, ведь он чувствует – что-то совсем не так.

Из памяти вдруг стерлись разом все приятные пережива-

ния вчерашнего дня. Стерлась красивая блондинка, случайно встреченная им в кафе, приятный флирт и разговор с ней. Потом то, как они вместе гуляли по городу, заблудившись в трех соснах как два дегенерата в поисках кинотеатра. И как промелькнула между ними искра, мгновенно переросшая в бушующий огненный шторм, поглощая и питаясь одиночеством двух молодых людей.

Все это Эрик не желал помнить, и все мысли его сейчас занимал поиск той самой занозы, которую объявил таковой его мозг, видимо, истосковавшийся по очередной дозе негатива. И Эрик сейчас нашел очень банальную и такую же глупую причину, из-за которой насторожился: *он просто не верил в то, что так бывает*. Или что может быть настолько хорошо в один обычный вечер.

Но не стоит слишком сильно придирааться к Эрику. Дело в том, что карма снова расставила все на свои места, и Линдгард, до этого изменяя чужие судьбы, наделенный силой внедряться в чужие миры, теперь испытал такое же внедрение на собственной шкуре. И ему бы, наоборот, стоило задуматься о том, насколько же сильно на самом деле ему повезло! На него не рушились своды подземных тоннелей, его не убивали и не волокли по холодному бетону. Его даже не заставляли испытывать то удручающее чувство, когда кажется, и весьма небезосновательно, что весь мир против тебя. Что как будто стали разом реальны все те сюжеты из ТВ-передач про паранормальное и сверхъестественное, над которыми ты столько

раз насмеялся за ужином. И прямо сейчас все эти вещи разрушают твою самую что ни на есть реальную жизнь и твои, да-да, именно твои цели! Да, еще раз: именно твои, а не чьи-то из телевизора. А ты в это время даже поверить в это не можешь, потому что не можешь себе разрешить в это поверить. Ведь ты же нормальный человек, который всю жизнь прожил, укореняя себя в повседневности и абсолютной обыденности этого мира.

Так что, можно сказать, карма только что обошлась с Эриком очень деликатно и даже с любовью, что вообще-то ей не свойственно.

С осознанностью зомби чистя зубы и после готовя подобию завтрака, Эрик постепенно приходил к тем же самым мыслям. А именно: если он может видеть такие сны, то почему бы не предположить, что другие люди тоже могут их видеть? А раз так и другие люди становились героями его снов, то почему бы и ему не стать таким же марионеточным героем в мире, подконтрольном чужому сознанию?

И вот тогда-то, уже на работе, от осознания этой возможности Эрику и стало очень жарко. Невыносимо жарко. Прохлады в мире оставалось только на то, чтобы дышать. Для того чтобы вдыхать воздух, который, казалось, тоже был очень горяч. И что еще буквально пару градусов добавь тому воздуху – и он воспламенил и сжег бы твои легкие дочерна.

И сейчас он стоял перед распахнутым настежь окном и пытался остудить нутро, изо всей силы вдыхая и выдыхая.

Но поскольку пожар в груди Эрика горел и питался каким-то не воздухом, а его собственной психической энергией, средства для его тушения искать стоило там же. Где-то в голове или в душе. Проще говоря, внутри.

Поэтому Эрик обратился внутрь себя. Он как бы посмотрел с третьей стороны на себя и на проблему. Этот прием, он читал, называется «метапозиция». Посмотрел и вдруг понял, что проблемы никакой и нет. Был только он, а проблема – это не более чем тень химеры, фантазм, живший лишь у него в душе. Но химер не существует. Человек придумал их сам себе, причем очень давно.

И о чудо! Как только это дошло до него, Эрик почувствовал, как в его кабинете на самом деле стало люто, нестерпимо холодно!

Окончательно прийти в себя помог веселый переливчатый сигнал внутреннего селектора. Эрик быстро закрыл оконную раму, повернулся и нажал на кнопку приема вызова. На дисплее высвечивался внутренний номер гендиректора.

– Слушаю, Андрей Геннадиевич! – как можно бодрее ответил Эрик.

– Эрик, зайди. Срочно.

– Уже иду, Андрей Геннадиевич, – ответил Линдгаард и нажал на селекторе на «отбой».

Спускаясь по лестнице на первый этаж, Эрик раздумывал, что же могло так резко понадобиться от него шефу, и тем

более срочно. Быстро перебрав в голове все более или менее важные дела за последние две недели и не найдя там никаких заметных косяков, Эрик приободрился и, подойдя к двери в кабинет начальника, уверенно переступил порог.

– Здравия желаю, Андрей Геннадиевич! – придавая голосу исполнительскую веселость, начал Линдгаард. – Что же у нас такого срочного случилось? Я весь заинтригован, ведь, насколько я знаю, дела у нас идут довольно неплохо.

– Да, ты прав, Эрик. И они в скором времени могут стать еще лучше. Поэтому я тебя и позвал, собственно.

– Тогда, Андрей Геннадиевич, я весь внимание!

– Дело в том, Эрик, что на Камчатке сейчас готовится масштабный, амбициозный и прямо небывалых до этого масштабов проект по глубинному изучению земных недр. Это очень смелый государственный проект. Если в двух словах, то хотят пробурить глубокую скважину фактически у подножья нашей камчатской Ключевской Сопки. Скважину планируют провести очень близко от жерла вулкана. И после этого хотят спустить специальную телеметрию: зонды это будут или каротаж какой, не суть. Но вот хотят они что-то там прописать и зарегистрировать. И для того чтобы по пути все это хозяйство у них не сгорело, нужно хорошее заканчивание ствола. И так случилось, что наше оборудование, ты знаешь, как раз является лидером на рынке, на российском уж точно, по термозащищенности и способности выдерживать крайне высокие температуры.

– Понимаю, – сказал Эрик, – вам нужно, чтобы я подготовил тендерную документацию на конкурс?

– Да, Эрик. Но это, по сути, просто формальность. Я разговаривал с представителем «Роснедр». Все там хорошо осведомлены о состоянии дел на рынке и прекрасно знают о том, что в России у нас конкурентов нет. Зарубежные аналоги использовать не хотят, так как сверху ясно дали понять, что проект этот должен быть осуществлен с привлечением исключительно внутренних разработок и продукта. Так что... Да, ты подготовь коммерческое предложение, отправим куда следует. Все-таки порядок соблюдать нужно, – и Андрей Геннадиевич победно с веселой заговорщической хитрецей посмотрел на Эрика.

– Что ж, это и впрямь хорошие новости! – в тон начальнику ответил Эрик. – Растем, Андрей Геннадиевич!

– Это точно, дорогой, это точно!

– Однако есть еще кое-что, – после недолгой паузы продолжил директор, – я хочу, чтобы ты был нашим представителем там, на объекте. Я просто не вижу, кого можно было бы отправить еще. У тебя ведь из руководства самый богатый полевой опыт, соответственно, и оборудование ты знаешь, как никто другой.

– Я Вас понял, Андрей Геннадиевич, – отвечал Эрик, – все сделаем в лучшем виде и с удовольствием!

– Ну, вот и славно! Все, тогда больше не задерживаю. Все, что нужно для тендера, тебе на почту девочки скинут.

– Ладно, тогда я пошел. На связи в любое время! – Эрик поднял вверх руку с открытой ладонью в прощальном жесте, после чего вышел за дверь.

Описывать, как господин Эрик Линдгаард занимался делегированием полномочий по подготовке тендерной документации для участия в конкурсе, который, по сути, уже был выигран, нет никакого смысла.

Гораздо интереснее перенестись на несколько часов позднее и вообще в другое полушарие. На полушарии этом основными представителями суши были два больших материка, связанные между собой узкой перемычкой. А на восточном побережье северного материка в ночных огнях утопал огромный город, крыши домов которого иногда, в пасмурную погоду, пронзали низко висящие облака острыми шпилями.

В одном из самых высоких таких домов-небоскребов в полумраке зала для совещаний с большим столом с атласной, лакированной до блеска поверхностью, переливчатым светом из-под потолка проектор изливал на белую штору световой конус. Падая на штору, тот рождал картинки и образы, слайдами сменяющие друг друга. Последняя презентация была продемонстрирована уважаемой публике, и теперь проектор прогонял ее без звука бог знает по какому кругу. Отсветы с проектора красиво отражались от шкафов со стеклянными каркасами и дверками, от хрустальных ваз и

скульптур, зажигая в комнате радужную волшебную иллюминацию.

В центре комнаты на ночные огни города, повернувшись спиной к столу, смотрел человек в дорогом атласном классическом костюме. Он был немолод, зачесанные назад непонятного цвета волосы редели под напором намечающейся лысины. Человек был в элегантных, тонкой оправы из светлого металла очках. Одну руку он сложил на груди, а локоть другой со стаканом янтарного цвета жидкости поставил на кисть той руки, сложенной в кулак. Такая поза позволяла ему время от времени пригублять свой напиток, оставлявший щедрые жирные разводы на стенках стакана.

Даже не особо сведущий в психологии наблюдатель, такой как, например, мы с вами, мог бы с большой долей уверенности сказать, что, несмотря на уверенность и плавность в жестах и позе, человек этот чего-то ждал. И поскольку, чтобы потягивать дорогой алкоголь из дорогих стаканов на вершине самых высоких башен нашего мира, нужно, помимо многих других качеств, обладать умением ждать, то и наш герой дождался того, чего хотел.

Внезапно тишину комнаты нарушило вдруг взявшееся из ниоткуда шипение. Услышав это резкое вмешательство в тишину, можно было испугаться, но затем вспомнить, что, вероятно, это просто заработали многочисленные невидимые динамики, вмонтированные в стены, и тут же успокоиться. Услышав этот треск, человек у окна встrepенулcя – видно

было, что он наконец-то дождался, чего хотел, одним махом осушил стакан, развернулся и сел в дорогое кожаное кресло на колесиках ровно посередине стола.

– Замля-04 на связи. Слушаю вас, куратор.

Из динамиков еще немного пошипело. То ли реплика, чтобы преодолеть колоссальные расстояния, требовалось время, то ли просто на другом конце выдерживали драматичную статусную паузу, однако спустя несколько мгновений голос ответил:

– И вам привет, четверка. Что нового, интересного?

Голос если и был искажен, то совсем немного, и связь вполне можно было назвать хорошей.

– Куратор, я бы сказал, нет ничего особенного, достойного Вашего внимания, – после недолгой паузы мужчина продолжал. – За исключением, пожалуй, одного.

– Что же это? Вы рассказывайте, а о полезности этого или бесполезности мы уж выводы сделаем сами.

– Русские затевают один смелый эксперимент. Об этом говорит сейчас весь мир. Эксперимент этот должен послужить науке, как кажется на первый взгляд, но вот для чего он на самом деле задуман, зная русских, остается только догадываться, – он немного помолчал и добавил: – Ну и, конечно же, мы не спускаем с них глаз.

– Все никак ума не приложу, – перебил рассказчика голос из динамиков, – я уже не первую сотню лет курирую Землю, но так до конца и не понимаю, почему большинство населе-

ния планеты так их не любят?.. Не любят или боятся... Я немного разбираюсь в вашей истории и не сказал бы, что они сделали больше всех ужасного для объяснения такой нелюбви.

– Вы прониклись проблемой как землянин, куратор, – весело фыркнув, ответил мужчина, – и, думаю, вы правы: если подумать, то объективных причин для этого вроде бы и нет. Но вот факт, как вы опять же совершенно точно отметили, налицо. Русских никто не любит. Лично я думаю, что все банально: они просто непонятны большинству цивилизованного мира. Имея так много: как данных природой ресурсов, так и внутреннего потенциала своего народа, – настолько безалаберно все это растрачивать. Ну, согласитесь, как такое можно понять? Зато, когда прижмет, эти русские всю жизнь выжидали и выходят из любой передраги сухими из воды! А это, знаете ли, помимо непонимания, вызывает уже настоящую зависть и чувство несправедливости! Вот и спрашивается: ну зачем на планете в геополитической игре такая абсолютно непрогнозируемая нация, способная выкинуть что угодно и любое тщательно планируемое предприятие перевернуть с ног на голову? Вот поэтому, я думаю, и старается весь остальной развитый мир держать этих русских в ежовых рукавицах, насколько это возможно. Извините, куратор, Вам, кстати, знакомо это выражение?

– Какое? Про «ежовые рукавицы»? Да, разумеется, я знаю, кто такие ежи. В нашем мире, кстати, есть очень похожие

зверушки, – динамики на какое-то время замолчали, а затем голос из них продолжал: – Ну, в общем, твоя точка зрения на русский вопрос мне ясна. Давай теперь переходи к сути.

– Так вот, суть в том, что внимание всего мира сейчас приковано к развертыванию буровой установки и всей необходимой инфраструктуры на месте эксперимента. И позволю себе заметить, что в сравнении с этим сейчас у нас, на Земле, интересного ничего не наблюдается.

– Понял тебя, Уильям... Тогда подготовь всю информацию по этому проекту к завтрашнему дню. Передашь нашим обычным способом. Суток же тебе хватит?

– Да, куратор, хватит.

– Хорошо, тогда спокойной ночи. Работай.

И шипение динамиков затихло. Спокойствие зала снова не нарушало ничего, кроме, разумеется, переливчатой игры света.

Следующий же разговор происходил в высоком белоснежном кабинете. Окна были спроектированы так, что свет, естественным образом вливавшийся в них, делал освещение одновременно и полностью достаточным, и не сильно ярким. Своды кабинета, как и говорилось, были очень высоки и стрелочным конусом, сходились кверху. Свод потолка терялся, утопая в солнечных переливах. Все это создавало иллюзию того, что в кабинете вообще нет потолка, а белые стены буквально парят в воздухе.

Это был кабинет куратора мира Земли Сольдена. Очень немногие посетители удостоивались его личной аудиенции. В числе последних, разумеется, был Зенос, которого мы с вами прекрасно успели узнать. Высший наблюдатель и член немногочисленной команды Сольдена, осуществляющей надзор и, скажем так, коррекцию вверенного ей под ответственность мира.

Но даже свою доверенную правую руку Сольден не стал бы вызывать лично к себе без самых веских на то причин. Начал же он беседу такими словами:

– Значит, Зен. Перейду сразу к делу, потому что мне, например, ясно дали понять, что оно не терпит.

– Слушаю внимательно в таком случае.

– Яхов заторопился. Я не понимаю, почему и что стало тому причиной, но он настойчиво дал понять, что в ближайшее время ждет от нас самых конкретных действий по Земле. По ближайшим проекциям.

– А чего конкретно он хочет? Мы же и так самым плотным образом сейчас с ними работаем.

– Как я понял, в совете узнали про практически одновременное появление входящих в двух смежных проекциях. Это, само собой, заставляет их по-новому взглянуть на Землю, возможно, даже задуматься о пересмотре статуса планеты. А ты знаешь, что влечет за собой пересмотр статуса?

– Представляю.

– Да. Сразу же возрастет уровень контроля. Иницируют

протокол вербовки. И вся наша с Яховом деятельность на Земле будет под ударом.

– Да, Сольден, я именно так все это себе и представлял.

– Поэтому что у тебя с этой девочкой и как там наш разрушитель?

– Они контактировали. Контакт произошел на четверке. Девушка, ее, кстати, зовут Анна, успешно внедрилась в мир разрушителя. Насчет их связи мы не ошиблись. Мне лично думается, что подобная связь обусловлена связанностью самих проекций как ближайших друг к другу четных. Плюс эти люди, как два входящих, сейчас живут в одном городе. Вибрации бран часто резонируют, иногда можно сказать, что две этих проекции работают как одна. Для примера можно представить, когда ты пишешь на одном листке бумаги, а на второй тут же копируется твое письмо через специальную копировальную прокладку.

– Зенос, спасибо, – прервал пустившегося в объяснения коллегу куратор, – я ознакомлен с механизмом действия мультивселенной. Спасибо. Но я спросил про другое. Просто опиши мне, как прошел контакт и что удалось выяснить. Желательно проверенные данные.

– Ну, во-первых, мы теперь точно знаем, что это наш разрушитель. За время контакта, которое я специально попросил Анну сделать максимально долгим, полностью удалось считать его психосигнатуру. Теперь мы с легкостью вычислим его внедрение куда бы то ни было.

– Хорошо, а эта девушка знает, кого она нашла? Ты сообщил ей? Она ведь должна быть нашим основным орудием в борьбе с ним, учитывая ее личные мотивы... Надеюсь, ты понимаешь.

– Конечно, Сольден, я понимаю. Я вообще был с ней предельно честен и максимально информативен. Фактически говорил все, что знал сам. Конечно, с поправкой на то, что она в состоянии понять, учитывая знания о природе вселенной ее мира.

– Ну и?.. Она знает, с кем контактировала?

– Я уверен, что догадывается.

– Зенос, ты что, перетрудился за последнюю неделю?! Меня не интересуют догадки молодой девушки с Земли. Я спрашиваю: ты сообщил ей, что это наш разрушитель, или нет?

– Нет, Сольден, я не успел.

– Что? – немного опешил куратор. Удивление даже, казалось, можно было прочесть в его не совсем человеческих серых глазах. – Вот сейчас я правда не понимаю. Я читал твой отчет. Ты там писал, что вы использовали локальную пространственную петлю, так?

– Да, верно.

– А если так, то входящий и его объект или объекты должны были оставаться в этом лимбе, пока петля не будет разомкнута.

– Да, Сольден, все правильно. В теории.

– Тогда каким, черт возьми, образом ты не успел ей сооб-

щить? Ты хочешь сказать, она проснулась? В лимбе?

– Я бы не сказал, что она проснулась. По крайней мере, после, изучая с инженером диаграмму записи с проекции, не было похоже, что она проснулась. Вообще, если бы она именно проснулась, чего быть не могло, потому что была петля, или лимб, как ты сказал, то большинство диаграмм превратились бы в прямые. Не буду перечислять, какие именно, думаю, ты и так прекрасно знаешь. Диаграммы были, она спала, но вот вывод на их основании мы с инженером сделали следующий: ее сон перестал быть осознанным. Следовательно, выполнять с ней какие-то совместные действия больше не представлялось возможным.

После этих слов Сольден отвел взгляд в сторону, обхватил рукой подбородок и принялся легко массировать его указательным и большим пальцами. После продолжительной паузы он продолжал:

– То, что ты говоришь, возможно и даже, более того, случается. Однако очень редко и еще реже должно встречаться у практикующих входящих. А тем более если у него еще есть усилитель, как тот, что ты дал этой девушке.

– Но это случилось на моих с инженером глазах. На диаграмме все отчетливо видно. Если ты, например, не веришь мне, то можешь запросить эту диаграмму.

– Зенос. Если мне не верить еще и тебе, то кому мне остается верить вообще?! Разумеется, я тебе верю.

– Спасибо, это приятно слышать. И вот именно по той

причине, что сон девушки резко перестал быть осознанным, я и не успел ей сообщить подтверждение личности ее объекта.

Сольден еще немного помолчал, сфокусировав взгляд на одному ему ведомой точке в пространстве. Затем в упор посмотрел своими нечеловеческими, серыми, слегка светящимися глазами и спросил:

– А ты не думаешь, что он мог ее отсечь?

– Кто, – сначала даже не понял Зенос, – разрушитель? Этот Эрик? Отсечь входящего через осознанное сновидение в своей родной проекции, будучи бодрствующим?! Ты меня, конечно, извини, Сол, но это последнее, во что я поверю.

– Ну а все-таки? А что если он способен на такое, пусть даже на данный момент лишь потенциально? И вдруг это ему случайно удалось?

– Тогда, Сол, как говорят земляне, мы по уши в дерьме. Вместе со всеми твоими планами, не говоря уже о планах Яхова.

– И не говори, Зен. Ты здесь полностью прав. Масштабы дерьма, в котором мы тогда окажемся, сложно даже представить...

– А все-таки меткие выражения у этих землян, да? – усмехнувшись, спросил Зенос.

– Да уж, этого у них не отнять, – так же с легкой ухмылкой ответил ему Сольден. – Так, Зенос. Отмечаем пока возможность, что этот Эрик обладает силой пророка – менять

реальность в полностью сознательном состоянии. История, конечно, знает несколько примеров, и на той же Земле, но я сейчас просто не готов поверить, что очередной такой пример выявился именно сейчас, когда мы так близки к цели.

– Конечно, Сол. Я вообще склонен думать, что девушка за неопытностью потеряла контроль над сном, ну или же дома у нее что-то произошло в тот момент, что заставило ее резко проснуться. Да тысяча причин может быть!

– Так, ладно, насколько я понимаю, после того случая контактов с ней у тебя пока не было? Эрик также спокоен?

– Все верно, Сольден.

– Тогда с этим все. Мы немного отвлеклись, теперь же давай вернемся к тому, зачем я вызвал тебя. Накануне я разговаривал со своим посвященным с Земли-04. Тебе не обязательно знать, кто это, это мой протеже.

– Да ладно тебе, Сол, – перебил его Зенос, – мне и своих протеже с головой хватает, знаешь ли!

– Рад, что ты понимаешь, – продолжал куратор, – так вот, он подкинул нам неплохую возможность наконец-то от планирования перейти к действиям. Точнее говоря, подкинул, конечно, не он, а, можно сказать, сама планета, или даже вселенная – как тебе угодно. Суть в том, что на четверке задумывается один амбициозный проект. Согласно данным, которые подготовил и отправил мне мой человек, проект этот будет связан с доселе беспрецедентными геологическими исследованиями.

– Очень интересно, и что же они хотят сделать?

– Они хотят пробурить скважину в Земле в самой непосредственной близости от одного из действующих вулканов. Казалось бы, с одной стороны, эксперимент как эксперимент, ничего особенно! Наука – это прекрасно, все карты в руки ученым, и все счастливы. Но здесь все не так просто. Дело в том, что эксперимент этот проводится в самой, пожалуй, неуютной земной элите стране. Причем на деньги только лишь этой страны и под полным ее контролем. Думаю, не стоит тебе объяснять, насколько это не по нраву тамошним лидерам их планеты. Каким-то образом у них исторически сложилась и росла нелюбовь именно к этой отдельной территории и, как следствие, к этносу и странам, на этой территории располагающимся.

– Сольден, мне кажется, я даже знаю, о какой стране ты говоришь, – Зенос сказал это с невеселой усмешкой и покачал головой, – и, продолжая твою мысль, подозреваю, что наши новоявленные входящие по невероятному стечению обстоятельств как раз-таки из этой самой страны!

Тут он всплеснул руками с расставленными пальцами и театрально очертил ими полукруг перед собой – будто бы дешевый ярморочный волшебник.

– И как раз благодаря появлению этих новых входящих шансы ваших смелых с Яховом планов на воплощение в жизнь кратно возрастают? – продолжил свою догадку Зенос.

– Мой дорогой старый коллега и друг, – Сольден в упор

смотрел на него своими серыми, маскирующими любую эмоцию глазами, – ты как всегда невероятно догадлив и прозорлив. Да, ты все понял верно. Нам осталось только понять, каким именно образом надлежит собрать этот пазл и использовать для построения общей картины. Начало, однако, уже положено твоим покорным слугой, – и Сольден с легкой улыбкой указал рукой на себя же, наклонив голову с подчеркнутой шутливой учтивостью. – Согласно информации, подготовленной моим земным осведомителем, я, правда, ума не приложу, как он это узнал, компания, в которой работает наш разрушитель, является одним из главных претендентов на подряд в проекте. Мой человек в своем отчете был готов почти поручиться, что там дело решеное и компания эта уже, по сути, выиграла, осталось лишь подтвердить это бюрократически. Таким образом, шансы на вовлеченность Эрика в этот проект возрастают. Нам же надо, чтобы он там, в месте проведения бурения, физически оказался. Здесь как раз и вступает в игру твоя подопечная Анна. Если выяснится, что Эрик не едет туда сам, Анна должна будет повлиять на его решение. Я дал задание Карху пристально следить за активностью Эрика, пусть ночует в операторской, если потребуется, но с этого момента мы не имеем права упустить ни один их контакт. Твоя же задача – связаться с Анной как можно скорее и ввести ее в курс дела. Ее мотив ведь месть, так ты говорил? Это более чем подходит. Трудно представить мотиватор сильнее. Задачей же Карха будет

также мотивировать Эрика оказаться на этом проекте, только давить ему я сказал на тщеславие нашего голубчика. Но в Кархе я уверен. Парень он толковый, хоть и пока еще малоопытный и в силу возраста понимает все часто слишком буквально. В общем, бурение на том объекте только началось, время еще есть, но его немного. Значит, нам пока на данном этапе нужно обеспечить присутствие обоих входящих на месте. Эрика – физически, а Анны, понятное дело, во время вхождения. Учитывая их связь, вселенная должна нам в этом помочь.

После этих слов Сольден взял со стола свой парогенератор. По устройству быстро пробежали синие световые дорожки, и скоро белоснежный кабинет подернулся зеленоватой дымкой. Сам куратор легким движением кисти раздвинул оконные шторы, и помещение затопил яркий дневной свет. Сольден отвернулся к окну в своем кресле, и комната стала быстро заполняться зеленым дымом. Зенос понял, что разговор закончен, встал и покинул кабинет начальника.

После новой информации и получения задания Эрик быстро вернулся внутрь своей головы к никак не дающим ему покоя мыслям. Нетрудно догадаться, о чем он думал. Из головы его никак не шла белокурая девушка, которую он то ли видел во сне, то ли по-настоящему гулял с ней по городу. Про то, что произошло с ними ночью, он старался вовсе не вспоминать, так как не хотел, чтобы тот мучительный утрен-

ний пожар снова разгорелся в его груди с прежней силой.

За последние месяцы Эрик, конечно же, стал смотреть на вещи слегка по-новому. И это мягко говоря. Вполне естественно, что, пережив подобный опыт, на многое в жизни станешь смотреть совершенно под другим углом. Эрик, разумеется, пытался анализировать свои активности во снах: он часто думал над тем, как все это может работать и не сходит ли он банально с ума. С одной стороны, то, что с ним происходило, если захотеть, встраивалось в какую-никакую концепцию, можно сказать, билось с тем, что он читал когда-то и слышал из различных источников.

Подтверждалось то, что сны – это гораздо более глубокая и сложная материя. Что действительно, похоже, она очень сильно влияет и глубоко встроена в мироздание. Сопоставляя факты, Эрик склонялся к выводу, что сны – это самый настоящий путь в другой мир, или же, правильней будет сказать, в другую версию мира. А вот насколько между собой различаются эти версии, тут уже Эрик судить не брался. Одно лишь не подлежало сомнению: та версия, куда попал он, была практически идентична реальному миру, в котором жил сам Эрик. Следуя данной теории, становилось понятно, что раз ты можешь попасть в другую близкую версию, то и человек из этой версии может попасть к тебе. И подобно тому, как ты, не чувствуя преград в своем сне, можешь влиять и менять мир, в который попал, так же и другой человек в своем сне может менять и твой мир. Если это правда, то

все пережитое им после знакомства с этой девушкой стало объяснимо. А именно: и эти странные блуждания по-казалось бы, изученному и такому понятному центру города, и то, как он оказался с этой девушкой в одной постели, абсолютно не помня, как конкретно туда попал.

За раздумьями Эрик почти не заметил, как скорее машинально, чем осознанно, раскинул несколько писем в разные отделы, обозначив фронт работ по подготовке тендерной документации. Остаток дня прошел в дальнейших раздумьях. Эрик с удовлетворением отметил, что он все еще может справиться с собой и со своим волнением. Об этом говорило то, что в его голове потихоньку стали вырисовываться контуры чего-то отдаленно напоминающего план действий.

План этот состоял пока в следующем. Нужно одному пройти по тому же маршруту, по которому они гуляли с этой загадочной Аней. Именно так. А до этого нужно твердо убедиться, что он не спит. Да, прямо сейчас! Эрик посмотрел на часы – ясно отметил в своем сознании тот факт, что время видно четко, ясно и недвусмысленно. На часах было уже 17:30 – рабочий день уже полчаса как закончился. Эрик далее неотрывно смотрел на то, как секундная стрелка кружится по циферблату. На протяжении трех ее кругов наш герой пытался сохранять максимальную осознанность, слушая свое дыхание, пульс, чуть ли не ощущая, как медленно-медленно на лице растет щетина.

Удовлетворенный результатом, он перешел к следующему

пункту – цифровым устройствам. Здесь тоже все было в порядке: телефон и компьютер в мельчайших деталях отзывались на его операторские запросы. Все это регистрировалось его напряженным, особо внимательным сейчас сознанием.

Убедившись, что, по всей видимости, он точно не спит, Эрик взял куртку из шкафа, быстро накинул и быстрым шагом пошел к выходу из здания.

После того как он сел в машину, Эрик еще раз проверил факт бодрствования: внимательно и очень детально просмотрел все показатели о состоянии машины, порылся в меню, убедился, что все максимально как обычно и «нормально». Только после этого тронулся и поехал к тому кафе, в котором имел удовольствие познакомиться с загадочной блондинкой.

Эрик въехал в центр города. Машину удалось припарковать как можно ближе к тому самому кафе. Все-таки в час пик даже в таком небольшом городе, как Томск, жители в полной мере ощущали на себе влияние плотного трафика.

Эрик зашел в кафе, заказал себе кофе и в ожидании заказа стал собираться с мыслями, обдумывая свой дальнейший план действий. А действительно: что он, в сущности, хотел сделать и что проверить?

Официантка принесла заказ, Эрик буркнул под нос какую-то дежурную благодарность и, невидящим взглядом уставившись за окно, машинально вращал ложечкой в кружке. В голову никаких конкретных алгоритмов действий не

приходило, поэтому Эрик решил начать с малого и быть последовательным. Он собирался не спеша допить свой кофе, а потом, как он и планировал, просто направиться туда же, тем же маршрутом, по которому они гуляли с Аней.

Сказано – сделано, и когда за черной жидкостью показалось белое дно чашки, вымазанное кофейной гущей, Эрик без лишних слов, оставив на столе какую-то не мелкую купюру, встал и вышел из кафе. Выйдя на улицу, он глубоко вздохнул, поднял голову, посмотрел на тяжелое низкое свинцовое небо, повыше застегнул молнию на куртке. Это сделало его немного, но все же более защищенным от лихого ветра, резвящегося сегодня в городе. Затем достал сигарету, закурил и двинулся по тому самому маршруту.

Глава 17

Карх сидел в полумраке операторской и наблюдал, как инженер шестипальными перчатками что-то быстро набирал на сенсорной консоли своего рабочего места.

Смотритель достал коммуникатор и запустил на нем игру. Экран спроецировал голограмму, и Карх положил коммуникатор на стол перед собой. Голограмма, показав заставку, сменилась главным меню игры, которое объемно плавало в воздухе. По обе стороны от меню всплыли два шара, Карх положил и слегка сомкнул на них кисти рук. Шары меняли цвет и повернулись на небольшой градус, после того как Карх слегка двинул запястьями. Меню вслед за этим стало цветным и рабочим, и Карх пальцем нажал в воздухе на строку с надписью «Продолжить».

На голограмме возникла фигура с видом из-за плеча и с весьма внушительной пушкой для уничтожения сущего наперевес. Карх сфокусировался на голограмме с растопыренными в воздухе руками. Игровой персонаж пришел в движение, на его пути стали появляться разные богомерзкие супостаты-неприятели, а руки Карха вместе с этим принялись то подергиваться, то сжиматься, то недалеко выдвигаться вперед или убираться назад. В общем, игровой процесс пошел.

Последняя неделя смотрителя в основном вся и проходила в этой комнате. По указанию его начальника нельзя бы-

ло пропустить ни малейшую активность вверенного ему объекта наблюдений. Однако тот самый объект ну никак не хотел эту активность проявлять, и поэтому зритель коротал свои рабочие часы за прохождением различных виртуальных боевиков.

Однако, несмотря на пострелушки, Карх был очень ответственным и исполнительным работником и во многом поэтому дослужился до столь высокого поста в таком относительно молодом возрасте. И как раз именно благодаря этому качеству он сейчас поставил игру на паузу и осведомился у инженера:

– Занг, ну что там, есть что-нибудь?

– Нет, высокий, все по-прежнему. Со времени последнего сеанса обычного сна четко по расписанию и режиму объекта в рамках допустимой погрешности никаких значимых проявлений, достойных внимания. Вы, однако, сегодня раньше обычного. Предчувствие?

– Да нет, Занг. Просто делать особо больше нечего. А домой я все равно пойти не могу – Сольден сказал пожить пока в здании президиума, а мне так не нравится интерьер местных апартаментов, что я стараюсь в них только ночевать. Короче говоря, вот и пришел.

На самом деле Карх лукавил. Ему банально хотелось выслужиться перед начальником, чтобы в случае, когда что-то наконец произойдет, он был бы на рабочем посту и мог сказать, что первым заметил и проконтролировал активность

объекта. Занг же, будучи парнем смышленным, разумеется, это понял, но виду не подал. Ведь так и положено поступать нормальному смышленому парню, особенно перед лицом начальства.

Карх тем временем вернулся к своей стрелялке. Еще около часа покрутил руками, закончил уровень. На голограмме высветились итоги завершённой миссии и кнопка «далее». Смотритель какое-то время раздумывал, нажать ее или нет. Хочет он вообще дальше спасти мир от эпического зла или пока что нет? В итоге нажал на «сохранить и выйти».

Приятный мрак операторской с мерно мигающими разноцветными огоньками действовал очень усыпляюще. Вот и Карх, отложив коммуникатор, сладко потянулся на своем кресле, отклонил спинку, откинулся и закрыл глаза.

Пролежал он так, как ему показалось, лишь короткое мгновение, как внезапно тон свечения комнаты сменился на тревожно-красный, а окончательно вырвал его из дремы возбужденный голос Занга:

– Смотритель! Внимание! Есть активность. Причем довольно явная.

Карх мгновенно открыл глаза, соскочил с кресла и, выполнив три прыжка, словно молодой леопард, оказался возле операторской консоли.

И действительно, активность была, и еще какая! На одном мониторе забегали строчки кода, резво сменяя друг друга, в то время как на четырех других оживились графики, рисуя

пик за пиком.

– Что происходит, Занг, что можешь сказать по графикам?

Оператор внимательно всматривался в мониторы и спустя пару мгновений сказал:

– Все очень и очень странно, зритель. О подобном я только лишь читал и слышал на курсах, но, судя по показателям, сейчас происходит именно это.

– Да что происходит-то, не тяни! – повышенным тоном возбужденно спросил Карх.

– Согласно показателям, – он стал быстро водить пальцем над экранами в разных местах, – посмотрите вот на этот график, вот сюда: объект вдруг резко словно провалился в осознанный сон. Такое чувство, что буквально шел по улице и уснул!

– Готовь меня к внедрению, – тут же ответил Карх.

Он чувствовал, что его недельное безынтересное бдение вот-вот наконец-то вознаградится.

Эрик шел привычным маршрутом. Свернул с Комсомольского на Фрунзе и направился по улице в направлении того самого проулка, после которого началась непонятная мистика. Навигатор на телефоне в его руке показывал, что идет он, как и в тот раз, правильно и что после выхода из проулка и поворота направо его должен будет встретить массивный фасад ТЦ, где и размещался «Пионер».

И вот между зданиями по правую руку наметился знакомый проем переулка. Эрик свернул и пошел по знакомой тропинке, зажатой между старых кирпичных стен.

И тут странное головокружение наполнило голову Эрика. Разом и внезапно. Вот он шел своей обычной быстрой походкой, чувствуя себя, в общем-то, прекрасно, и вдруг голову наполнил густой белый туман, а стены вокруг начали танцевать и кружиться где-то над головой.

Эрик, в принципе, был готов к чему-то подобному. Точнее, не отметал вероятность того, что подобное может случиться. Поэтому он без особой паники остановился, оперся рукой о кирпичную стену, опустил голову и закрыл глаза, пытаясь привести сознание и мысли к трезвому состоянию.

«Так, спокойно, – внушал себе Эрик, – конечно же, я прекрасно понимаю, что это все не просто так. Я ведь за этим сюда и пришел – чтобы разобраться во всей этой чертовщине». Вспомнив какие-то техники по самоуспокоению, он несколько раз глубоко вздохнул. После принялся считать про себя. Стало вроде бы немного полегче. Эрик медленно поворачивал головой, прислушиваясь к своим чувствам. Затем он не спеша убрал левую руку от стены. «Так, хорошо, – думал он, – вроде бы стою и не падаю, пока все замечательно». Поэтому следующее, что он сделал, – это поднял голову к небу и не спеша открыл глаза. Он справедливо рассчитывал увидеть пасмурное небо и две стены зданий, сходящихся к нему. Но, открыв глаза, все, что он видел, – это густой бе-

лый туман, клубы которого вращались и завихрялись вокруг него. Он снова закрыл глаза и, чуть не поддавшись панике вновь, принялся считать, левой рукой на шаривая спасительную стену. Стена, к счастью, все еще была на месте.

Постояв так еще немного, Эрик не придумал ничего лучше, как ощупью продвигаться вперед. Головокружение осталось, но значительно уменьшилось, поэтому Эрик аккуратно снова открыл глаза. Белый туман вокруг никуда не исчез, но через пару шагов стало возможным разглядеть хотя бы что-то. Возможно, это привыкли глаза, а может, и сам туман поредел. Спустя около двадцати шагов такого продвижения «по приборам» Эрик почувствовал, что резко невыносимо устал и хочет спать. Он готов был при необходимости свалиться прямо здесь на холодный асфальт. Не особо удивившись этому факту, а последние события существенно снизили его порог удивления, Эрик на морально-волевых продолжил путь.

И тут из ползущего тумана внезапно выплыл невероятно чистый для такого места дешевый полосатый матрац. Он аккуратно лежал возле стены прямо на асфальте. Эрик расценил это... Впрочем, он мудро не стал спешить с оценками данной фантазмагоричной ситуации и, повинувшись чувствам, просто тяжело опустился на матрац.

Эрик сел и притянул колени к себе. Голову он запрокинул назад, упершись ей в стену. «Так, ну, как мы выяснили, я ни в коем случае не сплю, правильно? – начал рассуждать про

себя Эрик. – Значит, то, что сейчас происходит, происходит не в моем сне? Вроде пока логично получается. Теперь вопрос: а не видит ли кто-то сон про меня и не меняет ли сейчас тем самым мой мир, или что там, параллельную вселенную, может быть, как он хочет?»

Эрик немного подумал над этим вопросом и пришел к выводу, что нет. Потому как, основываясь на случае с Аней и допущении, что она тогда спала, получалось, что человеку в осознанном сновидении требуется присутствовать и видеть театр своих действий. Так было с Аней. Так было с ним и с Эмилем. Но так не было, когда он наблюдал за расследованием, – он был там в виде голого сознания. То есть, получается, нельзя отметить тот случай, что и за ним сейчас кто-то наблюдает в такой же форме. А также он вспомнил, что в осознанном сне не требуется каких-то колоссальных усилий, чтобы влиять на обстановку. Зависит, конечно, от того, что именно ты хочешь изменить и как повлиять на мир вокруг, но все же. Таким образом, получалось с большой долей вероятности, что кто-то сейчас легко мог манипулировать им. Например, те самые силы, которые помешали ему тогда при разрушении тоннеля и буквально вытолкнули его вон, заставив проснуться.

Одно лишь успокаивало Эрика в этом случае: он кое-что теперь в этом понимал и немного разбирался. Или же тешил себя надеждой на то, что понимает и разбирается. Во всяком случае, думать так было выгодней и спокойней. Уверенность,

пусть и на пустом месте, лучше неуверенности. Добавить к этому ожидание и готовность к возможным последствиям – это уже кое-что, ведь, как известно, предупрежден – значит, вооружен.

А еще он думал: если в принципе реально настолько сильно влиять и изменять чей-то чужой мир, то почему нельзя подобным образом, пусть и не так эффективно, воздействовать и на свой? Кто знает, быть может, это и возможно при должной тренировке?

Да, черт возьми! Почему бы и нет?! И он внезапно почувствовал себя куда бодрее и резко открыл глаза. И к большому своему удивлению отметил, что того белого тумана, еще мгновения назад почти осязаемого, больше не осталось. Да, по-прежнему было пасмурно и хмуро, но белесая мгла вокруг рассеялась. Он ясно видел знакомый переулок, старые кирпичные стены, сходящиеся над головой к серому небу, а дальше какие-то задние двери подсобных помещений, мусорные мешки возле них. Недалеко от него, позади на таком же матрасе, на котором сейчас сидел наш герой, мило подогнув под себя ноги, спал бездомный. До Эрика дошло, что он сейчас сидит на чьей-то такой же кровати. От этой мысли он резко встал. Голова больше не кружилась, бодрость тела и живость сознания вернулись к Эрику, и он, вспомнив, куда шел, продолжил путь.

Эрик, как это часто с ним бывало в моменты сильного стресса или, наоборот, большого облегчения и радости, до-

стал и зажег сигарету. Затянулся и, не торопясь, стал углубляться дальше в проулок. Сигарета быстро подходила к концу. Затяжки Эрик любил делать богатырские. Чуть дальше напротив возле какой-то замызганной зеленой двери он увидел картонную коробку с мусором. Несмотря на то что вокруг обстановку даже с большой натяжкой нельзя было назвать чистой, Эрик, будучи человеком культурным, ни за что не мог позволить себе выбросить бычок на землю, особенно когда рядом есть мусорка. Вот и сейчас он, перехватив сигарету между двумя пальцами в позицию «запуск», прицелился в коробку и отстрелил бычок.

И тут случилось кое-что, ранее с Эриком не происходившее. Большинство бы даже сказало «невозможное». Время внезапно как будто замедлилось и растянулось по сознанию липкой жвачкой. Эрик, с одной стороны, вроде бы своими глазами, а вроде бы откуда-то со стороны наблюдал за траекторией полета сигареты. Мир вокруг него словно обострился и стал виден в мельчайших деталях с небывалой доселе резкостью. Эрику казалось, что он во всех подробностях видел даже отлетающие от сигареты в полете искры.

Благодаря такому обострившемуся восприятию Эрик понимал, что сигарета явно летит мимо коробки. Такие промахи хоть и мало его заботили, но все же слегка расстраивали, ведь Линдгаард, наряду с другими своими достоинствами, полагал себя человеком изрядно ловким. Он вытянул три пальца со слегка отогнутым мизинцем и этим странным пас-

сом как бы направил сигарету к картонному зеву. Окурочек следом за жестом Эрика, чудесным образом слегка изменив траекторию прямо в полете, взорвался искрами именно там, куда ее и посылали, – в контуре картонного прямоугольника. Эрик немного опешил. Глаза его расширились в немом удивлении, и он уставился ими на свою руку, так и замершую в жесте фокусника.

«Погодите, что это сейчас было? – недоумевая, начал он внутренний диалог. – Так, еще раз!»

Он достал телефон – экран засветился. Время отображается – 18:40. Меню отвечает. Могу позвонить. Он набрал Ивана – короткие гудки. Набрал Альберта Геннадиевича – гудки длинные и через три ответа:

– Да, Эрик.

– Ой, Альберт Геннадиевич, номером ошибся, извините!

– Да ничего страшного, бывает, – ответил ему радушный баритон.

– Ладно, еще раз извините! Хорошего вечера!

– Пока, Эрик.

И отбой.

«Так, ну, вроде бы все еще не сплю, – с облегчением подумал Эрик, – да и когда бы я заснуть-то успел? Разве что когда на том матрасике отдыхал? Да ну, бред какой-то, маловероятно».

Он еще немного постоял и с мыслями: «Ок, пошли дальше», – продолжил свою прогулку.

Шагая по проулку, Эрик отметил, как что-то неуловимо, но совершенно точно изменилось. Он шел с чувством, как будто свернуть горы для него сейчас – это самое незначительное из возможного, а 12 подвигов Геракла были ему по плечу еще в школе. Эрик увидел над собой вывеску какого-то паба, судя по расположению, не самого популярного, а, что называется, «для своих». Вывеска эта, надо отдать ей должное, была впечатляющей. Кованая, из черного грубого металла, она напоминала вывески фэнтезийных таверн. А еще она висела над землей на высоте около трех с половиной метров.

«А что если... – подумал Эрик. – По-моему, я вполне могу». И он прыгнул вверх и кулаком лихо, по-хулигански саданул по этой вывеске. Раздался глухой звон, и тяжелая кованая табличка сделала полтора оборота вокруг прута, на котором крепилась. Эрик же после затяжного прыжка мягко и абсолютно рутинно, как какая-нибудь пума, приземлился на носочки.

Воодушевленный сим фантастическим успехом своей физической подготовки, Эрик в приподнятом настроении пошел дальше. Впереди уже виднелся выход из проулка, а за ним – серое полотно дороги, по которому сновали машины, и еще дальше – стена домов на противоположной стороне улицы.

Эрик вышел из проулка, равняясь направо, в ту сторону, где по всем канонам должен был находиться комплекс «Пи-

онер», который в тот самый вечер непонятным образом куда-то пропал. В этот раз никаких неожиданностей не было, Эрик узнал фасад улицы Герцена, на которой через дорогу от него высился вполне знакомый молл с тем самым кинозалом внутри.

«Так, ну, хорошо, – подумал Эрик, – пока все вроде бы по плану и без мистики». Он пошел направо по улице и остановился напротив здания молла. Потом еще немного подумал и перешел дорогу. Подошел ко входу. Двери открывались и закрывались, впуская и выпуская людей. Ничего необычного. Все как всегда. Эрик подошел к стене, пробуя бетон рукой на предмет реальности. Обычный бетон, в меру серый и со знакомой бетонной текстурой. Некоторые прохожие с интересом поглядывали на прилично одетого, стильного молодого человека, который душевно так, почти ласково прислонился ладонью к зданию, будто бы это была сосна в лесу. До Эрика такое проявление к нему внимания быстро дошло, и он поспешил отстраниться, перейдя к адекватному поведению рядового обывателя.

Заходить внутрь он не стал – не видел смысла. И так все выглядело более чем нормально. Ненормальным же были его недавние сверхспособности. Эрик попытался вызвать в себе то самое чувство осознания и принятия того, что ткань реальности на самом деле может быть податлива и пластична, особенно если ты позволяешь ей такой быть. И вот, позволив миру быть таким, какой он есть, попытавшись отринуть

все навязанные долгой пропагандой убеждения, он не спеша окинул взглядом улицу, просмотрев ее всю не спеша слева направо, подобно объективу, выполняющему панорамную съемку. И стоило ему дойти взглядом до проема того самого проулка, из которого он недавно вышел, как Эрик заметил, что проулок тот выделялся из общего фона. Отличие это нельзя было сформулировать четко и ясно. Правильнее всего было бы сказать, что он отличался немного, едва уловимо обычному глазу, но сразу по всем возможным параметрам. Контраст проема между домами был слегка другим, нежели вся улица. Как будто бы окружающие дома показывал один телевизор, а проем проулка включили на другом. Также если присмотреться, то можно было заметить, что проем будто бы подернут маревом, таким, что возникает ближе к горизонту в жаркий день. И это, естественно, было странно и необычно, ведь день вокруг был какой угодно, но далеко не жаркий. В общем, для Эрика данный проем переулка смотрелся каким-то выбивающимся из общей картины, и поэтому он решил вернуться туда и еще раз как следует хорошенько там осмотреться.

Когда он подошел ко входу в проулок, контраст исчез и узкая аллея за ним ничем особенным не выделялась, сколько Эрик ни присматривался. «Это, должно быть, именно вход, что-то не так со входом», – заключил он. Поэтому он снова вошел в проулок, прошел несколько метров и развернулся. И вуаля! Увидел тот же контраст с окружающим миром. Те-

перь это смотрелось так, как будто бы сам вход был не таким ярким и с красками чуть более серыми, чем улица за ним.

Эрик призвал всю свою концентрацию и медленно, не позволяя себе ни на миг упустить замеченное различие, пошел ко входу. С каждым его шагом проем все терял и терял краски. Стены вокруг точно выцветали, и Эрик готов был поклясться, что периферическим зрением видел, как кирпичи стен из грязно-рыжих становятся серыми. Он подходил все ближе, в то время как стены вокруг уже буквально растворялись в пожирающей их сгущающейся мгле. Еще через несколько шагов, когда портал – теперь уже никакой не проем – занимал все пространство перед Эриком, стены и весь проулок позади, казалось, пропали окончательно. Буйство красок же за порталом достигло того состояния, когда картинка заставляет слезиться глаза. Контраст выкрутили на максимум, цвета выбрали самые яркие и залили ими всю улицу. От объектов позади проема – людей, домов и машин – рябило в глазах и, казалось, шла какая-то вибрация. Контраст, цвет и яркость звенели настолько, что границы объектов стали размываться, смешиваться и перетекать друг в друга. Зрелище напоминало собой гибрид картин больного импрессиониста и фантазий хиппи, сожравшего не одну горсть тех самых грибов.

А картинка тем временем, чем дольше Эрик всматривался и концентрировался, все больше размывалась. Теперь за проемом были лишь яркие пятна: они кружились и соединя-

лись в красочном калейдоскопе.

Эрик же продолжал всматриваться, просто отслеживать происходящие изменения. Где-то в глубине его сознания возникла мысль, что прямо сейчас он стоит на пороге портала и, шагнув в него, выйдет на другой, той самой улице, на которую вышли тогда они с Аней, пройдя мимо искомого кинотеатра. Но он также чувствовал, что пока рано, что должно произойти что-то, какой-то сигнал должен возвестить ему о том, что переход готов, если, конечно, все это взаправду и он сейчас не сходит с ума. И этот самый сигнал не заставил себя долго ждать. Сначала красочные пятна стали крутиться и перемещаться по картинке медленней. Затем вращение прекратилось вовсе и из отдельных бесформенных мазков стали заново вырисовываться очертания привычных объектов нашего мира, знакомых любому горожанину: стали очерчиваться контуры домов, корпуса машин, фонарные столбы разлиновали перспективу. Вслед за этим вскоре убрали кричащие цвета и режущий глаза контраст. И вот перед Эриком предстал обычный выход из проулка между кварталами на широкую основную улицу. В общем, наконец-то все стало привычно и как обычно. Эрик понял, что теперь уже можно перевести дух и снизить изнуряющую сознание концентрацию. Он так и сделал, а затем оглянулся назад и с удивлением и изумлением обнаружил, что стоит у выхода из очень похожего, но другого переулка. Пропала вывеска над пабом, пропал, естественно, и сам паб. Пропал мусорный бак в от-

далении и та самая коробка, в которую все-таки долетел бичок. Да, по общему впечатлению данный новый переулок был немного, но чище и ухоженнее старого.

Эрик направился к выходу, шагнул на главную улицу и огляделся. Как он и ожидал, справа больше не было ТЦ с кинотеатром, улица в принципе была другая, на что указывала и табличка на доме на противоположной ее стороне. Вместо названия «Герцена» и номера дома на ней на синем фоне белыми буквами было написано «Енисейская» и, соответственно, номер. Эрик достал телефон и открыл приложение навигатора. Тот подтверждал местоположение владельца синей точкой.

«Ну да, всего лишь смежная улица, а вот тут задняя часть этого «Пионера», – глядя на дисплей, подумал Эрик. – Интересно получается, – продолжал рассуждать он, – похоже на то, что эта Аня обладает теми же или схожими способностями, что и я. Но зачем она придумала такой хитрый способ с этим порталом? Для чего? Очевидно, чтобы поводить меня по кругу и что-то разузнать». Эрик припомнил разговор настолько точно, насколько мог. И не смог вспомнить каких-то особых наводящих вопросов или подобных вещей. «Была обычная прогулка с девушкой, разговоры ни о чем, а потом эта странная аллея и провал. А проснулся я дома совершенно без памяти, как до него добрался, с отрывочными воспоминаниями о том, что вроде бы между нами что-то было... А что если мы с ней просто стали объектами ко-

го-то другого, обладающего силой? Непонятно... Во всяком случае с уверенностью ничего нельзя сказать. Смысл тогда об этом думать? Смысла немного. Но что же дальше?»

Эрик зашел в какую-то подворотню и достал сигарету. Обычно табак в таких случаях помогал собраться с мыслями и наметить курс дальнейших действий. Закурив, он размышлял: «Ладно, пойдем, что ли, попытаемся понять, как работает эта странная зацикленность, или телепортация, или черт знает что еще. Попробуем-ка обойти здание с обратной стороны. Быть может, найду какой-то проход, а возможно, и тот самый второй загадочный переулочек, после которого началось черт-те что».

Докурив сигарету и бросив в урну – в этот раз он попал как обычный человек, – Эрик направился по намеченному маршруту. Не пройдя и сотни шагов, справа от него показалась высокая крыша «Пионера». Он прошел мимо дороги, ведущей на парковку возле главного входа. Затем проследовал дальше к углу здания и зашел за него, оказавшись в очередной подворотне. Углубляясь внутрь, он наблюдал справа на крыше молла юниты кондиционеров, грибки вентиляции и прочие инфраструктурные сооружения. Стены вокруг стали сужаться, и вот на пути Эрика возник забор из металлической сетки в полтора человеческих роста и с дверью посередине. Дверь ничем особенным не выделялась, но, сплетенная из той же сетки, была закрыта на не самый маленький амбарный замок.

«А вот и очередная проба моих талантов», – с азартом подумал Эрик. Ему не терпелось скорей понять, до каких же пор простирается его сила в собственном мире. Конечно, можно было бы оглядеться в поисках чего-нибудь тяжелого и железного и несколькими ударами просто сбить замок. Но такие действия могли, во-первых, привести к нежелательному вниманию, а во-вторых, главным мотивом здесь служил именно спортивный интерес. Поэтому Эрик отмел механическое воздействие на замок и рассудил, что к металлу лучше всего будет применимо воздействие температурное. Проще говоря, он намеревался его пережечь.

Сложнее всего во всей этой механике было до конца позволить себе поверить в то, что замки можно просто так пережигать, по сути, только лишь силой мысли. И хотя Эрик недавно выполнил ряд самых настоящих чудес, поверить в такое с первого раза было трудно.

Для начала, вспоминая гуру, пишущих про сновидения и прочую эзотерику, Эрик решил, что начать проще и правильной всего с визуализации. Он сразу представил, как на дужке замка образуется оранжевый след, такой, как от газосварки. Но чем передать тепло? Линдгаард был в первую очередь инженером, уважал физику, а значит, допустить, что на замке просто по волшебству возьмет и образуется газосварочный шов, не мог при всем желании. Ну, не работает так наш мир. Никто не отменял атомы, электроны, теплопередачу, агрегатные состояния вещества и прочие свойства материалов.

И пусть кто-то вспомнит, что то самое землетрясение Эрик вызвал одним лишь своим гневом и желанием, но тогда стоит помнить также, что это был сон. И кто знает, возможно, есть умельцы, которые стерли начисто в своем сознании рубеж между «реально» и «нереально», но наш Эрик пока еще к таким умельцам не относился. Поэтому он принялся осматриваться вокруг в поисках чего-то металлического. Идеально подошел бы какой-нибудь недлинный прут. И поблизости, чуть поодаль от двери, рядом с забором, нашелся как раз такой идеально подходящий обрезок арматуры.

Эрик взял его и вернулся к двери. Он уже представлял механизм, с помощью которого сможет разрезать замок. Схема была такова: заставляем электроны в прутике начать движение – это еще в физике называется «электрический ток». Человек, как мы помним из той же физики, является весьма неплохим для этого тока проводником. Но на этот случай Эрику посчастливилось захватить с собой свои суперстильные фиолетовые перчатки. Уж очень он не любил, когда мерзнут руки при прогулке. Самым главным применительно к стоящей задаче было то, что перчатки эти были резиновые и в теории должны были защищать от электричества. «Вот и посмотрим», – про себя заметил Эрик.

Он надел свои перчатки, взял в правую руку прут и поднес его к дужке замка. Теперь предстояла самая сложная часть. Эрик закрыл глаза, сосредоточился и попытался визуализировать. Представить, как электроны в атомах прутка начи-

нают направленно двигаться примерно из его середины. Как они один за другим проходят и скапливаются на том его конце, что был приставлен к дужке. Белых искорок на кончике прутка становится настолько много, что они уже не помещаются внутри металла и одна за другой начинают выскакивать и кратким мигом вспыхивать в воздухе. Одна за другой, одна за другой... Быстро-быстро. И вот это уже не черед кратких белых вспышек, а самая настоящая электрическая дуга.

И тут до слуха Эрика донеслось легкое, едва слышимое потрескивание. Он не знал, слышит ли его на самом деле или это просто его воображение вызывает звуковые галлюцинации под действием сильнейшей визуализации. Но потрескивания случались все чаще, звук их становится все громче, и вот уже Эрик начинает ощущать, что вспышка света мерцает где-то перед ним. Ведь каждому из нас знакомо ощущение света сквозь закрытые веки.

Пока он еще не решался открыть глаза, так как в глубине души боялся, что это всего лишь самовнушение и, открыв их, он не увидит никакой вспышки. Но если не верить, что задуманное им возможно, то не было смысла и начинать. И что, в сущности, есть реальность, если не наши о ней убеждения?

Поэтому Эрик закрепил, кристаллизировал образ белой устойчивой вспышки на конце прутка. По-прежнему с закрытыми глазами он стоит и слышит, как шипение воздуха, разрываемого плазмой, становится все громче и громче. И

вот, до предела сконцентрировавшись на образе, как вспышка ярко горит, облизывая дужку замка, он открыл глаза.

И действительно, вот же она! Иссиня-белая дуга на конце прутка. А рука в фиолетовой перчатке держит прутки и чувствует лишь легкое тепло – перчатки справляются со своей функцией и защищают от электричества. И Эрик действительно начинает верить, теперь уже по-настоящему и без сомнений. А как иначе, вот же она – электрическая дуга, и ей ничего не остается, кроме как пережечь металл в самом скором времени. Дальше Эрик просто позволяет электронам в прутке ускориться в своем беге до предела. Дуга отвечает на это усилением – разгорается ярче, вытягивается, превращаясь в острие огненного копья. Дужке замка ничего не остается, кроме как начать нагреваться и краснеть. Эрик направляет внимание на край, на режущую кромку пламени, представляет, как под его действием металл плавится и течет.

Плазма пробивает край дужки и выходит с другой стороны. На асфальт падают первые ярко-красные капли. Эрик медленно начал двигать прутки вправо. В ответ на это металл распадается яркой рыжей линией. Еще мгновение – и замок падает на асфальт. В петле остался лишь фрагмент дужки с оплавленным краем.

«Получилось! – думает Эрик про себя, до конца не веря в успех. – Да я чертов маг! Ну что ж, пошли дальше».

Отворив дверь, он прошел за забор. И буквально через пару шагов его встретило препятствие посерьезней. Перед

ним возвышалась бетонная ограда, какую так любили ставить в советское время по периметру разных производственных объектов. Перелезть такой забор довольно трудно и чревато серьезным риском запачкать всю одежду. Плюс это никак не отвечало тем вызовам, которые объявлял себе сегодня Эрик. Повинуясь неведомому желанию пополам с интуицией, Линдгаард двинулся вдоль стены налево. Остановился он напротив панели забора, которая сверху донизу была прорезана трещиной. «Вот оно, – подумал Эрик. – А почему бы и нет? До этого все получалось весьма неплохо». Он отошел на несколько шагов, пару раз невысоко подпрыгнул и встряхнулся.

В планах его было ни много ни мало, а проломить эту стену прямо по трещине. Он, конечно, отдавал себе отчет в том, что если ему таки удастся разрушить панель, то, скорей всего, придется спешно ретироваться. Но вскипевший азарт уже не давал остановиться.

Успешно выполненные недавно действия укоренили его уверенность в том, что, по сути, нет ничего невозможного. Весь вопрос состоит лишь в том, насколько ты разрешаешь своему успеху случиться. После нехитрой разминки Эрик, недолго думая, выбросил вперед правую руку, ладонью как бы ударяя в самую трещину, заставляя связи между атомами дрожать и вибрировать, разбивая их, как каратист ломает деревянную пластинку. Ничего не произошло. Не было ни хруста, ни даже хлопка, трещина все так же просто змеилась

по панели. Эрик несколько не расстроился, а просто закрыл глаза, опустил голову, вдохнул и медленно выдохнул, готовя для следующего толчка уже обе руки. Затем еще раз вдохнул и на выдохе с силой всем своим намерением ударил в стену, разом выбросив вперед обе руки. Послышался звонкий удар. Настолько сильный, что в соседних дворах сработали сигнализации на некоторых машинах и где-то далеко с криками в небо поднялись птицы. «Так, ну, уже кое-что, продолжаем», – со все возрастающим азартом подумал Эрик. Он сжал обе руки в кулаки и начал выбрасывать в воздух удары, целясь в трещину. Каждый удар отдавался бетонным хрустом, а на асфальт возле забора начало сыпаться крошево. Эрик все бил и бил, увеличивая частоту и амплитуду, а от панели стали отлетать уже настоящие куски. Трещина на глазах расширялась. Эрик был уверен, что проломил бы стену, если бы не одно внезапное но.

Синяя яркая вспышка со хлестким звуком щелчка тысячи плетей ослепила Эрика. Мигом позже серые тучи на небе прорезали зигзаги молний. Эрик остолбенел и, естественно, пресек свою разрушительную деятельность.

– Не сомневаюсь, у тебя получится, – услышал он спокойный негромкий голос за спиной.

Мгновенно повернувшись на реплику, Эрик даже отшатнулся от неожиданности.

Перед ним стоял мужчина, по виду чуть старше его, в чем-то среднем между мантией и длинным плащом черно-

го цвета. Борта плаща были выполнены атласными черными же лацканами. Посередине плащ незнакомца был застегнут на большие серебряные пуговицы. Под плащом на мужчине была толстовка, расстегнутая на груди, непонятного цвета, ближе всего, пожалуй, к темно-зеленому. Надо сказать, что «застегнута» здесь не совсем верное слово, ведь на толстовке не было ни молнии, ни пуговиц. Создавалось впечатление, что она скорей склеена до определенного места, а выше этого места она расходилась красивым лаконичным воротом.

У незнакомца было узкое, слегка заостренное книзу лицо, резкое, костистое. Нижняя половина черепа была брита наголо и по ней змеилась вязь непонятных татуировок, которые, казалось, легко-легко мерцают в сгущающихся сумерках. На второй половине головы были заплетены дреды цвета кофе, в котором очень много молока. Дреды были убраны на затылке в хвост. Было сложно сказать наверняка, но казалось, что не все дреды были сплетены из волос, ведь некоторые из них отсвечивали бледно-синим, другие – малахитовым, были и те, которые светились жемчужно-серым.

– Стильно выглядишь, – отметил Эрик, не зная, что еще сказать.

Взяв небольшую паузу, он добавил:

– Вообще я не то чтобы сильно удивлен.

– Хм! А я вот совсем не удивлен, что ты не удивлен, учитывая твои способности, – с легкой улыбкой сказал визитер.

Помолчали. Эрик опустил руки. В тишине, внезапно воз-

никшей вокруг, было слышно, как из трещины в заборе вывалился и щелкнул об асфальт одинокий камешек. Это оторвало двух мужчин от безмолвного изучения друг друга и вернуло к разговору.

– Я думаю, ты догадался, что обладаешь некой силой, – начал незнакомец с дредами.

– Можно и так сказать.

– И теперь, что вполне естественно, пытаешься узнать ее границы.

– В общих чертах да, – осторожно отвечал Эрик, потому как совсем не понимал, с кем говорит. А еще он не желал показывать свое волнение и немалое удивление.

– Хорошо. У нас, как и у вас, при встрече принято знакомиться. Меня, например, зовут Карх.

– У вас? – мгновенно зацепился за непонятный контекст Эрик. – Это у кого?

Карх внимательно посмотрел на визави, немного наклонив голову и сощулив один глаз.

– Эрик, правильно? – осторожно начал он.

Эрик же лишь медленно и едва уловимо кивнул, продолжая смотреть на непонятную персону широко раскрытыми от удивления глазами. А Карх меж тем спокойно продолжал:

– Ну, кончай, брось! Ты же неглупый парень! С такими талантами! – весело сказал он. – Неужели ты думал, что, кроме вас, *во-о-о-о-он там* никого нет?

С этими словами Карх кивнул вверх и легким жестом об-

вел рукой небо, на котором уже зажигались первые, еще пока тусклые, звезды.

– Ты уж извини, – Эрик наконец нашел в себе силы хоть что-то проговорить в ответ, – сказать, что познакомиться приятно, пока не могу.

– Замечательно! Ну и не надо! Начало уже весьма неплохое! Теперь перейду, пожалуй, сразу к сути своего визита, – Карх сделал небольшую паузу, а затем продолжал: – Как я уже сказал, ты обладаешь некой силой. Уверен, тебе пока не полностью ясна ее природа. В лучшем случае ты можешь о чем-то догадываться. Я же здесь для того, чтобы тебя предостеречь и напомнить, что любая сила – это в первую очередь большая ответственность.

Эрик тем временем совладал с собой. Он понял, что, по всей видимости, никто не собирается причинять ему вред и вообще никаких подобных намерений у его собеседника нет. Поэтому Эрик обрел какую-никакую уверенность и отвечал теперь в своей обычной цинично-иронизирующей манере:

– Как скучно, ну, прямо сплошное клише, как во всех книжках и фильмах! Сила, ответственность, бла, бла, бла... Я, честно говоря, думал, ты расскажешь мне больше о природе этой силы. Хотя бы! Вот это было бы по-настоящему интересно. Ты вообще, скажи на милость, кто такой, откуда и как здесь оказался? Потому как, раз ты все это проделал, мне что-то рассказывать о себе бессмысленно – ты и так все должен знать.

Карх в ответ на это снова лишь сдержанно улыбнулся.

– Все эти ответы ты получишь, если согласишься сотрудничать. А первый шаг к этому – услышать мое тебе предостережение и перестать вытворять здесь все эти действия, которыми ты целый день занимаешься. Поверь, до добра это не доведет.

Этими словами Карх напомнил Эрику обо всех тех чудесах, что тот сделал за сегодняшний вечер. Воспоминания эти, ненадолго вытесненные спонтанным появлением странного визитера, вернулись в голову Эрика и принесли вместе с собой если не ощущение вседозволенности, то уж точно колоссальную уверенность в своих силах. И поэтому дальше Эрик говорил совсем уж дерзко:

– А почему бы мне просто не послать тебя на хер? Знаешь, что это значит, о загадочный пришелец из неведомых далей? ... Или, например, не сделать вот так?

Тут Эрик под действием гремучей смеси из азарта и адреналина, вызванного этой внезапной встречей, решил капнуть самую чуточку масла в огонь. План его был предельно прост. Вместо того чтобы долгими витиеватыми диалогами выяснять, кто, откуда и почему, он решил все проверить действием.

И Эрик быстро, особо не скрываясь, применил тот же прием, которым только что пытался ломать стенку. Он попытался одним мигмом сконцентрироваться, представил, как невидимая сила собралась вокруг него в пульсирующую сферу,

готовую взорваться по его воле. И, подняв руки и резко толкнув от себя, послал всю эту энергию прямо в незнакомца. Воздух колыхнулся под напором силовой волны. А в следующий момент, когда Карх должен был отлететь от этой волны как пушинка, вокруг резко полыхнуло синим. Вспышка заставила Эрика зажмуриться, и тут же он почувствовал, как в голове у него помутилось и закружилось, а из-под ног ушла земля. Когда он открыл глаза, то обнаружил, что сидит задницей на асфальте, и еще то, что больно ушиб локоть, должно быть, в падении.

После Эрик увидел, что Карх стоит как ни в чем не бывало там же, где и стоял, и только цветные дреды на его голове светятся чуть интенсивней.

– Хорошая попытка, Эрик, – со своей привычной легкой интеллигентной улыбкой отвечал пришелец. – В принципе, тоже вариант вместо долгих разговоров. Так как тебе мое предложение?

– У меня контрпредложение, если позволишь, – сказал Эрик. Он чуть склонил голову к земле, видимо, все еще не отойдя от шока, а рукой делая жест, нетерпеливо вклинивая свой ответ, – что если наоборот? Сначала вы мне объясняете, как что устроено, кто вы такие и тому подобное. А потом уже я решаю, нужно мне все это или нет. Слушаться вас, я имею в виду.

Карх некоторое время смотрел на Эрика теперь уже серьезно, без намека на улыбку. После чего наконец сказал:

– Только учитывая твой редкий и беспрецедентный случай, ты все еще цел и здоров. Обычно нападение на зрителя Земли просто так для нападавшего не проходит...

– На кого??!! О, это уже интереснее! – воскликнул Эрик. – «Зрителя Земли» ты сказал?? Да кто вы вообще, ребята, такие?? Может, хоть скажешь откуда? Инопланетяне? Атланты, гиперборейцы, лемурийцы? Я правильно размышляю? Вы покинули Землю перед очередной катастрофой и улетели куда-то, а теперь следите за нами и не даёте развиваться? Я прав?

Эрик так и сидел на земле с широко раскрытыми глазами, засыпая Карха градом вопросов.

– Всеу свое время, – терпеливо повторил зритель. – Если ты и правда хочешь ответов, то, прошу тебя, сделай так, как я говорю. А ведь прошу я самую малость: тебе нужно просто завязать со своими... м-м-м-м... Упражнениями. Не навсегда, разумеется, на время!

Эрик задумался. «В принципе, – думал он, – ничего не стоит ответить так, как нужно дредастому. Тогда этот Карх, или как его там, уйдет, а уж делать что-то или не делать, я сам потом как-нибудь решу».

Во время своих раздумий Эрик наконец-то не спеша поднялся с земли.

– Хорошо, я согласен, – в итоге сказал Эрик, – действительно, а почему бы и нет.

– Чудно, – воскликнул Карх, – тогда постой спокойно. Это

будет очень быстро.

И не успел Эрик хоть что-то ответить, как Карх вытянул вперед левую руку по направлению к нему. Под рукавом его плаща блеснуло сине-зеленым отсветом какое-то устройство, похожее на браслет. Тут же Эрика опутала невесомая объемная сетка из лучей, которые перекрещивались под прямыми углами с равными промежутками, образуя кубы. Сетка немного подержалась в воздухе, прошла по Эрику вверх и вниз, после чего лучи втянулись обратно в устройство на запястье Карха.

– На самом деле сложно было и представить, чтобы наша встреча прошла более плодотворно! – сказал Карх. – Спасибо, Эрик! Я надеюсь, мы еще увидимся в самом скором времени, а теперь с твоего позволения...

Карх тронул свое ухо, из которого красивым изгибом выходило какое-то серебристое устройство, и что-то сказал в воздух. Однако Эрик уже не слышал этих слов. Мир вокруг начал терять краски и как будто бы становиться темней. Сквозь надвигающуюся со всех сторон тьму сложно было понять, здесь ли еще Карх или нет. А совсем, теперь уж точно, Эрик остался один в той подворотне. Как только очертания последних предметов растворились в угольной черноте, из самого ее центра во все стороны разнеслась белая вспышка. Взорвалась и тут же потухла.

Когда вспышка пропала, Эрик ощутил, что тьму он видит вокруг потому, что его глаза закрыты, а сам он лежит на чем-

то теплом и мягком. Это была его кровать, а вокруг привычный легкий запах его томской квартиры. Эрик открыл глаза и первым делом посмотрел на часы. Стрелки указывали на 8:10 – самые приятные для Линдгаарда утренние часы, чтобы проснуться. Эрик повернулся на спину и уставился в потолок.

«Не может быть! Все-таки это был всего лишь сон, – ошарашенно думал он, – просто-напросто еще один калейдоскоп образов, порожденный моим мозгом...» Он усмехнулся. «Как наивно было поверить во все это!.. – с горечью думал Эрик. – Какие-то способности, избранность... Не такой, как все... А ведь маленькому Эрику уже тридцать один годик. Мда... Мальчик Эрик подумал, что он маг! Эх, ладно! Пойду, что ли, кофе заварю».

Встав с кровати, он направился на кухню, усмехаясь своей наивности.

Глава 18

В уже знакомом белом кабинете выше уровня облаков происходил разговор известной нам троицы. Солнце как раз начало скрываться за горизонтом, окрашивая мир в пока что нежные и мягкие оттенки красного спектра.

– Хорошо, – говорил Сольден, сидя за своим белым столом, словно обтекающим его полукругом, – про Эрика я понял, что там с этой Аней, Зенос?

– Я ввел ее в курс дела и посвятил в наши стратегические планы. Естественно, в самых общих, необходимых объемах. Лишнего ей знать ни к чему. Все-таки люди, ведомые местью, готовы почти на все что угодно и сами ищут малейшей возможности. Поэтому, Сол, она почти и вопросов-то никаких не задавала.

– Понятно, – протянул куратор, разминая подбородок своими серыми пальцами.

– А ты, Карх, – продолжал он, – полностью просканировал Эрика?

– Да, высокий, гарантирую, что о любой его подозрительной активности я узнаю незамедлительно.

– Хорошо. Молодец, кстати, что заложил очистку памяти последних 12 часов. В его случае это было идеальное решение. Его силы даже больше, чем мы предполагали. За последние 500 лет он, как ни странно, первый влиятель Земли.

Если он попадет на объект, разуверившись в собственных силах, это сыграет нам только на руку.

– Влиятель, высокий? Я бы сказал...

– Слово «пророк» я не люблю.

Карх осекся. На похвалу, ранее высказанную начальником, он ничего не ответил, как и подобает хорошему сотруднику. Когда Сольден назвал его молодцом, он лишь кивнул головой с легкой улыбкой и чувством удовлетворения.

– Высокий, один вопрос, – начал Карх.

– Да, спрашивай, – ответил Сольден, прямо смотря на подчиненного своими серыми глазами.

– А как мы узнаем, что все нужные люди на объекте?

– Это уже предоставь мне, – сказал Сольден и едва улыбочкой улыбнулся уголком рта. – Ты же не думал, что я действую на Земле без местных глаз и ушей?

– Конечно, высокий, теперь мне все понятно.

– Ну и что такого тебе понятно, интересно? – при этих словах лукавая улыбка Сольдена стала шире. – Все куда проще, чем ты думал, или что? Наоборот, сложнее? А, Карх?

Видно было, что куратор Земли очень доволен тем, как складываются события. Он продолжал:

– Хорошо, раз все готово, и учитывая, что вы сейчас сказали, можете отдохнуть. Но, разумеется, никто из вас не убирает руку с пульса событий! Это понятно, надеюсь. Любое малейшее отклонение от намеченного нами плана или даже подозрение на отклонение – сразу ставить меня в известность.

В одиночку никаких серьезных мер не предпринимать.

– Разумеется, высокий, – ответил Карх.

– Само собой, Сол, – сказал Зенос.

– Славно, в таком случае...

И тут безмятежность набирающего силу, мерно разгорающегося заката разорвал ужасный громкий вой. От этого воя с мерзким дребезжанием завибрировали стекла. Полувой-полурев этот будто тянул очень страшную низкую ноту, одновременно сыгранную миллионами труб. Звук продолжался довольно долго – несколько секунд. Затем оборвался так же резко, как и появился. Трое переглянулись. Фиалковые глаза Карха, округлившись, с недоумением смотрели то на Сольдена, то на Зеноса. С каждым миготом отражающийся в них страх набирал силу. Более опытные и прожившие значительно больше лет Карх и Зенос, напротив, внимательно и собранно посмотрели друг на друга. И тут трубы грянули снова, в ключья разметав повисшую тягучую тишину. После второго громового рева загудели уже городские сирены. Сигнал, который они проиграли, означал, что каждому жителю стоит быть предельно внимательным и максимально точно исполнить все указания, которые последуют дальше.

Сирены сигнальной системы оповещения были слышны в каждом доме, в любом уголке города, на любой улице. Все было продумано так, чтобы каждый без исключения житель мог слышать сигнал, возвещавший о грядущей тревоге.

Для многих, особенно молодых жителей города, эта сире-

на, разрывающая сейчас улицы, и вовсе была первым в их жизни сигналом реальной опасности. Да и как могло быть иначе в обществе, почти полностью искоренившем преступность и поставившем себе на службу природу собственной планеты? Сделало оно это, кстати, далеко не благодаря тотальному контролю над популяцией и вездесущим системам наблюдения, но во многом и главным образом ввиду общей высочайшей осознанности населения. Ведь здесь с того времени, как местная обезьяна впервые взяла палку кистью с противопоставленным большим пальцем, и до сегодняшнего момента прошли многие десятки тысяч лет.

За это время население планеты переросло и трансформировало дремучий атавизм древности, когда оно еще было разделено на разные государства. После глобального объединения и осознания того, что они все граждане одного мира, начались подлинные свершения на пути к прогрессу нового межпланетного, а потом и межзвездного уровня. Сначала была фактически побеждена старость и выдвинут серьезный ультиматум самой смерти, ведь некоторые члены местного общества жили по целым тысячам лет. Таким образом, человек мог быть продуктивным гораздо дольше и добиться куда большего на выбранном пути. Видные ученые, предприниматели, исследователи и все те, кто двигает свой вид вперед, получили несравнимо больше времени для деятельности. А, как известно, время – самый ценный невозполняемый ресурс.

Конечно, вначале таких было немного, ведь социальное неравенство, наряду с конкуренцией за место под солнцем, никто не отменял, а подобная продолжительность жизни, ясное дело, не давалась бесплатно и стоила дорого. Стоимость же очередных 50 лет возрастала в зависимости от того, какие это 50 лет по счету в твоей биографии. Но централизованная экономика, когда она работает глобально, в пух и прах разбила все конкурирующие модели. Разумное использование ресурсов, направленное в одном осознанном направлении, на практике принесло во сто крат больше результата, чем самая ожесточенная конкурентная борьба. Постепенно за свечками науки и труда потянулись и люди попроще, заставив среднюю продолжительность жизни неуклонно расти.

Планомерно, шаг за шагом люди этого мира сначала подчинили себе всю планету, затем – свою звездную систему.

Аппетиты росли, и взгляды их все чаще стали обращаться вовне на поиски других населенных разумными видами миров. Примерно в этот период было открыто и доказано, что наша вселенная действительно бесконечна. Но не благодаря своим немислимим размерам, а потому что она многомерна и, как следствие, многовариантна. Поиски разумной жизни в пределах своего родного измерения, несмотря на колоссальные вливания сил и ресурсов в этот процесс, результатов не приносили. Однако, когда общество углубилось в изучение пространства вариантов, уже на самых первых порах было открыто, что именно здесь и стоит искать братьев по разуму.

Создавалось такое впечатление, что замысел изначального творца или творцов, если таковые, конечно, были, состоял в том, чтобы дать развиваться одному виду в пределах одного пространства вариантов – варианта вселенной. Как будто бы те творцы намеренно не хотели пересекать разные виды до определенного времени. Будто бы они хотели дать всем время развиваться и преуспеть, набраться сил. И это неспроста. Ведь на примерах даже одной лишь земной истории мы знаем, как одна более развитая цивилизация поступала с менее развитой. Всегда дело кончалось истреблением или порабощением. Можно спорить, что здесь более чудовищно, но в любом случае это вело к прекращению развития цивилизации менее развитой.

Доступ к технологиям, позволяющим заглянуть за грань своей реальности, предполагал качественно другой подход. На этот уровень не могли просто так выйти хорошо вооруженные варвары и пойти уничтожать варваров, вооруженных хуже. Здесь требовалась эволюция уже другого, гораздо более высокого порядка. Общество, способное выйти за границы своей реальности, уже не ставило целью банальное расширение территорий и стяжательство богатств. В их распоряжении и так уже были целые звездные системы для добычи ресурсов, а люди жили столь долго, что не боялись умереть, оставив свое дело без продолжателей. Плодиться без меры на все новых землях было им уже просто ни к чему. И когда такие люди встретили бы других разумных существ в парал-

лельных мирах, они бы не стали их подавлять и уничтожать, присваивая их владения себе. Зачем, ведь и так уже у них для развития своя целая вселенная. Да и как заполучить то, что находится в параллельном твоему мире?

Так и случилось, когда народ, к которому принадлежали Сольден и компания, впервые наткнулся на красивый синий шар в окружающем океане бескрайнего космоса в одном из бесчисленных вариантов бесконечной вселенной.

Но сейчас основная масса людей, бегущих по улице и спешно покидающих свои дома, слышала страшный звук ревушей сирены первый раз в жизни. Только самые старшие, такие как Сольден и Зенос, знали, с каким страшным врагом они вновь столкнулись.

Через равные промежутки гудков громовой голос диктора, усиленный динамиками, отражался эхом и переливался, отскакивая от одного небоскреба к другому, вибрируя и сотрясая пространство белого, блистающего в закатных лучах города.

Голос этот вещал: «**ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ КОНКОРДИИ СРОЧНО ПРЕДПИСАНО ПРОСЛЕДОВАТЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ЗДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ИЛИ СОБОРНЫЙ ДОМ. ТЕМ, ЧЬЕ ЖИЛИЩЕ ОБОРУДОВАНО СПЕЦИАЛЬНЫМИ ТЕРМИНАЛАМИ ОТДЫХА, ПОЗВОЛЕНО ОСТАВАТЬСЯ ДОМА И ЖДАТЬ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ. ЭТО НЕ УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА! СОБЛЮДАЙТЕ ВСЕ ПОСТУПАЮЩИЕ ИНСТРУКЦИИ!**».

Сплошной людской поток, осознанный и дисциплинированный, кипучими бурлящими ручейками начинал стекаться со всех сторон в направлении административных зданий, как и было предписано в обращении.

Точно так же и Карх, пойманный в самом турбулентном центре одного из таких потоков, сейчас шел и испытывал, пожалуй, самый бескомпромиссный разрыв шаблона в своей жизни. Хоть молодым назвать его можно было лишь с большой натяжкой и оглядкой на среднюю продолжительность жизни на Септимае, в его жизни это был первый случай настоящей, непридуманной опасности.

Он и два его старших коллеги – Сольден и Зенос – сейчас торопливо и спешно, но в то же время, как и все, дисциплинированно и организовано, спускались по широкому рукаву-коридору. Коридор этот сбегал вниз по спирали. Его витки кольцами змеи окружали верхние этажи высотки президиума. Стены этого коридора были прозрачными и замыкались вытянутым эллипсом. Таким образом, эвакуирующаяся процессия людей могла наблюдать во всей красе, как всполохи заката топили небо в алом пламени и как исчезала полусфера красного солнца на горизонте. Главный же акт действия, разыгрывающегося сейчас на небе, был еще впереди. Меньшее фиолетовое светило в этот час уже было невидимо практически нигде в пределах Конкордии.

Но вот темный, маленький по сравнению с красным гигантом шарик стал неспешно, но уверенно выползать из-за края

тонущего за горизонтом исполина. Однако такого не могло быть! До выхода второго солнца еще было порядка 18 часов. Люди, недоумевая, останавливались, натыкались друг на друга, сбивались в кучи. Восклицая в удивлении и шоке, они указывали пальцами на небо, ведь можно было подумать, что кто-то сломал всю механику движения их звездной системы.

Однако со временем стало понятно, что это никакое не второе солнце, так всем привычное. Вдобавок стало видно, что никакое оно не фиолетовое, а чернильно-черное. Красный закатный свет, захвативший все небо, странным образом вокруг этого солнца изгибался, оплетая его рваным ореолом. Те, кто хоть немного разбирались в астрономии и хотя бы в общих чертах представляли принципы небесной механики, смутно догадывались, что сейчас происходит в их родном небе. Догадывались, но не могли отважиться в это поверить. Незванный черный гость на небе Септимы всеми своими признаками и поведением напоминал самую обычную черную дыру.

Те же ужасные трубные звуки, с которых начался весь этот переполох, естественно, никуда не исчезли. И хоть аугментная сеть, вплетенная в город, конечно, сделала все возможное, чтобы по максимуму их приглушить, но когда на небе появился сам виновник событий, не справилась даже она. Звуковые фейдеры представляли собой сеть дронов, развешанных в воздушном пространстве Конкордии. Они заставляли молекулы как бы магнититься друг к другу, уменьшая

их подвижность и снижая передающую способность кинетической энергии их взаимодействий. За счет этого звуки или совсем подавлялись, или же становились гораздо меньше слышимы, переставая мешать чему-то более важному.

Сейчас же глазам Карха и других людей, спешно следующих по эллиптическому коридору вниз, предстал сонм искр, резко и красочно, словно праздничный фейерверк, озаривший небо. Искры вспыхнули, рассыпались и тут же, затухая, опали гаснущей пылью. Это взорвались разом те самые фейдеры. Сразу после взрыва мегаполис затрясся и завибрировал под мощнейшим напором звуковой волны. Она густым, трубным, вселяющим панику и подавляющим волю басом с лязгом и грохотом раскатилась по перепуганному городу.

– Что это такое, Зен? – спросил сам не свой от волнения Карх, пытающийся, однако, сохранить хотя бы видимость хладнокровия.

– Что? Ты про что конкретно? – ответил Зенос и рассеянно посмотрел на коллегу с невеселой улыбкой. На его лысом черепе блестели капельки пота. – Не знаю, как ты, а я вот запыхался!

Этот факт, признаем, был несколько не удивительным, учитывая могучее сложение высокого смотрящего, а вместе с этим отсутствие должного объема кардио в плане его тренировок.

– Я серьезно, Зен. Если честно, я до чертиков напуган, – наклонился ближе к старшему коллеге не унимающий-

ся Карх и понизил голос.

– А, ты про это, – Зенос кивнул на небо, словно только сейчас понял, о чем идет речь, – это, мой дорогой друг, то, с чем вот уже больше тысячи лет борется наш мир. И вся наша деятельность в основном – это поиск союзников в этой борьбе. Особенно тогда, когда в одиночку мы уже будем не в состоянии справляться.

– То есть вся эта программа с входящими... Все эти «перспективные» и «неперспективные» миры... Подожди, а что вот это там на небе-то??!! – и Карх резко махнул рукой за стену коридора в нервном жесте.

– Щас в косяк врежешься, – негромко сказал Зенос. И железной своей рукой дернул Карха в сторону, так что его лицо и металлический дверной косяк разминулись в каких-нибудь сантиметрах.

– О, спасибо, Зен, – рассеянно поблагодарил более наблюдательного коллегу Карх. – Мне только не хватало голову ударить. Она у меня и без того сейчас слабо соображает!

– Это точно. Давай сначала доберемся до подземных этажей, в которых ты, бьюсь об заклад, еще не был, и там, если останется время, я все тебе вкратце объясню. Кстати, лифты отключили по соображениям безопасности, думаю, ты догадался.

Карх на самом деле и не думал о таких мелочах, а просто сейчас бежал с толпой, повинувшись стадному инстинкту. Толпа же скрылась от алых лучей заката, пронзающих спираль

коридора, и на миг оказалась внутри поддерживающего тот самый коридор пилона. В недлинном кубическом помещении спокойно горели искусственные лампы холодного света. На контрасте с бушующим красно-черным пламенем под адские звуки ревущих труб помещение пилона на мгновение оглушило бегущих ложным чувством покоя. Но вот двустворчатые двери с другой стороны бесшумно разошлись. Толпа людей влилась в них живым ручейком и с новой силой понеслась дальше вниз по тоннелю. Одновременно с этим небо сотряс еще один оглушительный трубный рев.

Карх снова посмотрел на небо. Черная дыра с ореолом света вокруг за какую-то минуту выросла почти в два раза. А из самой ее непроглядной сердцевины с видимой глазом скоростью ползли по небу и удлинялись такие же черные щупальца. Они пробивали пульсирующий ореол и во все стороны несчетными лапами гигантского спрута, волнами расползались по небу. Свет на небе стал тускнеть. И непонятно было, то ли это естественное следствие заката, то ли же та расплзающаяся черная сеть его поглощала.

Карх продолжал бежать, правой рукой откровенно схватившись за рукав мантии Зеноса, левой же старался, шаря в воздухе, не терять контакт с мантией Сольдена. Схватить за рукав своего сурового начальника он не решался, несмотря даже на всю серьезность ситуации. Взгляд же его не в силах был оторваться от развития грандиозного небесного спектакля.

Там же, на небе, одновременно с ростом черной сферы и закатом красной удлинялись и утолщались черные щупальца-отростки. Вот в определенный момент по небесному куполу, по какой-то невидимой его границе, пробежала сеть синих ярких изломанных молний. Они с шипением вспыхнули на небе, а щупальца, очевидно, от контакта с ними отпрянули, дико изогнувшись в судорогах. Кое-где после вспышки молний на небе были видны чернильные облачка, которые рассыпались и растворялись угольной пылью после контакта с заградительной сетью. Зрелище завораживало, и Карх против воли остановился, чтобы посмотреть на борьбу черного небесного спрута и планетарных щитов.

Он стоял, смотрел и совсем не чувствовал, как мимо него проносятся подгоняемые паникой люди, толкая и задевая его плечами. Из пространного ступора его вывел резкий окрик Зеноса, и Карх почувствовал, как одновременно с этим его потащила дальше по коридору сильная рука коллеги.

– Очнись, парень! Нечего тут стоять! Мы почти пришли!

И действительно, процессия бегущих людей миновала винтовой прозрачный коридор, опоясывающий высотку, и оказалась на средних ярусах здания, где лифты работали постоянно. Считалось, что нет такого воздействия, что способно будет пробить защиту основания президиума.

Люди выбежали из узкого шлюза, которым заканчивался коридор, в широкий, уходящий далеко в обе стороны холл. На всем протяжении его дальней стены через равные проме-

жутки находились раздвижные ворота лифтов. Все они были заблаговременно отправлены на буферный этаж, и теперь при приближении группы людей двери лифтов открывались, впуская расчетный максимум человек, после чего бесшумно закрывались, и лифты один за другим проваливались в шахты, унося персонал управляющего аппарата президиума как можно дальше от опасности.

Лифт с Кархом, Зеносом и Сольденом внутри летел на нижние, подземные этажи по прозрачному конусу шахты. Рядом справа и слева можно было видеть точно такие же кабинки, заполненные людьми. Какая-то из них ехала чуть выше, какая-то чуть ниже. Лифты один за другим прорезали уровни здания на скорости столь высокой, что глазу было невозможно уследить и различить детали мелькавших этажей, которые прошивала шустрая металлическая капсула. У Карха заложило уши. Он посмотрел на дисплей. Трехзначное число уменьшалось с невероятной быстротой. Сотня была разменяна за какие-нибудь 10 секунд. Когда цифры на дисплее превратились из сотен в десятки, скорость лифта резко уменьшилась. У людей создалось впечатление, будто они резко стали ниже ростом, а их ноги кто-то вдавил вверх к голове. Лифты от тормозились, и Карх даже почувствовал легкое головокружение. Но целиком отдаться внутренним ощущениям не было времени, потому что, как только двери кабин раздвинулись, людской поток с новой силой хлынул дальше.

Весь штат управляющего аппарата сейчас находился глубоко под землей. Здание верховного президиума уходило под землю чуть ли не настолько же глубоко, насколько возвышалось над ней.

«УВАЖАЕМЫЕ СОТРУДНИКИ, – загремели динамики, – ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА СИСТЕМУ УКАЗАТЕЛЕЙ И СТРОГО СЛЕДУЙТЕ В УКАЗАННОМ НАПРАВЛЕНИИ. СОТРУДНИКИ СООТВЕТСТВУЮЩИХ СЛУЖБ, КАК ТОЛЬКО ВЫ УСЛЫШИТЕ СИГНАЛ СВОИХ КОННЕКТОРОВ, ПРИГОТОВЬТЕСЬ. ОЧЕНЬ СКОРО РЯДОМ С ВАМИ ВЫСВЕТАТСЯ ПУТЕВЫЕ ОТМЕТКИ, ПО КОТОРЫМ ВЫ ДОЛЖНЫ ДВИГАТЬСЯ ДАЛЬШЕ».

Карх отметил, что как только люди вышли из лифтов на подземных этажах здания, общий градус напряжения спал и все, вроде бы успокоившись, замедлили шаг. Сам он ни разу не был здесь и, в принципе, не знал, что подобная подземная инфраструктура вообще существует.

Люди в мантиях разных цветов и другие, одетые в приатленные не то халаты, не то плащи, шли, внимательно озираясь по сторонам. По правую и по левую стороны от них периодически прямо в воздухе возле стен загорались разноцветные указатели в виде аккуратных скругленных стрелок. Сверху над стрелкой бегущей строкой неспешно протекал текст.

– А вот и наша, – сказал Зенос, оторвав Карха от наблюдений.

Сравнительно молодой зритель только теперь заметил, что у него в ушах уже несколько секунд настойчиво, но от того не менее мелодично с равными интервалами раздавался предупреждающий звончок.

Втроем Зенос, Карх и Сольден плюс еще несколько человек свернули направо из общего коридора в коридорчик поменьше. Этот маленький аппендикс оканчивался массивными раздвижными дверями. Двери эти были отполированы до блеска и мягкими бликами отражали неяркий свет коридора. Группа быстро подошла к ним, и двери поспешили разойтись в стороны с легким, едва слышимым шелестом, впуская процессию внутрь. Как только внутри оказался последний человек, с таким же легким шелестом двери закрылись.

Карх, как только зашел внутрь, изумился странному интерьеру, представшему перед ним. Где-то в середине комнаты у левой стены находилась управляющая консоль. За ней уже стоял и что-то вводил в систему опутанный и подключенный к бесконечным проводам оператор. Основное же пространство помещения занимали кровати. У изголовья каждой высилась колонна, на которой мерно светились многочисленные лампочки и несколько дисплеев, отображающих разную информацию или просто строки кода. От изголовья кроватей тянулись и были хаотично набросаны на подушки переплетения проводов, оканчивающиеся датчиками, зажимами и штекерами. Тут же рядом можно было найти оплетку из мягких силиконовых трубочек, предназначавшуюся, оче-

видно, для головы лежащего. Возле большинства кроватей сустились техники. Кто-то из них проверял провода, кто-то же вводил в компьютер какую-то информацию, стоя у колонны.

– Что это за место, Зен? Почему тут столько кроватей? Нам что, предлагают поспать? – Карх огляделся. – И где Сольден, например?

– Посмотри вон туда, – ответил старший смотритель.

Карх послушно повернул голову туда, куда указал Зенос, и увидел, как из общей массы отделилась группа людей – пять человек. На всех были белые мантии, такие как у Сольдена, и сам искроволосый сероглазый начальник был в их числе. Эта группа прошла к правой стене помещения. Перед ними безупречно ровная и гладкая стена разошлась в стороны. Откуда-то возник зеленый луч сканера, и после считывания все пять мантий одна за другой прошли в проем и скрылись за стеной, которая тут же вновь стала абсолютно гладкой.

– Куда они?.. Что вообще тут происходит? – начал озадаченный Карх.

– Всему свое время, – нарочито спокойно ответил Зенос. – Нам сюда, пошли.

И они отправились через ряды кроватей к дальней стене. Та на глазах из песочно-золотой превратилась в прозрачную, а за ней можно было увидеть что-то вроде бара с круглыми столиками на четыре человека и стойкой за ними. Тут же, вновь непонятно откуда, в стене обозначился проем и основ-

ная группа людей один за другим, кто парами или тройками, а кто по одному, потянулась в бар.

Все расселись, и Карх наблюдал, как человек за стойкой в сером френче, чей правый борт захлестывал на левый и был расстегнут на груди, разливал какую-то тягучую белую жидкость по матовым стеклянным стаканам. Три девушки в коротких платьях по фигуре брали готовые напитки, ставили на подносы и разносили по столикам. Вот и до Карха с Зеносом дошла очередь, и одна из девушек, тревожно улыбнувшись, поставила два стакана на их столик.

– Зен, – нетерпеливо начал Карх, – ты уже начнешь что-нибудь рассказывать или нет?

– Вот как раз собирался, – ответил Зенос, глядя на Карха с чуть снисходительной улыбкой. – Ты пей, пей.

– Что это? – нахмурившись, спросил Карх, побалтывая в стакане неаппетитную тягучую жидкость.

– Да она на вкус намного лучше, чем на вид, не бойся! – весело отозвался Зенос, отпивая из своего стакана.

– Да что это все такое-то?! Что за жидкость, что за комната??!! Что за хрень на небе я только что видел? Что за военное положение? Это сейчас эвакуация была или что? – начал Карх длинными очередями один за другим выстреливать свои роящиеся в голове вопросы.

– То, что мы пьем, Карх, – это нейропсихический модулятор. От тебя, да и от меня, в общем-то, сейчас мало что требуется. Допиваем это, потом проходим в тот первый зал

с кроватями, следуем инструкциям и засыпаем.

– Да? Всего-то? – тут Карх нервно хихикнул. – А в это время та черная дребедень на небе поглотит планету? Это что, такой спокойный способ умереть?

– Совсем нет, мой дорогой нетерпеливый друг. Напротив, просыпаемся мы в точно таком же... – он немного помолчал, – вернее, почти в точно таком же месте. А этой черной, как ты сказал, «дробедени» уже в помине не будет. Все вернутся к своим делам, и жизнь снова пойдет размеренно, как и всегда.

– В *почти* точно таком же месте, ты сказал? Как это понимать?

– А вот тут-то, коллега, мы и переходим к твоему просвещению. Пей не спеша и слушай. Этой штуке, – он указал на стакан, – требуется время, чтобы подготовить тебя, скажем так, к борьбе.

– К какой еще борьбе?

– К борьбе с нашим одним оставшимся, но, пожалуй, самым сильным за все время врагом, – Зенос поглядел на Карха и развел руками. – То, что ты видел, – это нейтронный сверхмассивный квазар. Не смотри, что он такой небольшой, размером всего-то чуть больше нашего Иллюма. Дури в этой штуке очень много. Мы не знаем, техногенное ли это явление. В принципе, похоже на то. Но тогда кто его продолжает вновь и вновь насылать на нас, этого мы не знаем.

– Вновь и вновь? Я догадывался, что это не первый слу-

чай, уж больно вы с Сольденом вели себя уверенно и знали, что и как делать.

– Да, верно. Эта атака, давай называть ее так, далеко не первая. Не знаю, сколько их было на веку у Сольдена, на моем же это третий квазар. И все три раза победа оставалась за нами. Ну, точнее, как победа... Тактическое отступление, не более того.

– Отступление? – Карх задумался. – Как это понимать?

– А очень просто. Ведь во всей этой борьбе мы так и не придумали ничего более эффективного, чем отступление. А именно перенос, копирование всего – нашего мира, существующего порядка и уклада вещей – в другую проекцию.

– Получается, если ты говоришь, что видел три таких квазара или же это был один и тот же, не суть, то, значит, наш мир сдвигался в другую проекцию минимум три раза? – изумленно проговорил Карх.

– Совершенно верно. Минимум три. Сколько же было всего таких случаев, знают только члены высшего совета. Да и то, я думаю, не все.

Карх немного посидел, болтая напиток в своем стакане. Взгляд его был рассеян и направлен на какую-то случайную точку. Он сделал глоток и спросил:

– А вся эта программа с поиском «прогрессивных» миров и людей со способностями в них – все это тоже связано с нашей борьбой?

– Да, все так. Только вот взгляды на это у совета раз-

ные. Официальный курс действий, которого придерживаются сейчас Тур и Озинн, а раньше и Зэус, в том, чтобы объединенными усилиями многих миров, объединенной силой всех входящих там наносить скоординированные удары по источнику угрозы. Но, как ты понимаешь, в такой стратегии самое сложное – это найти эту самую угрозу. Против кого или чего мы боремся. И вот как раз именно этот момент очень не нравится приверженцам другой стратегии. Неофициальной, еретической, если хочешь. Во главе с Яховом. А еще той, куда примыкаем и мы с Сольденом. Суть этой второй стратегии в том, чтобы отдать решение на волю сильных покровителей. Они, судя по тому немногому, что говорит мне Сольден и что он сам узнает из утечек из совета, обладают неким оружием, и в своем мире, по их словам, они победили схожую проблему. Но в обмен на свою помощь они хотят как можно в большем объеме избавиться от тех самых входящих. Я имею в виду от тех, кто будет неподконтролен их воле. Они говорят, что если направить эту силу совсем немного, но не туда, куда следует, то это может привести чуть ли не к еще большим бедам.

– И только они знают, как правильно? А где доказательства?

– Видишь, Яхов – далеко не глупый старик. Лично я думаю, что ему они все же предоставили какие-то доказательства. Иначе он вряд ли пошел бы против воли официального совета.

Они замолчали и синхронно сделали по глотку из своих стаканов. Карх после недолгого молчания задал очередной вопрос:

– Зенос, хорошо. Я понимаю, что мотивы у всех разные, а кто в итоге окажется прав, как всегда, покажет время. Но как работает весь этот перенос? Перенос целого мира...

– Ты видел, что Сольден и еще несколько человек ушли в другую комнату?

– Да, конечно.

– Так вот. Сольден – очень сильный входящий. И есть еще такие, как он, сравнимые по силе. Плюс, как ты понимаешь, весь высокий совет. Все они – это наше, прости мне это поэтическое сравнение, наше острие копья. Ты, кстати, никогда не задумывался, почему, например, Сольден настолько сильно аугментирован?

– Если честно, я думал, что это связано с его немалым возрастом. Иначе, извини за грубость, его ровесникам просто не выжить.

– Да, это тоже справедливо, но не только это. Большинство из его аугментаций на самом деле служит этой самой одной цели. Цели борьбы с квазарами. Перенос или копирование целого мира в параллельное измерение – довольно технически сложный процесс. Соответственно, все, кто тесно с этим связан, тоже, скажем так, технически сложны. Иначе они просто не смогут оперировать в этой среде. О самих механизмах их работы не спрашивай, я не имею представ-

ления. Сразу скажу: кроме того, чтобы допить это, – Зенос отсалютовал своим стаканом, чуть приподняв его вперед по направлению к Карху, – и после чего заснуть, делать нам ничего и не придется. А когда мы проснемся, не будет никаких сирен, черных дыр со щупальцами на небе и вообще ничего такого. Большинство простых жителей даже и помнить ни о чем не будут! Но не мы с тобой. Наша привилегия, как членов совета, в том, что в этом случае нам сохранят память. Наши модули, те самые кровати с проводами, будут настроены по-другому.

Карх после всего услышанного лишь посмотрел на Зеноса широко раскрытыми глазами, помотал головой и залпом допил свой напиток. После чего сказал:

– Мда... На настоящий момент новой информации мне точно хватит.

– Не сомневаюсь! – усмехнулся Зенос, допивая остаток своей жидкости.

– То есть получается, что и волноваться не о чем, правильно?

– Да. По крайней мере, в моем случае это срабатывало уже три раза без особых проблем, – Зенос развел руками.

Они еще немного посидели молча. Каждый думал о чем-то своем. Карх раздумывал, пытаясь упорядочить в голове и переварить новую информацию. Ну а по черным глазам Зеноса понять, о чем тот думает, было решительно невозможно. Особенно когда он того не хотел.

Из раздумий их вырвал голос, зазвучавший из динамиков.

«ВСЕМ ГРАЖДАНАМ ПРОЙТИ К ТЕРМИНАЛАМ ДЛЯ ПОГРУЖЕНИЯ В СОСТОЯНИЕ ПЕРЕХОДА. ВАШ ТЕРМИНАЛ БУДЕТ ПОДСВЕЧЕН СООТВЕТСТВУЮЩИМ ИМЕНЕМ».

– Ну, вот и все, – сказал Зенос, вставая, – скоро увидимся, друг.

Они с Кархом поднялись со своих мест, как и другие люди в баре. Девушки быстро убрали стаканы, после чего тоже проследовали в соседнее помещение с кроватями.

Карх некоторое время лавировал между койками и терминальными колоннами, которые подмигивали ему разноцветными лампочками и пересветом дисплеев. Тут он услышал короткий мелодичный звук, сообщавший о том, что его терминал перехода близко, огляделся и увидел, как над одной из кроватей в воздухе вращаются зеленые буквы его имени. Он прошел к кровати и сел на нее. Через какое-то время рядом с ним оказался техник, который, поздоровавшись, попросил Карха лечь и начал подключать его к системе с помощью переплетений проводки.

Когда все штекеры, зажимы, липучки, присоски и разъемы нашли свои порты и гнезда, техник водрузил на голову Карха трубчатый мягкий шлем. Карх боковым зрением уловил, что по пустым до этого трубкам начала циркулировать какая-то светящаяся жидкость. Веки зрителя тяжелели, и последним, что он услышал в своей наполняющейся туманом

ном голове, было гудение колонны в изголовье кровати.

Глава 19

Эрик собирал свою дорожную сумку. В гостиной, объединенной с кухней, залитой сейчас ярким светом, по полу были разбросаны разные вещи. Эрик уже давно не выезжал не то что в поля, а даже просто в командировку. Соответственно, он немного растерял навык сборов. По этой причине Эрик решил просто подготовить все, что приходило на ум, а уж потом по мере складывания в сумку вещей решить, что будет ему нужно, а что нет. Тем более командировка могла затянуться на неопределенный срок. В конце концов, при бурении редко бывает, когда все идет идеально, согласно планам. Поэтому прибытие на объект специалиста не всегда происходит непосредственно к началу тех работ, на которые он был вызван.

Во всем этом предприятии Эрика радовало то, что от Иркутска до Камчатки хотя бы не придется лететь с Эмилом. Его иногородний коллега уже должен был быть там, следить за подготовкой скважины к эксперименту. Все-таки хоть топор войны между ними давным-давно покоился глубоко под землей, но осадочек, как говорится, всегда оставался. Ведь, несмотря на учения толп всевозможных экспертов отношений и других гуру психологии о том, что прошлое стоит оставлять в прошлом, на практике мало у кого так получается.

Вот и Эрик, как ни пытался работать с собой в этом вопросе, как ни анализировал и ни рефлексировал на эту тему, тот самый пресловутый осадочек в душе оставался и никуда не спешил уходить.

Сейчас Эрик уже почти не верил в ту загадочную другую реальность, где он стал убийцей. Но, несмотря на это, временами мысленно задавал себе один и тот же вопрос. Вот и сейчас, когда судьба снова готова была столкнуть его с Эмилем, он спросил себя еще раз. *А что если где-то Эмиля уже вообще не существовало?*

Это допущение, как ни странно, одухотворяло и вселяло уверенность в Эрика. Ведь если он смог справиться с ним в одном месте, должен справиться и в другом, ведь так? Ну, по логике вещей. Конечно, если вспоминать, что для Эрика за этим последовало, какие переживания и ментальный диссонанс это вызвало в нем, то к подобному радикальному разрешению конфликта больше не хотелось бы прибегать ни в одной реальности. Естественно, если все они вообще существуют. Что это все не игры разумов физиков, математиков, а главное, конечно, фантастов.

Однако то допущение, что подобная модель мира реальна, что все это не просто трюки твоего мозга, Эрик до конца не отбрасывал. Пусть даже от когда-то разросшейся в нем уверенности в этом факте не осталось и следа. А все его «паранормальные» способности, похоже, так и остались лишь в мире снов, хотя теперь не проявляли себя даже и там.

Вообще со снами у Эрика стало туго. Произошло это после того самого со странным колоритным незнакомцем в модном плаще, свалившемся из ниоткуда. Точнее говоря, снов он после того раза почему-то вовсе не видел. Ну, или не помнил, что для него было одно и то же. После того как Эрик разуверился в своей избранности, его жизнь снова стала куда скучней. Рутинa вновь поглотила мир, окрасив тот серыми красками одинаковых дней. И если бы не врожденный оптимизм, так и не искорененный нашим холодным и циничным временем, то жить товарищу Линдгаарду было бы совсем грустно. Благодаря этому оптимизму, а еще тому, что сны теперь ни от чего не отвлекали, Эрик за неимением альтернатив с головой ушел в работу. Удалось наконец-то посмотреть на жизнь под тем углом, с которого лучше всего была видна работа и грядущий большой проект. А еще помогла начинающаяся весна и увеличивающееся количество солнечных дней. Когда твой кабинет, даже несмотря на закрытые шторы, залит теплым светом, а на улице поют прилетевшие птицы, очень сложно предаваться негативу.

Сборы продолжались. Фоном в белой квартирке бубнил какой-то блогер с «Ютьюба». За приоткрытым на проветривание окном можно было слышать переливы птичьих голосов, и сумка медленно, но неотвратимо наполнялась нужными вещами.

И вот наконец-то молния верхнего главного отделения закрылась с характерным резким звуком. Эрик, весь вспо-

тевший от напряжения внимания и памяти, выдохнул, взял кружку, поставил ее под сопла кофемашины и нажал кнопку. Жужжание встроенной кофемолки заглушило птичьи голоса, и вскоре бодрящий крепкий аромат разлился по комнате.

Эрик посмотрел на часы. До его рейса оставались еще почти целые сутки, а такой сказочно прекрасный весенний день за окном просто обязывал хоть ненадолго, но выйти на улицу.

Вопрос состоял лишь в том, где отобедать. Лучше всего для этого подходил центр города, и можно было прогуляться до одного из кафе. Но, с другой стороны, на барной стойке в кухне покоились коробки с недоеденной пищей, которая, надо сказать, вчера вечером самым приятным образом удивила Эрика. Линдгаард, будучи человеком, безусловно, обеспеченным, но в то же время практичным и рациональным, рассудил, что пропадать этим замечательным кускам пиццы ну никак не пристало. Поэтому он встал, положил кусочки на тарелку и поставил в микроволновку. Когда после звонкого сигнала он открыл белую дверцу, оттуда вышел ароматный парок. Эрик осторожно извлек тарелку из печи и приступил к трапезе. Дымящуюся обжигающую пиццу он запивал черным кофе. Как ни странно, горячо ему не было.

Отобедав и чувствуя, что прямо сейчас встать и пойти нет ни малейшей возможности, он решил, что стоит дать бедному, изнуренному обедом организму по крайней мере 30 минут отдыха. Удобно развалившись на диване, Эрик принялся

скроллить предложенные «Ютьюбом» видео.

Просматривая ролик о том, как серьезные джипы боролись с подтаявшим зимником где-то в Якутии, он ощутил, что напор пиццерийных войск ослабил натиск на его желудок. Осознав, что если этим славным весенним днем он все-таки хочет прогуляться, то бежать из диванного плена нужно прямо сейчас, невыносимым напряжением воли Эрик оторвал себя от коварной мебели и пошел одеваться.

Выйдя во двор, он пошел своим любимым и привычным маршрутом по направлению к улице Ленина.

Не прошло и пяти минут, как погода начала резко меняться. Непонятно откуда налетел чуть ли не шквальный ветер. Порывы были до того сильные, что в воздух с тротуаров стали взлетать обрывки газет и всякий другой мусор. Вдобавок ко всему в одночасье стало ощутимо холоднее. Ураганный ветер был, по всей видимости, северный, ведь иначе почему его порывы пронизывали Эрика чуть ли не до самой души?

«Вышел, называется, погулять!» – с досадой подумал Эрик. Но, как уважающий себя волевой и целеустремленный человек, маршрута своего не изменил, хотя мысли такие, признаться, возникали.

Эрик упрямо шел вперед, склонившись, чтобы сопротивляться нешуточным порывам ветра. Он наблюдал, как ураган разметывал прекрасный солнечный день в клочки. Дело было в том, что ветер пришел не один. Он захватил с собой за компанию вереницы, да что там, целые полчища темно-се-

рых тяжелых туч. Последние сейчас прямо на глазах затягивали небо. Вскоре для яркого, господствующего до этого солнца остался лишь небольшой просвет в сплошном клубящемся сером хаосе.

«Однако насколько же переменчива сибирская погода», – подумал Эрик, замороженно глядя на разыгрывающуюся смену влияния у него над головой.

Небо тем временем за какие-нибудь две минуты полностью затянула серая хмарь. Тучи бугрились и клокотали. Сперва на горизонте, а после и повсеместно по темно-серым подбрюшьям начали прокатываться белые всполохи зарождающейся грозы. Эрик шел прямо навстречу грозовому фронту. Прямо на его глазах серые тучи стали черными. Сильнейшие порывы ветра дули ему в лицо. Вся улица одним мигом опустела, и теперь по ней туда-сюда летал всякий хлам и мусор. Подхваченная ветром газетная страница с шелестом, стремительно пролетев, приклеилась к лицу Эрика. Он сорвал ее быстрым движением руки и рассмеялся.

Тем временем к белым всполохам в небе добавились еще и электрические разряды, которые яркими изломанными зигзагами протягивались от одной тучи к другой. Они напоминали обрезанные и растрепанные, переплетенные металлические нити стального троса, только состоящие целиком из желто-белого света.

Эрик стоял посреди завораживающего стихийного фейерверка, раскинув в стороны руки, и хохотал, ощущая себя как

никогда радостным и живым. В небе же теперь стало гораздо светлей от вспышек молний, все чаще и чаще озаряющих его яркими росчерками.

И вот одной из них, видимо, стало тесно и скучно в вышине, и она шипящим огненным столбом ударила в дорожный электрический столб совсем недалеко от Эрика. Посыпались искры и опали переливающимися конфетти на асфальт дороги. Провода оборвало, и они добавили огня, заискрив при ударе о мостовую. И тут же напротив еще одна такая же желтая молния ударила оземь, яркой вспышкой ослепив Эрика, так что он заслонил лицо рукой.

Когда он убрал руку, казалось, что звуки грозы чуть утихли и ветер вроде бы умерил свой напор. Эрик поднял голову вверх и увидел клочок синего неба в глазе бури, проплывавшем сейчас прямо над ним. Он смотрел на небо и видел, как вокруг этого глаза водоворотом бушует черно-желтый электрический океан. По небу прокатился долгий и страшный своими децибелами громовой раскат. В ответ ему загудели сигнализации припаркованных вдоль дороги машин.

Эрик опустил руки и с удовольствием вдохнул свежайший, напитанный озоном грозовой воздух. Он закрыл глаза и просто дышал, с каждым вдохом наполняясь свежестью и радостью, а еще каким-то первобытным почитанием и преклонением перед природной мощью.

Ветер тем временем снова усиливался, глаз бури быстро уходил дальше. И вот вскоре опять стало темнеть, а желтые

электрические нити быстро вернули себе полное господство в небе. В этот миг прямо напротив Эрика посреди проезжей части чуть ли не в разделительную двойную сплошную линию три раза ударил ярко-желтый кривой электрический столб. Гром и шипение от него, казалось, вытеснили все вокруг, полностью захватили сознание и выжгли ярким огнем все посторонние мысли. Зрение на время покинуло Эрика. Перед его глазами плыла белая пелена, а в ушах звенело тонким комариным писком. Когда пелена рассеялась, он увидел, что в том месте, куда ударила молния, выше домов поднимается столб густого серого дыма, от которого концентрически по дороге стелются такого же цвета дымные кольца.

Дымный столб был от Эрика шагах в тридцати, и Линдгард после недолгого колебания медленно пошел к нему. Пока он не спеша, осторожно, успокаивая себя тем, что снаряд не падает два раза в одну воронку, сокращал дистанцию, дым перед ним стал рассеиваться. Эрику показалось, что прямо там, в эпицентре недавней электрической атаки, стоит какая-то фигура. Он тряхнул головой, протер глаза и ускорил шаг. Дым продолжал редеть, и Эрик обнаружил, что не ошибся.

Прямо там, в тающих серых клубках, стоял человек. Когда Эрик подошел совсем близко, он понял, что человек этот очень высок – пожалуй, чуть ли не на полторы головы выше самого Эрика.

Рассматривая фигуру, оказавшуюся перед ним, Эрик не

заметил, как вокруг начало светлеть. Грозовой фронт внезапно закончился, оборвался и теперь стремительно улетал прочь. Черные тучи рассасывались прямо на глазах, разрываемые ветром. Но Эрик всего этого не видел, он был сильно увлечен изучением незнакомца, буквально свалившегося с неба.

Незнакомец этот был одет в сапоги черного цвета, достигающие до половины голени, сверху отороченные мехом. В них были заправлены темные свободные брюки. Сверху брюк от тяжелого ремня с красивой резной пряжкой яркого металла, похожего на какое-то очень светлое золото, вниз уходили двубортные фалды из плотной ткани в темно-зелено-серую клетку. В качестве верхней одежды на гиганте было нечто среднее между полушубком и пальто – черное и длинное. Борта его были также украшены красивым лоснящимся мехом, скорей просто декоративным, поскольку пальто не выглядело очень уж толстым и теплым. В расстегнутом вороте виднелся темный джемпер. Две его верхние пуговицы были расстегнуты, благодаря чему на шее можно было рассмотреть украшение в виде ворона, выполненное из того же самого металла, что и пряжка ремня. Птица была сделана мастерски, в мельчайших деталях. На месте глаз у нее были два сияющих синих камня.

На голове же у незнакомца была копна светлых волос, отливающих огненной рыжиной в солнечном свете, который вновь разливался по небу. На лоб спадала челка, под кото-

рой горели синим огнем в тон камням на украшении-птице большие пронизательные глаза. Эрик взглянул в них, но долго смотреть не смог, ведь за их льдистым сиянием ощущалось что-то нездешнее, древнее и видевшее такое, что не под силу даже представить простому человеку. Нижнюю часть лица рыжеволосого гиганта обрамляла густая, но недлинная борода. Борода эта была даже не рыжей, а, можно сказать, красной.

– Ну, подходи уже полностью, раз начал, – низким раскатистым басом сказал незнакомец, а потом от души улыбнулся, обнажив блестящие белые зубы. В уголках глаз его кожа собралась в морщинки, указывая на добрый нрав и на то, что улыбался этот человек часто и искренне.

«Человек ли? – подумал Эрик. – Вряд ли...»

Он подошел с задранной головой, ведь его визави был действительно намного выше и к тому же изрядно шире в плечах.

– Я Тур, здравия тебе! – с этими словами рыжий гигант протянул Эрику руку – огромную лапу с толстенными пальцами, унизанную кольцами.

Линдгаард просто молча протянул руку в ответ, внутренне опасаясь, как бы гигант не сплющил ее своей огромной лапищей. Он не знал, что сказать. Мысли отказывались поверить в приносимых с неба молнией людей.

Рукопожатие, конечно, было крепким, но несколько не экстремальным и болезненным, как боялся Эрик, а даже,

напротив, каким-то теплым и, можно сказать, деликатным. Оно, это рукопожатие, каким-то непостижимым образом успокоило Эрика и дало уверенность в том, что никакого зла или враждебности от незнакомца ждать не нужно. Поэтому Эрик позволил себе пристальней взглядеться в его лицо и заглянуть в глаза. Синие глаза в ответ смотрели спокойно, мудро и по-дружески.

– Меня зовут Эрик.

– Я знаю, – с улыбкой перебил его незнакомец.

– Э... Отлично! Кстати, вы тоже почему-то кажетесь мне каким-то знакомым. Даже не знаю, – продолжал Линдгаард с легким замешательством и отвел взгляд, – возможно, все дело в типаже. ...Да и имя какое-то знакомое.

Синие глаза прищурились и заиграли лукавыми искорками.

– Я уверен, ты слышал обо мне. Вообще много кто должен был слышать на Земле. Сейчас, конечно, этому мало придается значения, но когда-то давно я был здесь весьма популярной личностью, – при этих словах в голосе рыжего гиганта можно было уловить тщательно замаскированные, но все же ощутимые нотки тщеславия пополам с легкой досадой.

Он продолжил:

– Ваша планета думает, что встала на собственные рельсы. И отчасти это во многом так и есть, вот только никто не знает, куда эти рельсы ведут. К сожалению, может оказаться, что выбранная вами колея обрывается, а там, за обрывом,

пропасть и крушение.

– Так, – сказал Эрик, – вот сейчас было довольно туманно...

– Туманно, хах! Впрочем, как и вокруг!

Эрик, переставший что-либо понимать, сначала хотел спросить, что на этот раз имеет в виду Тур, но вместо этого оглянулся. И действительно, вокруг было весьма туманно. Точнее, кроме тумана в мире в принципе мало что осталось. Они по-прежнему стояли на асфальтовой дороге, под ногами можно было различить неяркую разделительную двойную сплошную полосу. Все остальное, включая дома, машины и людей (хотя последние уже давно пропали из виду), если и оставалось, то полностью было скрыто густой туманной мглой.

– Я что, сплю? – спросил Эрик.

– Можно сказать, что да, – с тем же лукавым прищуром, словно веселясь чему-то, понятному одному ему, ответил Тур, – а может, и нет. Тут, знаешь, однозначно никогда не скажешь. Что вообще такое сон, кстати, по-твоему?

Тут Эрик невесело, истерически усмехнулся и ответил:

– Знаешь, спроси ты меня об этом еще хотя бы несколько месяцев назад, я бы пустился в пространные философские рассуждения, а теперь же, – Эрик помолчал, – я просто не знаю.

– Понимаю тебя. А виной тому, как и повсеместно в жизни, пережитый опыт?

– Именно так. И подозреваю, твое появление с этим связано самым тесным образом.

– Тоже верно, – ответил великан и вздохнул.

– Или, может, я просто лежу сейчас на своем диванчике и веду диалоги со своим подсознанием, которое почему-то решило мне показать скандинавского бога, чуть изменившего стиль в соответствии со временем.

– Может, и так, кто знает, – спокойно ответил Тур, – однако, подозреваю, твое подсознание никак не может знать того, что я могу тебе рассказать, а возможно, и показать.

Сразу после этих слов Тур сделал легкий жест в сторону. Одно из колец быстро сыграло светом, туман в направлении движения руки рассеялся, и Эрик увидел очертания своего любимого кафе. Рядом с ним, возникая из мглы и затем снова растворяясь в ней, проходили как бы сотканые из этого же тумана людские фигуры.

– Мне на самом деле нужно сказать тебе пару важных вещей, – обратился к Эрику Тур, – поэтому можем либо прогуляться дальше, либо зайти сюда перекусить. Я бы не отказался отведать местной еды. Тем более черт знает сколько лет я вот так, как сейчас, не гулял по Земле.

– То есть мы не во сне?

– Говорю же, – Тур повысил тон, будто сердясь на твердолобость собеседника, – и да, и нет. Опять же не знаю, насколько наши с тобой определения сна как явления близки. Понимаешь?

– Стараюсь, – ответил Эрик немного холодно. Он не привык, когда его ставили на место, тем более настолько неадекватно.

– Тогда давай уже скорей зайдем, что-нибудь перекусим, – нетерпеливо сказал Тур, – путешествие через миллионы световых лет одним смещением отнимает много сил, знаешь ли.

– Как скажешь, не имею ничего против, сам бы перекусил, – согласился Эрик и даже поднял вверх руки с раскрытыми ладонями.

– Чудно! – воскликнул Тур. – Тогда вперед!

Он сделал рукой еще несколько пассивов, как-то хитро перебрал в воздухе пальцами. Его кольца в ответ сыграли целую световую симфонию. Подул ветер, кафе резко набрало краски, а туман развеялся как сигаретный дым. И вот они уже стояли на настоящей улице в окружении людей, снующих туда-сюда и косящихся на огромного, эпатажно одетого рыжего мужчину. Кто-то, возможно, спутал его с небезызвестным Джигурдой, несмотря даже на то, что сходство было самое отдаленное.

Тур же удовлетворенно улыбался. Эрик подумал, что ему все так же приятно внимание людей, чем бы оно ни было вызвано. Пока все то, что он знал из мифов об этом персонаже, странным образом во многом соответствовало действительности.

Они зашли в кафе. Тур слегка пригнулся, чтобы головой не задеть какие-то интерьерные, свисающие с дверного ко-

сяка побрякушки.

– Вон, пойдём за мой любимый столик, – пригласил Эрик.

Они прошли, сели, позвали официантку. Заказ Тура на один блокнотный листок не влез, и бедная девушка-официантка даже устала записывать все желаемое в маленький блокнот таким же маленьким и неудобным карандашиком.

Через примерно час, когда Тур разделался с половиной своего заказа, он удовлетворенно крякнул и сказал:

– Ну, вот теперь можно и нормально поговорить! Кормят, конечно, у вас неплохо, но вот раньше продукты были лучше... Натуральней, что ли...

– Я совсем запутался, – сказал Эрик, – и ничего уже не понимаю. Скажи мне для начала одно, пожалуйста: это все вокруг реально или нет?

– Опять же, – с набитым ртом отвечал ему Тур, – что ты понимаешь под реальностью? Нам, как и в любом цивилизованном разговоре, сначала нужно определиться с терминами.

– Ну что за!.. – сердясь, всплеснул руками Эрик. – Вот я принадлежу определенному миру, я в нем родился, мне в нем предстоит умереть, меня в нем даже похоронят, охота верить. Каждый раз утром я просыпаюсь в нем, именно в нем, и иду заниматься своими делами. Потом засыпаю, вижу сны или не вижу. И эти сны считаются, в том числе и мной, **НЕРЕАЛЬНЫМИ!** Потом снова просыпаюсь – и я в *реальном* мире! Здесь нужно работать, чтобы чего-то до-

стичь. Жизнь непростая, она строит тебе барьеры, что нужно преодолевать, проблемы, которые нужно решать, да и вообще постоянно подкидывает разную пищу для размышлений! Суровая реальность, понимаешь? И это мне еще повезло! У меня все хорошо. Ну, вижу сны, пожалуй, иногда немного ярче, чем другие люди. А может, и нет! Это я сам так думаю. Иногда, последнее время, точнее, изрядно стал загоняться и путать из-за этих снов, представь!

– Загоняться и путать? Куда загоняться и что с чем путать? – озадаченно спросил Тур.

– Да это просто оборот речи такой! Не обращай внимания. Просто сейчас у нас так говорят. Значит, что плохо стал себя чувствовать по причине чего-либо.

– Понятно. Можешь продолжать. Добавить в лексикон данного языка, – ни к кому не обращаясь, будто бы в воздух негромко сказал Тур.

– Прости, что? Это ты сейчас с кем?

– А у тебя не возникало вопросов, откуда я знаю ваш язык и могу довольно сносно на нем изъясняться?

– Да как-то, знаешь ли, нет. Чему тут удивляться, если это всего лишь очередной глупый сон? – и Эрик развел руками.

– Сон, как я понимаю, он, по вашему мнению, не реален?

– Да, конечно, не реален. На то он и сон. Поэтому так и называется. Был бы реален – назывался бы «реальность». Ну, или «явь».

– Угу, – после недолгого размышления протянул Тур. –

То есть во сне должно быть все наоборот, в отличие от реальности: легко, просто, без напряжения, без, как ты сказал? Того, чтобы «загоняться»? Правильно?

– Да, в общем-то. Ну, если это осознанный сон. Когда ты не понимаешь, что спишь, то дела во сне могут обстоять часто очень странно, а порой и просто до чертиков пугающе.

– Хах, я придумал эксперимент, смотри! Ты считаешь, что это сон, так? А раз ты сам мне это только что сказал, то ты осознал, что спишь?

– Ну да, – пытался следить за мыслью рыжего Эрик, – и что?

– Как же! Если во сне все так просто, то почему бы тебе прямо сейчас взять и не заставить на этом столе появиться какому-нибудь новому блюду?!

Эрик задумался тому, насколько простой и гениальной была эта идея. И почти сразу же вслед за этим понял, что не может. Тогда получалось, что он не спит? Ну а как тогда, позвольте спросить, объяснить все эти пляски молний, шторм, налетевший на город в один миг и непонятно куда махом убравший всех людей с улиц? Само это появление Тура после удара молний, точь-в-точь как в скандинавских мифах? Это что, все происходило в реальности, позвольте узнать?! Какая-то странная тогда получается реальность. Для каждого своя... Прямо-таки *персональная реальность!*

– Для каждого своя... – вслух повторил фразу из последнего размышления Эрик.

– Что-что ты сказал? «Для каждого своя»? Вот это уже что-то близкое к реальному положению вещей! – воскликнул гигант. – Давай тогда с тобой от этого и отталкиваться, – продолжал он, – а именно реальность для каждого своя. Твоя сегодня была именно такой: эффектной, с молниями и прочими интересными погодными явлениями!

«Обалдеть! Словно мысли мои прочитал, – подумал Эрик. – И почему так?»

– А так все происходит именно потому, – продолжал Тур, – что наш мир очень многомерен. Настолько, что ты и представить себе не можешь. Да что там! Я сам-то, несмотря на долгое изучение всего этого, далеко не все понимаю. Лучше, конечно, про это было бы поговорить с отцом... Ну да ему сейчас и без того есть чем заняться.

Тут улыбка куда-то разом слетела из недр рыжей бороды. Выражение синих глаз сменилось с шутливого на серьезное, и Тур продолжал:

– Вообще ситуация складывается непростая. Была бы проще – меня бы здесь не было.

– Не сомневаюсь, но давай, пожалуйста, вернемся назад ко всей этой многомерности. Я пока не оставляю надежд все это понять... Хоть как-то.

– О, несомненно! – Тур быстро вернул себе непринужденный тон и продолжал: – О серьезных вещах лучше всего говорить не особо-то серьезно, поверь мне. Так вот. Мир наш многомерен. Основных измерений 12. Согласно отчете-

там, которые я читал, ваши ученые уже пришли к данной модели, пусть пока еще лишь теоретически. Так вот, мало того что измерений 12, но они все должны быть оформлены в какую-нибудь систему и работать согласно неким алгоритмам, правильно?

– Правильно, – согласился Эрик.

– А как человеку на собственной шкуре, как вы говорите, ощутить и почувствовать эти измерения и начать изучать алгоритмы их работы?

– Э... не имею ни малейшего понятия, – снова развел руками Эрик.

– Именно! Точно! Не имеешь ни малейшего понятия! Потому что ты и подобные тебе твоего вида существа, люди, просто-напросто не имеют органов чувств, которые бы позволили ощущать им на себе взаимодействия измерений вселенной напрямую. Хотя, с другой стороны, все в этой самой вселенной – это банальная вибрация на разных частотах. Просто одно существо может оперировать одним набором этих вибраций, а другое – другим. Понятно, чем больше, тем лучше. Для работы с разными частотами нужны разные органы чувств, только и всего. Нет органа чувств – работа вселенной на этой частоте остается для тебя невидимой. Эти самые органы чувств не обязательно должны быть врожденными, ты понимаешь. Можно изобрести их технически. У вас уже очень много разных приборов. Но тех, что могли хотя бы подтвердить теорию многомерности, я уж пока не го-

ворю, чтобы работать с ней, у людей еще нет. Но теория работает. Говорю так с уверенностью, потому что у нас такие средства есть. Доказательство тому – вот!

И он сделал хореографический жест рукой, говорящий, мол: «вот он я, перед тобой, во плоти!».

– А еще, – Тур с этими словами, элегантно держа чашечку кофе, продолжал: – Есть такие вещества, думаю, ты меня понимаешь. Почти везде они есть, и у нас тоже. А на Земле так вообще существовали с незапамятных времен. Так вот, они позволяют на короткое время воспринимать мир на других частотах. Они, конечно, не дарят и не открывают в человеке новых органов чувств, но позволяют до предела обострить уже имеющиеся, иными словами...

Тут он достал какую-то прозрачную стеклянную рамку откуда-то из-за пояса, поднял над ней руку. Пластинка в ответ на это зажглась, и на ней появились какие-то символы, видимо, текст. Затем Тур поднес пластинку ко рту и что-то произнес на незнакомом Эрику языке. Язык этот напоминал странную смесь чего-то скандинавского и греческого. Символы на пластинке после этого сменились, экран три раза мигнул зеленым и погас. Тур убрал устройство обратно.

– Эта штука знает только наш язык, – развел руками великан, – а мне для дальнейшего объяснения нужны были некоторые аналогии между нашими языками в компьютерной сфере.

– Не совсем понял, но ладно, давай дальше.

– Короче, эти самые вещества, изменяющие сознание, действуют на твой мозг как обновление драйверов на компьютере. Оборудование – твои чувствительные органы – остались теми же самыми, но мозг научился благодаря обновлениям получать от них новую информацию о ранее игнорируемых им частотных вибрациях.

Он отхлебнул еще кофе и продолжил:

– Похожим образом ваш людской мозг ведет себя и во снах. Он регистрирует и гораздо лучше обрабатывает сигналы других частот, которые практически всегда игнорирует в другое время. Вот на самом деле что такое сон. Способность людского мозга обрабатывать сигналы в расширенном частотном диапазоне. Вот и вся разница между реальным и нереальным. Просто восприятия разных частот одного и того же многомерного мира.

Эрик внимательно смотрел на Тура и с интересом слушал.

– Тогда смотри, – наконец сказал Линдгаард, – я во сне переживал... Как бы это сказать... Мгновения огромного могущества, что ли. Как будто мне подвластны самые глубинные стихийные силы, словно сказочному волшебнику. При этом мир там, вокруг меня, был вроде бы мой, но, с другой стороны, не совсем. И...

Тут он осекся и замолчал, потому как опасался задавать тот самый давно волнующий его вопрос. С которого все, в сущности, и началось.

– Не утруждайся, – прервал его Тур, – я знаю, о чем ты

говоришь. И можешь не посвящать меня в свои душевные переживания по этому поводу. Они, кстати, должны отступить, когда я расскажу тебе, как все это работает.

– Но откуда ты знаешь? Вы следите за мной, за людьми? Вообще за планетой?

– Я бы сказал, курируем. В нашем мире для этого есть даже специальное ведомство. Они занимаются тем, что отслеживают таких, как ты.

– Каких это как я? – перебил Эрик.

– Входящих. Мы их так называем – людей с повышенной способностью мозга к обрабатыванию большего спектра частот. Ты уже много раз демонстрировал свои способности, судя по моим наблюдениям, а еще наблюдениям, которые пытается скрыть кое-кто хитрый из тех самых кураторов, о которых я говорил ранее. Но чтобы дальше вести разговор об этом феномене, – продолжал Тур, – нужно нам с тобой немного разобраться, как вообще работает мир. Смотри: ты, наверно, неоднократно слышал о том, что вселенная якобы бесконечна.

– Да. В нашем мире это один из основных общепринятых постулатов, если мы говорим о вселенной как о космическом пространстве.

– И вы недалеко от истины. Вселенная если и не бесконечна, то уж точно зациклена по очень широкому радиусу, представить который возможно с трудом. Также ты должен был слышать о том, что у миров есть копии или что-то в этом

духе. Мы же используем термин «варианты».

– Да, это тоже. В нашем мире принято обычно говорить о параллельности вселенных. Якобы существует таких параллельных миров бесконечное множество.

– Хорошо. На самом деле, мы в своих исследованиях экспериментально подтвердили, что существует бесконечное *пространство вариантов развития событий*. Допустим, в пределах одной планеты в одном из ее вариантов случается некое значимое событие. Такое, что затрагивает большие территории или же большие массы людей. Это же самое событие может развиваться по слегка другому сценарию и привести к другому итогу. Иными словами, развиваться по другому варианту где-то еще. «Где-то еще» – это, как ни странно, тут ключевое понятие. Это будет в принципе та же самая планета, тот же самый мир. Но произойдет ничтожный, малюсенький переход какого-нибудь электрончика на другой энергетический уровень, кварк в этом электро-не завибрирует с другой частотой, а струна в этом кварке внезапно приклеится в другой бране. Все эти хаотичные события – следствия принципа неопределенности. В микромире нельзя без эксперимента с точностью сказать, где какая частица будет находиться в данный момент времени. На это влияет сам факт измерения, эксперимента. Именно это и есть фундаментальный принцип субъективности реальности. И этого будет достаточно, чтобы в итоге сформировалась проекция того же самого мира, но в которой развитие пошло по друго-

му пути. Это и будет тот самый параллельный мир, о котором говорят ваши ученые. С этого момента мы можем говорить о двух разных проекциях, или слоях, или, если хочешь, реальностях. Затем в каком-то из вариантов следующее событие происходит не так, как в смежном, и проекции снова расслаиваются. И так, как ты понимаешь, может происходить до бесконечности. Например, существуют проекции Земли, в которых случился ядерный конфликт, и там отныне ничего интересного не происходит. Никакого прогресса, никакого действия. У таких вариантов вероятность породить новые ответвления ничтожна мала. Мала сейчас, но кто знает, что может случиться там в далеком будущем? И тут мы в принципе уже можем говорить о том, кто такие входящие. Это те люди, которые могут путешествовать по смежным проекциям своего мира. В принципе и по другим мирам могут, но это уже очень высокий уровень, требующий специальных тренировок. И ты именно такой представитель своего вида.

Эрик слушал, открывши рот, а потом спросил:

– А это ваше кураторство, зачем оно, за чем вы наблюдаете? И как давно?

– Довольно давно по меркам вашей истории. О нашей деятельности даже осталось множество упоминаний. Правда, насколько я знаю, сейчас это все уже сотни раз переписано, фактов там осталось чуть, да и вы относитесь к этому больше как к увлекательным или не очень сказкам, – Тур усмехнулся, – может быть, кстати, и правильно делаете.

– Я думаю, что понял, о чем ты говоришь, – ответил Эрик, – однако твой облик, например, соответствует этим сказкам чуть ли не на сто процентов.

– Удачное совпадение, – просто сказал Тур, пожимая плечами, – а курируем мы вас и другие миры, конечно же, неспроста, особенно теперь. Раньше, давно, целей было несколько. Сейчас же основная, по сути, одна.

– Что это за цель?

– Видишь ли, наш мир уже долгое время находится в большой опасности. Мы научились справляться с этим, и способ уже долго и неплохо работает. В основе его как раз и лежит та самая многовариантность мира. Но на самом деле ничто не бесконечно. И в один прекрасный момент ресурсы могут закончиться. Поэтому мы и хотим разобраться с проблемой раз и навсегда вместо постоянного бегства от нее.

– Что же это за проблема такая, с которой даже ваша цивилизация, представители которой путешествуют на молниях, не может справиться?

– Очень сильный враг, хоть и бездумный механизм. Точнее, я думаю, что это механизм, что его природа техногенна. Это мощное небесное тело, по сути, являющееся черной дырой, которое раз за разом пожирает наш мир.

– Мда!.. Жесть, – только и сказал Эрик. – И как же вы с ней боретесь? И как понять: «раз за разом пожирает мир»? Как вообще с этим можно бороться?

– А вот как. Мы просто сдвигаем весь мир со всем населе-

нием в другую проекцию. И продолжаем жить там со всей накопленной историей, знаниями, технологиями. Поэтому постоянно следим и ухаживаем за нашими слоями, чтобы при переходе все было максимально похоже. Чтобы простой обыватель ощущал себя абсолютно комфортно и привычно. При чем же тут входящие, спросишь ты? – продолжал рассказывать Тур. – Они ведь, вероятно, есть и на нашей планете и должны быть гораздо более умелыми и опытными. Все так, но для борьбы тем способом, который мы разработали, их банально мало.

– И поэтому вы ищете кандидатов в других мирах и называете миры, где они есть, перспективными?

– Молодец, – только и сказал Тур, посмотрев на Эрика в первый раз с выражением одобрения и легкого удивления на лице. Первый раз за сегодняшний вечер.

– Хорошо, и в чем заключается ваш план?

– А вот на этом месте мы с тобой пока остановимся, – сказав это, Тур быстро вернул выражению лица обычную лукавую веселость. – Скажу пока лишь одно, – лицо рыжеволосого гиганта мигом снова приобрело серьезное выражение, – в самое ближайшее время тебе следует быть максимально готовым и мобилизовать все свои способности. Не сомневайся, они в тебе есть. В нашем мире все далеко не так гладко, – Тур немного помолчал, потом продолжил: – Как, наверное, и в любом мире, независимо от того, насколько далеко он продвинулся по пути прогресса. Вот и у нас в вопросах борьбы

наметились, скажем так, разногласия. Вот только, подозреваю, оппозиция не знает, что мы не такие наивные, как они думают.

Тут Эрик подумал о своей первой встрече с похожим на Тура гостем из далеких миров.

– Знаешь, Тур, на самом деле, думаю, ты не первый, кто контактировал со мной из ваших.

Рыжие брови сошлись и нахмурились, а синие глаза вдруг стали смотреть почти что пугающе серьезно и озабоченно. Эрику даже показалось, что лед в них стал будто бы искристей и ярче, а в зале кафе стало холодней. Но быстро списал это на свое расшалившееся под напором новой невыносимой информации воображение.

– Эрик. Давай-ка с этого места как можно подробней.

И Эрик рассказал ему о своей встрече с Кархом во всех мельчайших подробностях, какие только смог припомнить. Тур слушал очень внимательно, ни на минуту не отрывая своего пронзительного внимательного взгляда от Эрика. После того как Эрик закончил говорить, произнес:

– Спасибо. То, что ты рассказал, очень важно. Я, конечно, догадывался о чем-то подобном. Но теперь, по крайней мере, я с уверенностью знаю, откуда здесь ноги растут. И это только подкрепляет мои слова: от тебя требуется максимальная внимательность и напряжение всех сил, когда и если возникнет такая необходимость. А мне почему-то кажется, что она обязательно возникнет. Если за этим стоят люди, о которых

я думаю, то вашему миру может грозить самая настоящая опасность. Твоей проекции уж точно.

Тут камни на амулете на шее Тура начали пульсировать мягким приглушенным светом, и Эрику показалось, что он едва-едва на самой границе слуха различает какой-то низкий, но приятный гул.

– Тур, а вот, например, такой вопрос, – сказал он, – расскажи про эти параллельные проекции. Как там обстоит дело с двойниками? Судя по моему опыту, они там вроде как есть. Но как это работает, я не представляю.

– Я бы с радостью, Эрик, но мне надо возвращаться. В другой раз – обязательно.

– Жаль, – протянул Эрик, – у меня еще куча вопросов осталась...

– И это нормально. Но пока на данном этапе ты должен просто заниматься своими делами и помнить мои слова.

– Да-да, я запомнил: быть внимательным и готовым приложить все силы, когда будет нужно.

– Именно так! – весело сказал Тур и искренне улыбнулся, протянув руку для прощания.

Эрик пожал ее, а как только отпустил, окружающий мир стал меркнуть и терять очертания. Все подернулось каким-то белесым туманом, и до сознания стали долетать сигналы, передаваемые мозгу о другом месте, и уже нельзя было сказать с уверенностью, в каком из них конкретно ты находишься.

Эрик понял, что это состояние больше всего напоминает

пробуждение. И вот он уже ощущал через закрытые глаза, что на самом деле не сидит за свои любимым столиком в кафе, а лежит на чем-то мягком. В голове его, в сознании все еще перед ним сидел Тур. Эрик все так же видел его в теперь уже почти растворившемся и далеком интерьере. В это же время он мог чувствовать привычные запахи своей квартиры.

И вот настало время, когда глаза уже можно было открывать. Сознание пробудилось ото сна и вернулось в привычную действительность. Эрик сел на диванчике и увидел привычные белые стены и мебель, собранную сумку на полу, а за окном сквозь закрытые шторы в комнату очень хотел попасть красный закатный свет.

Линдгаард подошел к окну, раздвинул шторы и увидел, как за горизонт опускается солнце. Небо вокруг было подернуто рваными серыми клочками туч, а в воздухе чувствовалось, что недавно прошел дождь, а может, была и гроза. Однако Эрик, видимо, спал настолько крепко, что совсем ее не слышал. Асфальт на дороге во дворе тоже был влажный, но уже подсыхал, как бывает после сильного, но короткого ливня.

Эрик сел на диван и задумался. Было ли пережитое им только что сном или все это было на самом деле, как сказал этот рыжий странный Тур, так похожий на того самого скандинавского бога? И что нет никаких снов, по крайней мере, в том смысле, как мы их знаем, и все это действитель-

ность, просто происходящая порой в других причудливо переплетенных между собой измерениях. Разобраться и доказать, так это или нет, прямо сейчас не представлялось Эрику возможным. Поэтому он пошел запустить цикл приготовления кофе, чтобы затем, попивая черный напиток, вспомнить, а все ли он положил в сумку. До вылета оставалось чуть меньше 12 часов.

Глава 20

Аню встретила замечательная погода финского весеннего утра. Потом был обычный рабочий, ничем не примечательный день в стерильном офисе с опрятными, модно одетыми коллегами, неспешным течением времени и решением вопросов. Иначе говоря, огромный контраст с недавними событиями, произошедшими с девушкой зимой. До сих пор в сознании, в мыслях сохранялась память обо всех этих снах, провалах в памяти и во времени. Много раз Аня пыталась анализировать ту странную мистику, внезапно охватившую ее круговоротом. Что из всего этого было правдой, если вообще было хоть что-то? Или же все эти странные видения и ночные визитеры не что иное, как ответ ее подсознания на удар, которым стала внезапная потеря родителей? А быть может, и то, и другое разом?

Чем больше девушка думала об этом, тем больше склонялась к мысли, что однозначно подтвердить или опровергнуть ту или иную гипотезу было нельзя. И что в этой ситуации, как и вообще очень часто в жизни, истина в твоём мире определяется во многом твоим взглядом на нее и твоим же выбором, во что верить.

Но время, как всегда, подобно ластику стирало боль и иглой сшивало раны. Не полностью, а так, что, присмотревшись, всегда можно было увидеть их контур, навсегда отпе-

чатанный на душе кривым шрамом. Точно так же чистому листу уже никогда не стать идеальным, неважно, насколько сильно и как долго ты стирал ластиком надписи с него. Однако поверх все же можно написать что-то новое, что станет определять уже свой актуальный смысл, а старых отметок от прошлого текста за ним будет и не разглядеть. Конечно, только в том случае, если специально не приглядываться.

Руководствуясь этой аналогией, Аня выбрала для себя жить дальше, писать заново, а не всматриваться в следы, оставленные тем, что уже было стерто. Конечно, не начисто, а так, как получилось.

Но жизнь была бы очень скучной и предсказуемой и перестала бы развиваться, стагнировала, если бы она полностью определялась лишь выбором человека. Ане этой ночью суждено было в который раз испытать это правило на себе.

Свет в спальне был выключен вот уже примерно как полчаса. Аня лежала в кровати, чувствуя, как сознание начинает балансировать на грани между сном и явью. Голова ее наполнялась туманом, и девушка понимала, что уже очень скоро провалится в другие миры, чтобы завтра снова открыть глаза в своем. В этот момент сережка в ее ухе, та самая – серебряный крестик в круге, нежно завибрировала и тонко зажужжала.

Анна, конечно же, помнила и понимала, что это значит, и уже приготовилась услышать тот самый низкий покровительственный голос. Последний нисколько не заставил себя

ждать и, как и раньше, заполнил собой все сознание девушки:

– Аня, доброй ночи. Как ты? Много твоего времени я сегодня не займу.

– Привет, Зенос. Все нормально. У тебя что нового?

– Масса вещей, если честно. Наш мир, например, в очередной раз умер, но, как ты понимаешь, раз я говорю с тобой, значит, не все так однозначно.

– Умер ваш мир? – озадаченно, во многом благодаря ночному времени и тому, что ее вырвали из погружения в сон, спросила Аня. – Не слышно, чтобы ты был расстроен по этому поводу.

– А чего расстраиваться-то? Для нас это, можно сказать, почти регулярная процедура. Происходит раз в сто лет примерно. По вашему счету. Можно сравнить с извержением вулкана, например. Неприятно, но жить можно, – он немного помолчал, а потом добавил уже серьезней: – Жить-то, конечно, можно, но до определенного момента... М-да. Ну да ладно. Это наши проблемы. Я здесь не за этим. Скажи мне, твое желание отомстить еще присутствует?

Анна задумалась. А действительно, присутствует ли? Вообще, а есть ли тот, кому мстить? Существует ли этот Эрик хоть где-то за пределами ее головы, и если нет, то как он может быть виновен в смерти ее родителей? Все-таки до конца поверить в реальность происходящего, во все эти мультиселенные, в людей, наделенных сверхспособностями эти

вселенные менять, в какую-то сверхрасу древних полубогов и прочее было, мягко говоря, непросто. И чем больше твоя жизнь возвращалась в нормальное русло пусть скучной, рутинной, но зато простой и понятной жизни, тем слабей верилось во всю эту фантастику. И вот когда Аня уже была готова все это вообще забыть и списать на реакцию мозга, вызванную внезапной потерей родителей, вся эта фантастика резко и не спрашивая вновь напомнила о себе.

Кстати, она даже объяснила для себя появление этой странной сережки-крестика. Она ведь просто нашла ее на полочке под зеркалом в той самой гостинице, где останавливалась тогда зимой в Томске. Теперь же это воспоминание подвергалось серьезным сомнениям.

– Так что, Анна? Ты не ответила на вопрос, – бас в голове, оказывается, по-прежнему был здесь и так же продолжал гнуть свою линию.

«А черт с ним, чего уж там, – подумала Аня. – Если правда этот Эрик реален и виновен в смерти родителей, почему бы ему не отомстить. Мало того, это нужно сделать! В конце концов, никто не вправе уничтожать половину города! Ну а если он не реален и все это не более чем игры моего разума, то хуже никому, кроме меня, все равно не станет».

– Да, Зенос, конечно. О чем разговор. Более того, я все ждала, когда же ты появишься и расскажешь, что мы делаем дальше.

– Хорошо, что я не ошибся в тебе, Аня, – ответил Зенос.

Девушка даже была уверена, что уловила в его голосе нотки облегчения. Она немного обреченно выдохнула, про себя горько усмехнувшись тому, что, возможно, прямо сейчас сходит с ума, и сказала:

– Я тебя внимательно слушаю. Что от меня требуется?

– Что ж, – удовлетворенно продолжал зритель, – для начала скажу, что наш ответ – твой ответ – будет в разы сокрушительнее, чем его действия. Согласно нашему плану под ударом окажется вся его проекция.

Аня помнила и знала откуда-то этот термин. В одном из своих снов девушка просмотрела, можно сказать, целый документальный фильм. В нем рассказывалось о том, как работает вселенная, о том, что есть 12 измерений. А быть может, 13, Аня уже не помнила. Все эти измерения, причудливо переплетаясь, порождают множества вариантов развития событий, разветвляясь под выбором людей. Эти совокупные события образуют так называемые проекции разных миров: слои реальности, где развитие пошло по другому сценарию. Что человек, а правильнее будет сказать, психоэнергетическая сущность существует как бы разом во всех проекциях и совокупной с другими такими же сущностями деятельностью определяет развитие своего слоя. И что среди них существуют так называемые входящие, способные при желании концентрироваться не только на одной проекции, что является для них основной и, как они сами ее называют, «реальной», но могут выходить за ее пределы и менять другие слои

своего мира.

Все это Аня помнила. Поэтому термин «входящий» был также ей знаком. Вот только до сегодняшней ночи она думала, что вся эта лекция не что иное, как еще один аттракцион ее мозга для него же самого. А тут снова этот Зенос со своими разрушителями и просьбами о помощи в недопущении их деятельности.

«Короче, ладно! – подвела для себя черту девушка. – Не так уж и важно, взаправду это все или нет. Если нет, то это как минимум увлекательно и интересно, а если да, то карма должна настигнуть человека за все, что он сделал, и я буду только рада, если стану в этом ее орудием!»

– Зенос, ты уже скажешь, что от меня требуется, или нет?! – изображая шутовское нетерпение, сказала Аня.

– Вот это да! Какой приятный энтузиазм! – немного опешив, пророкотал Зенос. – Ну, тогда слушай. Все в целом готово. Твоего участия может вообще не понадобится, но я бы на твоём месте на это не надеялся. Скорей всего, это лично мое мнение, но ты как раз и сыграешь во всем этом плане определяющую роль.

– В каком плане? Что за роль?

– Если в двух словах, то в проекции Эрика готовится амбициозный проект. Это будет проект по исследованию земных недр. Выгодным для нас является то, что все это будет проходить в очень опасном и сложном месте возле действующего вулкана на востоке твоей страны.

– Должно быть, Камчатка, Ключевская Сопка, если я правильно помню географию.

– Да, именно этот вулкан, ты права. В состав оборудования, которое будет предоставлять для спуска компания, где работает Эрик, силами наших агентов будет внедрена бомба. Очень непростая и мощная бомба. Тебе не обязательно даже начинать вникать в ее конструкцию. Можешь просто довериться мне. Когда она сдетонирует, эффект будет виден по всей проекции разрушителя.

– Не поняла. Это что, отразится на всей планете? – серьезно спросила Аня. – Нельзя ли поподробней?

– Да. Согласно нашим расчетам это должно вызвать череду катаклизмов по всей планете, – уклончиво ответил Зенос.

– А что дальше и насколько сильных катаклизмов? – нетерпеливо спросила Аня. Она была немного сбита с толку таким ответом.

Никаких масштабных последствий, затрагивающих всю планету, девушка не хотела.

– Скажи мне, как все это отразится конкретно на этом у блюдке?

Повисло недолгое, буквально секундное молчание. Но все же в разговоре явно улавливалась пауза, вызванная замешательством с ответом. Ведь до этого Зенос отвечал четко и почти сразу же после вопроса, отметила про себя Аня.

Однако очень быстро старший смотритель нашелся с ответом. А когда он вновь заговорил, интонация его ничуть не

изменилась и была столь же размеренна, спокойна и уверена, как всегда. Все это должно было убедить собеседника в абсолютном знании и понимании того, о чем говорил сейчас зритель.

– Аня, такой силы воздействие необходимо, чтобы повредить само энергополе проекции Эрика. Только в этом случае он не сможет больше вести свою разрушительную деятельность и ставить под угрозу другие слои и людей там, – говоря это, Зенос если и не соврал, то сильно искажил факты.

Аня же после недолгого колебания и той вероятности, что это может быть всего-навсего лишь очередной сон, а значит, переживать особо не о чем, в душе согласилась и поверила Зеносу. В самом деле, ничей мир она, скорее всего, под удар не поставит, а если и поставит, то и шут бы с ним, вон еще сколько остается у вселенной вариантов Земли!

– Хорошо, Зенос, что от меня требуется? – просто спросила она после недолгого колебания.

– Как и всегда, быть максимально бдительной и готовой к внезапным внедрениям в проекцию Эрика и к выполнению инструкций. Помни: ничего непосильного мы тебя никогда не попросим сделать. А во всем, что попросим, будем всецело, насколько это только возможно, помогать.

– Скажи уже, что конкретно от меня будет нужно! – немного выходя из себя, потребовала Аня.

– Помочь нам активировать бомбу, если механизм штатной активации будет каким-то образом поврежден или за-

блокирован. Только и всего.

– Только и всего?! И как же я должна буду это сделать? Очень интересно!..

– Технологии в детонаторе помогут тебе это сделать без труда, – снова уклончиво ответил зритель, – знать тебе стоит лишь то, что они могут работать с особым волновым спектром сигналов. А как тебе известно, все в нашем мире – это волны. Твое воздействие на чужие проекции – это тоже волны. И наш детонатор способен с этим воздействием работать. Так что, как видишь, ничего сложного!

– Хорошо, поняла. Я согласна. А сейчас извини меня, но я очень хочу спать!

– О чем ты, Аня? – с наигранным недоумением изумился Зенос. – Ведь ты и так уже спишь!

И как только он это сказал, Аня услышала мягкую трель будильника, возвещающего, что сейчас 7:15 в Хельсинки, а это значило, что ей пора вставать и начинать собираться на работу.

Сразу после того как Эрик прибыл на буровую площадку и разместился в вагончике, он тут же пошел к начальнику буровой, чтобы согласно процедуре пройти все необходимые инструктажи. Как только он открыл дверь вагона-офиса, его встретил Эмиль, сидевший тут же с небольшой стопкой каких-то документов в руках.

– Салям, Эрик! Давно не виделись!

– Давненько, это точно! – ответил Эрик, пожимая протянутую руку. Указывая на кипу документов у Эмиля, Линдгаард спросил:

– А это что за талмуд такой у тебя?

Эмиль наклонился поближе к уху Эрика, благо буровой мастер, находившийся тут же вагоне, был увлечен чем-то на экране монитора. Рядом с ним Эрик заметил невысокого седого мужичка, по виду иностранца. Его лицо обрамляла такая же совершенно седая, как и волосы, эспаньолка.

– И что это за заграничный интервент? – продолжал задавать вопросы Эрик, понизив тон и кивая головой в сторону иностранца.

– Давай в балке все расскажу позже, – так же почти шепотом ответил Эмиль. – Тут вообще интересные дела творятся...

– Ну, давай, – сказал Эрик и прошел к столу начальника буровой.

– Здравствуйте! – начал он знакомство. – Линдгаард, Эрик.

Начальник обернулся в его сторону и протянул руку.

– Иван, буровой мастер! – бодро сказал он.

Мужчины пожали руки, после чего Иван указал на невысокого седого обладателя эспаньолки и представил его со словами:

– А это наш иностранный эксперт, представитель... эм... господин Фрэнк Уоррен!

– British Petroleum Science and Research Department. Я и сам-то иногда с трудом это выговариваю! Приятно познакомиться! – сказал иностранец на приличном русском, хоть и не без акцента, разумеется. – Как добрались?

– О, спасибо, неплохо! – Эрик слегка опешил от познаний англичанина в русском языке. – И мне тоже приятно.

Они пожали руки. Все это время иностранец улыбался во все 32 свои безупречно белоснежных зуба. Улыбка была даже вполне сердечная и если и натянутая, как у почти всех иностранцев в России, то совсем немного. Однако Эрик отметил, что глаза Фрэнка оставались предельно внимательны и сосредоточены и, не скрывая, изучающе смотрели на него.

Но, разумеется, официально было ни к чему не придраться, и Эрик приступил к простановке подписей в различных журналах. Подписи эти обозначали, что Эрик ознакомлен со всей опасностью, подстерегающей его на буровой, и в случае чего ответственность за свою жизнь несет исключительно сам. После того как он отошел от мастерского стола, распрощавшись на время с Иваном и Френком, они с Эмилем вышли из вагона-офиса и направились к своему.

– Ладно, времени у меня немного, – быстро начал Эмиль, – вечером или завтра будет еще один борт, на нем и улечу.

– Странно, я думал, улетишь на этом, – ответил Эрик. – Дороговато, должно быть, по два борта сюда к черту на рога гонять!..

– Я тоже так думал, уже вещи все собрал, но тут резко устроили какой-то срочный селектор. Там были все, кого только можно представить, от всех сторон. По почте пришло вот это, – он потряс ворохом документов в руке, который так и не выпустил почему-то, – и, в общем, всех, в том числе меня, обязали это подписать.

– А что это такое-то? – спросил слегка сбитый с толку Эрик.

– Разрешение на спуск какого-то непонятого оборудования, запрошенное ВР и согласованное чуть ли не президентом! Судя по документам, какой-то очень важный геофизический зонд, способный регистрировать чуть ли не активность ядра. Какая-то дико современная новейшая разработка. Первый раз спускается вообще где бы то ни было в мире. По крайней мере, мне так этот Фрэнк сказал.

Тем временем Эмиль все-таки передал Эрику бумаги, и тот погрузился в их беглое изучение.

– А что, эта приблуда радиоактивная, что ли? – слегка нахмурившись, спросил Эрик.

– Судя по всему, да, там даже отдельный сертификат есть, подтверждающий безопасность источника. Со всеми лицензиями и печатями, насколько я помню.

– Ну да... – протянул Эрик. – Печатей тут чуть ли не больше, чем самого текста.

Он как раз разглядывал разноцветный документ на английском языке с тем самым желто-черным зловещим венти-

лятором. Документ был весь в печатях и голограммах. Степлером к нему крепился нотариально заверенный перевод.

– Я смотрю, это ни разу не факс, – сказал Эрик.

– Не, ну наблюдательности твоей всегда завидовал даже я! – сказал Эмиль со своей фирменной поддевкой.

Но теперь этот подкол был куда более тоньше и цивилизованней, отметил про себя Линдгаард.

– Кстати, этот иностранец здесь уже почти неделю, – продолжал Эмиль, – но как только на вчерашней конференции речь зашла про этот новый зонд, он тут же достал откуда-то этот сертификат! То есть выходит, что спуск этого устройства был уже давно запланирован наверху.

– Интересная выходит штука... Странно, что саму железку этот Фрэнк не привез.

– С одной стороны, вроде бы странно, а с другой – ну что такого! Может, ее настраивали, дорабатывали, просто везли, в конце концов. Я представляю, сколько с ней геморроя должно было быть, тем более если она в натуре такая инновационная и это действительно будет первый спуск.

– Ну да, ну да... – согласился Эрик.

Остаток вечера парни проболтали, посмотрели парочку фильмов, которые привез с собой Эрик. Все-таки полевой опыт не пропьешь, как ни старайся. А опыт этот одним из самых важных пунктов при сборе в поля провозглашает, что много фильмов на винчестере не бывает.

Еще Эрик был приятно удивлен тем, насколько приятней

и легче стало им с Эмилем общаться. Создавалось такое впечатление, что всю спесь, гонор и необъяснимое порой желание спровоцировать конфликт из Эмиля кто-то чуть ли не хирургически удалил, оставив только самый минимум. Ведь совсем лишать человека защиты, делая его полностью не готовым и избегающим любой конфронтации, например, даже просто дружеского подкола, опасно. Вспомните хотя бы замечательное произведение на эту тему – «Заводной апельсин».

Эрик, естественно, все это понимал. Интересовало его другое: что послужило настолько видимой перемене в человеке? Неужели это простое банальное взросление или же тут что-то посложней? У Эрика была одна теория, но, чтобы всерьез об этом говорить, нужно было сначала спросить у кого-то компетентного, допустим, у Тура. Не то чтобы это имело какое-то большое значение сейчас, но в таком случае перемена в характере Эмиля являлась бы уже хорошим доказательством того, что все случившееся с Эриком за последние полгода не просто череда интересных остросюжетных снов. Плюс ко всему Эрик был рад, что Эмиль живой и во плоти и у него, можно сказать, произошла эволюция личности. Не то чтобы Эрик сомневался, что Эмиль жив, после того самого сна, но доказательство, увиденное своими глазами, в сто раз лучше любых других косвенных подтверждений.

В общем, когда на следующий день за Эмилем прилетел борт, доставив тот самый загадочный зонд, Эрик почувство-

вал, что теперь по-другому смотрит на Эмиля. Видя, как спина Ахвердиева удаляется по направлению к вертолетной площадке, Эрик с радостью для себя отметил, что теперь смотрит на него по-другому. Теперь на несущего тяжелую сумку в отставленной руке Эмиля Эрик смотрел если и не как на друга, то как минимум на уважаемого товарища и коллегу. От осознания этой перемены у него потеплело где-то в груди и повысилось настроение. Приятно было осознавать, что он перерос очередной конфликт, очередную неприязнь на пустом месте и теперь они с Эмилем стали мудрее и выше этого.

Вертолет взлетел, и когда последние отзвуки шума лопастей перестали доноситься до слуха, Эрик влез в рабочий комбинезон, надел теплую рабочую куртку и отправился провести осмотр оборудования, в том числе и того самого зонда.

«Блин! Я ведь так и не поинтересовался у мастера, как ведет себя скважина! – посетовал Эрик. – Мало того что это просто невежливо, так еще и нехорошо для работы». И чтобы исправить это упущение, он, вместо того чтобы пойти сразу же к приемным мосткам буровой, возле которых в ящиках лежало оборудование хвостовика, направился к вагону-офису.

– Иван, привет! – сказал Эрик спине в черной водолазке возле монитора.

– А, Эрик! Заходи, проходи! – повернулся к вошедшему

вместе с креслом буровой мастер.

– Привет, Иван! Да вот, зашел узнать, как бурейка у вас шла.

– О-о-о! – протянул начальник, откидываясь и закатывая глаза. – Ну, слушай тогда. Это надолго рассказ.

Эрик скинул тяжелую зимнюю спецовку, повесил ее на вешалку у входа, прошел и сел на тахту возле мастерского стола.

– В общем, – начал Иван, – сказать «с осложнениями» – это ничего не сказать. Как только закружились и пошли к жерлу, где должны будут проводиться эксперименты, началась самая жара. Буквально. Во всех смыслах этого слова. Во-первых, это, конечно, раствор. Он стал буквально вскипать и выходить на устье, дай бог, в трети своего изначального объема. Соответственно, бурили под постоянным риском ГНВП. Ну и, разумеется, реагентов на приготовление нового раствора ухлопали как на 10 скважин. Веришь или нет, сейчас бурим на третьем комплексе бурилки! Два предыдущих после нескольких СПО вытягивались как макароны и буквально гнулись, стоя за пальцем. Наши хотели спустить туда температурные датчики, просто ради интереса посмотреть, какая там температура, что трубы плавят, но, сам понимаешь, когда подняли датчик... В общем, там и поднимать особо было нечего. По поводу СПО – это тоже сущее наказание какое-то. Бывало, что полсмены не проходило, как проходка падала до нуля, потом поднимали долото, а оно

все поплавлено, зубья все гладкие, сработанные, и форсунки забиты серой. В общем, пробурили, конечно, с горем пополам. Дело пошло лучше, когда привезли какие-то суперсовременные американские реагенты, специально разработанные для борьбы с экстремальными температурами. И долотья стали доставлять с вольфрамовым вооружением. Только так и смогли добуричь. Но слушай, Эрик. Сейчас скважина стабильна, циркуляция почти полная, но ключевое слово здесь – «почти». Я это к тому, что к спуску хвостовика раствора останется буквально впритык.

«Как же этот Иван любит слово «буквально»», – подумал про себя Эрик. Но продолжал слушать с интересом. Он и не ждал легкого спуска и настраивал себя на что-то подобное.

– Так вот, Эрик, – продолжал Иван, – я уже неделю назад дал заявку на завоз дополнительной партии того сказочного реагента, но хоть проект и международный, а бюрократы, видимо, везде кушать хотят. Короче, наши ответили, что времени на согласование всех таможенных вопросов для завоза новой партии не хватит, и сказали завершать работы на том, что есть. А если этот чертов вулкан, который, видимо, вообще своей жизнью живет, захочет что-нибудь выкинуть? Откроется поглощение, повысится температура, или шас с проработкой, тьфу-тьфу, что-то нештатно пойдет?

И он широкими глазами посмотрел в упор на Эрика, стуча по деревянному столу.

– Ну что в таких случаях говорят, – с успокаивающей

улыбкой сказал Эрик, – мы люди маленькие, наше дело – выполнять.

– Но ты-то вроде, я слышал, начальник какой-то тоже. Не можешь там повлиять на кого нужно, так сказать, после того как увидел проблему на месте?

Эрик скривился и посмотрел в сторону.

– Да я хоть и начальник, да, но всего лишь в сервисной компании, не забывай. А тут международный проект, где всеми все уже согласовано. Странно только, что, если тут такие проблемы, почему молчит этот Фрэнк и его буржуи? Эти-то натурально помешаны на безопасности...

– Вот, Эрик! Вот! Прямо с языка снял! Также хожу целыми днями и про это думаю. Знаешь, я краем уха слушаю все-таки его переговоры кое-какие, так вот. Я далеко не эксперт в английском, но создается впечатление, что он им половину проблем тупо не договаривает. Все у него вечно «ОК», «Ноу проблем» и «Ол райт». Так же, да? «Ол райт»? – неуверенно спросил не особо сильный в английском Иван.

– Ну да, Иван. Ты все правильно понял. Все хорошо у него, значит. И это действительно странно. Теперь я еще больше пообщаться с ним хочу.

– Да уж! – согласился Иван, а потом спросил: – А ты куда шел-то?

– Да вот, осмотр надо же произвести.

– Твоих железок-то? Так это мы с Эмилем все уже сделали, акт составили, подписали. Вот!

И он начал разгребать вороха документов на столе, отыскивая тот самый акт.

– Да не суетись ты, кстати, как тебя по отчеству? Я к старшим привык так обращаться.

– А, по отчеству Михалыч, если уж привык, то привычка – вторая натура, знамо дело!

– Отлично! Так вот, Михалыч, акт-то этот у меня есть, Эмиль передал. Я больше хочу на этот загадочный зонд – чудо заокеанской мысли – посмотреть. Что это такое вообще.

– А, ну, это обязательно, естественно! Сходи, конечно, глянь, чего там эти буржуи привезли такого в землю русскую спускать!

На этом месте они рассмеялись, и Эрик, заинтригованный больше прежнего, особенно узнав некоторые подробности, пошел совершить-таки предварительный осмотр.

Снег, и не думавший начинать таять, несмотря на весну, приятно хрустел под ногами. Буровая площадка находилась в окружении красивой горной цепи, а на фоне самой установки вздымала свой белый горб Ключевская Сопка. Своей громадой вулкан заслонял полнеба, но Эрик понимал, что, как и со всеми горами, на самом деле она была намного дальше, чем кажется.

Около буровой установки возле приемных стеллажей находились ящики с оснасткой хвостовика. Тут же на стеллажах в лучах утреннего дальневосточного солнца блестел черной краской комплект труб, на котором вся эта оснастка

должна была быть спущена в скважину. Ящики были вскрыты, но аккуратный Эмиль накрыл их деревянными крышками и даже положил сверху плотную пленку – бельтинг, чтобы часто выпадающий снег не напал куда не следовало.

Эрик рассудил, что после Эмиля ничего повторно осматривать уже не нужно, и пошел напрямик к загадочному ящику из хорошего дерева с множеством штампов, прибитых накладных и маркировок согласно стандартам США – законодателей мирового бурения.

Эрик медленно обошел презентабельный ящик, еще не вскрытый Фрэнком, и, к своему удивлению, не обнаружил на нем ни одного того самого черно-желтого вентилятора, однозначно понятного во всем мире. «Очень странно, – подумал по этому поводу Эрик, – как будто хотели, чтобы никто не знал о том, что оборудование радиоактивное... Оно и понятно, тогда непременно бы возникли проволочки со ввозом. Что же это такое и что тут на самом деле намечается?»

Эрик был погружен в свои мысли, и нарастающий градус волнения в нем поднимался все выше после разговора с мастером. Так что он даже не заметил, как рядом возник Фрэнк Уоррен.

– Эрик! – сказал он, раскатывая «Р» как все англосаксы. Обращение было бодрым, громким и жизнерадостным. Эрик даже вздрогнул от неожиданности, потому что мистер Уоррен подошел со спины тихо, как ниндзя. – Как твои дела?

Седой невысокий Фрэнк, как всегда, улыбался широко,

насколько возможно, но опять лишь одним ртом.

– Доброе утро, Фрэнк! – поприветствовал в свою очередь его Эрик.

– Вижу, ты заинтересовался нашим новым... м-м-м... device!

– Прибором? Да, ты прав! Не терпится уже посмотреть. Очень удачно, что ты как раз подошел, можно вскрыть его прямо сейчас вместе, – Эрик подхватил веселый тон разговора, чтобы расположить к себе иностранца.

– Оу, of course! За этим я и пришел!

Эрик осмотрелся в поисках монтажки или ломика, которого, естественно, не оказалось рядом, когда нужно. Это означало, что, как всегда в таких случаях, придется подниматься на палубу буровой.

– Тогда постой пока здесь, Фрэнк, а я сбегаю на rotory table и принесу нам some crowbar.

– Very nice English, young man! – весело воскликнул Фрэнк, и глаза его наконец-то взглянули чуть теплей, чем обычно. – But no need! Я все принес с собой!

И он извлек откуда-то из-за спины новенькую черную монтажку, которая была будто бы специально спроектирована для того, чтобы удобно вскрывать ящики. После пары ловких движений деревянная крышка подпрыгнула, и Фрэнк откинул ее в сторону.

– Well, let's see! – сказал Фрэнк и склонился над оборудованием. Эрик тоже сосредоточил внимание на содержимом.

Внутри на двух деревянных ложементх в ворохе специального демпфирующего материала, напоминающего бу-мажное сено, покоилась обычная, ничем не примечатель-ная, с виду гладкая труба. На корпусе, нарушая его моно-литность, была лишь одна крепящаяся на винтах под шести-гранник пластина, утопленная в корпус заподлицо.

– Эрик, помоги мне please, – попросил Фрэнк, – я хочу поднять зонд, посмотреть... эм... through it.

– Чисто ли внутри, понимаю, – ответил Эрик.

Они с Фрэнком быстро поставили прибор на торец и от-вернули колпачок с резьбы. «Очень интересно, что там за на-чинка такая», – с интересом подумал Эрик. Но внутри зонд был полностью гладкий и равнопроходной, видимо, все са-мое интересное крылось за внутренней втулкой, которая бы-ла хитро ввернута в корпус. «Ну а кто бы сомневался, – по-думал Эрик, – наивно было бы ждать, что у такого девайса будет видно хоть что-то из самого интересного. Как-то не в духе это американцев».

– Отлично! – радостно сказал Фрэнк. – Внутренний дай-эмтр, эм... Полость clean. Осталось всего ничего, partner!

«Ну, ладно, – снова повел внутренний диалог Эрик, – его русский я пусть немного, но переоценил. Однако все еще очень неплохо для англичанина. Уверен, американец привез бы с собой переводчика».

Следующим шагом Фрэнк и Эрик аккуратно положи-ли устройство обратно на ложементы, как было, табличкой

вверх. Фрэнк извлек из кармана куртки набор складных шестигранников, быстро и сноровисто отвернул два винта. Когда затем ножом он подцепил пластинку, под ней оказался небольшой черный дисплей и четыре кнопки под ним. Фрэнк нажал кнопки в какой-то комбинации, и на дисплее загорелось сразу много разных символов и четыре больших нуля по центру дисплея, разделенных попарно двоеточием. Покрасовавшись там секунду, все символы, кроме нулей, исчезли. В левом верхнем углу появилась надпись «stand by», а точки между нулями начали ритмично мигать.

– Супер! – удовлетворенно воскликнул Фрэнк. – Все работает. That's it, Эрик!

Он быстро прикрутил пластину обратно. Потом они с Эриком накрыли ящик крышкой.

– А что это за таймер такой, Фрэнк?

– Ah!.. Timer, yes, you're right! – немного замялся англичанин.

Видно было, что Фрэнк говорить про это не хотел, а уж искренне точно отвечать не собирался. Эрик благодаря своему полевому опыту, а также опыту переговорному, сразу увидел эту заминку, несмотря на довольно умелую попытку иностранца скрыть свое нежелание.

– Well, Эрик, это, как ты верно сказал, просто таймер. Нужен лишь для того, чтобы... эм... включить nuclear element в скважине, а не на... эм... здесь, – и он указал двумя указательными пальцами себе под ноги.

– Не на поверхности? – переспросил для верности Эрик.

– Да! Да! – воскликнул англичанин. – Чтобы никто не irradiate из нас.

– Не облучился? Тут такая высокая радиация? – настороженно спросил Эрик.

– О нет, что ты! Все в пределах нормы, но safety first, you know.

– Ну да, конечно, безопасность превыше всего, кто бы сомневался, – немного сыронизировал Эрик.

Англичанин если иронию и заметил, то виду не подал.

– Ну, вот и отлично! Спасибо за помощь! Все необходимые бумаги уже подписал ваш colleague.

– Как это так? – нахмурившись, спросил Эрик. – То есть подписал акт до фактического осмотра?

– Оу! Ну, только если очень грубо говорить, если очень грубо говорить, dear Эрик! Но это маленькое допущение было согласовано в том числе и с вашим руководством. Понимаете, оборудование осматривалось при отправке. Наша company дает все необходимые guarantees.

– Хорошо, хорошо, я тебя понял, Фрэнк! – поднимая руки вверх, воскликнул Эрик. Он не хотел цепляться за это маленькое, но все же несоответствие процедуре осмотра оборудования перед спуском.

Эрик понимал, что смысла лезть в бутылку из-за, по сути, пустякового акта нет. Оборудование будет спущено в любом случае, а иначе за такие деньги оно бы сюда просто-напросто

не приехало.

Придя к себе в вагончик, Эрик первым делом набрал Альберту Геннадиевичу – своему начальнику, чтобы задать и так понятный вопрос.

– Да, Альберт Геннадиевич, – сказал он, когда тот поднял трубку, – здравствуйте!

– А, Эрик! Привет-привет! Как добрался?

– Да, спасибо, все хорошо. Я вот по какому вопросу: вы что-нибудь знаете об этом странном зонде, который тут захотели резко спускать?

– Зонде... это который английский или американский, новейшая разработка? Ну, конечно, знаю. Кропоткин сказал.

– А, вот как? А когда вы с ним говорили об этом?

– Да вот, ты знаешь, совсем недавно, буквально вчера вечером. Я уже был дома, когда он позвонил. По его словам, все там согласовано якобы с нашим головным офисом, но настолько резко и быстро пришлось решать вопрос, что те даже не успели ничего сообщить. День-то рабочий закончился.

– И когда это только их останавливало? – шутливым тоном задал Эрик серьезный риторический вопрос.

– В том-то и дело, что никогда, – серьезно сказал начальник Эрика, – я тоже подумал, что это немного странно. Такое серьезное оборудование, и в последний момент приходит решение о включении в компоновку... Но, как ты знаешь, если начальник говорит «суслик», то это уже не «птичка». Или как там эта мудрость правильно звучит?

– Как-то так, Альберт Геннадиевич, – ответил позабавленный такой отсылкой к фауне Эрик.

Все-таки его начальник при всей своей внешней серьезности был человеком гораздо более простым и вызывающим симпатию, плюс не обделенным чувством юмора.

– Я понимаю, почему ты позвонил, Эрик. Но все абсолютно официально и наши в курсе. А теперь в курсе и мы все. Так что придется спускаться. Вы осматривали уже этот зонд? Что-нибудь интересное там увидел?

– Да в том-то и дело, что очень много интересного, а еще странного.

На другом конце Эрик ощущал напряженное молчание. Так бывало, когда шеф чем-то всерьез заинтересовался и поэтому слушал максимально внимательно. Эрик эту черту прекрасно знал и поэтому просто продолжал:

– Начнем с того, что, судя по всему, там серьезная ядерная начинка. Зонд, видимо, для работы использует принцип радиоактивного распада. В паспорте на него ничего конкретно про это не написано. Представитель мне тоже ничего не сказал. Также что заинтересовало лично меня: я вижу такое вообще первый раз на буровом оборудовании – на этом зонде есть таймер. Как мне сказал Уоррен, тот самый английский представитель, таймер этот нужен для того, чтобы запустить радиоактивную начинку уже в скважине, чтобы якобы никто не облучился на буровой. Но странно, что в то же время, когда я спросил его, а насколько велика радиация в таком слу-

чае, он ответил, что совсем крошечная. Тогда зачем таймер? Вон геофизики же спускают свои зонды для гамма-каротажа, и никаких таймеров у них нет – вся настройка осуществляется на поверхности.

Широков слушал очень внимательно и не перебивал. Когда Эрик закончил, он наконец ответил:

– Действительно, очень интересно... Но, я думаю, ты зря волнуешься. С этими буржуями всегда же так. Улыбаются тебе в лицо, все у них ОК, а на самом деле там куча своих тараканов. Но мой тебе совет все-таки – смотри за ним внимательно. А еще знаешь что...

И тут Эрик открыл для себя совсем новую, доселе скрытую и прекрасно маскируемую черту своего босса. Как Эрик после признался себе, он никогда и помыслить не мог, что Альберт Геннадиевич способен просто даже подумать о чем-то подобном.

– Знаешь что, Эрик, – тем временем продолжал Широков, – а вообще неплохо было бы им этот таймер запустить не дать. Пусть буржуи немного сядут на жопу, с одной стороны, а с другой – кто его знает, для чего на самом деле предназначен этот зонд. И какую для них информацию он создан передавать. Если не дашь запустить этот таймер, не волнуйся: наши исследования ты не сорвешь. Как ты это сделаешь – дело твое. Повредишь там что-нибудь, не знаю, аккуратно нальешь туда чего – как душе будет угодно. Только ни в коем случае не попадись. Ну, это, я думаю, и так понятно. Маль-

чик ты неглупый. Как там, кстати, с работами? Когда выходите на сборку?

– Ну, вот сейчас проработка горизонтальной части. Пока все идет неплохо. Но мастер обеспокоен. Тут очень высокие температуры, плюс скважина глотает. Чтобы не давать ей этого делать, нужен специальный западный реагент. А его-то как раз осталось очень мало. На спуск, если что-то пойдет нештатно, может и не хватить.

– И что сделал мастер со своей стороны?

– А что он может-то, сами понимаете! Ну, подал заявки, на которые ему ответили, что завоз ждать долго, сорвем все сроки, весь мир смотрит, тут такие бабки и все остальное. В общем, сказали спускать так. И все вроде бы с этим согласны.

– Понятно... Ну, ничего удивительно. Пока бешеный петух, как говорится!.. Стоп-стоп-стоп! Это уже вторая животная аналогия! Мы ж не NatGeo Wild, в самом деле! Хотя тут и так как в зоопарке каждый день!..

Эрик прыснул со смеху, а Широков тем временем быстро взял себя в руки и вернул разговор в правильное русло:

– Ты молодец, что дал знать, но мы здесь мало чем можем помочь. Мы же всего-навсего сервисная компания.

– А я мастеру так и сказал, Альберт Геннадиевич, слово в слово.

– Ну, вот и правильно! Могу посоветовать разве что для успокоения совести, ну, напиши ты рекомендательную записку от имени компании и все. Снимешь тем самым с нас

всякую ответственность. Хотя если что-то пойдет не так по причине нехватки реагентов на буровой, нашей ответственности никакой и не будет, поверь.

– Хорошо, Альберт Геннадиевич, тогда буду работать. Вы меня успокоили.

– Ну, вот и правильно, дорогой! Спокойно работать – это вообще недостижимый утопический идеал! Но к нему, как и к любому идеалу, полезно стремиться! Поэтому давай к работе и вернемся. Ты звони, если что чего, держи в курсе! Ну, пока!

– Всего доброго, Альберт Геннадиевич! – и Эрик нажал на «отбой».

Несмотря на всю дерзость обозначенного Широковым курса действий, Эрик был гораздо спокойней сейчас, чем сразу после осмотра таинственного зонда и разговора с Уорреном. То, что следовало делать теперь, было ясно и, что самое главное, согласовано. Дело оставалось за малым – придумать, как это сделать. К счастью, для раздумий у Эрика оставалось никак не меньше суток, и это в самом лучшем случае. Потому что кто знает, как пойдет проработка в столь сложных условиях? Опыт подсказывал Эрику, что в подобных обстоятельствах по лучшему сценарию никогда ничего не идет.

Как и опасался Эрик, проработка затянулась. Целых три дня в общей сложности буровая бригада сражалась с непо-

корной породой на примерно 150-метровом интервале. Поднимали компоновку для ревизии, и хоть износ был в пределах разумного, решено было поменять всю КНБК на новую, естественно, с заменой долота. После спуска обновленной компоновки было принято решение увеличить концентрацию терморреагента, того самого, запасы которого неумолимо подходили к концу. Дело сдвинулось с мертвой точки, и буровой бригаде удалось достичь свободного хождения инструмента на всем протяжении открытого ствола. Одно лишь обстоятельство омрачало данный успех. Потери раствора при проработке достигли 20 процентов. Всем был хорош реагент, но увеличение его концентрации привело к утяжелению раствора, что, в свою очередь, усилило поглощение в кавернозных пористых породах.

Таким образом, когда ствол скважины был готов к спуску хвостовика, химреагентов для приготовления дополнительного раствора для компенсации поглощения оставалось всего ничего. Чтобы все прошло гладко и хвостовик дошел до забоя, необходимо было держать поглощение на уровне 13 процентов, ну, максимум 18. При таких расчетах мерник с раствором после дохождения хвостовика до проектной глубины оставался фактически сухой. Но это было не страшно само по себе, так как после планировался перевод скважины на другую специальную жидкость и дальнейшие работы должны были проводиться на ней.

И по, можно сказать, сложившейся русской традиции ес-

ли что-то могло быть сделано впритык, на грани, с божьей, скажем прямо, помощью, то, естественно, будут предприняты все попытки так и сделать. Никто в таком случае не будет ждать, откладывать и перестраховываться. Расчеты же позволяют! Есть даже минимальный запас прочности. Так за чем же дело стало? Вперед и с песней!

И вот настал день, в который после обеда буровой инструмент начали поднимать, а значит, завтра ближе к обеду начнется сборка хвостовика. Момент истины. Все время, пока Эрик находился на буровой, он согласно наставлениям Тура пытался, насколько это только было возможно, не терять бдительность. Каждый раз перед сном он настраивал себя на максимальную осознанность, чуть ли не медитировал. Все для того, чтобы быть способным превратить любое сновидение в осознанное. Но всякий раз просыпался утром и после непродолжительных раздумий и напряжения памяти приходил к выводу, что и этой ночью его сознание не покидало пределов черепной коробки. Или где оно там живет? То есть получалось пока, что те самые загадочные недоброжелатели, о которых предупреждал его Тур, никак не хотели себя проявлять. Сам Тур также больше ему не являлся.

Эрик много размышлял о том, каким образом возможно навредить его проекции через этот спуск, и пришел к довольно простому и закономерному выводу. Ключом к этому всему должен был быть тот самый странный зонд, как снег на голову свалившийся без предупреждения. Только

он мог сработать на то, чтобы, допустим, пробудить Сопку, которая, между прочим, находилась в статусе действующих вулканов. Здесь в принципе все сходилось: то, что странное устройство в основе своей использовало ядерный принцип, а также то, каким образом его сюда пропихнули, в то время как ни в одном предварительном плане ничего такого не фигурировало. Эрика все больше волновало то, что это могла быть просто-напросто атомная бомба, хитро замаскированная под научно-исследовательское изобретение. Дико, не правда ли? Сложно представить себе государство, которое позволит провезти на свою территорию нечто подобное, да и ко всему прочему позволит это спускать под землю в непосредственной опасной близости от действующего вулкана. Прямо немыслимо получается. Особенно для такой страны, как Россия, где любые официальные СМИ только и делают, что твердят день и ночь о неприкосновенности границ и политике оригинального, независимого, суверенного мнения, якобы неподконтрольного англосаксам.

Однако если вспомнить последний случай на Байкале, когда бизнесменам из соседнего Китая чуть ли не продали самое большое хранилище чистой пресной воды на планете, то понимаешь, что ничего немыслимого здесь нет. Ну, провезли бомбу на Дальний Восток через всю страну, подумаешь! Всего-то цена вопроса – пара новых дач и роскошных яхт с машинами у местной правящей элиты. Эрик паталогическим патриотизмом головного мозга не страдал и мог

анализировать простейшие факты, которые одинаково видны всем, кто захочет их увидеть. И поэтому он осознавал, что при всей дикости подобного допущения оно могло быть вполне реально. Более того, такой сценарий мог развиваться прямо здесь и сейчас, и именно с ним. Это как со смертью или потерей близких людей. Все всегда думают до последнего момента, что это вряд ли про них, а если и про них, то до этого еще ой как далеко. Пока что есть более важные дела, о которых стоит думать. А потом бац! И все это здесь и сейчас, разом и именно с ними. Так почему бы не допустить, что ядерную бомбу привезли на твою буровую именно сейчас, в это время, при тебе! И не кому-то другому после, а именно тебе предстоит решить, готов ли ты сделать все от тебя зависящее, чтобы не дать ей взорваться, искупав собственную землю в огне.

Да, а еще, конечно, это может быть простая паранойя молодого человека, которому скучно. Он бесится с жиру и поэтому придумывает себе древних богов, пытающихся предотвратить гибель твоей планеты. Ну, или одного из ее вариантов, если быть точным.

В конце концов, как это проверить? Где факты и подтверждения тому? Ну, то есть объективные факты. Где статьи в газетах, свидетельства очевидцев, передачи по телевизору, где бы высказывались серьезные уважаемые эксперты? В другой проекции? Здесь, например, пока глухо. Пока все это только внутри головы одного молодого мужчины. И исклю-

чительно делом его веры и выбора станет дальнейший курс его действий. Однако, с другой стороны, к счастью, есть прямое распоряжение его начальника, которое следует выполнять. Следовательно, именно этим и надлежит заняться завтра при сборке оборудования. Тем более Эрик уже придумал, как это можно сделать. И значит, сегодня можно смело ложиться спать, а завтра уже просыпаться и просто работать.

Глава 21

На роторной площадке проводились последние приготовления перед спуском хвостовика. Буровая бригада суетилась: кто-то раскатывал и подписывал трубы на мостках, кто-то открывал и закрывал створки задубевшего элеватора, чтобы тот не тормозил сборочный процесс. Третий помбур только что прибежал с емкостного блока после настройки долива колонны. Иными словами, творилась обычная предпусковая суета. В идеале, конечно, стоило выполнить все чинно, мерно и постепенно и позвать ИТР со всеми представителями непосредственно к началу работ. Однако на памяти Эрика такое случалось, повезет, если один раз из десяти. Создавалось впечатление, что некоторые вещи просто обязаны были быть сделаны в самый последний момент.

Свою часть подготовки Эрик недавно закончил и теперь стоял возле буровой чуть в отдалении, наблюдая всю эту привычную суету. Тут же неподалеку находился и Фрэнк Уоррен, с кем-то разговаривая по телефону. Эрик еще раз прокрутил в голове сценарий с таймером зонда. По его прикидкам от устройства после настройки таймера последним отойдет Фрэнк, и тут было два варианта развития событий. Первый – Фрэнк будет настраивать таймер, когда зонд будет находиться горизонтально, ни с чем не скрученный на мостках. Второй – непосредственно перед самым спуском в скважину,

когда зонд будет соединен с уже закрепленной в элеваторе трубой. Эрик всем сердцем и душой надеялся на более логичный и в то же время удобный ему вариант – тот, где настройка таймера должна происходить при всех на роторной площадке.

«Хотя... – подумал Эрик, – какая разница? Ну, захочет он настроить свою вундервафлю вниз, что такого-то? Все равно никто не даст ему сделать это в одиночестве. Просто спустимся вниз и все. Я все равно увижу плоды своих трудов. Однако, если никто не захочет спускаться и я пойду один, это, скорей всего, вызовет подозрения... Ай, черт с ним! Что сделано, то сделано! Все остальное – это просто моя паранойя».

Но это было в принципе неважно, поскольку Эрик все от него зависящее уже проделал накануне, ночью, когда шел подъем бурового инструмента.

Он долго лежал тогда в вагончике, пытаясь выработать план действий для обоих сценариев. В ходе своих раздумий, прикидывая и так, и этак, он быстро пришел к выводу, что непосредственно перед спуском повредить таймер зонда будет невозможно. Уоррен просто не даст ему такого шанса. Поэтому, полежав еще немного, Эрик пришел к выводу, что последний шанс что-то сделать представляется ему именно сейчас, этой самой ночью. И вот что он сделал.

Взгляд Эрика упал на небольшой электронный будильничек, стоящий рядом на столике. И тут же родилась идея.

Она, конечно, могла не сработать, но попробовать определенно стоило. Если Эрик верно помнил уроки радиотехники в школе, то ничего сложного в устройстве этого таймера, как и вообще любого таймера, быть не должно. Три провода. Кстати, будильничек сейчас показывал 1:30 ночи. «Самое время для проведения легкой диверсии, – подумал Эрик. – Просто или сейчас, или уже никогда. Спать, кстати, все равно не хочется».

План, родившийся в голове молодого человека, был довольно прост: прогуляться до зонда, открутить пластинку, тупо вырвать таймер из гнезда, если понадобится, затем в вагоне припаять контакты таймера к механизму будильничка и засунуть все это в сборе обратно. А там утром пусть уже Фрэнк настраивает всю эту незамысловатую систему как хочет. Единственное, что могло разрушить план Эрика в самой лишь глубокой теории, – это если вдруг Уоррен захочет почему-то извлечь и посмотреть сам механизм таймера. Но подобную ересь он ни в коем случае не станет делать перед лицом руководящего состава буровой, ведь это риск повредить герметичность и заводскую конструкцию такого сложного инновационного прибора! И раз уж он не стал смотреть, так сказать, в корень при предварительном осмотре, то перед самым спуском уж тем более вряд ли полезет, а значит, волноваться не о чем. Надо идти и делать. Поэтому Эрик решительно поднялся с кровати и принялся одеваться.

Он дошел до знакомого ящика, без лишних звуков снял

крышку и аккуратно пристроил рядом. Затем включил на-
лобный фонарик и достал из кармана набор шестигранных
ключей, почти точно таких же, какие были у Уоррена. Быст-
ро выкрутил пару винтов, снял защитную пластинку. Темно-
го волнуясь, он принялся рассматривать механизм крепле-
ния дисплея таймера к корпусу. И, к глубочайшему своему
облегчению, обнаружил, что этот дисплей крепится к кор-
пусу зонда на двух маленьких крестовых шурупчиках, вкру-
ченных в корпус через крошечные металлические ушки на
рамке дисплея. Эрик, переполняемый адреналином пополам
с эйфорией от внезапной удачи, нырнул рукой в карман и вы-
нул оттуда в красивом футляре универсальную часовую от-
вертку с набором самых разных насадок. Он отщелкнул са-
му отвертку от ложементов и дальше трясущимися пальцами,
боясь уронить в снег, достал нужную насадку. Закрыв крыш-
ку футляра и убрал обратно в карман. Быстро выкрутил оба
шурупчика, после чего аккуратно вытащил их из гнезд, под-
цепив ножиком, боясь даже дышать, чтобы не дай бог не уро-
нить. После того как два металлических малыша успокоились
в разгоряченной от волнения ладони Эрика и были затем
скинуты в карман, молодой человек несколько раз глубоко
вдохнул и выдохнул. Предстоял самый волнительный шаг –
деинсталляция таймера. Эрик взял дисплей аккуратно, тре-
мя пальцами – указательный и средний сверху, большой сни-
зу – и не спеша так бережно потянул на себя. Таймер отошел
от корпуса, но всего лишь на какие-нибудь несчастные пару

сантиметров.

Эрик напрягся. Холодные пальцы паники прикоснулись к его позвоночнику, и несколько секунд он чувствовал их ледящее покалывание. Потом, сбросив оцепенение, вспомнил, что стоять сейчас и расстраиваться будет, пожалуй, самым худшим решением. Поэтому, сняв фонарик с головы, принялся светить под таймер для понимания, как там все устроено. К его счастью, отверстие, из которого торчали провода, убежавшие от рамки таймера куда-то в недра корпуса, было довольно широким. Сантиметра три в диаметре, никак не меньше. Эрик просунул туда средний палец и почти сразу встретился с внутренней стенкой зонда. Повращав пальцем, он почувствовал какие-то мелкие детали, на ощупь вроде бы детали микросхемы. «Интересно, из чего они только сделаны, что должны выдержать больше 200°C ? – подумал Эрик. – Вроде и защиты-то никакой нет... Ну, есть прокладка на пластинке, конечно, но, чтобы она выдерживала что-то подобное, с трудом верится». Данная мысль только глубже укореняла Эрика в том, что данный загадочный зонд может оказаться бомбой и как только, допустим, его хилые схемы начнут плавиться в скважине, тут-то и произойдет детонация.

Тем временем пальцы Эрика нащупали некую пленку, будто бы изоленту или скотч, на которую были приклеены провода таймера изнутри к корпусу. Он изловчился, хитро вывернул руку так, чтобы можно было достать до ленты ног-

тем, пару раз ковырнул – лента поддалась. Следующим движением он уже выдернул внутренности таймера из гнезда. Однако если говорить точнее, то всем, что он достал, помимо дисплея, были три оборванных проводка. Но этого Эрику для воплощения своей задумки хватало с лихвой. Он сунул «деинсталлированный» дисплей в карман, огляделся вокруг – по-прежнему все было тихо. Бригада в полном составе была на роторной площадке, занимаясь подъемом труб. А снежинки, обильно падающие на мостки, все так же высвечивал желтый свет прожекторов, установленных на буровой.

Эрик быстро прикрутил защитную пластинку на свое место и поспешил в вагончик осуществлять самую технически сложную часть своего плана. Как все-таки здорово, что он не выложил из своей инструментальной сумки паяльник со всеми сопутствовавшими расходниками – оловом и канифолью. Ни разу еще он не пригождался ему до этого самого момента. И вот, скинув куртку прямо на пол, он, как был, в тяжелом теплом комбинезоне, чтобы не терять времени, принялся за тонкие работы. Разложив паяльные инструменты на своем прикроватном столике, он быстро разобрал будильник, достав оттуда маленькую схемку и контейнер с батарейками. Когда паяльник разогрелся, он припаял три проводка на те же места, куда крепились подобные три проводка у будильника. После чего он нажал на кнопку включения на корпусе дисплея таймера. И... Ничего не произошло. Перед собой он видел мертвый черный глянцевый экран. Желудок

Эрика сделал тройной тулуп, кровь ударила в голову. Дрожащими руками он нажал на кнопку включения еще раз и стал удерживать ее нажатой. Одну, две, три секунды... Через бесконечно долгие пять секунд таймер блеснул белым. На нем так же, как и тогда при осмотре, высветились сразу все доступные символы, после чего вскоре остались гореть только четыре больших нуля, разделенные попарно двоеточием. Еще через мгновение двоеточие начало мерно мигать, говоря о том, что таймер готов к работе.

«Ай да я, ай да гений!» – подумал окрыленный своим успехом Эрик. Он оставил рабочий беспорядок на столе и поспешил обратно к ящикам, чтобы довершить свой замысел. Когда он вернулся к зонду, все было ровно так же – тихо и мирно. Но Эрик все равно огляделся – мало ли. И только убедившись, что «сектор чист», как говорится в одной известной компьютерной игре, надел налобный фонарик и принялся к продолжению своего легкого саботажа.

Перед тем как погружать батарейки с новой схемой в гнездо, он обернул все это, запасливо прихваченным куском толстой ветоши – чтобы вся конструкция не замерзла, чего доброго, раньше времени. Ветошь сверху обклеил скотчем – чтобы лучше держалось – и только после этого поместил всю новую начинку обратно. Затем закрепил дисплей на своем месте, еще раз включил – убедился, что все работает, естественно, выключил, прикрутил пластинку и накрыл ящик крышкой. Уже собираясь уходить, он притормозил и наки-

дал сверху крышки снега, разровняв его рукой так, как будто он напал сюда самым естественным образом. Бесконечно довольный собой, своей работой и смекалкой, Эрик не спеша пошел к себе досыпать эту шпионскую ночь.

Чувство волнения все же не покидало его, ведь всегда оставался шанс, что что-то может пойти не так и его саботаж вскрыется самым неожиданным способом. И Эрик знал, что с этим чувством ему придется простоять всю сборку до того времени, пока этот злополучный зонд не скроется под столом ротора. «Ну что ж, – подумал он, – беспрецедентные работы требуют таких же методов! И, пожалуй, жертв». Немного успокаивало лишь то, что зонд, согласно схеме, должен был быть установлен довольно близко к башмаку – одним из первых научных приборов.

Из своих мыслей Эрика выдернул окрик бурового мастера, сообщавшего о том, что с их стороны все готово и можно наворачивать башмак колонны на первую трубу, начиная тем самым сборку всего хвостовика.

Процесс пошел. Буквально незаметно прошло время, за которое в скважину спустили башмак, обратный клапан, гидрорупельсатор для приема сигнала и первые 15 труб, согласно схеме свинченных между всем этим добром. И вот настал тот самый момент, когда предстояло настроить, навернуть и спустить тот самый зонд. Все руководство работами, включая Эрика и Фрэнка Уоррена, поднялось наверх, на ро-

торную площадку. Двое помбуров очень аккуратно извлекли зонд из ящика, после чего с помощью вспомогательной лебедки его затащили наверх. Супервайзер, буровой мастер, какой-то человек из «Роснедр», технолог, растворщик, в общем, шесть человек вместе с Эриком и Фрэнком Уорреном сейчас склонились над загадочным инновационным устройством. Фрэнк сел на корточки и открутил ту самую защитную пластинку.

– А теперь, my friends, – обратился он к присутствующим, – буквально несколько manipulations – и все будет готово! Ничего сложного!

Эрик с замирающим, бьющимся через раз сердцем следил за тем, как палец Фрэнка коснулся кнопки включения. Потекли мучительные, пожалуй, самые долгие в его жизни пять секунд.

Тут откуда-то из пухлой куртки английского специалиста раздалась трель телефона. Фрэнк убрал палец от кнопки, извлек сотовый, нажал на прием и сказал: «Hello!». Эрик пытался держаться как можно более уверенно и ничем не выдавать своего волнения. Уоррен же в это время отошел чуть поодаль и разговаривал с кем-то по-английски. За шумом буровой разобрать, о чем он говорил, было невозможно. Но скоро, спустя самое большее три минуты, он вернулся, вернув свой палец на так тревожившую Эрика маленькую кнопку. Снова потекли душераздирающие пять секунд, и вот дисплей загорелся символами. Когда остались одни цифры,

Эрик шумно выдохнул от облегчения. Выдох этот, однако, присутствующими высокими чинами остался без внимания. Все с интересом наблюдали за тем, как Фрэнк настраивал свой прибор. Вскоре, понажимав все необходимые кнопки на дисплее, Фрэнк, прикрутив обратно табличку, приподнятым тоном сказал:

– Ну, вот, my friends! Все готово! Ну что, с богом, на благо науки!

Все стали говорить что-то подобное в этом же духе, расходясь в разные углы роторной площадки. Двое помбуров же, получив команду к продолжению работ, направили зонд на висевшую в элеваторе трубу, и спуск продолжился. Когда зловещее устройство скрылось под палубой буровой, душа Эрика радостной птицей взмыла куда-то ввысь, к солнцу, пробив тяжелый облачный заслон, застилавший небо в этот день.

«Ну, вот и все, дело сделано! – радостно подумал Эрик. – Теперь можно и расслабиться!»

Шел спуск, и Эрик просто стоял и смотрел, как буровая бригада собирала хвостовик. Оборудование, предназначенное для сложных геофизических исследований, одно за другим, отделенное положенным количеством обсадных труб, опускалось в скважину. Очнулся он, лишь когда в элеваторе висела подвеска хвостовика – его верх, с помощью которого вся эта гирлянда из различных устройств должна быть закреплена глубоко под землей. Эрик почувствовал, как все

стоящие на площадке в тот момент уставились на него, ожидая дальнейших действий, ведь подвеска требовала окончательного осмотра и настройки. Этого вывело его из прострации и своих размышлений.

Подойдя к оборудованию, вооруженный канцелярским ножом и отверткой, он сначала срезал скотч, крепивший защитные кожухи, после чего выкрутил несколько лишних срезных винтов.

– Все готово, – объявил он, когда дело было сделано, – можно спускаться дальше. Естественно, нужно перед этим полностью долить хвостовик.

Один из помбуров опустил доливной гусак в муфту подвески с внутренней резьбой и дал сигнал на подачу бурового раствора.

«Ну, вот и все, моя часть в этой пьесе на настоящий момент сыграна, – с облегчением подумал Эрик. – Все прошло на удивление легко. Как и всегда, впрочем, когда о чем-то по-настоящему переживаешь».

Когда Эрик сходил с роторной площадки по высокой крутой лестнице, он почувствовал, как же сильно хочет спать. Все-таки ночная диверсионная вылазка не прошла даром. Зайдя в столовую и взяв какой-то еды, чтобы после сна разогреть ее в микроволновке у себя в вагоне, Эрик отправился спать.

Проснулся он от настойчивого громкого стука в дверь. Он поднялся и, щурясь на свет, который забыл выключить пе-

ред сном, неуклюже шатаясь, пошел открывать. На крылечке стоял помбур и сообщил, что все ждут его присутствия, ведь колонна дошла да выхода в открытый ствол. Эрик взял телефон, чтобы посмотреть, который час. «Не мог же я проспять 10 часов!» – подумал он. Однако путем нехитрых математических расчётов он выяснил, что проспал все 11, а за окном уже была глубокая ночь.

– Одеваюсь и иду, пять минут, – сказал Эрик помбуре.

Он откупорил банку энергетика из холодильника, сделал несколько больших глотков и принялся одеваться.

Когда он поднялся на палубу, там уже стояли мастер и супервайзер – представитель компании заказчика работ. Иностраный же гость, видимо, предпочел не нарушать свой покой в столь поздний час.

– Что, на циркуляции стоите? – вместо приветствия спросил Эрик.

– Да, десять минут уже моемся, – ответил ему мастер, – как только выход пошел, сразу тебя позвали.

– Хорошо. Выход, думаю, нормальный, на слово верю, проверять не буду, – сказал Эрик. – Останавливаем и погна-ли дальше.

Спуск продолжили. Один из помбуров подписывал трубы бурового инструмента по порядку номеров. Их предстояло спустить 227 штук, для того чтобы доставить этого почти 3 000 м Ермунганда до проектной глубины. Обратный отсчет начался.

Выход из башмака в горизонтальную часть скважины прошел гладко. Вес был стабильный. Дальнейший спуск первых 75 свечей также прошел без осложнений, Эрик наблюдал это, изредка поглядывая на индикатор веса. Цифры на нем плясали в пределах погрешности прибора на пару тонн то вверх, то вниз. К 100-й свечке, однако, нагрузка на крюке буровой установки существенно упала – на целых 20 т. И вот на 108 свече колонна резко встала намертво, словно уперлась во что-то твердое.

«Ну, естественно, я бы очень удивился, если бы все прошло настолько гладко», – подумал Эрик.

– Ну что, какие наши действия? – нервно осведомился су-первайзер. – Сколько можем тянуть?

– Давайте сначала просто спокойно, без резких движений посмотрим вес на подъем, может, и тянуть не придется, – спокойно ответил Эрик, – а вообще тянуть можем, по расчетам, до 225 т, там у нас все крепкое. Если что, сработаем яссом, не зря же ставили!

Так и сделали. Колонна вверх пошла без особых усилий, и, вытянув целую свечу, бурильщик затем аккуратно и не спеша пошел вниз. И по ощущениям ровно в том же месте колонна встала снова. Точно так же – резко и жестко.

После многократных таких мини-спусков и подъемов поставленная на трубе мелом метка так и не ушла ни на сантиметр ниже. Решено было, как и в большинстве подобных случаев, встать на промывку на проблемной глубине. Брига-

да столкнулась с первыми по-настоящему серьезными трудностями при спуске. Эрик стоял в прострации, не зная, что тут еще можно сделать. А что, в принципе, можно было сделать в подобной ситуации? По большому счету ничего сверх того, что они уже предприняли.

Одна идея посетила мозг Эрика. А что если он действительно этот самый входящий, как уверял его Тур, и он действительно способен менять реальность по своему замыслу? Насколько он знал геологию и как подсказывал ему здравый смысл, проблема в стволе не должна быть чересчур уж грандиозной. Учитывая высокую кавернозность скважины, самым вероятным Эрику виделось то, что просто-напросто обвалилась одна из этих каверн, и если бы им повезло чуть больше, чем повезло сейчас, хвостовику бы ничего не помешало пройти проблемный интервал. Ведь при шаблонировке долота соответствующего диаметра проходило в скважине свободно.

Как любят говорить некоторые в 21 веке: «в любой непонятной ситуации ложись спать». Вот и Эрик, рассудив, что его силы проявлялись в основном во снах, решил пойти вздремнуть, пока проводилась спланированная промывка.

Самое сложное было, конечно, заснуть во всей этой ситуации, даже несмотря на то что сейчас была глубокая ночь. Промывка шла с расхаживанием всей колонны, то есть буритьщик попеременно то вытягивал ее, то снова опускал вниз до посадки в надежде на то, что при очередной попытке

башмак хвостовика таки проскочит проблемный интервал. Уходить, естественно, не возбранялось, но как только интервал посадки будет пройден, бригада непременно должна позвать его для продолжения спуска. Однако Эрик не верил в такой сказочный успех. Как подсказывал его опыт, очень редко такая вот промывка с расхаживанием давала результаты сама по себе. Соответственно, поспать и самому попытаться все исправить время у него будет. Главное – никому не говорить, что для прохождения интервала посадки специалист уважаемой фирмы не придумал ничего лучшего, как исправить ситуацию во сне, полагаясь на свой дар. Люди на Дальнем Востоке все-таки, по мнению Эрика, еще не были готовы к сверхспособностям.

Придя в вагон, Линдгаард разделся, попытался очистить голову от лишних мыслей, лег на кровать и закрыл глаза. В своем воображении он начал бестелесным духом, тем самым, что разрушал когда-то странное томское подземелье, не торопясь спускаться вглубь скважины, визуализируя ее конструкцию. Сначала он спускался по обсаженному стальными трубами и зацементированному стволу. Вот он прошел башмак технической колонны и вышел в открытый ствол. Мама моя, сколько же тут неровностей, каверн и всевозможных трещин породы! А еще весь этот шлам внизу, в наработанном желобе! Очевидно было, что ни одна даже самая долгая промывка с самым серьезным расходом никогда не сможет очистить всю эту мелкую крошку.

Эрик спускался ниже. Вот уже сплошная колонна труб хвостовика начала сменяться оборудованием с различными интервалами. Эрик упрямо направлял свое сознание все ниже и наконец увидел, как из башмака хвостовика, пенясь и расшвыривая в стороны тот самый мелкий шлам, вырываются струи бурового раствора. Он дождался, когда колонна пойдет вниз, чтобы упереться вместе с ней в проблемное место.

Двигаясь вместе с башмаком, он наконец увидел то самое препятствие. Это был небольшой холмик, образованный тем самым невымываемым шламом. Хвостовик при спуске весь свой путь по открытому стволу нагребал перед собой этот шлам. И вот теперь вся эта масса попала в одну из каверн, уплотнилась там, спрессовавшись в препятствие, мешавшее дальнейшему спуску.

«Что же тут можно сделать? – подумал Эрик. – Ну, то есть из около реального?» Он мысленно огляделся. Внимание его сразу привлекло то, как хаотично вырывается буровой раствор из сопел башмака. «А что если направить весь этот поток максимально в одну точку?» – мелькнула мысль в бесплотном сознании Эрика. Он сконцентрировался. Эрик не знал, видит ли он сейчас сон или же просто лежит на своей кровати в вагоне и банально представляет себе весь этот процесс. Кровати, однако, он под собой не ощущал. На первый взгляд. Хотя сейчас, когда он сосредоточил свое внимание на этом вопросе, что-то мягкое сразу почувствовалось

где-то под ним, а тело начало обретать вес.

«Нет, нет! – вернул свое внимание в скважину Эрик. – Только не сейчас! Я обязан попробовать, а вдруг действительно сработает!» И он потерял из фокуса внимания мягкую кровать под собой и целиком вернулся то ли в свою голову, то ли действительно в скважину. Силой воли или мысли, он не мог точно сказать, Эрик очертил для струй раствора, хлеставших из башмака, своего рода коридор, по которым эти струи должны были бить точно в образованный шламом холмик. Поначалу ничего нового не происходило. Тот же хаос из брызг и породы, разлетавшейся во все стороны. Но скоро под напором концентрации Эрика поток стал выравниваться, становиться тоньше и бить в точности туда, куда ему было приказано.

Тем временем вся колонна снова пошла вверх, и поток раствора очень скоро перестал достигать цели, намеченной Эриком. Чтобы попусту не тратить концентрацию, Линдгард пока отпустил фокус внимания от создания нужного контура промывки. Когда же колонна вновь пошла вниз и Эрик увидел то самое препятствие, он как можно более оперативно, чтобы не терять драгоценное время, по новой очертил тот самый контур. Струи из форсунок всем своим совокупным напором ударили в спрессованный шлам. Эрик за хаосом летящих брызг и грязи не мог видеть, успешно ли работает промывка. Вместо этого он, напрягая все силы, продолжал направлять концентрацию на удержание нужного конту-

ра.

Какое-то время ничего не происходило. Струи били в одну точку, поднимая и расплескивая грязь. А потом внезапно колонна вздрогнула, провалилась под своим немалым весом и башмак ушел вниз, по подсчетам Эрика, где-то на метр. Если можно было выдохнуть в той форме, в которой сейчас находился Линдгаард, то он это и сделал, испытав колоссальное облегчение.

В тот самый момент, когда это облегчение пришло, в один миг улетучилась и вся концентрация. Эрик почувствовал, что лежит с закрытыми глазами на кровати у себя в вагончике и все никак не может заснуть. Он прислушался к звукам буровой. Подождал. Вот заработала лебедка, наматывая стальной трос на огромный барабан. Это значило, что колонна-хвостовик снова пошла вверх. Получается, что ничего не получилось. Бригада все так же продолжала упражнения, тягая многотонную гирлянду с дорогушим оборудованием вверх и вниз. Эрик открыл глаза, сел на кровати. Долго и разочарованно выдохнул, уставившись в стену невидящим взглядом, и затем склонил потяжелевшую голову без мыслей.

«Ну что ж, – подумал он, – как говорится, я пытался!» Затем встал с кровати, прошел в центральное отделение – кухню – и щелкнул чайник. «Если б было все так просто, то, думаю, недоходы хвостовиков искоренили бы как явление», – невесело подумал Эрик, насыпая в кружку растворимый ко-

фе.

Чайник закипел, кофе растворился в кипятке, и Эрик, обжигая губы, отхлебнул. Пошел обратно в вагончик, включил ноутбук и запустил какой-то фильм. Просто ткнул мышкой два раза в первый попавшийся файл. И тут в дверь громко и часто постучали.

От неожиданности Эрик пролил на себя еще очень горячий кофе, изрядно обжегся и тут же вскочил, спасая ни в чем не повинные простыни от неэстетичных желтых пятен.

Тихо выругавшись и убрав кофе на прикроватный столик, Эрик пошел открывать дверь. За ней стоял грязненький, как это обычно бывает с помбурами, молодой паренек и, сверкая чистыми и наивными синими глазами на чумазом лице, немного робко сказал:

– Мы прошли посадку. Все ждут вас для продолжения работ.

Если бы сейчас Эрик держал ту самую кружку с кофе, он бы пролил все остатки.

– Да, здорово, одеваюсь и иду, – негромко и растерянно, не веря своему счастью, сказал он и закрыл входную дверь.

Конечно, первой мыслью, ударившей Эрику в голову, было: «Получилось!». Вся эта изотерическая дребедень – никакая не дребедень и на самом деле работает. Но рациональный мозг все же брал свое в подобных случаях. И потому, когда Эрик был уже почти одет и готов к выходу, он, конечно, радовался, но не бурно, а наоборот, скорее буднично и трез-

во. Всего лишь шансы, которые, безусловно, были, сыграли на их стороне, только и всего. Никакой помощи сверхъестественных сил на самом деле, просто люди неплохо сделали свою работу, плюс им всем немного повезло. Вот и все. Или нет? Конечно, очень классно и приятно чувствовать себя не таким, как все, а тем, кто обладает какими-то мистическими сверхспособностями. А раз так, то почему бы просто не почувствовать себя хорошо, хотя бы ненадолго? Хуже от этого точно никому не станет, а когда жизнь захочет снова ткнуть тебя носом в твое очередное несовершенство, она уж ткнет, тут можно не сомневаться.

Когда Эрик пришел на буровую, все стояли с радостными, чуть глуповатыми лицами, не веря своей удаче. Остаток спуска прошел штатно, и уже через полтора часа хвостовик был на месте. Бригада встала на плановую промывку. Эрик радостный ушел в вагончик выпить наконец-то кофе по-нормальному и составить кое-какие стандартные документы.

После того как он набил последний акт, Эрик решил еще немного вздремнуть, готовясь к активации.

– Уже целых два часа как ничего не произошло. Почему? Это спрашивал Сольден у своих двух самых доверенных людей, представлять которых лишний раз нет необходимости.

– Вы согласовали время, на которое должен был быть установлен таймер?

– Ну, конечно, Сол, – смотря куда-то в сторону, ответил ему Зенос, – ты прав, оператор должен был проинформировать о взрыве чуть больше двух часов назад.

– Твоя Аня там? Спит, присутствует?

– Да, мы с ней контактировали. Она ждет сигнала.

– Так, может, самое время его отдать? Иди-ка ты к оператору, подключайся. Карх, ты тоже.

– А он-то зачем?

– На всякий случай. Чисто теоретически нам всегда может помешать разрушитель.

– Хах! – попытался пошутить Карх. – Разрушитель – помешать в разрушении!

Двое старших коллег в ответ на это лишь серьезно посмотрели на него как на неразумного щенка.

Карх смутился, понял, что сказал чепуху. Однако он быстро нашелся и задал вопрос:

– Сольден, объясни, пожалуйста, я все никак не пойму. Если то, что мы делаем, настолько критически важно, то почему бы нам не внедриться и не сделать все самим? Для чего нам эта девчонка?

Сольден внимательно посмотрел на него, легко склонив голову. Во взгляде серых глаз, как и всегда, было почти невозможно что-то прочесть. Однако поза и еле уловимая мимика говорили о том, что Сольден доволен вопросом.

В ответ же он сказал:

– А это потому, мой юный несмышленный друг, что нам,

во-первых, официально запрещается вмешиваться в развитие курируемых миров, а во-вторых, представь: если случится катаклизм на Земле? Первыми, кто подвергнутся проверкам, будем мы с вами. Инженеры ни за что не станут стирать логи внедрений. Им за это головы открутят. Дальше продолжать?

– Нет, нет, Сольден, я все понял, – сказал Карх, теперь уже пристыженный по-настоящему.

Краска залила лицо молодого зрителя, и он поспешил отвести глаза, убрав взгляд в пол.

– Да не переживай ты так, Карх! Тот, кто спрашивает, глупец пять минут, а тот, кто нет, – все свою жизнь! – ободрил подчиненного Сольден.

Зенос слегка хлопнул Карха по плечу, как бы говоря, что все в порядке. Сольден тем временем стремительно вернул всех к самой сути дела резко и жестко, как и всегда.

– Давайте-ка оба дуйте быстрее в операторскую и подключайтесь. Такого шанса, возможно, не будет очень долго. Сам Яхов следит за операцией. Энергии от воздействия должно хватить для вторжения. Пора уже землянам напомнить о себе.

– Какого вторжения? – недоумевающе серьезно спросил Зенос.

– Как, я что, не говорил вам? – мастерски изобразил удивление Сольден. – Ах, я старый болван! Ну да, мы подготовили три корабля. На первое время, на пробу.

– Корабли?! Что? Почему я ничего... Да как подготовили? А что сказал Озинн?

– Старик сейчас неважно себя чувствует и позавчера улетел лечиться на Антарекс. А Тур... Ну, ты знаешь, он всегда себе на уме. К нашей удаче, его тоже не было на последнем заседании. Вроде как его уже целую неделю никто здесь не видел.

– И вы с Яховом подготовили вторжение?? И как это все потом объяснять совету, вы подумали?!

– Яхов знает, что делает, Зенос. Если ты волнуешься за свою шкуру, то можешь выдохнуть. Когда узнают про вторжение, если оно, конечно, состоится, то уж тебе точно вопросов никаких не будут задавать. Не твой маленький уровень компетенции, – и Сольден слегка улыбнулся уголками губ, а серые глаза его чуть сузились. – Почему ты, собственно, все еще здесь и задаешь вопросы? Твой младший коллега уже давно ушел исполнять приказ. Тебе бы следовало брать с него в этом пример.

Зенос молча встал. Его черная мантия негромко зашелестела, и старший смотритель вышел сквозь белые раздвижные двери.

– Аня, ты тут? Тут?!

– Да. Тут. ...Точнее, где-то. Только я не понимаю, где именно. Все очень странно. Со мной первый раз такое во сне. У меня будто бы совсем нет тела!

– Все нормально. Так и должно быть. Точнее, только так и должно быть для воплощения нашего плана. Что ты видишь? Где ты?

– Я на каком-то промышленном объекте. Судя по всему, где-то на севере. Это буровая установка. Рядом небольшой жилой городок, совсем крошечный. Всего пара рядов вагончиков на колесах. На буровой вышке горят огни. По площадке ходят работники.

– Ты можешь перемещаться по объекту? Или ты статично наблюдаешь с одной точки?

– Да, могу. Я уже облетела пару раз по периметру площадки. Попробовала отправиться дальше, слетать к горе, но чем дальше отлетаю, тем сложнее становится продвигаться. А потом меня вовсе как будто бы откидывает назад.

Зенос немного помолчал. Потом произнес:

– Хорошо. Все правильно. Так и должно быть. Слушай, Аня, твоя задача – проникнуть вглубь скважины и активировать наше оборудование. Это бомба, я говорил. Очень сильная. По нашим расчетам, она должна запустить мощный природный процесс.

– Хорошо. Как мне это сделать?

– Тебе нужно направить внимание сначала на буровую установку. Там, в самом ее центре, под ней будет вход в скважину, ее так называемое устье. Он запечатан различным оборудованием, но для тебя это не должно стать проблемой. Направь сознание туда и постарайся проникнуть за все это за-

щитное оборудование. Ты должна оказаться как бы внутри металлического неширокого туннеля. Как окажешься там, сообщи.

– Поняла.

И Аня в точности исполнила то, что Зенос сказал. Она переместилась под палубу буровой, где перед ней предстали массивные стальные устройства. Всего их было три. Самое верхнее находилось всего в полутора метрах под палубой. Оно было цилиндрической формы, небольшим конусом сужающимся книзу. Сразу под ним были два одинаковых устройства, формой как продолговатые ящики, от которых по бокам отходили стальные валы со штурвалами на концах. Штурвалы эти находились недалеко от скважины под буровой. Аня попробовала проникнуть сквозь эти массивные устройства. Оказавшись за корпусом, она запуталась в многочисленных стенках, плашках, каких-то тягах и механизмах, после чего, запаниковав, поспешила обратиться обратно на воздух.

– Зенос! Я попробовала пробраться в скважину – ничего не получилось. Там возле устья какие-то красные огромные штуки. Я, должно быть, попала внутрь них. Сразу почувствовала себя такой маленькой. Мне сделалось страшно, тесно и душно. Короче, я сразу вылетела оттуда.

– Должно быть, ты попала внутрь превенторов... Хорошо, сейчас некогда тренироваться. Попробуем другой путь. Поднимайся на самую палубу буровой. Это площадка, где работа-

ют люди. Здесь скважина должна быть гораздо менее защищена.

Сознание Анны метнулось вверх и параллельно лестнице от приемных мостков взлетело на палубу. Здесь было пусто. На площадке за толстыми стеклами, дополнительно защищенными стальными решетками, за пультом сидел лишь один человек. Было видно, что никаким процессом он не управлял, а просто сидел в кресле, уткнувшись в телефон. Однако на буровой что-то негромко гудело. Создавалось впечатление, что какие-то работы здесь все-таки идут, но либо они автоматические и не требуют пока участия человека, либо же буровые технологии шагнули настолько далеко, что теперь управлять процессом возможно через телефон. В последнем Аня существенно сомневалась.

Пока она наблюдала за бурильщиком, тот отложил телефон, наклонился к микрофону на своем пульте и что-то сказал. Сразу после этого гул прекратился, и через минуту на палубе появились двое человек в запачканной спецодежде. Зажужжал механизм вверху. Колонна вздрогнула, и вот вскоре сверху закапала серо-коричневая вязкая жижа. А из трубы показался резьбовой ниппель на том самом верхнем механизме, из которого капал раствор. Аня выглянула за ограждения палубы и увидела, что внизу возле буровой началось какое-то движение. Откуда-то появился большой красный грузовик, который подъехал к каким-то протяженным сооружениям, хвостом, отходящим за буровую. К грузовику

подошли двое в таких же грязных робах, как и у тех парней, что появились сейчас наверху. Они притащили длинный широкий шланг и принялись крепить его одним концом к грузовику.

Из жилых вагончиков в это время к буровой начали стягиваться люди. Одного из них Аня узнала – это был ее недавний знакомый Эрик, которому и хотела отомстить сейчас девушка с подачи тайных высоких покровителей. Справедлива ли на самом деле была эта месть и что конкретно планировалось сделать, Аня могла лишь догадываться. Виноват ли в этом во всем тот самый молодой мужчина, что шел сейчас к тому самому грузовику быстрым уверенным шагом, девушка также не знала. Да и откуда она могла это знать?

Однако механизм был запущен, Аня дала слово. Между ней и этим непонятным Зеносом было ее обещание, связывающее девушку крепко-накрепко, и теперь уже поздно было давать заднюю.

– Аня, что ты делаешь? Ты в скважине?

– Нет еще. Погоди пока, тут что-то происходит. Собирается какая-то техника, подходят люди, я засмотрелась.

– Аня, поспеши, пожалуйста. Ты даже не представляешь, какие мощности тебе сейчас помогают, – нотки в голосе Зеноса тонко намекали на то, что старший смотритель начинает потихоньку терять терпение.

– Хорошо, хорошо, я поняла! – немного повысив голос, ответила Аня, все еще, однако, продолжая смотреть на при-

готовления к чему-то на площадке.

– Поспеши, пожалуйста.

Аня еще немного понаблюдала за тем, как собирались люди. Пара грязных ребят тем временем затащила шланг с помощью какой-то маленькой лебедки наверх и теперь подсоединяла его к вертикально стоящей трубе красного цвета, вздымавшейся вверх и крепившейся к мачте буровой установки. Эрик же внизу в компании нескольких людей стоял возле грузовика и что-то с ними обсуждал, видимо, последние детали предстоящих работ.

Аня наконец увидела все, что хотела, и перешла к порученному ей заданию – проникнуть уже в скважину. Собравшись с силами, она мысленно выдохнула, настолько, насколько вообще могла выдохнуть бестелесная сущность, и влетела в горловину трубы.

– Зенос, я внутри. Спускаюсь вниз. Как ты и говорил, вокруг пока ничего, кроме металла. Я продвигаюсь, все вроде бы неплохо. Но чувствую я себя очень неуверенно и мне как будто бы очень сложно дышать.

– Аня, успокойся. Тебе не может быть сложно дышать, у тебя ведь нет сейчас тела. Это всего лишь трюки твоего мозга. Старайся не думать об этом. Мозг должен успокоиться, когда убедится в том, что тебе ничего не угрожает. Пока просто продвигайся вниз с такой скоростью, с какой можешь. Торопиться не надо. Совсем скоро ты окажешься в скважине. Труба там пошире – тебе должно стать легче.

И Аня поняла, что Зенос не врал. Ведь через несколько метров спуска, по ощущениям, она смогла вылететь из тесной трубы и теперь увидела ее со стороны, находясь в трубе гораздо более широкого диаметра.

– Зенос, видимо, я теперь в самой скважине. Тут труба в трубе. Все как ты и описывал. Спускаюсь дальше.

– Молодец! Давай не спеша в том же духе.

Эрик, стоя возле насосно-компрессорного агрегата на базе грузовика какой-то американской модели, как раз закончил проводить инструктаж по активации оборудования хвостовика. После этого вся делегация высоких чинов отправилась за ним на роторную площадку для сброса активационного шара. Когда группа поднялась наверх, Эрик еще раз проговорил весь порядок активации, только уже для буровой бригады. На страховочном ремне вверх был поднят один из помбуров при помощи вспомогательной лебедки. В руках он держал тот самый заветный шарик. Его задача была столь же проста, сколь и ответственна. Помбур должен был сбросить шар в скважину, точнее, в муфту трубы бурового инструмента. Естественно, промахиваться было крайне нежелательно. Запасные шары, само собой, у Эрика имелись, но в заканчивании скважин сброс такого шара считали плохой приметой. Стоит заметить, однако, что промахнуться было очень сложно и возможно разве что только намеренно.

Так или иначе, вознесенный на пятиметровую высоту

помбур со своей задачей справился с блеском и с довольной улыбкой был бережно спущен на площадку. В торчащую в вышине муфту трубы бурильщик ловко ввернул ниппель верхнего силового привода. Всем раздали рации, и бригада разошлась по своим оговоренным в инструктаже местам в ожидании команды для дальнейших действий.

Эрик скоро сбежал вниз по высокой крутой лестнице, взлетел на специальную площадку на насосном агрегате, прошел в кабину оператора и дал тому добро начинать. Все, что требовалось, – это прокачать шарик через всю колонну бурильных труб и хвостовик для того, чтобы он сел в специальное седло в самом низу, в башмаке. При данном расходе жидкости, с которым должна была идти закачка, расчётное время прибытия шарика на место составляло порядка 40 минут. Когда машинист запустил насосы, началось томительное ожидание. О том, что шарик пришел на место, сказать должен был резкий рост давления. За давлением закачки можно было наблюдать прямо здесь же – на манометрах агрегата. Все принялись ждать.

– Аня, где ты уже? Что-нибудь поменялось вокруг? – раздался в сознании девушки обеспокоенный голос Зеноса. Теперь уже было слышно, как высокий смотритель по-настоящему волнуется.

– Я по-прежнему в трубах... между труб... Не знаю! Поменялось то, что, по всей видимости, я стала проходить че-

рез разные сложные устройства.

– Отлично. Ты близко к цели. Когда подойдешь достаточно близко для воздействия, получишь сигнал через твою сережку. Хоть остаточного самообраза у тебя сейчас и нет, сигнал все равно должен пройти.

– Понятно, а если сигнал не пройдет?

Повисла недолгая пауза, после которой, выдохнув, Зенос ответил:

– Давай все-таки будем решать проблемы по мере их поступления. Помни: ты не одна. За тобой, можно сказать, вся наша мощь.

– Хорошо. Я продолжаю продвигаться.

Через некоторое время напряженного молчания и планомерного продвижения по хвостовику Аня снова обратилась к своему куратору:

– Зенос, я вышла из труб. Дальше сплошная порода, земля. Ай! И еще тут все бурлит и клокочет! Тут струи жидкости хлещут под высоким напором. Кажется, я вся забрызгалась!

Снова мгновения молчания. Зенос обдумывал ответ.

– И что, не было никакого сигнала, ни вибрации, ни как бы вздрагивания или импульсов вокруг? Ничего?

– Нет, я совершенно ничего не почувствовала! И вот, судя по всему, дошла до конца.

– Хорошо. Наш заряд по логике должен быть установлен как можно глубже, так что давай попробуем воздействовать отсюда. Ты должна...

– Ой, Зенос...

– Что такое?

– Кажется, я забыла перед сном надеть эту сережку...

Прости.

– Ч... Что? – Зенос оторопел настолько, что его всегда густой и раскатистый бас сейчас прозвучал чуть ли на октаву выше. – *Te maarung arsche par follung!*

– Это что-то нехорошее ты сейчас сказал? – тоном маленькой нашкодлившей девочки, которую застучали с поличным, спросила Аня.

На том конце долгий звучный выдох и вдох.

– Твою мать значит. Очень примерный перевод. ...Так, ладно, не волнуйся. Все равно сережка – лишь страховка и усилитель. Я уверен, сил, чтобы справиться, тебе хватит и так, но, возможно, для этого придется подойти гораздо ближе к заряду.

Он немного помолчал, затем полностью собрался, взял себя в руки и в привычной тональности очень спокойным голосом сказал:

– Хорошо, Аня, давай прямо тут и попробуем. Сосредоточься. Ты должна представить, как пускаешь сейсмическую волну во все стороны от себя. Не только в стороны, но также вверх и вниз. Ты должна стать эпицентром сферы маленького землетрясения. Помни, это сон. Для тебя, конечно. Ты здесь не привязана к материальной массивной составляющей мира. В тех комбинациях измерений, где ты сейчас на-

ходишься, гравитационные волны не распространяются. Поэтому никакую инерцию преодолевать не надо. Твои мозговые волны должны сделать всю работу. Но чем лучше ты визуализируешь процесс и, самое главное, чем сильнее сама в него поверишь, тем сильнее и эффективнее будет твое воздействие. Поняла?

– Да.

– Тогда действуй!

Шарик путешествовал по просторам хвостовика уже 15 минут. Эрик, скучая, повис на перилах ограждения площадки агрегата. Представитель Министерства геологии, человек из «Роснедр», а также мастер с супервайзером курили в сторонке и весело что-то обсуждали. Стоит сказать, что на буровой, конечно, нельзя курить, но если в отдалении и аккуратно, то можно. В России.

И тут внезапно землю вокруг сотряс несильный, но ощутимый толчок. Опять же все относительно, но Эрик мог поклясться, что колеса агрегата самую малость, но оторвались от земли. Группка курящих насторожилась, у супервайзера от неожиданности выпала недокуренная сигарета изо рта, и все как по команде посмотрели на Эрика. Тот метнулся в кабину агрегата. Оператор от страха остановил подачу. Когда Эрик вошел, оператор спросил:

– Это что, наш шарик пришел? Я аж подпрыгнул!

– Все подпрыгнули, – растерянно ответил Эрик, впиваясь

взглядом в большой круглый манометр посреди приборной панели. – Нет, это не шарик. Смотри – давление падает, значит, циркуляция откуда-то выходит.

Он слегка наклонил голову к рации, закрепленной в специальном кармане на куртке.

– Эй, на ситах! Дима! Циркуляция есть?

И через секунду ответ:

– Да, Эрик, есть. Выход полный. Был. Но теперь нет. Вы подачу остановили?

– Значит, вряд ли шар, – тихо, почти про себя проговорил Эрик, – но проверить стоит.

Буровой мастер, рванув дверь кабины на себя, с глазами размером с чайные блюдца ворвался внутрь.

– Эрик! Что? Посадка? Уже? А че так рано, ты ж считал – 40 минут, – начал тараторить он.

– Иван, спокойно, это не посадка. Смотри! – и он указал на манометр, чья стрелка лежала в нуле. – Сейчас еще дадим малый расход и проверим давление и циркуляцию. Но я уверен, что это была не посадка.

– А что это тогда было, Эрик? Почувствовал, как трянуло??!

– Почувствовал, конечно, – тихо сказал Эрик, – ну а что вы хотели, вулкан все-таки рядом.

И продолжил уже уверенней:

– Поэтому давайте уже быстрее доставим этот шарик домой! – затем наклонился к рации и сказал уже туда: – Дима,

сейчас смотри циркуляцию. Начинаем качать. Так, Виктор, давай на малых.

Агрегат вновь мерно зарокотал дизелем. Насосы загудели, и стрелка манометра поползла вверх. Поползла и остановилась на отметке 60 атмосфер.

– Виктор, какой расход? – спросил Эрик.

– Сейчас 4,5 литра в секунду качаем, – ответил агрегатчик.

– Выход циркуляции полный! – закричала рация.

– Ну, вот, Иван, все нормально, – обратился к мастеру Эрик, – работаем штатно. Успокой там начальство, скажи, что все согласно плану.

– Хорошо, Эрик, – ответил мастер и ушел.

– Все по местам, – сказал Эрик в рацию, – продолжаем работы!

– Виктор, слушай, если подобное повторится, просто слегка снизь расход. Не останавливайся. Я буду здесь, посадку не пропустим. Сейчас выходи на 7 л/с, и погнали как по плану. Главное – не тормози насос. Что-то мне подсказывает, это еще не конец.

Не успели насосы проработать и пять минут, как всю кустовую площадку снова затрясло, да так что мачта буровой заходила ходуном. Все стихло, а потом вдарил еще один толчок. Эрик даже присел на корточки. То же самое сделали и многие из людей вокруг и на буровой.

– Качай! – крикнул агрегатчику Эрик. – Расход 5 литров!

– Эрик! – орали начальники с обволоки. – Какого хера там происходит??!

– Вулкан, я слышал, здесь рядом где-то есть! – едко проорал в ответ Линдгаард. – У меня-то все нормально.

Отголоски последнего толчка стихли. Люди громко переговаривались, практически орали. Больше от страха. Ведь нужно же было чем-то себя отвлечь. Недра больше никак не проявляли себя. Вокруг было относительно тихо, если не считать, понятное дело, шумов от работы многочисленной техники.

– Все нормально! Качаем! Давление в норме, выход есть! – ободряюще, но без надрыва крикнул Эрик и улыбнулся. – Никто ведь и не обещал, что будет легко, правильно?

Высокие чины, почти что улизнувшие за обволоку, что-то проворчали и принялись смешно спускаться с искусственной насыпи, обрушая неловкими шагами за собой грунт. Закачка продолжалась.

– Зенос! Я уже не могу! – выбившись из сил, с придыханием возмущалась Аня. – Никогда не думала, что во сне можно реально устать!

– Потерпи еще немного. Судя по нашим графикам, импульсы ты даешь хорошие.

– Да я уже не понимаю, куда мне – выше или ниже! Поднялась выше – не сработало, чуть ниже – тоже. Дальше-то куда?

Зенос молчал. Аня ощущала, как он что-то соображает и прикидывает.

– Ладно, Аня, – наконец отозвался он, – давай попробуем последний раз. Кто знает, может, во время спуска повредился детонатор или еще бог знает что могло произойти. Ты прошла от низа колонны 20 труб вверх, наткнулась на оборудование, попробовала – ничего. Спустилась на 15 труб вниз, еще одно оборудование – тоже ничего. Я допускаю, что наша бомба гладкая внутри, поэтому ты зрительно и не идентифицировала ее. Давай так: поднимайся сейчас снова вверх на 5 труб и пробуй. В другом месте, то есть выше, она просто не может быть установлена.

– Хорошо, Зенос. Поняла тебя. Поднимаюсь.

Минута молчания. Затем Аня сказала:

– Добралась. 5 труб вверх.

– Пробуй. Как до этого – хорошим сильным импульсом.

Министры, начальники и члены бригады, что не были заняты напрямую в процессе активации, стояли у грузовика, задрав головы вверх и наблюдая за тем, как Эрик с машинистом очень внимательно следили за показаниями манометра, так как вот-вот, в любой практически момент, могла состояться посадка шара.

– Сколько там еще, Эрик? – спросил Юрий Станиславович – супервайзер.

– По моим расчетам, еще буквально минута, – отвечал

Эрик, – ну, прибавить еще нашу остановку, возобновление, разговоры и прочее... Короче, я бы 5 минут еще докинул.

– Хорошо, ждем, – сказал Юрий Станиславович, затем рефлекторно открыл пачку и сунул сигарету в рот, но, видимо, вспомнив, что находится уже в непосредственной близости от пожароопасного объекта, опомнился и убрал сигарету обратно.

Насос мерно отсчитывал ходы, дизель аккомпанировал ему низким гулом и характерным постукиванием. Гибкий шланг от насосного агрегата до буровой ритмично подергивался под напором закачиваемой жидкости. Эрик стоял в кабине, смотря одним глазом на секундомер телефона в руке, другой же не отрывая от круглого табло манометра.

Никто не заметил, как небо из солнечного и ясного превратилось сначала в облачное, затем в хмурое, а вскоре все вокруг очень сильно потемнело, как будто яркость окружающего мира внезапно убавили на половину. Подул ветер, который Эрик, ясное дело, не чувствовал в полной мере, но догадался о том, что он поднялся, по летящему и кувыркающемуся в воздухе белому целлофановому пакету. Откуда, казалось бы, ему взяться на чуть ли не стерильном объекте с гипертрофированной заботой об экологии? Этот гонимый ветром пакет что-то напомнил Эрику, переключил какой-то тумблер в мозгу и заставил заволноваться нутро. Так бывает, когда мозг уже подал запрос в свои архивы об определенном воспоминании, но ответ пока еще не пришел и человек не

осознал, о чем же таком он вспомнит в следующее мгновение.

И тут раздался страшный удар. Шокирующий концентрированный удар колоссальной силы. После него, пока у всех в ушах еще звенело от первого толчка, прогремел сразу каскад раскатов. Земля вокруг задрожала под ногами. Эрик словно под гипнозом продолжал смотреть на то, как стрелка манометра неуклонно, быстро карабкается вверх по шкале. Вот она прошла 250 атм, тут же 300. 450, 500. Под ногами завибрировал крупной дрожью пол агрегата. Машину начало шатать, но шланг каким-то образом пока держался на своем месте.

Эрик наконец-то вышел из ступора и заорал на машиниста, сильно тряся того за плечи:

– Виктор, вырубай насос!! Быстреей!!

Машинист трясущимися руками пытался попасть по нужным кнопкам, но охватившая его паника никак не давала остановить машину.

– Да выруби просто мотор! – что есть мочи орал Эрик.

От грома первого толчка до настоящего мгновения прошло не больше 15 секунд. И только машинист нащупал рычаг КПП-агрегата, уже готовый рвануть его в нейтраль, как армированный стальными нитями резиновый шланг лопнул чуть ближе к мерной емкости. Длинная его часть, та, что поднималась на мачту буровой, изогнувшись гигантским хлыстом, ударила по голове одного из помбуров – тот упал на

терзаемую толчками землю без чувств. Продолжая свой полет и поливая все вокруг мутной жижей под остаточным давлением, разорванный шланг чуть не зацепил мастера с супервайзером. Министры оказались более расторопными и уже перемахивали через обволоку в относительную безопасность.

Шланг продолжал расплескивать жидкость. Та серыми вязкими струями заливала кустовую площадку, саму буровую установку и вообще все вокруг. Доставалось даже жилому поселку, который находился на достаточном удалении.

– Ива-а-а-ан! Давление не падает, по ходу, хлещет из скважины! Надо быстро глушить! – это орал Эрик.

Мастер побежал к буровой, обливаясь на ходу серым раствором. Благо бригада была опытная и пара помбуров уже споро сбегала по лестницам к штурвалам превенторов. А в это время наверху бурильщик все бил и бил пальцем в одно и то же место на своей сенсорной современной панели. Он пытался закрыть плашки превенторов, чтобы загерметизировать скважину, не дав тем самым вырваться на поверхность горячему раствору с 7-километровой глубины под колоссальным давлением. Бурильщик наконец понял, что плашки не закрываются, видимо, в момент одного из подземных ударов превенторы перекосило и плашки заклинило. Он быстро встал из-за пульты и резко поспешил выйти из кабины. Он чуть не забыл надеть каску на голову, которая была очень кстати в подобной обстановке. Всю буровую за-

ливало раствором сверху донизу. Оборванный шланг бился вверх и извивался подобно бешеной анаконде. Бурильщик уже легкой трусцой направлялся к лестнице вниз, как всю кустовую площадку трянуло еще раз. Теперь ударило где-то прямо под буровой. Металлоконструкции мачты заревели ужасным трескучим скрежетом. С земли было видно, как всю мачту качает в разные стороны с большой амплитудой. Растяжки, которые удерживали мачту, от воздействия ветра то напрягались с одной стороны до предела, провисая с другой, то наоборот. Одна из растяжек, не выдержав такого испытания на прочность, звонко лопнула, попав в лицо какому-то пробежавшему мимо человеку. Тот упал, кровь закапала на снег. Человек приложил к рассеченному лицу руку, потом отнял. Вся рука была в вязкой алой крови. Но человек не чувствовал боли, подгоняемый адреналиновым шоком, спасая свою жизнь. Он пока еще не видел, что одна сторона его лица превратилась в мешанину рваных кожаных лоскутов. Эрик узнал в этом человеке бурового мастера. Линдгард кинулся ему на помощь и внутренне содрогнулся, когда увидел, во что превратилось лицо начальника буровой. Тот же лишь нечленораздельно что-то мычал. От правого уголка его губ шла рваная рана через всю щеку так, что было видно оголенную кость нижней челюсти. Он упал на снег.

– Иван, вставай! – проорал ему Эрик прямо в ухо. – Надо идти! Вызывать МЧС, военизированную часть, черта лысого!! Но для начала надо просто убраться отсюда.

Иван, лежа на руках Эрика, протягивал свою руку куда-то в сторону буровой, мыча что-то, по ощущениям вопросительное.

– Судя по всему, они не смогли закрыть преверторы, вон, посмотри: бурильщик сбегает вниз по лестнице, пацины-помбуры уже за обваловкой, так что не все так...

Эрик не успел договорить. Под землей заревело так, что, казалось, сам Ктулху просыпается в этот момент. Прямо под буровой, там, где устье скважины, сначала однократно, высоко ударил фонтан брызг. Потом пошел пар, скрыв детали и размыв картину. Скважинная жидкость уже успела прогреться до достаточно высокой температуры. В следующий миг земля под буровой вздыбилась пузырем высотой около 3-х метров. Пузырь своими пухлыми боками деформировал тяжеленную систему ПВО – те самые преверторы, которые служили сейчас последним эшелоном, защищавшим буровую от настоящей катастрофы. А пузырь набух и взорвался, расплескивая вокруг острую каменную крошку пополам со льдом и снегом. Все люди как могли наклонили головы книзу, подставляя каменно-ледяному граду свои каски. Эрик попытался корпусом закрыть от осколков Ивана, который, обезумев от боли, мычал и корчился на его руках. Когда снежная завеса пополам с земляной взвесью осела, стало видно то, что раньше называлось системой ПВО из трех преверторов. Она теперь представляла собой смятые и покореженные металлические коробки.

Всем стало ясно, что с буровой нужно убираться как можно быстрее. Люди бежали за обволоку в относительную безопасность жилого лагеря. В это время два события произошли одновременно. Вдалеке на склоне вулкана что-то взорвалось, оставив после себя опадающее облачко белого снега, а от вершины горы пошел черный дым. В тот же самый момент многотонные массы скважинной жидкости под огромным давлением добрались наконец до поверхности. Превенторы больше ничего не сдерживали, и вся мощь подземной стихии прорвалась наружу. Гейзер выше буровой взметнулся в небо. Покореженные взрывом превенторы как фанерные коробки разметало в стороны. Большую часть растяжек, удерживающих буровую вертикально, оборвало, и мачта со скрежетом и адским скрипом рухнула на снег, подмяв под себя насосный блок и лебедку. Фонтан, бьющий из скважины и заливающий всю площадку липкими серыми каплями, нашел-таки где-то искру и в один миг вспыхнул ярким рыжим пламенем. Тут же загорелись ближайšie к буровой технологические блоки, и на площадке разразился настоящий огненный ад. Даже капли, падающие сверху, теперь горели. Они попадали на одежду бегущих людей, воспламеняя ее, заставляя бедняг падать в снег в попытке потушить стойкое нефтяное пламя.

Эрик тащил на себе ничего не понимающего, обезумевшего от боли и ужаса бурового мастера. Вот уже в нескольких метрах перед ним насыпь, за которой городок. Там есть

связь, и нужно срочно вызывать эвакуацию. Кто-то из бегущих людей помог Эрику перенести мастера по лестнице через обволоку.

Тем временем стихия только набирала обороты. И вот многострадальную площадку сотряс очередной подземный толчок. Вагон-офис, куда Эрик наконец затащил раненого Ивана, заходил ходуном. Замигал свет, а с полок по бокам начали падать папки с документами и книги. В это же время в вагон ворвались девушка – инженер по растворам и перепуганный, с бледным лицом супервайзер.

– Станиславич! – обратился Эрик к вошедшему супервайзеру. – Звони быстрее везде!

– Я уже, Эрик. Из своего вагона позвонил. МЧС в курсе. Сказали, не менее часа.

– Таня! – теперь уже Эрик обращался к девушке-растворщице. – Займись пока Иваном!

Девушка пробормотала что-то вроде «конечно», прошла к находящейся в кабинете аптечке и принялась разбираться с ее содержимым. Потом дала мастеру какого-то обезболивающего и стала бинтовать ему раны. От обильной потери крови мастер был без сознания.

Пока люди, сумевшие спастись от разыгравшегося катаклизма, сидели по вагончикам в ожидании эвакуации, бедствие только набирало силу. Эрик не мог просто сидеть сиднем, прикрывшись щитом неведения, спрятав голову в песок. Поэтому он нашел сравнительно безопасное место на

гребне обваловочной насыпи и смотрел на суровый, подсвеченный алым заревом горизонт. Там возвышалась громадина горы, уже всюду курившаяся черным дымом. Столбики дыма поменьше также пробивались на поверхность поблизости от вершины. С другой стороны, за спиной Эрика, высокий столб огня бил из земли на том месте, где вот только совсем недавно возвышалась новенькая буровая установка. Огнем полыхали уже и все периферические сооружения, обеспечивающие процесс бурения. Пламя облизывало и бока того самого активационного грузовика. Тут по небу прокатился громовой раскат, но теперь уже не такой неожиданный и шокирующий. Эрик вновь обернулся к горе. И увидел, что ее вершина взорвалась и прямо сейчас, чертя за собой угольные дымные следы, во все стороны разлетались камни. Красок в эту ужасную гамму природного гнева добавляли рыжие нити лавы, сначала протянувшиеся в небо под действием взрыва, а затем обильно начавшие стекать по склонам горы, плавя снег и размягчая саму породу.

Подземные толчки усиливались. То тут, то там пробегали искры от проложенной по лагерю электрической проводки. А огонь с буровой тем временем неуклонно пробивался к складу ГСМ – четырем большим цистернам по 60 тонн каждая. Эрик понял, что если все эти тонны топлива рванут, то их шансы на спасение будут стремиться к нулю. До расчетного прилета вертолетов оставалось еще порядка 40 минут, и Эрик, чтобы не поддаваться всеобщему унынию и панике,

насколько это было возможно, продолжал смотреть на набирающий силу хаос.

Гора раскалывалась во все большем количестве мест. Только сейчас к столбам черного дыма прибавилась еще и раскаленная рыжая лава, заливающая склоны, постепенно перекрашивая Сопку из черно-белой в алую. Из кратера снова плюнуло лавой и камнями, на этот раз гораздо выше, а обломки разлетелись, насколько Эрик мог видеть, до самого подножья горы. Небо все гуще затягивало черной мглой. Вкупе с пасмурной погодой это давало практически непроглядную смоляную черноту. Главными источниками света во всем этом аду были принимающая с каждой минутой все более inferнальный облик, облитая жидким пламенем гора и горящая буровая.

«А ведь вертолеты в таких условиях могут просто не долететь!.. Ну или отказаться лететь, что для нас, запертых здесь, без разницы», – подумал Эрик, глядя на весь это хаос. Он протянул ладонь внутренней стороной вверх. Какое-то время подержал и затем поближе поднес к глазам. Увидел то, чего боялся больше всего. На ладони мелкой черной угольной пылью лежал тот самый вулканический пепел. Он уже долетел до лагеря. А еще через пару минут, приглядевшись, можно было увидеть в горевшем пока искусственном освещении городка, как пепел танцует и кружится в небе, оседая на крышах вагончиков.

Спасительного далекого, но всегда узнаваемого грохота

вертолетных лопастей так и не было слышно. Пожар уже вплотную подошел к обвалованию склада ГСМ и в любую минуту мог перекинуться и поджечь цистерны. Положение людей, пойманных в огненном хаосе, становилось критическим. Вертолётов уже не было 20 минут сверх расчетного времени.

Эрик вспомнил, как разрушал странный подземный комплекс одной лишь своей волей, с упоением наблюдая, как из-под его власти пытаются спастись четверо людей. Те люди просто выполняли свою работу. Они расследовали убийство – занимались делом, успех которого был обречен. И все потому, что окружающий их мир работал немного не так, как они думали. А теперь Эрик был заперт в грохочущем огненном аду с такими же ни в чем не повинными людьми, точно так же просто выполнявшими свою работу. Карма? А может, проделки такого же награжденного силой входящего человека, только теперь объектом его куража стал родной мир Эрика? А сам Эрик стал его жертвой?

«Может быть и так. Я не исключаю, – с легкой горечью думал сам Линдгаард. – В конце концов, раз уж все постоянно твердят, что в этом мире за все приходится платить, это не может быть пустым звуком. А я, видимо, просто очередной, кто испытывает этот закон на своей шкуре. Что я могу сделать для этих бедолаг? Могу ли я сделать хоть что-то? Если так, то надо спать, а спать... Ну, серьезно, какой сейчас может быть сон?! – подумал Эрик с горькой усмешкой. – Тут,

как это ни банально звучит, спасти нас может только чудо!..»

Вокруг же все продолжали резвиться и куражиться пламя, грохот и пепел.

Глава 22

Наконец люди, несмотря на страшные подземные толчки и огонь, пожирающий все большие площади, начали выбегать на улицу из вагонов. Вертолеты с оранжево-синими бортами и звездой МЧС России были уже в зоне видимости, прорываясь сквозь застилающий небо пепел. Сначала один, а потом и второй, выполнив по лихому, совсем не гражданскому виражу, зависли над полыхающим кустом. Пилоты искали место для посадки. Дело в том, что предназначенная для этого площадка сейчас лежала в руинах, прямо сквозь нее прошла широкая трещина, расколов ровное асфальтовое полотно на кучу крупных булыжников. Буровая же площадка почти целиком была захвачена огнем. А в безопасной зоне жилого городка было слишком тесно, чтобы сесть пусть даже одному вертолету. Зависнув в черном небе над городком, они во все стороны расшвыривали лопастями пепел и прибивали к земле бушующее пламя.

Видимо, так и не найдя места для приземления, пассажирская дверь одного из вертолетов открылась, и оттуда спасатель в белом шлеме прокричал объявление, используя громкоговоритель:

– Сохраняйте спокойствие! Сейчас вам будут сброшены веревочные лестницы. По ним вы попадете на борт. Поднимайтесь спокойно, не спеша и по одному. Первыми на борт

поднимаются женщины. Пока по лестнице лезет один человек, другой держит ее снизу. Еще раз повторяю: делаем все спокойно, без суеты и паники! Это вопрос вашего же собственного выживания!

Вслед за его объявлением на борту второго вертолета открылась такая же дверь, и почти синхронно с бортов обеих машин были сброшены веревочные лестницы. Вертолеты зависли над землей так низко, как только смогли: на какие-то пару метров выше силовых кабелей, проходящих над лагерьем.

Работники начали подниматься. Первой на борт одного из вертолетов поднялась инженер по растворам Таня, за ней при помощи двух членов бригады к лестнице подвели раненого бурового мастера Ивана. Тот заверил всех, что сможет подняться на борт, и полез по лестнице вверх. Пусть не быстро, но зато довольно уверенно. Ощущения, что мастер сорвется, ни у кого не возникло. Люди выстроились в две очереди к обеим лестницам и в точности соблюдали указания, переданные по громкоговорителю. Эрик пока стоял на обваловке чуть в стороне, в отдалении. Людей в очередях было много, можно было не торопиться.

Была, правда, еще одна причина, по которой Эрик не спешил находиться под вертолетами. Уж очень ему не нравилось, как сильно под действием струй воздуха из-под лопастей изгибается и танцует пламя пожара. Танцует в критически опасной близости от склада ГСМ.

И поэтому Эрик, конечно, вздрогнул, но почти не удивился, когда одна яркая вспышка взрыва на миг осветила засыпанное пеплом небо. Одновременно со взрывом склада раздался оглушительный громовой раскат. Ближний к складу вертолёт качнуло ударной волной, а пилот, видимо, запаниковав, слишком сильно дернул штурвал в попытке стабилизировать машину. В результате поднимавшийся по лестнице человек не удержался, сорвался и с криком полетел вниз, падая на другого, держащего лестницу. Люди увидели, как один вертолет сильно накренился на один борт и своими лопастями попал между лопастями другой машины. Попал всего на краткое мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы вторую машину дестабилизировало, прокрутило вокруг собственной оси, ее лопасти погнулись и заклинили и она упала вниз прямо на очередь ждущих спасения людей. В падении вертолет зацепил хвостом соседа, и тот с дыркой в борту и пробитым баком взорвался прямо над городком. Все вагончики залило огнем. Люди корчились, раздавленные, с отрубленными лопастями конечностями, теряя последние крупицы рассудка вместе с жизнями. Кто-то сгорал заживо, превратившись в настоящий факел. Один из таких объятых пламенем людей, сойдя с ума перед смертью, как петух без головы, бегал кругами и махал руками. Другие падали в снег и крутились там, пытаясь сбить пламя, с каждой секундой все слабее, пока не замирали грудой горящих тряпок и мяса.

Эрик понял, что все пропало. С вероятностью 99 % он остался последним в живых, и его шансы спастись только что сократились до минимума. На кусту, пожираемом пламенем, делать было абсолютно нечего. Наоборот, следовало выбираться отсюда как можно скорее. Городок полностью сгорел. Пытаться дождаться других вертолетов? Но где гарантия, что они вообще прилетят? А если и прилетят, то сколько придется их ждать? Вокруг холод, укрыться негде. Единственную надежду на спасение Эрик видел в том, чтобы выбраться из этого полыхающего хаоса. Уйти и не останавливаться, ведь иначе замерзнешь. Но куда идти? Вокруг на многие десятки километров ничего, кроме замороженной тундры. Огонь перед ним превратил всю площадку в адский полигон. Не многим лучше ситуация была и по направлению к горе. Сопка уже извергалась вовсю. Толстенные, по виду даже отсюда, черно-рыжие дорожки магмы прокладывали свои русла по всему склону. Жерло клочкотало словно пасть дракона, выбрасывая в небо все новые и новые порции огня, пепла и дыма. Эрик не знал, что делать, он был близок к панике. Его мозг сотрясался от каждого нового подземного толчка. С каждым таким толчком мысли одна за другой покидали его голову, и скоро в ней уже не должно было остаться ничего, кроме тупого животного страха. Он не знал, что делать. Он был готов умирать.

Аня проснулась очень уставшая, с тяжелой ватной голо-

вой. Она лежала почти целый час, пытаясь понять, что происходит. Последнее, что она помнила, была почти осязаемая, очень сильная, горячая и упругая волна, которая вынесла ее куда-то прочь. Да, именно так. Несмотря на то что это был сон и твои пять чувств вроде бы не должны работать, Аня могла поклясться, что в полной мере все ощущала. Детали сна терялись и никак не припоминались в лабиринтах мозга, но то, как разметало ее сознание, растворило и разорвало на части, прежде чем вернуть в привычную действительность, Аня помнила четко.

Наконец она смогла притупить чувство потерянности в своей голове. Анна встала, долго и сладко потянулась и решила перейти к обычным утренним делам. Она умылась, сделала себе легкий завтрак, пошла в комнату, села на диван и включила новости. Конечно, это было не то, что девушка хотела сейчас смотреть, но, пощелкав каналы, она с удивлением для себя отметила, что эти самые новости сейчас полностью властвовали над эфиром.

И прямо сейчас ведущая говорила о чудовищной цепи землетрясений, поразивших Россию. Сообщалось, что первые толчки небывалой до этого мощи для 1/6 части суши были зарегистрированы на востоке страны, на Камчатском полуострове. Более того, прямо сейчас там разыгрывалось страшнейшее извержение местного вулкана, не проявлявшего до этого активности вот уже более 300 лет.

Аня сидела в шоке, слушая новостной выпуск. Она так и

замерла с бутербродом в руке, откусив всего лишь один раз. Придя в себя, девушка откинула крышку ноутбука, стоявшего тут же на столике. Она зашла на сайт какого-то русского канала и принялась смотреть онлайн-трансляцию. Не мудрено, что срочный новостной выпуск сейчас показывали и там. Подробностей было больше, и Анна узнала, что извержение вулкана – Ключевской Сопки, самого большого на Камчатке – началось этой ночью. Аккомпанировало извержению чудовищной, небывалой силы землетрясение. Далее землетрясения, чуть менее мощные, но все равно достаточно сильные и разрушительные, начали регистрироваться, словно по цепочке, по всей стране. Магадан, Воркута, Владивосток, Иркутск, Красноярск, Новосибирск и еще целый ряд городов. И это только самые крупные из них. Можно было сказать, что всю Россию трясло. И трясло прямо сейчас.

И тут Аня наконец-то вспомнила, что снилось ей сегодняшней ночью. Осознание ударило её в голову со звоном исполинского колокола. Потом защемило и перевернулось в груди. Было то самое чувство внезапной страшной невесомости, как будто бы ты резко срываешься в пропасть. Это чувство, когда человек понимает, что натворил что-то непоправимое и стал виной страшных событий.

Но ведь так должно было стать только с проекцией этого проклятого Эрика. Так или нет? Ведь именно так говорил Зенос, когда они обсуждали с ним план активации бомбы. А теперь выходит, что, судя по всему, она запустила какой-то

невероятно разрушительный процесс и в своем мире. У Ани не было сомнений, что невероятная сейсмоактивность, прямо сейчас разрывающая Россию, не могла быть простой прихотью природы.

Вот до чего довела ее месть, думала сейчас девушка. Она ведь просто хотела отплатить злему, психически больному маньяку, как представил его Зенос, а в итоге послужила катализатором чудовищного катаклизма, происходящего сейчас, возможно, во всех проекциях Земли.

Аня отправилась на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. В голове у нее уже созрел небольшой, во многом наивный план. Оказавшись на улице, она сразу направилась длинным путем к ближайшей аптеке. В Хельсинки было все как всегда: спокойно, процветающе и немного сонно. Стояла классическая финская погода – свинцовое пасмурное небо и крапывающий мелкий дождь. Дойдя до аптеки, Анна попросила несильное снотворное, отпускающееся без рецепта, и пачку успокоительных. Таким нехитрым образом девушка планировала гарантированно заснуть и потребовать ответов у Зеноса. Ей очень хотелось спросить, знал ли он сам о подобных последствиях, а если знал, то почему обманул или хотя бы не предупредил ее? Разумеется, она понимала, насколько наивным был ее план. Ведь как можно вызвать или внедриться в мир Зеноса, если он тот, за кого себя выдавал? Да, у нее все еще был этот талисман – усилитель, или что там это за вещица на самом деле? Но особой веры в нее у Ани не

было. Тем не менее она знала, что в таком состоянии вряд ли придумает что получше, а это была хоть какая-то, но все же схема действий. Она планировала еще немного погулять, поэтому дошла до одного парка и походила там. Немного успокоившись и приведя мысли в относительный порядок, Анна решила, что неплохо было бы сейчас побаловать себя какой-нибудь обновкой. Черт, а почему нет! Шопинг всегда отлично помогал при девичьем стрессе.

Аня зашла домой, когда на улице уже занимались сумерки. Бросив в коридоре три пакета из бутика – свою функцию они уже выполнили, – девушка прошла в комнату, зажгла свет и включила телевизор вместе с ноутбуком. Ей было чудовищно интересно, как же там разворачивается ситуация на ее исторической родине. Пощелкав каналы, выяснилось, что телевизор в этом вопросе слабый помощник, и поэтому Аня вновь обратилась за информацией ко всемирной сети.

Первым интересным сообщением, сразу приковавшим Анино внимание, была новость об экспедиции ученых, которые были направлены в район Ключевской Сопки – к очагу самого сильного землетрясения в стране. Самым странным было то, что ученые эти перестали выходить на связь спустя час после их высадки. И теперь в то же самое место направили уже военных вместе с МЧС, чтобы те разобрались, в чем же дело. Об этой новости сообщали сразу несколько порталов. Помимо этого, Аня узнала, что трясет по-прежнему лишь Камчатский полуостров. Отмечали при

этом, что магнитуда толчков стала постепенно уменьшаться. В других городах в это время все было уже более-менее спокойно. По крайней мере, новые очаги больше не регистрировались. Разрушения там были несильные, и число жертв совсем невелико. У Ани от этой новости сразу ощутимо отлегло от сердца. Но план свой она намеревалась исполнить по-прежнему, потому что тут уже было дело принципа и желание докопаться до правды.

Странно, но теперь Аня совсем не озадачивалась вопросами о своей вменяемости и правда ли все то, что с ней происходило последние несколько месяцев. Почему-то сейчас это ощущалось девушкой как совершенно нормальная и привычная часть жизни. А значит, не так уж сложно и невыполнимо будет во всем этом разобраться. Разумеется, имея должное желание.

За окном было уже совсем темно, и Аня, наскоро перекусив, перешла к десерту из таблеток. Приняла, как положено, ровно столько, сколько было предписано аннотацией. Потом сходила в спальню и взяла из выдвижного ящичка прикроватной тумбочки ту самую сережку в виде крестика, вписанного в круг. Аня надела сережку, и ей показалось, что та блеснула короткой синей вспышкой в отражении будуарного зеркала. Девушка до конца так и не понимала, как эта сережка оказалась у нее. Точнее, она помнила тот самый разговор с Зеносом, после которого он передал украшение. Но вот поверить до конца в то, что предмет из сна может стать

реальным и осязаемым, было сложно. Хотя если посмотреть на это с другой стороны, то появление у нее сережки могло служить неплохим доказательством того, что мир не так прост, как знает о нем большинство людей, и что она не сходит с ума.

Вернувшись обратно в зал, Аня приглушила свет и сделала звук телевизора потише. Уходить в спальню и готовиться к нормальному сну, каким люди обычно спят каждую ночь, сейчас представлялось ей невозможным. Плюс почему-то страшно. Она чувствовала, что может попасть куда угодно и что, очень может быть, придется действовать смело и быстро. А в этом случае ей хотелось бы, чтобы дома горел теплый свет, ее телу было бы комфортно под мягким уютным пледом и телевизор своим монотонным бубнением составлял какую-никакую компанию. Так она чувствовала себя защищённой. Созданный ею уют сейчас был якорем, крепко связывающим ее с родной реальностью.

Аня огляделась. В комнате горел мягкий теплый свет, телевизор и ноутбук работали и что-то тихо рассказывали. Страховка была сделана, а значит, можно было пускаться во все тяжкие. И девушка, уже чувствуя, как веки ее тяжелеют, опустила голову на подушку и закрыла глаза.

Аня оказалась на заснеженной равнине. Кругом царил почти непроглядный мрак, подернутый зловещими огненно-красными отсветами. С неба падал снег. Нет, погодите!

Снегом это было лишь на первый взгляд. Крупные серые хлопья, кружась, медленно спускались с неба. Несколько таких опустилось девушке на лицо. Она протерла его рукой и посмотрела затем на свою ладонь. Та была вся в грязно-серых разводах.

«Пепел!» – подумала Аня. Она неуверенно стала пробиваться вперед сквозь снежную равнину. Сугробы доходили ей почти до колен. Но усталости не было. Аня была в своем сне. Буквально через несколько шагов ей показалось, что впереди маячит и подергивается неровная серая то ли тень, то ли фигура. Аня ускорила шаг и пошла по направлению к миражу. Подойдя чуть ближе, стало видно, что это никакой не мираж, а настоящая фигура человека. И человек этот шел прямо ей навстречу.

Когда между ними оставалось не более десяти метров, Аня смогла наконец более-менее четко рассмотреть фигуру. Это был высокий мужчина в красной рабочей одежде с серыми светоотражающими полосами на голених и предплечьях. Точно такого же цвета полоса, только шире, проходила по центру груди на его теплой куртке. Несмотря на мороз, мужчина шел с непокрытой головой. Точнее, на голове не было шапки, вместо нее все волосы облепили те самые хлопья пепла. Казалось, человек очень устал. Он то и дело спотыкался в сугробах, чуть ли не падал. Но затем с помощью одной лишь воли собирался с силами, ловил потерянный баланс и продолжал упрямо идти. Только вот куда? Лицо муж-

чины было все в серых разводах. Непонятно было, то ли это копоть пожара, то ли просто таявший от тепла тела пепел. Или, может, то и другое? Глаза мужчины были прищурены. Ресницы то и дело смаргивали опускавшиеся сверху хлопья. Губы сжаты в тонкую упрямую линию, уголки рта опущены.

Аня наконец узнала мужчину. Это был тот самый разрушитель. Эрик. Аня сразу все поняла. И то, где она оказалась, и то, почему столько пепла вокруг, а также откуда эти странные огненные всполохи на небе. Эрик наконец поднял склоненную голову и тоже увидел Аню. Его левый уголок губ слегка искривился вверх в вымученной ухмылке.

– А, это ты, прекрасная незнакомка. Точнее, почему же? Я ведь знаю твое имя. Анна, не так ли?

– Да, так.

– Пришла добить меня? А этот с дредами где? Сейчас наблюдает за нами? Ты с ним на связи. Делайте уже скорей, что задумали. Обещаю, я даже сопротивляться сильно не буду, – сказал Эрик, с трудом ворочая губами. Однако, несмотря на это, силы на улыбку у него все-таки остались.

– С дредами? Вообще-то у меня был лысый. И теперь полагаю, что и у тебя тоже. Потому как все вот это, – Аня сделала круговой жест рукой, обводя окрестности, – как я теперь думаю, часть его плана.

– О чем ты? Какого еще плана?

Аня задумалась. Буквально на какие-то секунды. Затем выдохнула, решив все рассказать. А почему бы и нет, какого

черта! Вероятней всего, они оба просто-напросто были об­лапошены этими... Да какая разница кем!

– Я живу в другой стране, – начала Анна. – И вот как-то раз я решила проверить новости. Посмотреть, что там про­исходит в России. И сразу же мгновенно наткнулась на сооб­щение о страшном землетрясении, почти полностью разру­шившем Томск. Это, если что, мой родной город. Я там ро­дилась. Под разрушение попал район, где жили мои родите­ли. Я сразу же позвонила им, но никто не взял трубку. Тогда я уже понимала, что, скорей всего, случилось худшее. Вот только поверить в это и принять сердцем была еще не готова. Так или иначе, я взяла билет на самолет и полетела в Томск. Увидела все это собственными глазами. Таксист довез меня до того места, где стояла многоэтажка моих родителей. Те­перь на этом месте были лишь руины. Я все поняла. И при­няла. А еще, пока таксист вез меня к этим руинам, я отклю­чилась. Или заснула, не суть важно. Важно другое. В том сне я будто бы пережила сцену одного страшного убийства. И как мне позже рассказали, я видела преступление, которое совершил ты.

Аня указала на Эрика пальцем, в то же время не сводя с него глаз, изучая реакцию. Эрик стоял как вкопанный и не шевелился. Глаза были широко раскрыты. Видно было, что мужчина сейчас очень удивлен. А еще где-то там, в глубине его глаз, если посмотреть в них очень внимательно, можно было увидеть зарождающийся огонек понимания и осозна-

ния нового. А еще облегчение от долгожданного разрешения так долго мучившего вопроса. Вот только разглядеть это все сквозь пепел, смрад и снег было практически невозможно. Вот и Аня видела лишь неподдельное удивление.

– Да, совершил, – продолжала Анна, по-прежнему указывая пальцем Эрику в грудь, – и, кстати, расследованием этого убийства занимался один мой старый друг.

«Значит, это все правда! – подумал ошеломленный Эрик. – Я же сам наблюдал, как они сидели в том кафе и разговаривали! Значит, никакое это не мое воображение и все происходило на самом деле. Все эти странные люди из другого мира: тот с дредами, Тур... И Эмиль. Получается, я на самом деле убил его! Где-то там, в другом мире, Эмиля Ахвердиева больше нет. Вот, значит, почему он так изменился. Теперь понятно. Его просто стало меньше. Или не знаю, как еще сформулировать, но я это понимаю теперь. Я бы, наверно, тоже успокоился в таком случае. А может, меня тоже кто-нибудь когда-нибудь убивал? И это отразилось на мне. Переделало меня без моего ведома, чтобы теперь иметь тот характер, который я имею?»

Его размышления прервала вновь заговорившая Анна:

– А потом в очередном сне, так похожем на явь, ко мне явился этот лысый. Зенос – он представился мне.

Девушка сделала паузу, следя за реакцией Эрика. Тот прямо сейчас лихорадочно соображал. Ему нужно было подыграть девушке. Ведь она могла стать для него той самой спа-

сительной соломинкой. Точнее, настоящим прочным спасительным шестом. Она сейчас явно во сне. А значит, потенциально чудовищно сильна и может вытворять здесь все что угодно. Как выгодное для него, так и губительное. А интересует нас, ясное дело, первое. Умирать здесь Эрик не хотел.

– Не знаю никакого Зеноса, но мне являлся некий Карх. Он-то и рассказал мне, что я должен сделать.

– Что именно он тебе сказал и при чем здесь был этот несчастный – твоя жертва?

«А она далеко не дура! – подумал Эрик с некоторым зарождающимся уважением. – Да и дура не может так классно трахаться. Интересно, а она об этой нашей ночи вообще помнит?» Вслух же он сказал:

– Я думал, что это будет всего лишь симуляция. По крайней мере, так мне сказал тот дредастый. Он сказал, что они построят некий тренажер моих способностей. Они говорили, что я нужен им для какого-то важного задания. Что, мол, у меня очень сильно развиты способности входящего, но, чтобы им до конца понять насколько, мне нужно было пройти череду тестов. Когда я вызывал то самое землетрясение, я ни в коем случае даже не мог и предположить, что убиваю реальных, живых людей! Прости меня! – Эрик попытался придать лицу максимальную искренность и выражение раскаяния.

Анна же, прищуриив глаза, внимательно слушала его. Когда Эрик закончил, она после небольшой паузы наконец

негромко сказала:

– Допустим, – и слегка кивнула головой.

Эрик мысленно похвалил себя за отличную актерскую игру и сочиненный на ходу сценарий.

Тут внезапно в воздухе раздался дикий треск, как будто вокруг разом сломали тысячи сухих прутьиков. Запахло серой и сваркой. И с яркой синей вспышкой, будто от гигантской сварочной дуги, в нескольких метрах от них появилось черное, клубящееся дымом марево высотой чуть больше человеческого роста. По этому черному облаку пробежала и заискрилась сеть мелких молний. Облако заклокотало дымом сильней, и из него выпрыгнуло существо, напоминающее черного громадного дога. На собачьей голове точно так же вертикально вверх стояли уши. Только вот размерами зверюга была намного крупней даже самого маститого пса. И вдобавок ко всему на оскаленной блестящими зубами морде, пульсируя бирюзовым, горели два глаза.

Собака своими жуткими глазами изучающе посмотрела сначала на Эрика, потом на Аню. Долю секунды решала, на кого первого наброситься, а потом, припав коротко к земле, прыгнула в сторону Эрика, видимо, посчитав его более опасным. Эрик лишь вскинул руки и зажмурился. И тут, когда он уже готов был начать захлебываться кровью из разорванного горла, волна сокрушительной силы отбросила его в сторону. Эрик покатился по снегу, кувыркаясь и переворачиваясь.

Когда он остановился, оставив за собой порядочную по

длине борозду на снегу, то сразу, так быстро, как только смог, поднялся на ноги. Первым, что он увидел, была Аня. Эрик опешил и даже на мгновение забыл про атаковавшего его пса, поймав себя на мысли, как же девушка была красива в этот момент. Шапку сорвало с ее головы. Аня часто дышала. Ее грудь под пуховиком высоко вздымалась вверх и вниз. Растрепанные светлые волосы упали на левую часть лица, чуть приоткрытые губы покраснели. Эрик вытряхнул снег и пепел из одежды и посмотрел налево. Там лежала та самая ужасная собака и судорожно, мелко подергивала задней лапой. Один ее бок был измят и поломан. Под рваными краями искореженного черного металла были видны трубки и какие-то белесые пластиковые детали, залитые вязкой синей жидкостью. Вся эта мешанина искусственных внутренних частей время от времени искрилась. Бирюзовые глаза помигали несколько раз, затем потускнели и наконец полностью погасли. Киборг или андроид! С первого раза становилось понятно, что технологии здесь были явно не земные. По крайней мере, уж точно не из этой проекции.

Эрик подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть неземного монстра. Тот покоился на снегу грудой металлолома. Жуткий биомеханический конструктор дымился, истекая синим аналогом крови. Жидкость эта, выливаясь из разорванных белых трубок-артерий, капая с черных кусков брони, гелем застывала на снегу. Эрик повернулся в сторону Анны и посмотрел на нее невидящими округлившимися глазами. В

голове у него в тот момент стерлась и без того истончившаяся до предела грань между реальностью и вымыслом, между сном и явью. Молодой человек тяжело и часто дышал, изо рта его обильно шел пар, а на шее сквозь расстегнутый ворот пуховика было видно выступившую испарину.

Аня подошла к Эрику и ободряюще, но с некоторой издевкой похлопала его по плечу.

– Да расслабься ты, герой! – с ухмылкой сказала она. – Твои шансы на выживание с моим появлением существенно возросли.

– Так все-таки все это есть?

– Что это?

– Ну, все эти другие миры, измерения, проекции... Вся эта сила во снах? – Эрик понемногу собирался с мыслями и приходил в себя.

– Я думала, ты уже ответил себе на этот вопрос. Да, и, по моему, – Анна указала рукой на все еще дымящиеся остатки биоробота, – если это не прямое доказательство, то я уже не знаю, что тогда!

Они молча постояли какое-то время. Потом Эрик спросил:

– Так что ты здесь делаешь, зачем ты здесь?

Девушка слегка недоуменно посмотрела на него, а потом ответила, слегка вздернув бровь:

– А они ведь мне говорили, что ты третий калач в этом деле, а судя по всему, ты так до сих пор и не понял, как все

работает.

– А как? – немного растерянно спросил сбитый с толку Эрик.

– Так вот никто и не знает как! По крайней мере, я точно. Надеюсь, если честно, у тебя об этом поинтересоваться!

– Ну, тут я тебе ничего толкового не подскажу, – развел руками Эрик. – Все мои внедрения случались спонтанно. Не знаю, конечно, может, они и были кем-то подготовлены и спланированы, но уж точно не мной!

«Он либо чертовски хитер и придушивается, – подумала про себя Анна, внимательно изучая лицо Эрика, – либо действительно ничего не знает. С другой стороны, он ведь, похоже, и вправду крайне шокирован и изумлен происходящим. Можно даже сказать, испуган. В любом случае не стоит сейчас открывать ему правды о том, что эти чертовы кураторы, или кто они там на самом деле есть, способны контролировать момент внедрения. Несмотря на его состояние в данный момент, он может связать дважды два и начать подозревать, что я могу быть замешана во всем том, что сейчас происходит в его мире».

– Ты задумалась? – спросил Эрик, обратив внимание на то, что Анна как будто бы провалилась на мгновение в себя.

– Нет. Я всего лишь подумала, что тоже ничего не знаю. Возможно, сами эти, кто выходил с нами на связь, могут как-то управлять механизмом внедрения. По крайней мере, я не удивлюсь, если дело обстоит именно так, – решила схитрить

Анна, вспомнив, что самая лучшая ложь – это, как известно, недосказанная правда.

– Тш-ш-ш! – Эрик оборвал их милую беседу, резко подняв палец вверх.

Анна прислушалась и услышала едва уловимое шипение, как будто где-то далеко быстро испарялась вода. Потом спустя какое-то мгновение звук повторился. Только гораздо ближе и громче. Потом сразу раздались два шипения подряд. По ощущениям где-то совсем близко. А еще через мгновение багряное зарево извержения примерно в 20 метрах перед ними прорезали сразу две синие вспышки. Из образовавшихся порталов медленно и осторожно вышли два хищника. Одним из них была такая же огромная собака, которая принялась совсем как живая сильно втягивать носом воздух и с хищным оскалом отливающих металлом зубов вращать головой. Биоробот быстро обнаружил останки своего поверженного собрата. Пару раз явно принюхался, видимо, что-то анализируя, затем в упор посмотрел на замерших в ожидании Эрика и Анну и медленно принялся обходить их справа. Пока пес не спеша очерчивал свой полукруг обхода, у Эрика и Анны были секунды, чтобы рассмотреть второго их врага. Этот второй был таким же биороботом, сомнений не было. Но если моделью для первого послужил в основном волк, то второй был срисован с вымершей много тысяч лет назад на Земле-04 саблезубой кошки. Кошка эта была больше, массивнее, и создавалось такое впечатление, что выше классом,

чем ее партнер. Если последний сейчас просто медленно обходил сбоку, скалясь и сверкая синими глазами, то саблезуб словно излучал что-то. Воздух вокруг него вибрировал и извивался. Изредка над его переливающейся и тускло мерцающей шкурой-броней пробегали черные всполохи.

– Смотри, – тихо сказал Эрик, кивая в сторону кота, – видишь, этот как бы вибрирует. Скорей всего, защита.

– Угу, – так же тихо согласилась Анна. – Видимо, прислали за нами кого-то посильней после моего успеха.

– Легко тебе говорить! Ты-то просто проснешься в случае чего, а вот я...

Тем временем механические звери начали медленно и осторожно сокращать дистанцию, заходя с флангов. Волк шел полукругом справа, кот чертил такую же дугу слева. Звери шли медленно. Видно было, что прямо сейчас они, возможно, анализируют данные для максимально выверенной атаки. Останки сородича сообщили им, что лобовое нападение может закончиться для них так же плачевно.

Анна смотрела на черные всполохи и вибрацию воздуха возле шкуры кота. Интуиция подсказывала девушке, что это не просто так и оборону придется планировать и правильно подбирать воздействие. Те, кто послал эти машины, обязаны были знать, против кого их отправляют. Они, естественно, прекрасно знают о механизме вхождения и умеют ему противодействовать. Анна, учтя все это, забеспокоилась. А что если все не так просто и иногда проснуться нельзя? Бывали

же многократно случаи летаргических снов. Бывало еще, что люди просто внезапно пропадали среди ночи непонятно куда. И иначе как магией объяснить это никто не мог. Что если со снами все не так просто? И пробуждение ото сна вовсе не является фактом и аксиомой. Поэтому Анна решила, что союзник ей не помешает.

– Эрик, – решительно сказала она, – ты мне нужен.

– Что я могу?! – громким шепотом воскликнул Эрик. – Это ты сейчас спишь! Я-то в своем мире!

– Да какая разница! – громко сказала Анна. – Ты понимаешь, что если сейчас не поможешь, нас просто разорвут?!

Эрик вспомнил эксперименты в своем мире, когда все закончилось его разговором с Кархом. Тогда после разговора Эрик проснулся в своей постели и был убежден, что все его предположения о возможностях своей силы – это всего-навсего бред. И ничего подобного в мире вообще не существует. Но вот она, Аня. Она говорит о тех же людях, что видел он, может делать то же самое, что делал он, тогда получается...

Тогда получается, что все это есть.

Эрик выступил вперед, отводя девушку рукой за спину.

– Бери пса, – сказал он, – кошка на мне.

– Давай-ка наоборот! – запротестовала девушка. – Кот явно сильнее, а у меня возможностей больше. Поэтому давай-ка, наоборот, ты бери собаку.

Пока они спорили, два биоробота продолжали медленно

сокращать дистанцию. И вот когда между ними и парой людей оставалось порядка 10 метров, саблезуб, совсем коротко и быстро присев, прыгнул вперед. Анна среагировала быстрее. Пока Эрик в замешательстве смотрел на пса, готовясь переключиться на него, девушка сделала шаг в сторону и, выбросив вперед руку, попыталась сразить саблезуба в воздухе телекинетической волной. Но кот, чей бок должно было смять и разорвать, лишь окутался на миг своей странной черной материей будто чернилами. Волна обогнула его, не причинив никакого вреда, а лишь взметнула ворох снежинок вокруг синтетического корпуса. Однако удара девушки все же хватило, чтобы саблезуб не долетел до своей цели. Вместо этого он упруго, словно настоящая кошка, приземлился на лапы в нескольких метрах от людей. В это время, увидев, что напарник пошел в атаку, и получив от него незримый приказ, пес уже бежал, наступая с другой стороны. Металлические зубы его блестели в страшном оскале.

Эрик же оказался, пожалуй, в самой уязвимой позиции, какую только можно было себе представить. Он стоял прямо между двумя киборгами. Кот уже присел для нового прыжка, в то время как пес бежал прямо на Эрика, немыслимо быстро сокращая дистанцию. Эрик выбросил обе руки вперед по направлению к псу, и тот резко остановился, подняв за собой ворох снега. Он словно ударился в невидимую стену. Если бы на его месте была живая собака, она непременно сломала бы шею от такого удара. Но пес лишь неестествен-

но выгнул голову, показывая свою морду Эрику в профиль и яростно сверкая синим глазом. Эрик поднял напряженные руки, и тяжелая собачья туша оторвалась от земли. Тем временем саблезуб снова прыгнул. Расставленные в стороны лапы с выпущенными длинными когтями готовы были мертвой хваткой вцепиться в Эрика, а острые клыки – подписать смертный приговор. Но Линдгаард, словно чуя это, резко развернулся, все так же удерживая перед собой вытянутые руки с расставленными и скрюченными пальцами. Собака, которую эти пальцы удерживали в невидимом плену, развернулась вслед за движением Эрика. Две смертоносные машины с чудовищной силой, переданной им их же инерцией, столкнулись в воздухе. Кот, не успев остановить размахнувшуюся лапу, погрузил когти глубоко в собачий бок. Саблезубый же его клык, к удаче молодых людей, по самую челюсть вошел псу в глаз. Комок синтетических тканей рухнул на снег, взметнув вверх белые хлопья. Саблезуб очухался первым. Он вытащил когти из ребер товарища и как можно аккуратней медленно вынул из глаза пса свой клык. Но и пес не был повержен. На нетвердых подрагивающих лапах он с трудом, но все же смог подняться и теперь стоял, в то время как из его растерзанных ребер толчками выливалась синяя жидкость, застывая на морозе.

Киборги немного отошли. Они не спешили со следующим нападением. Машины эти явно обладали интеллектом и теперь тщательно продумывали следующую атаку. Звери пере-

глянулись. А затем саблезуб потряс боками в стороны, будто отряхивался от воды. От спины его после этого отделилось несколько длинных пластин, соединенных тонкими гибкими прутками. Затем одним резким взмахом, подобно вееру, эти пластины раскрылись в два сверкающих металлом крыла.

– Аня, огонь! – скомандовал Эрик. – Пока эта тварь не взлетела!

– Но почему?!

– Потому что! – рявкнул Эрик. – Животные боятся огня.

Последняя его фраза прозвучала не шибко уверенно, но действовать надо было быстро. Поэтому Анна, не став тратить время на споры, приготовилась к бою. Не сговариваясь, пара молодых людей ударила по киборгам самой настоящей гудящей струей огня. Казалось, что механическим отродьям сейчас противостоит настоящий дракон.

– Хватит! – выкрикнул Эрик.

Он и Анна прекратили атаку. На снегу грудой обугленной стали лежала и дымилась собака. Синяя жидкость, кое-где льющаяся из нее, горела зеленоватым пламенем, придавая теперь уже металлолому потусторонний вид. А вот кот просто закрылся крыльями как щитом и был невредим.

– Аня, еще раз, готовься! – продолжал командовать Эрик.

Но саблезуб понял, что его сил не хватит, чтобы одолеть этих двоих. Поэтому он быстро и высоко оттолкнулся от земли, пару раз ударил крыльями и в мгновение ока оказался в недосягаемости.

– Я за ним не полечу, даже попробовать не буду, и не про-
си! – громко сказала Аня.

Эрик ничего не ответил, вместо этого он наблюдал за полетом твари. Та, набрав нужную высоту, теперь кружила над ними с высокой скоростью. На несколько секунд саблезуб пропал из виду, увеличив радиус, потом снова вернулся. Эрик подумал, что тот оценивает театр боевых действий. После того как киборг облетел над людьми еще несколько раз, он издал пронзительный полурык-полурев, а из его спины выдвинулась короткая антенна. Маячок на ее конце стал мерно мигать синим. Вскоре после этого Эрик и Анна с ужасом увидели, как в небе, сине-зеленым мерцанием обозначив свои границы, открылся очередной портал. А вслед за ним еще и еще один. Порталы стали открываться по всему периметру облета саблезуба.

И тут откуда-то справа из марева и пепла с электрическим жужжанием воздух прорезала яркая желтая молния. Она ударила в стремительно летящего по небу кота, окутав того множеством желтых искр. Крылья киборга замерли в неестественном изломе, и он рухнул на землю. Из мглы в это время вышла высокая фигура в длинном тяжелом плаще, отороченном черным мехом. В левой руке у вновь прибывшего был короткий фигурный молот, светящийся янтарем. Гигант прошел мимо Эрика и Анны, и Линдгаард тут же узнал рыжую копну густых волос своего недавнего знакомого.

Тур обернул свой молот в руке, тот поменял цвет на темно-фиолетовый. Затем великан направил свое оружие в пытавшегося подняться кота. Молот загорелся ярче, заискрился и выпустил в киборга тугой сгусток электричества. Темно-фиолетовая шаровая молния с шипением врезалась в биоробота. Тот поднялся, присел для броска, но все его тело полыхнуло фиолетовым и в следующий миг взорвалось, заливая Эрика, Анну и Тура синей жижой и расшвыривая вокруг клочки синтетической материи.

Эрик с Анной ошалело переглянулись. Девушка была, мягко говоря, впечатлена.

– Насколько же ты чертовски вовремя! – бросился Эрик к гиганту. – Познакомься, Аня, это...

– Сейчас не время! – пророкотал громовым басом Тур, перекрикивая шипение и гул готовых вот-вот открыться порталов.

Он еще раз крутанул в руке молот, на этот раз тот загорелся зеленым. Тур встал в центр круга порталов и по одному стал быстро указывать на каждый из них своим молотом, каждый раз поворачивая тот в руке на 90 градусов. И когда из некоторых врат уже вылазили морды таких же котов, собак и, казалось, других зверей, Тур поднял молот высоко над головой и резко рванул вниз. Одновременно с этим его движением высоко с небес в каждый из порталов ударило по толстой зеленой и ветвистой молнии. Несколько секунд молнии били в порталы. Места соударения энергий озарили

все вокруг вспышками очень яркого света. А спустя еще миг так же резко погасли. Никаких порталов и молний больше не было. Вместо этого темноту ночи лишь слегка развеивало зарево далекого пожара.

– Тур! Может быть, ты объяснишь нам, что здесь происходит и что все это значит?! Какого черта?! Что это за зверюги?! Почему они хотят нас убить?! Откуда и что это за чертово землетрясение?! И да, разумеется, спасибо огромное, что спас нам жизнь! – поблагодарил гиганта Эрик, вспомнив-таки о порядочности.

Тур молчал. Затем он долго и внимательно посмотрел на Анну и медленно проговорил:

– Откуда землетрясение, говоришь?..

– Да! – быстро продолжал Эрик. – Оно и все остальное.

– Подожди-ка! – и с этими словами Тур чуть ли не ткнул Эрика в лицо своей гигантской выставленной ладонью. Видимо, этот жест обозначал призыв подождать не только на Земле.

После этого гигант достал откуда-то из-под плаща маленькое устройство, очень напоминавшее земной мобильный телефон, и приложил его к уху. У виска под рыжими волосами, прямо под кожей часто замигал зеленый кружок. Телефон отвечал в такт этому миганию таким же зеленым цветом.

– Отец. Приветствую, – забасил в трубку Тур. – Я нашел их. Да, спас. ЧТО? Ты точно уверен? А девчонку куда?

Недолгая пауза, затем гигант сказал:

– Конечно, хорошо, отец.

– Послушай, ты, не знаю, как тебя зовут, – обратился Тур к Ане, нависая над ней огромным утесом. Девушка едва доходила ему до груди.

– Аня. Спасибо вам. А как зовут вас?

– Я Тур. Но это сейчас не важно. Сейчас я и твой знакомый уйдем. Но ты не волнуйся.

Тур коснулся огромной рукой ее щеки и шеи, и за волосами девушки что-то тускло вспыхнуло. Анна удивилась, насколько теплой, можно даже сказать, горячей была рука гиганта. А ведь была эта рука без перчатки на изрядном морозе! Сама Аня, естественно, не чувствовала холода, так как была во сне. Но тепло руки Тура все равно каким-то образом ощутила.

– Сейчас мы с твоим знакомым уйдем, – продолжал Тур, – ты же не бойся и не волнуйся, вскоре после нашего ухода ты проснешься у себя дома как ни в чем не бывало. С тобой пока все.

– Стоп! Стоп! Мы с тобой?! Уйдем? Куда это?! – вмешался в разговор Эрик. – Может быть, для начала ты снизойдешь до простых смертных и объяснишь нам, что вообще здесь происходит?! Аня вообще-то тоже рисковала здесь жизнью!

– Она ничем не рисковала, уверяю тебя. Сейчас не до этого, нам нужно уходить. Энергии на отражение следующей волны вторжения у Мьёльнира может и не хватить.

– Да куда уходить-то??! – закричал Эрик.

После чего Тур, ни слова не говоря, повесил своей левой рукой в красивой перчатке молот на специальное крепление под плащом на поясе. Затем он взял Эрика этой же рукой. Линдгаард дернулся и вскрикнул.

– Легкая инъекция успокаивающего, – весело сказал он, – а то что-то сильно ты разволновался. Выбора у тебя нет. Либо со мной, либо тебе конец.

Сказав это, Тур снова достал свой коммуникатор. Колечко на виске на этот раз замигало каким-то салатным, и через несколько секунд Тур сказал, глядя вверх:

– Хеймдал, все готово. Открывай. Да, черт возьми! Биврест! Распоряжение отца, – и убрал коммуникатор обратно под плащ.

Лица стоящих под снегом людей и одного не совсем человека озарило радужное сияние. Вокруг них в радиусе нескольких десятков метров стало светло как днем. Снег переливался, кружась в сверкающем радужном семицветии. Было видно, как снежинки падают все медленней и медленней. И вот они остановились полностью, застыв в воздухе искрящимися бусинами. Эрик оглянулся на Аню. Светлые волосы девушки застыли, чуть приподнятые последним легким порывом ветра. В свете радуги они выглядели словно у сказочной принцессы. Остановка времени коснулась и ее тоже. На щеках играл румянец, а в синих глазах застыло восхищение от увиденной картины волшебной иллюминации.

– Нам пора, приготовься, – сказал Тур, крепче сжимая ру-

ку Эрика.

Еще миг – и они исчезли. Пропали. Пропала и Анна, и волшебный радужный свет. Время вновь тронулось вперед. Снег снова принялся неторопливо падать. А суровую ночную тайгу продолжало освещать огненное зарево.

Эпилог

Звук каблучков гулко отдавался по коридору. В этот час в ПНД им. Курчатова было тихо и малоллюдно, как, впрочем, и всегда, за исключением часов посещения, которые уже давно закончились. Каблуки смолкли, потому что немолодая, но красивая и ухоженная женщина с образцовой осанкой и в лаконичном сером плаще остановилась возле окошка приемной.

– Здравствуйте, – обратилась она к женщине в белом халате за стойкой, – Мария Линдгаард.

– Часы посещения закончились, – не здороваясь и не отрывая головы от сканворда, ответила женщина.

– Я к сыну. Есть договоренность с вашим главным врачом, – спокойно и негромко сказала Мария.

– Юрия Викторовича сейчас нет, а часы посещения закончились, – ответила женщина с легко уловимым раздражением, оторвавшись от своего сканворда и выпучив глаза, поглядела на Марию.

– Это не проблема. Я могу ему позвонить, – Мария открыла сумочку и достала оттуда сотовый.

Женщина в халате, увидев, что длинные пальцы действительно вот-вот наберут какой-то номер, быстро проговорила:

– Хорошо, проходите, думаю, знаете куда.

– Да, знаю. Кто сегодня дежурит?

– Рукосуев Антон Николаевич.

– Спасибо, – сказала Мария, и каблуки вновь застучали, эхом разносясь по пустым коридорам.

Поднявшись по лестнице на третий этаж, женщина свернула направо, открыла большие двустворчатые двери. Двери эти были старые, из дерева, и окрашены простой белой краской, которая уже облупилась во многих местах. Пройдя в них, Мария оказалась в длинном коридоре. Из окон по правую сторону лился яркий предзакатный оранжевый свет. Каменные плитки пола блестели и бликовали в его лучах. Свет расходился из окон конусами. И было видно, как в тех конусах медленно кружится пыль. Мария выдохнула, немного постояла, а затем уверенно с той же идеально ровной осанкой двинулась прямо по коридору. Каблуки снова мерно застучали по полу. Чуть вдалеке слева открылась белая дверь, и оттуда вышел невысокий рыжеватый мужчина средних лет в белом халате и белой же шапочке. Мужчина узнал приближающуюся фигуру и кивнул. Мария подошла к доктору и с легким кивком головы сказала:

– Здравствуйте, Антон Николаевич.

– Добрый день, Мария Эдуардовна, как вы?

– Ничего. Спасибо. Я пришла к Эрику. Как он? Можно его увидеть?

Доктор Рукосуев вздохнул и отвел глаза, поглядев куда-то за окно.

– Боюсь, Мария Эдуардовна, и в этот раз я не смогу вас

порадовать хорошими новостями. Пройти к Эрику, конечно, можно, но ничего нового вы там не увидите.

– Ничего страшного, Антон Николаевич. Я просто хотела бы увидеть сына.

– Конечно, конечно! Я понимаю, пойдемте.

И они пошли дальше по коридору. В самом его конце возле стены Рукосуев открыл дверь и жестом пригласил Марию войти.

Женщина снова оказалась в до боли знакомых покоях одиночной палаты. Прямо напротив двери было окно с наполовину задвинутыми темными шторами. В углу слева находился небольшой белый столик с вазочкой и букетом цветов в ней. У противоположной стены стояла кровать и многочисленное оборудование вокруг нее. На кровати лежал укрытый до груди белоснежной простыней красивый молодой человек. Глаза его были закрыты, а грудь мерно вздымалась вверх и вниз в такт дыханию. Рядом на мониторе можно было увидеть, как по черному экрану, ритмично рисуя пики и провалы, бежит зеленая линия, отображая сердцебиение пациента. На голове у лежащего был надет мягкий шлем, сплетенный из многих нитей и датчиков.

– Он так же стабилен. Мы точно так же очень пристально за ним наблюдаем. Однако в сознание он так ни разу и не приходил. Но вы сами понимаете, что, как только это случится, вы будете первая, кто об этом узнает.

– Конечно, Антон Николаевич, я понимаю. Спасибо, – ти-

хо сказала Мария, глядя на сына. И доктор заметил, как ее холодные и грустные зеленые глаза потеплели. А еще в них в очередной раз умерла крохотная, едва видимая надежда.

– Хорошо, что вы пришли сегодня, Мария Эдуардовна, потому как у меня все же есть какие-никакие новости касемо вашего сына. Сегодня, когда я утром просматривал его ночную энцефалограмму, я отметил ранее небывалую мозговую активность. Таковую, которая бывает у абсолютно здорового, а что самое интересное, у бодрствующего человека. Это ключевой момент. И в то же время самый непонятный. Эрик, конечно, и до этого приносил нам много сюрпризов и, можно сказать, сенсаций, но сегодня было что-то кардинально новое.

Мария криво усмехнулась.

– Но тем не менее он до сих пор без сознания вот уже почти как год.

– Да, но после сегодняшних данных есть надежда. Точнее... Не буду вас обманывать или обнадеживать, но это хоть какое-то изменение. Сдвиг с мертвой точки, если хотите.

– Но ведь у него и до этого были всплески мозговой активности, которые вы всякий раз отмечали как «невиданные» и «небывалые».

– Да! Но никогда не было таких, как у человека бодрствующего! Для науки это... – доктор осекся. – Извините. Я понимаю, что вам сейчас вообще не до науки.

– Ничего-ничего! Продолжайте.

– Мы каждый день регистрируем мозговую активность Эрика. И по всем результатам его мозг работает как у полностью здорового человека, живущего полной жизнью. Можно даже сказать исходя из этих данных, что жизнь он проживает очень яркую и насыщенную!

– Доктор, вы что, смеетесь надо мной? – с горькой усмешкой спросила Мария. – О какой жизни вы говорите?! Мой сын, считайте, целый год овощем лежит на вашей больничной койке!

Женщина указала пальцем с красивым маникюром на мирно лежащего Эрика. Видно было, как ее рука нервно подрагивает. Антон Николаевич в ответ на это тяжело вздохнул и, разведя руки в стороны, сначала отвел взгляд, а затем с болью в глазах посмотрел на Марию.

– Мария Эдуардовна, – мягко и тихо сказал он, – у меня самого две дочки. Как отец я вас прекрасно понимаю. То, что произошло с вашим сыном, ужасно и невыносимо. Я бы врагу не пожелал испытать подобное. И мне искренне жаль вас. Все, что я хочу сказать, – это то, что благодаря этим чудовищным обстоятельствам науке выпал невероятный шанс разобраться в работе нашего мозга на совершенно новом уровне. Уровне, который нельзя было предположить даже в самых смелых фантазиях.

Смысл сказанных доктором слов доходил сейчас до Марии очень отдаленно. Она почти не слушала Рукосуева, ведь он в очередной раз пел ей ту же самую старую песню о науке

и, как и все разы до этого, ничего не говорил о шансах самого Эрика выйти из комы.

Антон Николаевич продолжил свою горячую речь о том, как волею случая ее сын стал локомотивом мировой нейробиологии. В то время как она сжимала легкую и тонкую руку сына в своей и всматривалась глазами, подернутыми пеленой слез, в его серое, такое спокойное сейчас лицо. И, как и всегда во время своих визитов, в тысячный раз прокручивала в своей голове ту самую ночь, после которой Эрик заснул и больше не просыпался.

Тогда он пришел к ней. Был уже поздний вечер. С порога мать сразу же увидела мрачную тень на лице сына. Живые, умные и яркие глаза его были полны горя и усталости. Она уловила это в них по самому первому взгляду, несмотря на то что Эрик тогда вообще старался как можно меньше встречаться с ней взглядом.

– Что-то случилось, сынок? – осторожно начала она. – Ты так неожиданно... Даже не позвонил.

– Эх, мама... – Эрик поднял голову кверху и выдавил из себя подобие улыбки. Улыбка получилась горькой и печальной.

– Случилось, да... – продолжал он. – Тебя как всегда не проведешь! С чего бы начать... В общем, сегодня застал Марину с другим...

Мария Эдуардовна после этих слов даже прикрыла рот ладошкой, так что на ее лице остались видны только огромные

округлившись глаза.

– Мальчик мой!.. Вы же с ней должны были пожениться через месяц! О Господи! – было видно и слышно, как всегда сдержанная, а кто-то бы даже сказал, холодноватая Мария Линдгаард сейчас была вне себя от шока.

– Да, вот так! – развел руками Эрик и выдавил из себя еще одну кривую улыбку. – А ехал я домой, чтобы поделиться с ней другой интересной – в кавычках – новостью. О том, что наш проект по многоствольному заканчиванию, над которым я вот уже черт знает сколько работал, внезапно пошел по п... Ну, ты поняла. И обвиняют во всем меня. Сегодня директор недвусмысленно дал понять, что дальше нам будет не по пути. М-да... И я хотел поделиться этим с ней!

– Мой дорогой! – сказала Мария Эдуардовна, подходя и обнимая сына. – Ну, подумаешь, проект!.. Пошли лучше поедим, выпьем чаю...

– Да какой чай, мама! Там при первых же испытаниях погибло два человека. Там рисуется уголовная статья!

Опешившая Мария при этих словах снова закрыла рот ладонью, а в ее глазах отразился самый настоящий ужас.

– Я прямо сейчас позвоню твоему отцу. У него, помнится, был неплохой адвокат, – сказала она, взяв себя в руки после недолгой паузы.

– Да-да... позвони, конечно. А я прямо сейчас почему-то очень хочу спать, – тихо сказал Эрик и прошел в свою старую детскую комнату.

Мария слышала, как он разделся. Негромко прошелестело покрывало, после чего с легким скрипом матрас прогнулся под давно уже не ночевавшим на нем Эриком. Матрас помнил его мальчиком, потом долговязым костлявым юношей, даже стройным молодым человеком. А теперь принял на себя взрослого, тяжелого как телом, так и душой мужчину.

Буквально через несколько минут Мария зашла в комнату сына, чтобы пожелать ему спокойной ночи, но Эрик уже крепко спал. Тогда женщина склонилась и тихо поцеловала его в лоб. Тогда она еще не знала, что разговаривала с сыном в последний раз.

Доктор Рукосуев тем временем все продолжал говорить. О том, что не стоит отчаиваться, что в любой момент Эрик может проснуться и что Мария, естественно, узнает об этом первой. Говорил также и о том, что жизненным показателям и умственной активности ее сына может позавидовать любой. В общем, все то, что она слышала уже сотни раз до этого. Она отпустила руку Эрика и посмотрела на доктора. Ничего нового не произошло и в этот день, и можно было уходить.

После формального прощания каблуки вновь застучали по коридору, постепенно стихая. Доктор Рукосуев слушал удаляющиеся шаги и смотрел на Эрика, думая о чем-то своем.

Вдруг внезапно энцефалограф высоко пискнул, сообщая об изменении записываемых показателей. Антон Николае-

вич тут же метнулся к компьютеру и пошевелил мышкой, выводя тот из спящего режима. Три графика в программе аппаратуры бешено скакали вверх и вниз. Доктор щелкнул мышкой, приказывая машине выводить на печать дальнейшие наблюдения, и из принтера поползла лента энцефалограммы. Пульс Эрика также подскочил. Об этом сообщил тревожный сигнал кардиомонитора, к которому тот был подключен.

«А вот это уже кое-что необычное», – подумал Рукосуев и быстро подошел к Эрику. Он взял своего пациента за запястье, проверяя пульс. Убедился, что тот действительно сильно участился и приборы не врут. Другую руку он приложил ко лбу Эрика. Лоб был сухой и горячий. Прямо сейчас температура Линдгаарда очень быстро ползла вверх.

В то время как доктор прикидывал в голове свой дальнейший алгоритм действий, в палате моргнул свет. Один раз. Затем несколько раз заморгал часто. Затем погас на несколько секунд и снова зажегся.

Рукосуев бросился за шприцом и нужной ампулой в соседний кабинет. Он совсем не заметил, как за окнами в это время сгустились тучи и первые молнии прорезали небо. Со шприцом в одной руке и набором ампул в другой Рукосуев быстро вернулся. В палате ярко-ярко горел свет. Казалось, все лампочки светили ярче минимум в два раза. Все медицинские приборы, к которым был подключен Эрик, громко пищали, перекрикивая друг друга в отвратительной какофонии. Гром гремел снаружи. Оконные створки в палате с

грохотом распахнулись. Стекла разбились от резкого удара створок о стены. Но самое страшное было то, что тело пациента доктора Рукосуева – Эрика Линдгаарда – сейчас сотрясали крупные чудовищные судороги. Пульс его, отображенный на мониторе зеленой линией, скакал вверх и вниз бешеным галопом. Принтер продолжал выплевывать энцефалограмму, экстремумы графика на которой не вмещались в узкую полоску бумаги. Доктор замер, но лишь на мгновение, мозг его лихорадочно пытался найти решение. И вот он ногтем дрожащего пальца со второго раза подцепил-таки защитную металлическую полоску на ампуле с адреналином. Обливаясь потом, предельно сконцентрированный, он медленно попал иглой шприца в резиновый пяточок ампулы. Набрал шприц, выпустил воздух...

И тут все закончилось.

Свет стал гореть как обычно – не ярко и не тускло. Даже ветер за окном, казалось, стих. Но самое страшное было то, что графики на приборах жизнеобеспечения перестали плясать и теперь бежали вперед ровными линиями под аккомпанемент длинного писка. Тело Эрика больше не трясло. Рукосуев, дрожа всем телом, согнулся, приближая ухо к губам своего пациента. Постоял так около минуты. Дыхания не было. Судя по все показателям, Эрик Линдгаард был мертв.

В оформлении обложки использовалось фотография со следующего ресурса (бесплатный сток): <https://pixabay.com/>

[photos/france-thunderstorms-lightning-2658990/](#)